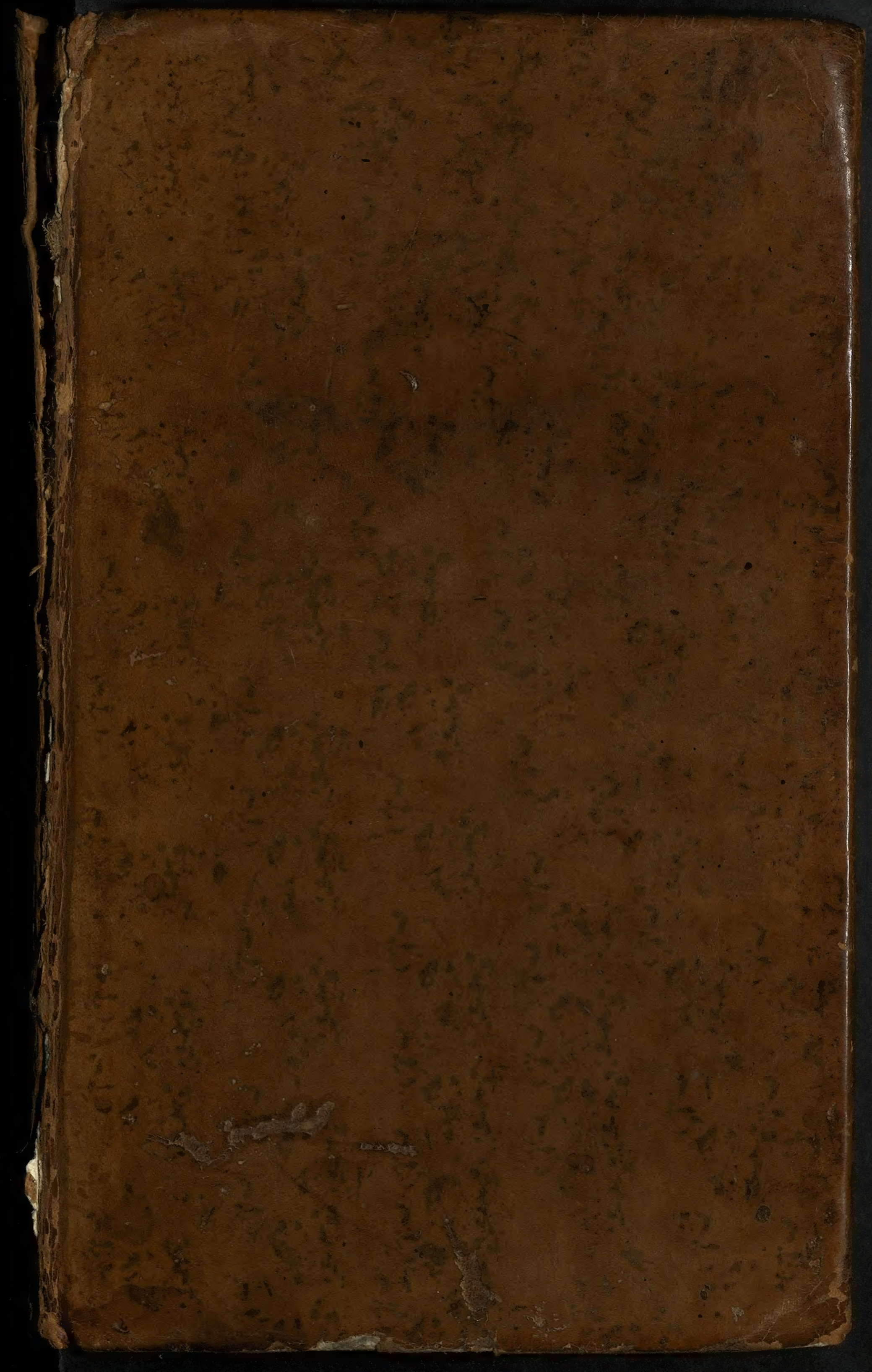
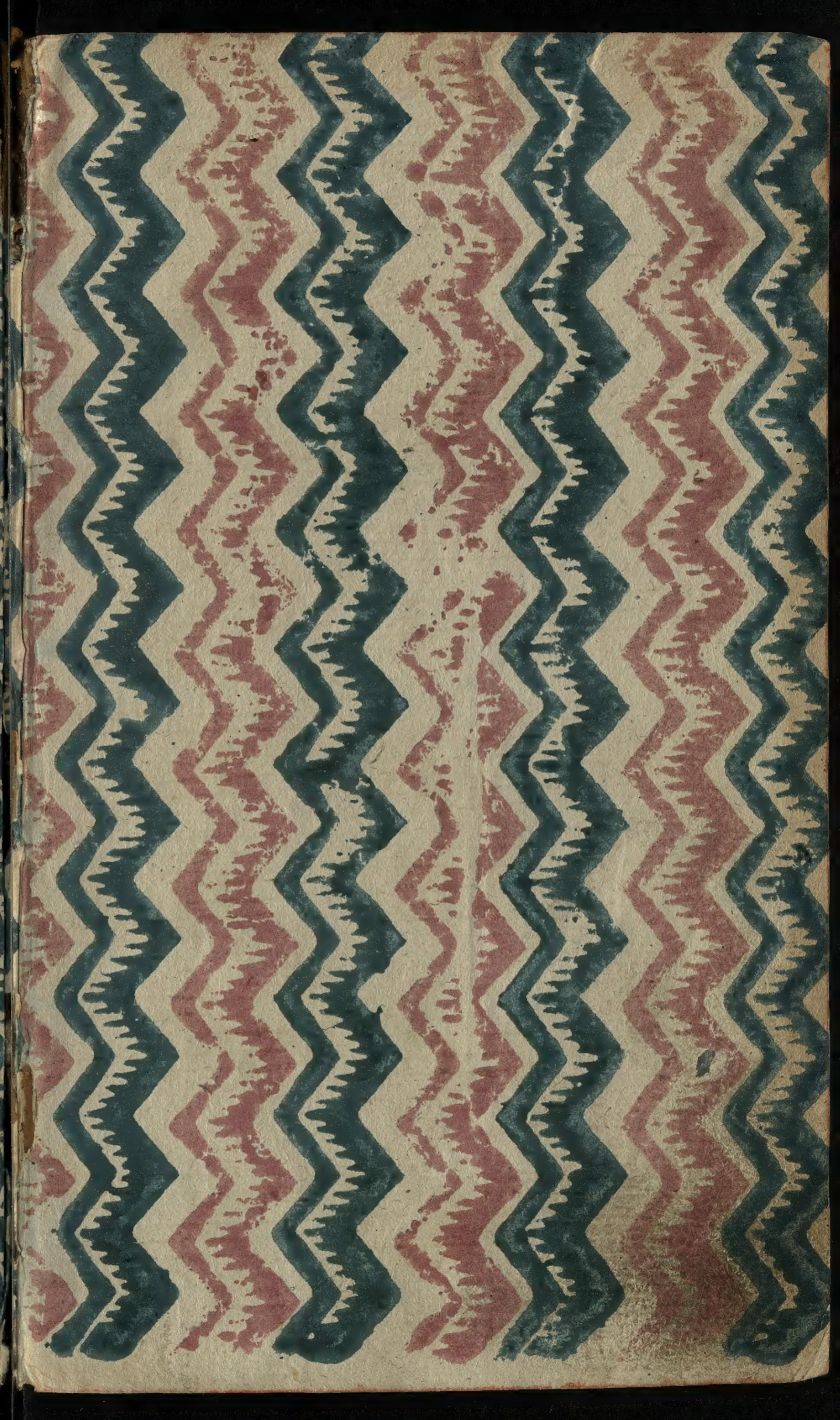

БЛАЖЕННАГО АВРЕЛІЯ АВГУСТИНА ИППОНІЙСКАГО ЕПИСКОПА ИСПОВѢДАНІЯ,

ЗАКЛЮЧАЮЩІЯСЯ

ВЪ ТРИНАТЦАТИ КНИГАХЪ.

Изъ которыхъ онъ въ десяти первыхъ книгахъ описывая жизнь свою отъ самаго младенчества до обращенія своего въ Христіанскую вѣру, исповѣдуетъ искреннимъ сердцемъ Богу, а устами и перомъ человѣкамъ все явныя и тайныя согрѣшенія свои, дабы чрезъ сіе человѣческая душа, во грѣхахъ спящая, возбуждалася отъ сна отчаянія къ Богу, не хотящему смерти грѣшника; а въ трехъ послѣднихъ толкуетъ Священное Писаніе отъ *начала*, въ которомъ сотворилъ Богъ небо и землю, даже до *покоя субботы* невечерней.

ПЕРЕВОДЪ съ ЛАТИНСКАГО.

МОСКВА.

Въ Типографіи Компаніи Типографической, съ Указнаго дозволенія,

1787.

СВЯТѢЙШАГО

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СИНОДА

ЧЛЕНУ,

ВЕЛИКОМУ ГОСПОДИНУ,

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШЕМУ

ПЛАТОНУ,

МИТРОПОЛИТУ

МОСКОВСКОМУ и КАЛУЖСКОМУ

и

СВЯТО-ТРОИЦКІЯ СЕРГІЕВЫ ЛАВРЫ

СВЯЩЕННО-АРХИМАНДРИТУ

МОСКОВСКОЙ АКАДЕМІИ

ПОЛНОМУ ДИРЕКТОРУ

и

ПРОТЕКТОРУ.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ ВЛАДЫКО!

Милостивѣйшій Отецъ и Покровитель!

Безчисленныя ВАШИ благотворенія, которыми я съ самыхъ младыхъ лѣтъ началъ пользоваться, и нынѣ пользуюсь, возродили во мнѣ ревность сей переводъ посвятить высокому имени ВАШЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА, яко знакъ истинной благодарности моей, и сыновней преданности къ Священнѣйшей ВАШЕЙ Особѣ. Ибо ВЫ и въ изданіи въ свѣтъ сея книги, и въ исправленіи оныя особенное имѣли попеченіе. Пріимите убо съ сродственнымъ ВАШЕМУ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ благоснисхожденіемъ сію малую жертву, яко плодъ достохвальныхъ ВАШИХЪ трудовъ, и

)(благо-

благоволите продолжить ко мнѣ тѣ ВАШИ милости, которыя прославлять предъ всѣмъ свѣтомъ за счастіе почитаю.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ ВЛАДЫКО!

Милостивѣйшій Отецъ и Покровитель!

ВАШЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА

Всенижайшій слуга

Московской Академіи Проповѣдникъ

Іеромонахъ Агапитъ.

БЛАЖЕННАГО
АВРЕЛІЯ АВГУСТИНА,
ИППОНІЙСКАГО ЕПИСКОПА
ИСПОВѢДАНІЙ

КНИГА ПЕРВАЯ,

Въ которой предположивъ призываніе Бога, воспоминаетъ начало жизни своея до пятнатцатаго года. Исповѣдуетъ грѣхи младенческіе и отроческіе, и сознается, что онъ въ семъ возрастѣ къ игрѣ и ко всякимъ *дѣтскимъ* забавамъ былъ гораздо склоннѣе, нежели къ наукамъ.

ГЛАВА I.

Бога хощетъ хвалить отъ Него самаго будучи возбужденъ.

1. Велій еси, Господи! и хваленъ зѣло, велія крѣпость Твоя, и разума Твоего нѣсть числа. (1) И хвалить Тебя хощетъ человѣкъ, нѣкоторая частица твари Твоея; человѣкъ, говорю, обносящій смертность свою, обносящій свидѣтельство грѣха своего, и сіе свидѣтельство, яко ты, Боже, *гордымъ противишися.* (2) И однако хвалить Тебя хощетъ человѣкъ, нѣкоторая части-

(1) Псал. 146. ст. 5. (2) Іак. 4. ст. 6.

стица твари Твоея, Ты его возбуждаешъ къ тому: ибо хвалить Тебя пріятно; понеже сотворилъ насъ для себя; и не спокойно есть сердце наше, доколѣ не успокоится въ Тебѣ.(*) Даруй мнѣ, Господи! знать и разумѣть, прежде ли должно призывать Тебя, или хвалить Тебя, и прежде ли должно познать Тебя, или призывать Тебя? Но кто тебя призываетъ, не вѣдая Тебя? Ибо одно вмѣсто другаго можетъ призывать, не вѣдая Тебя. Или паче для того призываешися, да чрезъ то познаешися? *Како убо призовутъ, въ негоже не вѣроваша?* Или, *Како увѣруютъ безъ проповѣдающаго?* (1) *И восхвалятъ Господа взыскающіи Его.* (2) Ищущіе бо обрящутъ Его, и обрѣтающіе восхвалятъ Его. Взыщу Тебя, Господи, призывая Тебя, и призову Тебя, вѣруя въ Тебя, проповѣданъ бо еси намъ. Призываетъ Тебя, Господи, вѣра моя, которую Ты даровалъ мнѣ, которую вдохнулъ мнѣ человѣколюбіемъ Сына Твоего, чрезъ служеніе Проповѣдника Твоего.

ГЛАВА II.

Богъ, котораго онъ призываетъ, есть въ немъ самомъ, а онъ въ Богѣ.

2. И како буду призывать Бога моего, Бога и Господа моего? Понеже я въ себя самаго

---

(1) Рим. 10. ст. 14. (2) Псал. 21. ст. 27.

(*) Душа человѣческая поелику сотворенная по образу и и по подобію Божію, всегда къ Богу стремится такъ, что всѣ благія мірскія не могутъ ее совершенно удовольствовать, кромѣ Его единаго.

маго Его воззову, когда буду призывать Его. И какое есть во мнѣ мѣсто, куда пріидетъ въ меня Богъ мой? Куда пріидетъ Богъ въ меня, Богъ сотворившый небо и землю? Такъ есть ли, Господи Боже мой! во мнѣ какое либо для Тебя вмѣстилище? Вмѣщаютъ ли Тебя небо и земля, которыя Ты сотворилъ, и въ которыхъ меня сотворилъ? Или поелику безъ Тебя не было бы ничего, что есть, потому все, что ни есть, вмѣщаетъ Тебя? И такъ, понеже и я существую, то для чего прошу, дабы Ты пришелъ въ меня, который бы не былъ, ежели бы Ты не былъ во мнѣ? Ибо нѣтъ еще меня въ преисподнихъ, однако Ты и тамъ еси. Ибо, *аще и сниду во Адъ, тамо еси.* (1) Такъ не былъ бы я, Боже мой, совсѣмъ бы не былъ, ежели бы Ты не былъ во мнѣ, или я паче не былъ бы, ежели бы не былъ въ Тебѣ; *Изъ того и тѣмъ и въ немъ всяческая.* (2) Воистинну такъ, Господи, воистинну; кудажъ Тебя призываю, когда я въ Тебѣ? Или откуду Ты пріидешъ въ меня? Куда бо удалюся за небо и землю; да оттуда пріидетъ въ меня Богъ мой, иже рече, *небо и землю Азъ наполняю* (3).

ГЛАВА III.

Богъ такъ вездѣ весь находится, что никакая вещь Его всего не вмѣщаетъ.

3. Вмѣщаютъ ли убо Тебя небо и земля, яко Ты наполняеши оныя? Или наполняеши,

 и

(1) Псал. 38. ст. 8. (2) Рим. 11. ст. 36. (3) Іер. 23. ст. 24.

и остается нѣчто отъ Тебя, понеже Тебя не вмѣщаютъ? И куда отливаеши то, что по наполненіи неба и земли остается отъ Тебя? Или Ты не имѣеши нужды ни отъ чего содержатися, которой содержишъ всяческая: поелику что ни наполняешъ, содержай наполняешъ? Ибо сосуды, которые Тобою наполнены, не движимымъ Тебя не дѣлаютъ, понеже, хотя бы оныя и разрушились, Ты не изливаешися. И когда изливаешися на насъ, то Ты не лежиши, но поставляеши насъ; ниже Ты рызсыпаешися, но собираеши насъ. Но когда наполняеши все, то всемъ ли Тобою наполняеши все? Или, поелику не можетъ Тебя всего вмѣстить все, часть только Тебя вмѣщаетъ? И одну ли часть купно все вмѣщаетъ? Или каждая вещь особенную, и большая большія части, меньшая меньшія вмѣщаетъ? И естьли иная часть Твоя большая, иная меньшая? Или Ты вездѣ весь еси и никакая вещь Тебя всего не вмѣщаетъ?

ГЛАВА IV.

Божіе величесто и совершенства неизреченны.

4. Такъ что Ты еси, Боже мой? Что я спрашиваю, какъ не Господь Богъ? *Кто бо Богъ, развѣ Господа? Или кто Богъ развѣ Бога нашего?* (1) Верховнѣйшій, всеблагій, вседержавный, всемогущій, премилосердый, и праведнѣйшій, сокровеннѣйшій и откровеннѣйшій, краснѣйшій, и крѣпчайшій, по-

(1) Псал. 17. ст. 32.

постоянный и непонятный, неизмѣнный, измѣняющій всяческая, никогда новый, никогда ветхій, обновляющій все, и въ древность приводящій гордыхъ, и не вѣдаютъ того; всегда дѣйствующій, всегда покоящійся, собираяй и не требуяй, носящій и наполняющій и покровительствующій, созидающій и совершающій, ищай, хотя и нѣтъ ни въ чемъ недостатка у Тебя. Любишъ, но не волнуешися; ревнуешъ, безопасенъ еси; раскаеваешися, и не болѣзнуеши, гнѣваешися, и спокоенъ пребываеши; дѣла перемѣняешъ, не перемѣняеши совѣта Твоего, воспріемлеши, что ниобрѣтаеши, и никогда ничего не лищаешися. Никогда не убогъ, а любишъ прибыль; никогда не сребролюбивъ, и лихвы требуешъ. Ты изобилуеши, чтобъ быть должнымъ; и кто имѣетъ что либо не Твое? Отдаешъ долги, никому будучи не долженъ, оставляешъ долги, ничего не теряя своего. И что мы сказали, Боже мой, животе мой, сладосте моя святая? Или что говоритъ нѣкоторой человѣкъ, когда о Тебѣ говоритъ? Но горе молчащимъ о Тебѣ; яко многоглаголивые безгласны суть предъ Тобою.

ГЛАВА. V.

Проситъ любви Божіей и грѣховъ отпущенія.

5. Кто ми дастъ успокоиться въ Тебѣ, Боже! Кто ми дастъ, да внидеши въ сердце мое и упоиши оное, дабы я забылъ злая моя

дѣянія и единое добро мое обьялъ Тебя? Что Ты мнѣ еси? Помилуй меня, чтобъ я Тебѣ сія глаголалъ. Что я Тебѣ, что любить себя повелѣваеши мнѣ, и ежели я того не дѣлаю, то Ты гнѣваешися на меня и угрожаеши великими бѣдствіями? Малое ли сіе есть для меня бѣдствіе, ежели я не буду любить Тебя? Увы мнѣ! скажи мнѣ по щедротамъ твоимъ, Господи боже мой, что Ты мнѣ еси. *Рцы души моей: спасеніе твое есмь Азъ.* (1) Тако рцы, дабы я сіе слышалъ. Се уши сердца моего предъ Тобою, Господи; открый оныя, и рцы души моей: Спасеніе Твое есмь Азъ. Я побѣгну на гласъ сей, и обьиму Тебя. Не скрый отъ мене лица Твоего: пусть я умру тѣлеснѣ, дабы не умереть мнѣ душевнѣ, и чрезъ то да увижу оное.

6. Тѣсный есть храмъ души моея, но Ты расшири его, да возможеши къ ней внити въ него. Ветхій есть, Ты возобнови его. Въ немъ находится и то, что предъ Тобою есть мерзостно, признаюсь и знаю, но кто очиститъ его? Или къ кому другому кромѣ Тебя воззопію? *Отъ тайныхъ моихъ очисти мя Господи, и отъ чуждихъ пощади раба Твоего.* (2) *Вѣровахъ, тѣмже возглаголахъ.* (3) Господи, Ты вѣси. Не исповѣдалъ ли я Тебѣ на мя беззаконіе мое, Боже мой, и Ты оставилъ еси нечестіе сердца моего? Я не прюся судомъ съ Тобою, (4) иже истинна еси; и не хощу

(1) Псал. 34. ст. 3. (2) Псал. 18. 13. (3) Псал. 115. 1.
(4) Іер. 2. ст. 9.

хощу прельщать себя самаго, *да не солжетъ не правда моя себѣ.* (1) И такъ я судомъ не прюся съ Тобою; *Аще бо беззаконія назриши Господи, Господи кто постоитъ?* (2).

ГЛАВА VI.

Списываетъ младенчество свое, хвалитъ Божій промыслъ и вѣчность.

7. Но однакожъ, позволь мнѣ глаголати предъ милосердіемъ Твоимъ, мнѣ, землѣ и праху; позволь однако глаголати, понеже се милосердіе Твое, а не человѣкъ ругатель мой, которому глаголю. И Ты можешъ быть посмѣваешися мнѣ, но обращся, помилуеши меня. Ибо о чемъ я хощу глаголати, Господи Боже мой? Какъ развѣ о томъ, поелику не вѣдаю, откуда я пришелъ сюда, въ сію т. е. жизнь смертную, или на смерть животную, не знаю. И восприяли меня утѣшенія щедротъ Твоихъ, какъ слышалъ я отъ родителей плоти моея, изъ которыхъ, и въ которой Ты изобразилъ меня во времени; ибо самъ не памятую того. Восприяли убо меня утѣшенія млека человѣческаго. Не мать моя, или кормилицы мои себѣ сосцы онымъ наполняли, но Ты мнѣ, Господи, чрезъ нихъ подавалъ пищу младенчества, по установленію Твоему и богатству благости, въ бездне вещей сокровенному. Ты такождѣ мнѣ давалъ и нехотѣть больше пищи, какъ сколько оныя давалъ, а питающимъ меня давать мнѣ хотѣть столько оныя, сколько Ты имъ да-

(1) Псал. 26. ст. 13. (2) Псал. 129. 3.

давалъ; ибо онѣ давать мнѣ по обыкновенной любви хотѣли все то, чѣмъ отъ Тебя сами изобиловали. Понеже добро было для нихъ добро мое, отъ нихъ мнѣ доставляемое, которое не отъ нихъ, но посредствомъ ихъ было; ибо отъ Тебя благая вся, Боже, и отъ Бога моего все мнѣ спасеніе. Я примѣтилъ послѣ, что Ты вопіеши ко мнѣ чрезъ все то, что даеши внутренности и внѣшности моей. Ибо я тогда умѣлъ сосать, и успокоеваться во увеселеніяхъ, а оплакивать оскорбленія плоти моея, ничего болѣе еще не понималъ.

8. Послѣ я и смѣяться началъ, спя вопервыхъ, потомъ бодрствуя. Ибо сіе обо мнѣ было мнѣ обьявлено и я въ томъ увѣрился, понеже тоже видимъ случающееся и съ прочими младенцами; ибо тѣхъ моихъ дѣйствій я самъ не памятую. И се помалу чувствовалъ гдѣ я нахожуся, и желанія мои хотѣлъ было открывать тѣмъ, которые бы ихъ исполнили, но не могъ, поелику оныя внутреннія были, а внѣшніе тѣ, которыя никакимъ своимъ чувствомъ не могли проникнуть въ душу мою. И такъ я движеніемъ членовъ, и гласомъ дѣлалъ знаки подобные желаніямъ моимъ, мало было тѣхъ, которые я могъ дѣлать, каковые могъ, не бо были истинно подобные. И когда мнѣ не повиновалися, или для того, что не разумѣли меня; или дабы, чего я желалъ, не причинило мнѣ вреда, то я негодовалъ на неподвластныхъ себѣ старшихъ, и на свободныхъ неслужащихъ мнѣ,

и имЪ плачемЪ своимЪ отмщевалЪ. Я примѣтилЪ, что такіе обыкновенно бываютЪ младенцы, которыхЪ могЪ знать, и что я такой же былЪ, о томЪ больше мнѣ объявили самые не знающіе, (*) нежели знающіе воспитатели мои.

9. И се младенчество мое давно умерло, а я живу. Ты же, Господи, иже и присно живеши и ничто не умираетЪ вЪ Тебѣ, понеже прежде начала вѣковЪ и прежде всего того, что только прежде назваться можетЪ, Ты пребываеши, и БогЪ еси и Господь всѣхЪ ТвоихЪ тварей: и у Тебя всѣхЪ вещей непостоянныхЪ стоятЪ причины, и всѣхЪ вещей перемѣнныхЪ неперемѣняемыя пребываютЪ начала, и всѣхЪ неразумныхЪ и временныхЪ всегдашнія живутЪ вины. Скажи мнѣ смиренному рабу Твоему, Боже, и Милосердый бѣдному Твоему; скажи мнѣ, не уже ли на мѣсто какого либо возраста моего умершаго вступило младенчество мое; или оно есть то самое состояніе, которое я имѣлЪ во утробѣ матери моея? Ибо и обЪ ономЪ мнѣ нѣсколько было объявлено, и беременныхЪ я самЪ видѣлЪ женЪ. И что я предЪ симЪ возрастомЪ, сладосте моя, Боже мой, былЪ ли нѣгдѣ, или нѣкто? Ибо мнѣ никто не можетЪ объявить о семЪ, ни отецЪ, ни мать не могли ничего мнѣ сказать, ниже я опытомЪ другихЪ, ниже памятію

(*) СамЪ человѣкЪ младенческихЪ дѣйствій своихЪ непомнитЪ, но познаетЪ оныя смотря на другихЪ младенцевЪ.

тію моею могу въ томъ удостовѣриться. Или Ты посмѣваешися мнѣ, о томъ вопрошающему, и Тебя за то, что познаю, хвалить мнѣ повелѣваеши, и исповѣдатися Тебѣ.

10. Исповѣдаюшися, Господи небесе и земли, хвалу возвѣщая Тебѣ о начаткахъ жизни моея и о младенчествѣ моемъ, чего я не памятую; но Ты даровалъ то человѣку чрезъ другихъ о себѣ познавать и пересказываніямъ самыхъ нянекъ многому о себѣ вѣрить. Ибо я былъ, и жилъ въ то самое время; и знаки для изъявленія мыслей моихъ другимъ, уже при концѣ младенчества изобрѣталъ. Откуда сіе такое животное, какъ не отъ Тебя, Господи? Или кто могъ создать самъ себя? Или отъинуда течетъ источникъ, подающій намъ бытіе и жизнь, кромѣ того, что Ты созидаеши насъ Господи, которaго бытіе и жизнь между собою не различествуютъ, понеже Ты ничто иное еси, какъ верховное бытіе и верховный животъ? Ты бо еси верховный, и не измѣняешися; ниже оканчивается въ Тебѣ настоящій день, однако въ Тебѣ оканчивается, поелику въ Тебѣ содержится и сіе все. (*) Ибо не имѣло бы пути къ прехожденію своему, ежели бы Ты не содержалъ оное. И понеже лѣта Твои не оскудѣваютъ; (1) то лѣта Твои суть настоящій день. И коль уже многіе дни наши, и предковъ нашихъ чрезъ настоящій день Твой прошли, и отъ него

(*) Т. е. теченіе временъ содержитъ и управляетъ Богъ.
(1) Псал. 102. ст. 28.

него воспріяли перемѣны; и какъ нибудь оные возникли, и преидутъ еще другіе, и получатъ перемѣны свои, и какъ нибудь паки возникнутъ. Ты же тойжде еси, и все утреннее и преднее сего дня сдѣлалъ, все вчерашнее и заднее сего дня сдѣлаеши. Что мнѣ нужды, ежели кто не разумѣетъ сего? Да радуется и самъ, говоря, что это? Такъ поистиннѣ да радуется; и да желаетъ не обрѣтая обрѣсти паче, нежели обрѣтая не обрѣсти Тебя.

ГЛАВА VII.

И самое младенчество грѣхамъ подвержено.

11. Услыши Боже. Горе грѣхамъ человѣческимъ! И человѣкъ говоритъ сіе, и Ты его милуеши, яко Ты сотворилъ его, а грѣха не сотворилъ въ немъ. Кто мнѣ напоминаетъ грѣхъ младенчества моего? Понеже никто же чистъ отъ грѣха предъ Тобою, ниже младенецъ, которой имѣетъ единъ день житія на земли. (1) Кто мнѣ напоминаетъ? Не всякой ли есть такой нынѣ младенецъ, въ которомъ я вижу то, чего не памятую о себѣ самомъ? Такъ въ чемъ же я тогда грѣшилъ? Или въ томъ, что я съ плачемъ къ сосцамъ стремился? Ибо ежели я нынѣ тоже сдѣлаю, хотя не къ сосцамъ, но къ пищи приличной возрасту моему оказывая жадность, подвергнуся посмѣянію и праведному поношенію. И такъ я тогда

(1) Іов. 14. ст. 5.

да достойное поношенія дѣлалъ; но какъ поносящаго меня разумѣть не могъ, то ни обыкновеніе, ни разумъ поносить меня въ томъ не дозволяли. Ибо мы искореняемъ и покидаемъ сіе, приходя въ возрастъ. Я не видалъ такого человѣка, которой бы при очищеніи чеголибо, завѣдомо отвергалъ добро. Или судя по времени и сіе добромъ почиталося, съ воплемъ просить для себя вреднаго; весьма негодовать на не подвластныхъ людей, свободныхъ и старшихъ, и на родителей своихъ, и на многихъ сверхъ того благоразумнѣйшихъ, не исполняющихъ воли его; и силиться причинить вредъ своимъ біеніемъ, сколько можно, что не повинуются его повелѣніямъ, которымъ безъ погибели его не льзя было повиноваться? По чему слабость членовъ младенческихъ есть безвинна, но не самый духъ младенцевъ. Видѣлъ я, и испыталъ ревнующаго младенца: онъ еще не говорилъ, но смотрѣлъ будучи блѣденъ съ прискорбнымъ взоромъ на сверстника своего, сосущаго млеко. Кто сего не вѣдаетъ? Матери и кормилицы говорятъ, будто онѣ очищаютъ сіе не извѣстно какими то средствами. Но развѣ и сіе есть невинность, что младенецъ при источникѣ млекомъ обильно протекающемъ и изобилующемъ бываетъ наибѣднѣйшимъ, и онымъ еще единымъ питаяся въ жизни, не терпитъ въ томъ сообщника? А что имъ ласково сіе сносятъ, то не потому, бутто бы то было ничего не стоюще, или

мале-

маловажное преступленіе, но поелику съ приращеніемъ лѣтъ оное въ нихъ истребляется. Доказать сіе можно тѣмъ, что тоже самое великодушно терпимо быть не можетъ, когда въ взросломъ нѣкоторомъ человѣкѣ примѣчается.

12. Того ради Ты, Господи Боже мой, даровавый жизнь младенцу и тѣло, которое такъ, какъ видимъ, снабдилъ чувствами, связалъ членами, видомъ украсилъ, и для цѣлости его и невредимости всѣ дѣйствія животнаго вліялъ въ него, повелѣваеши мнѣ хвалить Тебя за то, и исповѣдатися Тебѣ и пѣти имени Твоему Вышній: (1) яко Богъ еси всемогущій и благій, хотя бы единое сіе Ты сотворилъ, чего другой никто не можетъ сдѣлать, развѣ Тебе единаго, отъ котораго зависитъ всякій образъ творенія; Ты еси краснѣйшій, иже созидаеши вся̀ческая, и закономъ Твоимъ учреждаеши все. Сей убо возрастъ, Господи, которой я продолжалъ, не памятую, о которомъ увѣрился чрезъ другихъ, и которой я окончалъ, чрезъ другихъ младенцевъ догадкою познал; хотябъ сія достовѣрная догадка была, но я безъ досады не могу его причислить къ сей жизни моей, которую продолжаю въ семъ вѣкѣ. Ибо сколько мракъ забвенія моего позволяетъ о томъ мнѣ помнить, оный равенъ есть тому возрасту, которой я продолжалъ во чревѣ матернемъ. (2) Естьли же я и въ беззаконіяхъ

(1) Псал. 91. ст. 1. 2) Псал. 50. ст. 7.

яхъ зачатъ есмь, и во грѣхахъ меня матъ моя во чревѣ своемъ питала; то гдѣ, молю Тебя, Боже мой, гдѣ Господи, азъ рабъ Твой, гдѣ, или когда невиненъ былъ? Но се оставляю онсе время, да и что мнѣ уже до того, чего я ни какихъ слѣдовъ не воспоминаю?

ГЛАВА VIII.

Отъ чего онъ въ отрочествѣ говорить научился.

31. Не отъ младенчества ли я сюда далѣе простираяся жизнію, достигъ отрочества, или паче оно само ко мнѣ пришло, и вступило на мѣсто младенчества? Не отступило оно, куда бо отошло? И однако уже его не было. Ибо я не былъ такой младенецъ, которой бы не говорилъ, но уже отрокъ глаголющій былъ. И я памятую сіе; и отъ чего говорить обучился, послѣ примѣтилъ. Ибо тому не обучали меня старшіе люди, преподавая мнѣ слова по извѣстному нѣкоторому порядку ученія, какъ спустя нѣсколько, учили наукамъ: но я самъ разумомъ, которой Ты даровалъ мнѣ, Боже мой! когда чрезъ стенанія, и чрезъ гласы разные, и различныя членовъ движенія изъявлять хотѣлъ другимъ чувствіе сердца моего для удовлетворенія моего желанія; не могъ всего желаемаго выразить, ниже всѣ тѣ знаки, чрезъ которые хотѣлъ открыть мысли мои другимъ, содержалъ въ памяти; то когда они называли какую либо вещь своимъ именемъ, и когда по оному гласу подходили

дили къ чему либо, я взиралъ и познавалъ, что они симъ звукомъ называютъ ту вещь, которую хотятъ показать другимъ. Сіе же ихъ хотѣніе изъ движенія тѣлеснаго открывалося, какъ бы чрезъ природныя слова всѣхъ народовъ, которыя изображаются на лицѣ, на глазахъ и на дѣйствующихъ членахъ, и чрезъ звукъ голоса, открывающій желаніе души, состоящее въ требованіи, стяжаніи, отвержении, или въ дѣланіи чего либо. Такимъ образомъ слова, въ различныхъ смыслахъ при своихъ случаяхъ положенныя, и часто мною слышанныя, какія чрезъ нихъ означалися вещи, по малу я примѣчалъ, и свои уже желанія, пріобучивъ къ онымъ знакамъ уста, чрезъ сіи объявлялъ. Почему я тѣмъ, между которыми находился, для извѣщенія желаній моихъ оные знаки началъ сообщать, и далѣе вступалъ въ мятежное человѣческой жизни общество, завися во всемъ отъ власти родителей и отъ воли старшихъ людей.

ГЛАВА IX.

Въ отрокахъ примѣчаются три вещи: отвращеніе къ наукамъ, любовь къ игрѣ и страхъ наказанія.

14. Боже Боже мой! какія я тамъ испыталъ бѣдствія и поруганія! Понеже для добропорядочнаго житія мнѣ въ отечествѣ сіе предлагалося: повиноваться увѣщателямъ,

 дабы

дабы я въ семъ возрастѣ процвѣталъ и превосходенъ былъ въ словесныхъ наукахъ, къ чести человѣческой и обманчивому богатству служащихъ; чего ради въ училище отданъ былъ для изученія онымъ наукамъ, отъ которыхъ какая происходитъ польза, я не зналъ бѣдный, и однако, ежели лѣностно учился, былъ наказуемъ. Ибо сіе похваляли старшіе, и многіе, прежде насъ жизнь оную провождая, предустроили прискорбные пути сіи, по которымъ проходить насъ принуждали, умноживъ трудъ и болѣзнь чадамъ Адамовымъ. Но обрѣли мы, Господи, такихъ людей, которые во всѣхъ нуждахъ просили Тебя: и научилися отъ нихъ, признавая Тебя (сколько могли) великимъ нѣкоторымъ существомъ, которое можеши, и не являяся нашимъ чувствамъ, услышать насъ и предускорить на помощь къ намъ. Ибо я еще въ отрочествѣ началъ просить у Тебя помощи и прибѣжища моего; и на призываніе Тебя разрывалъ узы языка моего; и просилъ Тебя малый, но не съ малымъ усердіемъ, дабы въ училищѣ меня не наказывали. И когда Ты меня не слышалъ, что не было *въ безуміе мнѣ* (1), то посмѣвалися старшіе люди, даже самые родители мои, которые не желали мнѣ никакого зла, ранамъ моимъ, которыя были тогда великимъ и тяжкимъ зломъ для меня.

15.

(1) Псал. 21. 3.

15. Господи! есть ли кто либо толь великаго духа, и толь величайшею любовію съ Тобою соединяющійся? Есть ли, говорю, кто либо? (Ибо къ сему побуждаетъ меня безуміе) есть ли убо кто, которой бы съ Тобою благочестно соединяяся, столь много былъ преданъ Тебѣ, чтобъ пытки, строганія тѣлесныя и тому подобныя различныя мученія, о избѣжаніи которыхъ Тебя по всей вселенной просятъ всѣ со страхомъ великимъ, такъ за малое почиталъ, ругаясь тѣмъ, которые оныхъ весьма устрашаются, какъ и родители наши смѣялися наказаніямъ, которыя мы въ отрочествѣ отъ учителей претерпѣвали? Не бо мы, или меньше тѣхъ боялися, или меньше Тебя о избѣжаніи сихъ молили, и однако погрѣшали въ томъ, что меньше писали, или читали, или помышляли о наукахъ, нежели сколько требовалось отъ насъ. Ибо имѣли мы, Господи, память и разумъ, которыя Ты намъ благоволилъ даровать довольныя въ разсужденіи онаго возраста; но пріятнѣе была для насъ игра: и наказывали насъ тѣ, которые подлинно сами въ томъ же упражнялися. Но старшихъ людей бездѣлицы важными дѣлами называются, а когда въ отрокахъ сіе примѣчено будетъ, то старшіе ихъ наказываютъ, и никто не милосердуетъ объ отрокахъ. Но развѣ благоразумный судія похвалитъ мои побои для того, что я игралъ мячемъ въ отрочествѣ, и та игра препятство-

вала мнѣ скоро изучиться наукамъ, которыми бы я, пришедши въ возрастъ, еще хуже началъ играть; но иначе ли поступалъ тотъ самый, отъ котораго я былъ наказуемъ? Онъ ежели въ нѣкоторомъ словопрѣніи отъ товарища своего побѣждаемъ былъ, то больше гнѣвомъ и завистію мучился, нежели я, когда въ игрѣ мячной товарищъ мой побѣждалъ меня.

ГЛАВА X.

Любовь къ игрѣ и зрѣлищамъ отвлекали его отъ ученія.

16. И однако я грѣшилъ, Господи Боже, Учредителю и Творче всѣхъ вещей естественныхъ, кромѣ единыхъ грѣховъ. Господи Боже мой! я грѣшилъ, поступая противъ приказаній моихъ родителей и учителей. Ибо я могъ послѣ благоразумно употреблять науки, которымъ мои родители желали мнѣ изучиться, съ какимъ бы то намѣреніемъ ни было. Понеже я худшее избирая, имъ непослушенъ былъ, и по пристрастію къ играмъ любилъ на сраженіяхъ гордыя побѣды, и услаждался слышаніемъ ложныхъ басенъ; и чѣмъ больше я желалъ оныя слышать, тѣмъ паче и паче сіе пагубное любопытство, являющееся на глазахъ моихъ, простиралося къ позорищамъ и играмъ старшихъ; однако которые отправляютъ сіи игры, такое имѣютъ

свойство, что сего (т. е. быть на позорищахъ) почти всѣ желаютъ малолѣтнымъ дѣтямъ своимъ, которыхъ однако за сіе наказывать охотно позволяютъ, когда таковыя позорища отвлекаютъ ихъ отъ ученія, посредствомъ коего самимъ имъ до отправленія таковыхъ игръ желаютъ достигнуть. Воззри на сіе, Господи, милосердымъ окомъ, и избави насъ уже взывающихъ къ Тебѣ, избави и тѣхъ, которые еще не взываютъ къ Тебѣ, да взываютъ къ Тебѣ, и избавиши ихъ.

ГЛАВА XI.

Объятъ будучи болѣзнію, требуетъ крещенія, которое матерь его отлагаетъ съ нѣкоторымъ намѣреніемъ.

17. Понеже я слышалъ, будучи еще отрокомъ, о вѣчной жизни, намъ обѣтованной чрезъ смиреніе Сына Твоего Господа Бога нашего, снисходящаго къ гордынѣ нашей; и ограждался уже знаменіемъ креста Его еще отъ чрева матери моея, которая много уповала на Тебя (*). Видѣлъ еси, Господи, когда я былъ еще отрокомъ, и въ нѣкоторое время пораженъ былъ утробною болѣзнію, и толь оною мучился, что почти приближался къ смерти; видѣлъ еси, Боже мой, яко Ты

 храни-

(*) Бл. Августинъ съ самаго младенчества своего былъ оглашеннымъ, т. е. обучался первымъ началамъ Христіанскаго закона; а потому и крестъ Христовъ изображалъ на себѣ по обычаю Христіанъ.

хранитель мой уже былЪ, сЪ какимЪ я движенiемЪ духа моего, и сЪ какою вѣрою неотступно просилЪ крещенiя Христа Твоего, Бога и Господа моего, отЪ любви матери моея, матери, говорю, всѣхЪ насЪ, церкви Твоея. И смутилася мать плоти моея, понеже она и вѣчное спасенiе мое сЪ вящшею любовiю порождала чистымЪ сердцемЪ вЪ вѣрѣ Твоей; и уже сЪ поспѣшностiю старалася спасительными таинствами освятить меня и омыть, Тебя, Господи, Iисусе, исповѣдуя во оставленiе грѣховЪ, ежели бы я скоро не освободился отЪ болѣзни. Того ради отложено было очищенiе мое, какЪ бы мнѣ нужно было еще оскверняться пороками, ежели живЪ буду; потому что послѣ оной бани крещенiя вящшая бы и горьшая пребывать вЪ нечистотѣ грѣховной была вина ТакЪ я о семЪ думалЪ, и оная мать моя и весь домЪ, кромѣ отца единаго, которой однакожЪ не отнялЪ у матерней любви надо мною права, чтобЪ я во Христа не вѣровалЪ, какЪ и онЪ еще тогда не вѣровалЪ. Ибо она старалася, дабы Ты паче мнѣ былЪ отецЪ, Боже мой, нежели онЪ: и Ты вЪ семЪ помогалЪ ей побѣждать мужа своего, которому она усерднѣе служила: поелику и вЪ семЪ Тебѣ, тако о томЪ повелѣвающему, служила.

18. Молю Тебя, Боже мой, желалЪ бы я знать, ежели и Тебѣ благоугодно, сЪ ка-

кимъ намѣреніемъ тогда отложено было крещеніе мое: ужели для моей пользы какъ бы мнѣ послаблена узда ко грѣху, или чрезъ сіе она не послаблена? Чего ради и нынѣ о тѣхъ и другихъ отвсюду гремитъ въ ушахъ нашихъ сіе: оставь его, пусть дѣлаетъ, что хощетъ; ибо онъ еще не крещенъ; и однако не въ разсужденіи тѣлеснаго здравія сіе говоримъ; оставь, пусть болѣе уязвляется грѣховными ранами; ибо еще не изцѣленъ. И такъ сколь бы лучше для меня было тогда креститься; я бы и скорѣе изцѣлился, и сіе бы учинилось со мною моимъ и родителей моихъ стараніемъ, чтобы я по полученіи спасенія души моей безопасно покоился подъ кровомъ Твоимъ, которой бы Ты даровалъ мнѣ. Лучше поистиннѣ. Но сколь многія и коликія волны искушеній по видимому нападали послѣ отрочества, знала сіе уже оная мать, и чрезъ оныя больше хотѣла она содѣлать новую землю, изъ которой бы паки меня произвести, нежели создать уже самый образъ.

ГЛАВА XII.

Хотя его и принуждали къ наукамъ, однако Богъ принужденіе сіе обращалъ ему въ добро.

19. Однакожъ я въ самомъ еще отрочествѣ, котораго меньше опасался, нежели юношества, не любилъ наукъ, и принужденія къ онымъ ненавидѣлъ, и однако былъ

принуждаемЪ, и сіе вЪ добро мнѢ обращалося; не творилЪ я самЪ добра; ибо не учился бы, ежели бы кЪ тому не былЪ принуждаемЪ; понеже никто по принужденію не творитЪ добра, хотя и доброе есть то дѣло, которое онЪ творитЪ. И тѢ, которые меня принуждали кЪ наукамЪ, не творили добра, но Ты мнѢ добро творилЪ, Боже мой! ибо тѢ не старалися о томЪ, куда я долженствовалЪ обратить науки, которые меня учиться онымЪ принуждали, какЪ только кЪ насыщенію ненасытимыхЪ пожеланій обильнаго убожества и безчестной славы. Ты же, у коего изочтени суть власы главы нашея (1), погрѢшность всѢхЪ принуждающихЪ меня кЪ ученію употреблялЪ вЪ пользу мою; а мою погрѢшность, что я учиться не хотѢлЪ, употреблялЪ кЪ наказанію моему, которое я праведно заслуживалЪ, будучи толь малый отрокЪ и толь великой грѢшникЪ. ТакимЪ образомЪ Ты чрезЪ не благотворящихЪ добро творилЪ мнѢ; и за то, что я самЪ погрѢшалЪ, достойно воздавалЪ мнѢ. Ты бо повелѢлЪ быти сему, дабы всякій непорядочный духЪ самЪ себѢ былЪ наказаніемЪ своимЪ.

ГЛАВА XIII.

КЪ какимЪ наукамЪ наипаче онЪ имѢлЪ охоту.

20. А по какой причинѢ я ненавидѢлЪ Греческія науки, которымЪ меня вЪ отроче-

(1) Матѳ. гл. 10. ст. 30.

чествѣ обучали, сіе и нынѣ мнѣ не довольно извѣстно; ибо я весьма любилъ Латинскія; но не тѣ, которымъ первые учители, но которымъ учатъ такъ называемые Грамматики. Понеже оныя первыя науки, гдѣ чтенію и писанію и счисленію обучаются, не меньше для меня трудны и наказательны были, какъ и всѣ Греческія. Откуда однако и сіе, какъ не отъ грѣха и суетности жизни? поелику я плоть былъ, и духъ ходяй и не обращаяйся (1), Ибо поистиннѣ лучше, поелику извѣстнѣе были первыя оныя науки (посредствомъ которыхъ я пріобрѣталъ, и уже пріобрѣлъ, и теперь имѣю способность какъ читать написанное, такъ и писать, что мнѣ угодно), нежели тѣ, въ которыхъ я принуждаемъ былъ памятовать не знаю какого-то Энея въ пути заблужденія (*), забывъ собственныя мои заблужденія, и оплакивать Дидону умершую, которая лишила себя жизни по причинѣ любви; когда я окаяннѣйшій между тѣмъ самъ себя въ сихъ дѣлахъ отъ Тебя умирающаго, Боже, животъ мой! не оплакивалъ. Что бо бѣдственнѣе того бѣднаго, которой не сожалѣетъ о себѣ самомъ, и оплакиваетъ Дидонину смерть, бывшую

(1) Псал. 37. ст. 39.

(*) Бл. Августинъ по обычаю учениковъ въ отрочествѣ упражняемъ былъ въ изученіи Виргиліевыхъ Энеидъ, гдѣ описывается между прочимъ путешествіе Энеево изъ Трои.

ей отъ любви къ Энею, а не оплакиваетъ смерти своей, которая ему была отъ нелюбленія Тебя?

21. Боже, свѣте сердца моего, и брашно внутреннихъ устъ души моея, и сила, укрѣпляющая умъ мой, и нѣдро помышленія моего! я Тебя не любилъ, и любодѣйствовалъ отъ Тебя, и любодѣющему гремѣло отвсюду: *Благо же, благо же* (1). *Любы бо міра сего вражда есть тебѣ* (2). И сихъ словъ благо же, благо же должно бы мнѣ устыдиться, ежели бы человѣкъ не такъ былъ слабо разположенъ. Сего, говорю, я не оплакивалъ, но оплакивалъ Дидону издохшую и отъ меча кончину возпріявшую, самъ слѣдуя за смертію, устроенною Тобою, оставивши Тебя, и будучи земля, возвращаяся въ землю; а ежели бы запрещено было мнѣ читать сіе, то бы я печалился, поелику не читалъ бы достойнаго сожалѣнія и печали. Таковое безуміе благороднѣйшими и полезнѣйшими науками почитается, нежели тѣ науки, посредствомъ которыхъ я читать и писать научился.

22. Но нынѣ въ душѣ моей да воскликнетъ Богъ мой, и истинна Твоя да речетъ мнѣ: нѣтъ, нѣтъ! лучше поистиннѣ оное ученіе первое, се бо я скорѣе могу забыть заблужденія Энеевы и все тому подобное, нежели писать и читать. Понеже хотя и по-

(1) Псал. 34. ст. 21. (2) Іак. 4. ст. 4.

повѣшены завѣсы на дверяхъ грамматическихъ школъ, но оныя не столько достопочтенную ихъ тайну, сколько прикрытіе заблужденія означаютъ. Не должны вопіять на меня тѣ, которыхъ я уже не страшуся, когда исповѣдуюся Тебѣ, Боже мой! во всемъ томъ, что хочетъ душа моя, и успокоеваюся въ обличеніи путей моихъ лукавыхъ, да возлюблю благіе пути Твои. Не должны вопіять на меня продающіе, или купующіе Грамматику; поелику ежели я имъ предложу сей вопросъ, справедливо ли повѣствуетъ стихотворецъ, будто бы Эней нѣкогда зашелъ въ Карѳагенъ? то неученые будутъ отвѣтствовать, что они не знают; а ученые скажутъ въ отвѣтъ, что сіе несправедливо.

23. Но ежели вопрошу, какими буквами пишется имя Энеево, то всѣ знающіе сіе, истинну мнѣ скажутъ по оному учреженію и установленію, которымъ между собою люди утвердили сіи знаки. Также ежели вопрошу, что изъ сихъ двухъ съ вящшею для жизни сей невыгодою человѣкъ долженъ забыть, читать ли и писать, или стихотворческія оныя басясловія, кто не знаетъ, какой дастъ отвѣтъ тотъ, которой не совсѣмъ еще забылъ себя? Слѣдовательно я грѣшилъ, будучи отрокомъ, когда оныя тщетныя басни симъ полезнѣйшимъ наукамъ въ любви предпочиталъ, или паче сіи ненавидѣлъ, оныя любилъ; но уже не

прі-

пріятно мнѣ было сіе потвореніе: одно и одно составляютъ два, два и два четыре (*); и сладчайшее для меня было зрѣлище суеты конь деревянный, наполненный воруженными воинами (**), и пожаръ Трои, и самая тѣнь Креузы (***).

ГЛАВА XIV.

О Греческихъ и Латинскихъ наукахъ.

24. И для сего я ненавидѣлъ Греческую ученость, таковыя бредни предлагающую; ибо и самый Гомеръ знаменитѣйшій есть сплетатель таковыхъ басней; и при всемъ своемъ сладкорѣчіи тщетенъ; и однако мнѣ отроку онъ былъ горекъ. Я думаю, что и Греческимъ отрокамъ также труденъ Виргилій (†), когда они учить его такъ прину-

(*) Т. е. что Ариѳметика уже ему наскучила.

(**) Болѣе онъ услаждался чтеніемъ исторія о разореніи Трои, описанной въ Энеидахъ Виргиліевыхъ. Конь деревянный есть огромной величины статуя на подобіе коня, въ которую Греки посадивъ вооруженныхъ воиновъ, оставили ее на полѣ Троянскомъ, а сами скрылися на островѣ подъ тѣмъ видомъ, яко бы они уже возвратилися въ свое отечество. Трояне будучи обмануты Синономъ, ввели коня сего въ городъ, что и послужило къ ихъ погибели.

(***) Креуза была жена Энеева, которую онъ, бѣгучи изъ отечества своего, на пути потерялъ; и когда ее искалъ вездѣ, то тѣнь Креузы увѣрила Энея о ея смерти.

(†) Виргилій, знатнѣйшій Римскій стихотворецъ, которой писалъ эклоги, Георгикъ и Энеиды, которымъ весь свѣтъ удивляется.

нуждаются, какЪ я Гомера (*); ибо трудность, состоящая вЪ изученіи чужестраннаго языка, какЪ бы желчію окропляла мнѢ всѢ Греческія пріятности баснословныхЪ повѢствованій. Поелику я никакихЪ словЪ на ономЪ не зналЪ языкѢ, и кЪ познанію оныхЪ весьма понуждаемЪ былЪ жестокими угрозами и наказаніемЪ. Понеже и ЛатинскихЪ прежде будучи еще вЪ младенчествѢ, совсѢмЪ никакихЪ не зналЪ; и однако посредствомЪ малаго примѢчанія обучился онымЪ безЪ всякаго страха и мученія, и еще между ласкательствами кормилицЪ и между шутками забавляющихЪ и веселостями играющихЪ.

25. А обучился онымЪ безЪ тяжести наказанія принуждающихЪ; поелику меня понуждало сердце мое открывать другимЪ понятія свои, которыя не могЪ бы я сообщать, ежели бы нѢкоторыхЪ словЪ не выучилЪ не отЪ учащихЪ, но отЪ разглагольствующихЪ, которыхЪ слухЪ и я поражалЪ звукомЪ, изЪявляющимЪ мысли мои. Отсюда довольно явствуетЪ, что вящшую имѢетЪ силу вЪ изученіи наукЪ свободная любопытность, нежели со страхомЪ сопряженное принужденіе. Но оной стремленіе сіе обуздываетЪ законами Твоими, Боже! за-

(*) ГомерЪ, славнѢйшій Греческій стихотворецЪ, творецЪ Иліяды, Одиссеи; вЪ ИліядѢ воспѢваетЪ АхиллесовЪ гнѢвЪ, или паче Троянскую брань а вЪ Одиссеи, путешествіе Улиссово.

законами Твоими отъ учительскихъ наказаній даже до искушеній мучениковъ, могущими законами Твоими растворить спасительныя горести, обращающія насъ къ Тебѣ отъ пріятности вредоносной, чрезъ которую мы отступили отъ Тебя.

ГЛАВА XV.

Молитва Бл. Августина къ Богу.

26. Услыши, Господи! молитву мою, да не изнеможетъ душа моя подъ наказаніемъ Твоимъ; ниже да изнемогу во исповѣданіи Тебѣ милосердія Твоего, по которому Ты исхитилъ меня отъ всѣхъ путей моихъ лукавыхъ, да усладишися мнѣ паче всѣхъ прелестей, за которыми я слѣдовалъ, и да возлюблю Тебя весьма, и обниму руку Твою всемъ сердцемъ моимъ, и избавиши мя отъ всякаго искушенія въ конецъ.

27. Се бо Ты, Господи, Царю мой! Тебѣ да служитъ все то, что я полезное въ отрочествѣ выучилъ; Тебѣ да служитъ и все то, что я говорю, и пишу, и читаю, и исчисляю. Понеже когда я суетному поучался, Ты наказывалъ меня: и въ ономъ суетномъ грѣхи услажденій отпустилъ мнѣ; ибо я въ томъ позналъ много словъ полезныхъ, но которыя и въ вещахъ не суетныхъ познать можно; и тотъ путь есть безопасенъ, по которому бы отроки могли шествовать.

ГЛА-

ГЛАВА XVI.

Не похваляетъ способъ, употребляемой въ обученіи юношей.

28. Но горе тебѣ, рѣка нравовъ человѣческихъ! кто воспротивится тебѣ? Доколѣ не изсякнеши? Доколѣ будеши ввергать Евиныхъ чадъ въ море великое и ужасное, которое едва преплываютъ и сѣдящіе на суднѣ? Не въ тебѣ ли убо я читалъ о гремящемъ Юпитерѣ и прелюбодѣйствующемъ? И хотя онъ подлинно не могъ учинить сихъ двухъ дѣйствій, но вымышлено сіе для того, дабы заставить другихъ подражать Юпитеру въ истинномъ уже прелюбодѣйствѣ; къ тому споспѣшествовало и ложное приписываніе ему грома. Кто же изъ гордодѣянныхъ учителей можетъ слушать трезвымъ ухомъ изъ того же праха созданнаго человѣка, вопіющаго и говорящаго: вымышлялъ сіе Гомеръ, и человѣческія дѣйствія богамъ приписывалъ. О когда бы Божескія намъ! Хотя и справедливо, что сей стихотворецъ вымышлялъ сіе, но человѣкамъ порочнымъ Божескія приписывая дѣйствія, надлежитъ сдѣлать то, чтобъ пороки не почитались болѣе пороками; и ежели бы кто учинилъ сіе, тотъ бы не человѣкамъ развратнымъ, но небеснымъ богамъ по видимому подражалъ.

29. И однако, о рѣка адская! ввергаются въ тебя сыны человѣческіе для полученія тѣхъ единыхъ наградъ, дабы сему научи-

учиться; и за важное почитается, когда сіе происходитъ въ публичномъ мѣстѣ предъ законами, которые сверьхъ награжденія жалованье опредѣляютъ; и ты о камни свои ударнешися, и гремиши вопія: отсюда словамъ научаются, отсюда почерпается краснорѣчіе для увѣренія о чемъ либо и для истолкованія мыслей необходимо нужное. Такъ поистиннѣ не познали бы мы словъ сихъ: дождя златаго, и нѣдра, и обмана, и храмовъ небесныхъ и другихъ словъ, написанныхъ на томъ мѣстѣ, ежели бы Теренцій (въ своей комедіи) (1) не ввелъ лице, представляющее непотребнаго юношу, которой представлялъ себѣ Юпитера въ примѣръ блудодѣянія, смотря на нѣкоторую картину, намалеванную на стѣнѣ, гдѣ было изображено сіе: какимъ образомъ Юпитеръ, говорятъ, низпускалъ златый дождь въ нѣдро Данаи, обманувши ее. И се какъ онъ возбуждается къ похоти, какъ бы небеснымъ учительствомъ?

30. Но который же богъ учинилъ сіе, онъ говоритъ? Тотъ, которой превыспренніе храмы небесные страшнымъ громомъ своимъ сотрясаетъ. Я толь малый человѣкъ не долженъ ли сіе же дѣлать? А я оное сдѣлалъ, да и охотно. Поистиннѣ чрезъ сію мерзость не слова самыя удобнѣе познаются, но чрезъ сіи слова самая мерзость отваж-

(1) Тер. ком. Евн. дѣй. 3. явл. 5.

важнѣе содѣвается. Я не обвиняю слова, яко сосуды избранные и драгоцѣнные, но вино заблужденія, которое въ тѣхъ намъ подавали піяные учители; и когда мы онаго не пили, то наказывали насъ, и не позволялось намъ въ семъ дѣлѣ относиться къ трезвому нѣкоторому судіѣ. И однако я, Боже мой! предъ лицемъ котораго уже безопасно воспоминаніе мое, охотно сему научился, и тѣмъ услаждался окаянный, и для сего благонадежнымъ отрокомъ назывался.

ГЛАВА XVII.

Вооружается противъ способа, употребляемаго для упражненія юношей въ наукахъ.

31. Позволь мнѣ, Боже мой! сказать нѣчто и о разумѣ моемъ, дарѣ Твоемъ, въ какихъ я его изнуждалъ безуміяхъ. Ибо предлагалася мнѣ должность въ разсужденіи души моея весьма безпокойная, соединенная съ наградою похвалы и безславія, или съ страхомъ наказанія, дабы я училъ слова Юноны гнѣвающейся и соболѣзнующей, что не могла отъ Италіи отвратить Троянскаго Вождя, которыхъ, какъ я слышалъ, никогда Юнона не говорила; но мы заблуждающіе принуждаемы были шествовать по слѣдамъ стихотворческихъ баснословій, и нѣчто такое говорить простою рѣчью, что Піитъ сказалъ стихами. И тотъ Стихотворецъ писалъ похвальнѣе, живѣе и витіе-

тіевате, въ которомъ находилася по свойству изображеннаго лица подобнѣйшая страсть гнѣва и печали. Но что мнѣ сіе пользовало, о истинный животъ мой, Боже мой! что мнѣ читающему предъ многими сверстниками и соучениками моими приписываема была похвала? Се оное все не дымъ ли и вѣтръ? Такъ развѣ не было ничего другаго, въ чемъ бы долженствовалъ упражняться разумъ и языкъ мой? Хвалы Твои, Господи! хвалы Твои чрезъ писанія Твои могли бы привязать къ себѣ вѣтвь сердца моего, и оно не было бы похищаемо чрезъ суетныя суесловія, содѣлавшись мерзостною добычею летающихъ (діаволовъ); ибо не одинаковымъ образомъ жертвуется преступникамъ Ангеламъ.

ГЛАВА XVIII.

О томъ, что человѣки стараются паче соблюдать законы Грамматиковъ, а не Божественныхъ заповѣдей.

32. Но удивительно ли сіе, что я на суетное толико стремился, и отъ Тебя, Боже мой! удалялся, когда мнѣ для подражанія моего представляемы были такіе люди, которые, ежели нѣкоторыя дѣла свои не худыя объявляли грубо и не складно, въ томъ будучи изобличены отъ другихъ, смущалися? Естьли же о похотяхъ своихъ и любострастіяхъ чистыми и порядочными словами обширно и витіевато разска-

сказывали, то, будучи отЪ другихЪ похвалены, величалися. Ты зриши сіе, Господи! и молчиши; долготерпѣливЪ бо еси и многомилостивЪ и истиненЪ (1). Но всегда ли премолчиши? Ты и нынѣ исхищаеши изЪ сея свирѣпѣйшія глубины взыскующую Тебе душу, и жаждущую сладости Твоея, и которой сердце вопіетЪ ТебѢ: *ВзыскахЪ лица Твоего, лица Твоего Господи взыщу* (2). Ибо я далече отЪ лица Твоего отступилЪ, будучи погруженЪ вЪ страсти мрачной.

33. Мы не ногами, или разстояніями мѢстЪ отступаемЪ отЪ Тебя, или обращаемся кЪ ТебѢ. И сынЪ Твой меньшій на коняхЪ, или на колесницѢ, или на кораблѢ отплылЪ, или отлетѢлЪ на крилахЪ видимыхЪ, или удалился ногами, что на странѢ далекой живый блудно, разточилЪ все имѢніе (3), которое Ты даровалЪ ему отходящему. Ты благій ОтецЪ былЪ ему, когда онЪ отходилЪ отЪ Тебя, поелику даровалЪ ему достойную часть имѢнія; а когда онЪ бѢденЪ возвращался кЪ ТебѢ, Ты былЪ кЪ нему милостивѢе. И такЪ погружаться вЪ страсти похотливой, то есть мрачной, есть удаляться отЪ лица Твоего. Виждь, Господи Боже! и терпѢливо, якоже зриши; виждь, коль тщательно соблюдаютЪ сыны человѢческіе сопряженія буквЪ и слоговЪ, принятыя отЪ первыхЪ глаголателей; а отЪ Тебя

(1) Псал. 102. 8. (2) Псал. 26. 8. (3) Лук. 15, 13.

бя принятые вѣчные завѣты о вѣчномъ спасеніи презираютъ, такъ что тотъ, кто сіи древнія звуковъ установленія знаетъ, или учитъ онымъ другихъ, ежели противъ науки Грамматической безъ сгущенія (Aspiratione) перваго слога скажетъ ominem вмѣсто hominem, больше ненавидимъ бываетъ отъ человѣковъ, нежели когда противъ Твоихъ заповѣдей возненавидитъ человѣка, хотя и самъ онъ есть человѣкъ, какъ бы подлинно всякаго ненавистнаго себѣ человѣка пагубнѣе для себя почитаетъ самой ненависти, которою на него вооружается, или какъ бы кто злѣе погубляетъ другаго гоненіемъ своимъ, нежели сколько сердце свое погубляетъ враждованіемъ.

34. Да и подлинно не сокровеннѣе есть знаніе наукъ закона совѣсти, и не дѣлать того другому, чего не хощешь самъ терпѣть. Коль Ты сокровенъ еси, обитаяй въ вышнихъ въ безмолвіи, Боже единъ великій! которой закономъ неутомимымъ разсѣваеши въ наказаніе слѣпоту на всѣ непозволительныя пожеланія! Когда человѣкъ въ краснорѣчіи славы ищетъ, предстоя предъ судіею человѣкомъ же среди множества народа, то на противника своего величайшею вооружаяся ненавистію, весьма остерегается, дабы ошибкою языка не сказать inter hominibus (среди людяхъ) вмѣсто inter homines (среди людей); а дабы бѣшенствомъ разума своего

его не истребить человѣка изъ числа человѣковъ, того не остерегается.

ГЛАВА XIX.

О порокахъ отроческихъ, которые переходятъ въ вышшіе возрасты.

35. Я окаянный, будучи въ отрочествѣ, лежалъ въ преддверіи таковыхъ обычаевъ, и въ семъ поприщѣ такъ подвизался, что больше опасался грубость дѣлать въ словахъ, нежели остерегался, ежели бы сдѣлалъ оную, завидовать не дѣлающимъ того. Глаголю и исповѣдую Тебѣ и сіе, Боже мой! за что меня похваляли тѣ, которымъ угождать тогда я почиталъ за честную жизнь; поелику не видѣлъ пучины мерзости, въ которую низверженъ былъ отъ очесъ Твоихъ. Понеже предъ оными что уже меня мерзостнѣе было, когда я и чрезъ сіи поступки Тебѣ былъ не пріятенъ, т. е. обманывая безчисленными лжами и надзирателя, и учителей, и родителей, побуждаемъ къ тому любовію къ играмъ, желая быть на непотребныхъ зрѣлищамъ, и подражать онымъ съ безпокойствіемъ, достойнымъ посмѣянія (*).

(*) Здѣсь говоритъ Бл. Августинъ, что онъ, будучи отрокомъ, когда хотѣлось ему играть, обманывалъ своего надзирателя; когда желалъ быть на позорищахъ, обманывалъ своихъ учителей; а чтобы уже подражать тому, что видѣлъ, къ тому обманомъ склонялъ своихъ родителей, жалуяся на безпокойствіе, или на усталость, которую какъ бы чувствовалъ отъ упражненія въ наукахъ. Сіе обыкновенно примѣчается въ малолѣтныхъ дѣтяхъ.

36. Сверхъ того я дѣлалъ похищенія изъ кладовой родителей моихъ и отъ стола или для моей алчности, или дабы похищенное отдать отрокамъ, которые мнѣ свою игру, которую хотя и сами равно увеселялися, однако продавали. И я въ сей игрѣ коварныя побѣды, самъ будучи суетнымъ превосходства желаніемъ побѣжденъ, часто одерживалъ. Чего же я толико не хотѣлъ терпѣть, да и весьма, ежели примѣчалъ, ругалъ, какъ только то, что самъ другимъ дѣлалъ; и ежели бы, узнавши мой обманъ, другіе меня въ томъ укоряли, то я желалъ больше вооружиться противъ ихъ свирѣпостію, нежели уступить.

37. Сія ли есть невинность отроческая? Нѣтъ, Господи! нѣтъ, молю Тебя, Боже мой! ибо сіе есть то самое зло, которое отъ надзирателей и учителей переходитъ къ начальникамъ и Царямъ, отъ орѣховъ и мячиковъ и птичекъ къ злату, вотчинамъ и невольникамъ (*); сіе самое поистиннѣ въ послѣдующія вышшія лѣта переходитъ, такъ

(*) Кто въ младыхъ лѣтахъ пріобыкнетъ обманывать своихъ надзирателей и учителей, тотъ, пришедши въ совершенный возрастъ, станетъ уже обманывать начальниковъ своихъ; или кто пристрастится къ игрѣ орѣшной, тотъ въ зрѣломъ возрастѣ будетъ имѣть склонность къ сребролюбію; отъ притяжанія и присвоенія мячей научится отнимать у другихъ вотчины; и кто наконецъ въ отрочествѣ пріобучится мучить птичекъ, тотъ со временемъ навыкнетъ жестокосердо поступать съ своими рабами и невольниками.

такъ какъ на мѣсто дѣтскихъ штрафовъ вступаютъ большія наказанія. Ты убо, Царю нашъ! знакъ смиренія въ возрастѣ отроческомъ похвалилъ, когда реклъ еси: *Таковыхъ есть царство небесное* (1).

ГЛАВА XX.

Благодаритъ Бога за благія дѣла, которыя Онъ даровалъ ему.

38. Но однакожъ, Господи! Тебѣ всевышнему и всеблагому Творцу и Правителю вселенныя, Богу нашему благодареніе, хотя бы Ты мнѣ и отрокомъ токмо быть благоволилъ; ибо я существовалъ, и уже тогда жилъ и чувствовалъ, и о невредимости моей и изображеніи таинственнѣйшія единицы, отъ которой я сотворенъ, попеченіе имѣлъ: сохранялъ внутреннимъ чувствомъ цѣлость чувствъ моихъ, и въ самыхъ малыхъ и о малыхъ вещахъ помышленіяхъ истинну любилъ, не хотѣлъ обманутъ быть, твердую память имѣлъ, украшался словесностію, дружелюбіемъ увеселялся, не любилъ печали, презрѣнія и невѣжества. Что въ такомъ животномъ есть не удивительное и не похвальное?

39. Но сіе все Бога моего дары суть; не самъ я себѣ далъ сіе; и есть добро, и сіе все я. Благъ убо есть сотворивый меня, Той есть добро мое, и тому при-

 писую

(1) Матѳ. 19. 14.

писую благая вся, чрезъ которыя я былъ отрокомъ; ибо въ семъ я погрѣшалъ, что не въ Немъ самомъ, но въ тваряхъ Его себя и прочихъ удовольствій славы и истинны искалъ; и потому впадалъ въ печали, въ смущенія и заблужденія. Благодареніе Тебѣ, сладосте моя, и честь моя, и упованіе мое, Боже мой! Благодареніе Тебѣ о дарѣхъ Твоихъ, но Ты мнѣ соблюди оные. Тако бо соблюдеши меня, и умножатся и совершатся дары Твои во мнѣ, и я буду съ Тобою; поелику Ты мнѣ даровалъ и самое бытіе.

КНИГА ВТОРАЯ.

Въ которой Бл. Августинъ приступаетъ къ описанію другаго своего возраста, и первой годъ своея юности, т. е. шестыйнадесять отъ рожденія, которой онъ въ родительскомъ домѣ, оставивъ науки, провождалъ въ любострастіяхъ и роскошахъ, воспоминаетъ съ тяжкимъ соболѣзнованіемъ; притомъ весьма строго судитъ о хищеніи, которое онъ въ то время учинилъ съ своими товарищами.

ГЛАВА I.

Воспоминаетъ возрастъ юности своея и пороки.

1. Хочу привести себѣ на память прошедшія мерзости мои и плотскія тлѣнія ду-

души моея не для того, дабы мнѣ возлюбить оныя, но да возлюблю Тебя, Боже мой! Я любовію любви Твоея творю сіе, воспоминая пути моя лукавыя въ горести раскаянія моего, да Ты усладишися мнѣ, сладосте неложная, сладосте блаженная и безопасная! и собирая себя отъ расточенія, въ которомъ я на части развлеченъ былъ, когда отъ Тебя единаго отвратившись, многимъ осуетился. Ибо я страстно возжелалъ въ юности насыщатися нѣкогда во адѣ, и дерзнулъ укореняться въ различныхъ и мрачныхъ любовяхъ, и истаяло лице мое, и я согнилъ предъ очами Твоими, угождая себѣ, и угождать желая очамъ человѣческимъ.

ГЛАВА II.

О томъ, что шестыйнадесять годъ проводилъ въ жару любовномъ.

2. Да и что другое меня больше услаждало, какъ только любить и любиму быть? Но не соблюдаема была мѣра отъ духа даже до духа, яко явственный предѣлъ дружества, но изходила мгла изъ блатнаго вожделѣнія плотскаго и источника юности, и потемняла и помрачала сердце мое, такъ что я не могъ различать ясность любленія отъ мрака похоти. Обѣ сіи страсти въ смѣшеніи волновалися; и влачили слабый мой возрастъ по стремнинамъ вожделѣній, и погружали его въ пучинѣ пороковъ. Утверж-

 дала-

дался на мнѣ гнѣвъ Твой, а я не вѣдалъ сего. Я дѣлался глухъ отъ скрипленія цѣпи смертности моея, наказанія за гордость души моея, и уклонялся далѣе отъ Тебя; а Ты попускалъ мнѣ; и потому я волновался, и изливался, и разплывался, и кипѣлъ любодѣяніями моими; а Ты молчалъ. О поздная радость моя! Ты молчалъ тогда, и я далѣе наконецъ уклонялся отъ Тебя на многія и множайшія безплодныя сѣмяна печалей гордымъ отпаденіемъ и безпокойнымъ утомленіемъ.

3. Кто умѣритъ бѣдствіе мое, кто скорогиблющихъ вещей тлѣнныя красоты въ пользу обратитъ, и ихъ сладостямъ положитъ предѣлы, дабы до брачнаго токмо брега свирѣпствовали волны возраста моего; ежели въ оныхъ не могла быть тишина чрезъ дѣторожденіе, якоже предписываетъ законъ Твой, Господи! которой образуеши плодородіе нашея смертности, хотя и удобно можеши возложить легкую руку для умѣренія похотей, рая Твоего недостойныхъ? Небо далече отстоитъ отъ насъ, всемогущество Твое! хотя мы и далече отступили отъ Тебя, или бы мнѣ должно было тщательнѣе внимать гласу облакъ Твоихъ: *Скорбь же плоти имѣти будутъ таковіи; азъ же вы щажду. И добро человѣку женѣ не прикасатися. И не оженивыйся печется о Господнихъ, како угодити Богу; а оженивыйся печется о мірскихъ, како угодити женѣ* (1).

4.

(1) 1. Кор. 7. 28. 1. 32. 33.

4. Сіи убо гласы тщательнѣе долженствовалъ я слушать, и скопившись царства ради небеснаго, благонадежнѣе ожидать объятій Твоихъ. Но я окаянный воскипѣлъ похотію, слѣдуя стремленію непостоянства моего, оставивъ Тебя; и преступилъ всѣ законы Твои, но не избѣгнулъ наказанія Твоего. Кто бо сіе изъ смертныхъ? Ибо Ты всегда милосердо гнѣвался на меня, и горестнѣйшими окроплялъ оскорбленіями всѣ непозволительныя пріятности мои, дабы я такимъ образомъ искалъ безъ оскорбленія своей пріятности; и ни въ чемъ не могъ обрѣсти оной, кромѣ Тебя, Господи! кромѣ Тебя, которой созидаеши трудъ на повелѣніе и поражаеши, да исцѣлиши; и убиваеши насъ, да не умремъ отъ Тебя. Гдѣ я былъ? и коль далече устранялся отъ сладости дому Твоего въ оное шестоенадесять лѣто возраста плоти моея, когда воспріяла надо мною скипетръ, и когда я совсѣмъ предался ей, безумная похоть, позволительная по безславію человѣческому, а не позволительная по законамъ Твоимъ? Не имѣли попеченія родители мои, чтобъ упадающаго меня возставить бракосочетаніемъ, но токмо старалися о томъ, дабы я учился слагать наилучшія рѣчи, и склонять другихъ словомъ.

ГЛА-

ГЛАВА III.

О странствованіи его для изученія наукъ и о намѣреніи, которое въ разсужденіи оныхъ имѣли его родители.

5. И въ то же время прерваны были науки мои, когда мнѣ по возвращеніи моемъ изъ Мадавра, въ которой сосѣдственной городъ уже я начиналъ учащать для снисканія знанія въ свободныхъ наукахъ и красноречіи, ради дальнѣйшаго странствованія въ Карѳагенъ иждивенія пріуготовлялися болѣе по отважности духа, нежели изъ имущества отца моего, гражданина Ѳагастенскаго, весьма убогаго. Кому объявляю сіе? Не бо Тебѣ, Боже мой! но предъ Тобою объявляю сіе роду моему, роду человѣческому, которому по какому нибудь случаю можетъ попасться въ руки сія книга моя. Но на что сіе? Дабы т. е. я и тотъ, кто будетъ оную читать, помышляли, изъ коликой глубины должно вопіять къ Тебѣ. И чтожъ ближе къ ушесамъ Твоимъ, какъ не сердце исповѣдующееся и жизнь отъ вѣры? Ибо кто изъ человѣкъ тогда не превозносилъ хвалами отца моего, что онъ свыше силъ своего имѣнія издерживалъ для сына все то, что ему, по далекимъ мѣстамъ странствующему, для наукъ было потребно; понеже многіе граждане, гораздо его богатѣйшіе, таковаго попеченія не имѣли о дѣ-

дѣтяхъ своихъ. Между тѣмъ не старался отецъ мой о томъ, каковымъ я долженъ возрастать для Тебя, или сколько долженствовалъ быть цѣломудренъ; но толькобъ былъ краснорѣчивъ, хотябъ впрочемъ оставленъ паче отъ воздѣланія Твоего, Боже! иже еси единъ истинный и благій Господь нивы Твоея, сердца моего.

6. Но какъ въ оный шестыйнадесять годъ я находился въ праздности по домашнимъ обстоятельствамъ, оставя совсѣмъ школу, и началъ жить съ родителями моими: то превзошли главу мою тернія похотей, и не было никакой руки, искореняющей оныя. Почему когда меня оный отецъ увидѣлъ въ банѣ, что я въ совершенный прихожу возрастъ, и облекаюся въ видъ безпокойной юности: то какъ бы уже изъ сего внуковъ желалъ, радуяся матери моей объявилъ, радуяся, будучи упоенъ піянствомъ, въ которомъ Тебя Творца своего сей міръ забылъ, и тварь Твою вмѣсто Тебя возлюбилъ отъ вина невидимаго развращенныя и уклоненныя въ бездну воли своея. Но Ты въ сердцѣ матернемъ уже основалъ храмъ Твой, и начало святаго пребыванія Твоего; ибо онъ еще былъ оглашеннымъ тогда, да и сіе вновѣ было. И такъ она подвиглася набожнымъ трепетомъ и страхомъ; хотя я не былъ еще вѣрный, однако устрашилася, дабы я не началъ шествовать по развратнымъ путямъ, по которымъ ходя-

дящіе отдаляются отъ Тебя, Боже! а не приближаются къ Тебѣ.

7. Увы мнѣ! но дерзаю говорить, что Ты молчалъ тогда, когда я далече отступалъ отъ Тебя. Такол ли Ты молчалъ тогда мнѣ? И чьи были, ежели не Твои, оныя слова чрезъ матерь мою, вѣрную рабу Твою, которыми Ты часто гремѣлъ во уши мои, хотя изъ оныхъ ничто не входило въ сердце мое, дабы я творилъ то, что оными мнѣ внушаемо было? Ибо она старалася, да и втайнѣ, какъ памятую, съ великимъ тщаніемъ внушать мнѣ, дабы я воздерживался отъ блудодѣянія, а наипаче отъ жены чуждей. Сіи увѣщанія и совѣты женскими мнѣ казалися, которымъ я и повиноваться стыдился. Оныя же были Твои; я не вѣдалъ сего, и думалъ, что Ты молчишь, а говоритъ та, чрезъ которую Ты не молчалъ мнѣ; и въ лицѣ ея я презиралъ Тебя, я сынъ ея, сынъ рабыни Твоея, рабъ Твой. Однако я не зналъ сего, и стремглавъ низвергался отъ Тебя, толикою пораженъ будучи слѣпотою, что между сверстниками моими стыдился меньшаго безчестія, когда слышалъ, что они хвалилися пороками своими; и тѣмъ паче хвалилися оными, чѣмъ были гнуснѣе и мерзостнѣе; и потому я желалъ дѣлать зло не только по вожделѣнію дѣйствія, но и ради похвалы.

8. Но что достойно хулы, какъ не порокъ? Я, дабы меня не хулили, порочнѣйшимъ

шимЪ дѣлался; и когда не имѣлЪ такого порока, которымЪ бы могЪ сравниться сЪ развращенными, то притворялся, будто бы я то сдѣлалЪ, чего совсѣмЪ не дѣлалЪ, дабы не показаться мнѣ презрѣннѣйшимЪ, чѣмЪ я былЪ непорочнѣе; и дабы не почитаться подлѣйшимЪ, чѣмЪ былЪ цѣломудреннѣе. Се сЪ каковыми сопутниками я шествовалЪ по стогнамЪ Вавилона, и валялся вЪ калѣ его, яко вЪ ароматахЪ благоуханныхЪ и мастяхЪ драгоцѣнныхЪ. И вЪ самой срединѣ его, дабы я болѣе могЪ увязать, попиралЪ меня врагЪ невидимый, и прелыщалЪ меня; поелику я удобопрельщаемый былЪ. Ибо и оная матерь плоти моея, которая уже изЪ среды Вавилона выходила, но медлительно, шествовала вЪ прочихЪ мѣстахЪ онаго, не такЪ какЪ внушала мнѣ цѣломудріе; старалася о томЪ, что обо мнѣ отЪ мужа своего слышала; и узнала, что наконецЪ погибельно и опасно будетЪ удерживать плотское стремленіе вЪ предѣлѣ брачныя любви, ежели онаго совершенно истребить было не возможно. Не старалася она о семЪ; поелику опасалася, дабы женскія оковы не возпрепятствовали надеждѣ моей; не той надеждѣ, которую матерь имѣла на Тебя о будущемЪ вѣкѣ, но надеждѣ вЪ наукахЪ, которымЪ обучиться мнѣ весьма желали оба родители мои. ОтецЪ для того мнѣ желалЪ изучиться наукамЪ, поелику о Тебѣ ничего почти не помышлялЪ, а

обо

обо мнѣ суетное; а мать для того, поелику почитала, что не только никакимъ вредомъ, но еще нѣкоторымъ пособіемъ къ полученію Тебя можетъ служить снисканное въ наукахъ просвѣщеніе; ибо такъ я отгадываю сіе, воспоминая по возможности моей нравы родителей моихъ. И тогда послаблялася мнѣ узда къ играмъ свыше умѣренной строгости въ распутность различныхъ страстей, и во всѣхъ оныхъ былъ мракъ, преграждающій мнѣ, Боже мой! свѣтлость истинны Твоея, и изходила яко отъ тука неправда моя (1).

ГЛАВА IV.

О похищеніи, которое онъ учинилъ съ товарищами.

9. Поистиннѣ хищеніе наказуетъ законъ Твой, Господи! законъ, говорю, написанный на сердцахъ человѣческихъ, которой не изглаждаетъ и самое беззаконіе; ибо какой хищникъ великодушно терпитъ хищника, ниже богатый убогаго? А я учинить хищеніе восхотѣлъ, да и учинилъ оное, никакою не побуждаемъ бывъ къ тому скудостію и нищетою, но изъ презрѣнія правды и насыщенія неправдою; ибо я похитилъ то, чего у меня было довольно, и притомъ гораздо лучшее; и не тою вещію хотѣлъ пользоваться, которую похитить же-

(1) Псал. 72. 7.

желалъ, но самымъ хищеніемъ и грѣхомъ. Грушевое древо стояло близь винограда нашего, плодами обремененное, которые ни видомъ, ни вкусомъ своимъ прелестны не были. Сіе отрясти, и унести плоды мы, непотребнѣйшіе юноши, вознамѣрилися въ глухую полночь, до которой по пагубному обычаю тогда играли, и унесли оныхъ великое множество не для пищи себѣ, но дабы только побросать свиніямъ; хотя и сами изъ оныхъ плодовъ нѣсколько вкусили, однако отъ насъ зависѣло употребить ихъ туда, куда не позволялось.

10. Се сердце мое, Боже мой! се сердце мое, которое Ты помиловалъ во глубинѣ бездны! Се да речетъ Тебѣ нынѣ сердце мое, чего оно тамъ искало? или дабы я былъ добровольно золъ? и злости моея не другая какая была причина, какъ только мерзостная злость. И я возлюбилъ ее, возлюбилъ недостатокъ свой; не тотъ, по которому я былъ недостаточенъ, но самый свой недостатокъ возлюбилъ. Мерзостна есть та душа, и низвергающаяся съ тверди Твоея въ бездну, которая не чрезъ безчестіе чего либо, но самаго безчестія желаетъ!

ГЛАВА V.

Никто не грѣшитъ безъ причины.

11. Во всѣхъ красивыхъ тѣлахъ, какъто въ златѣ и сребрѣ и тому подобныхъ,

 есть

есть нѣкоторая изящность, а въ прикосновеніи къ плоти премного дѣйствуетъ благорасположеніе членовъ, и изъ прочихъ чувствъ каждое имѣетъ свою наклонность къ приличнымъ тѣламъ. Имѣетъ также временная честь и власть превосходства и владычества красоту свою, отъ чего и къ мщеню желаніе раждается; однако для полученія всего сего не должно отступать отъ і Тебя, Господи! ниже уклоняться отъ закона Твоего. И сія жизнь, которую здѣсь продолжаемъ, имѣетъ свои прелести ради нѣкотораго образа красоты своея и ради сходства со всѣми сими низшими благими.

12. Также и дружество человѣческое, любовнымъ узломъ соединенное, есть сладостно ради единства, изъ многихъ душъ состоящаго. По причинѣ всего сего и тому подобнаго грѣхъ содѣвается, когда по необузданной къ сему наклонности, хотя оное есть и самое послѣднее добро, лучшее и верьховнѣйшее благо оставляется, Ты, Господи Боже нашъ! и истинна Твоя и законъ Твой. Ибо и сіи низшія блага имѣютъ сладости свои, но не яко Богъ мой, сотворивый всяческая, яко о Немъ веселится праведникъ, и той есть веселіе правыхъ сердцемъ. И такъ когда о злодѣяніи спрашивается, по какой бы причинѣ оное учинено: то обыкновенно не вѣрятъ, чтобъ сіе сдѣлано было, развѣ желая получить нѣчто изъ оныхъ благъ, которыя мы называ-

зываемъ низшими, или опасаясь, дабы того не лишиться; ибо и оныя красивы и изящны суть, хотя въ сравненіи съ добромъ вышшимъ и блаженнымъ почитаются презрѣнными и маловажными.

13. Человѣкоубійство сдѣлалъ. Для чего сдѣлалъ? Страстно возлюбилъ его супругу, или вотчину; или для того восхотѣлъ грабительствовать, дабы чрезъ то снискать нужное для жизни содержаніе; или для того убилъ человѣка, поелику опасался, дабы онъ не лишилъ его нѣкотораго таковаго блага; или отъ него будучи оскорбленъ, отмстить за себя возжелалъ. Сдѣлалъ ли бы онъ безъ причины человѣкоубійство, увеселяяся самымъ человѣкоубійствомъ? Кто повѣритъ сему? Ибо и о которомъ сказано жестокосердомъ и безчеловѣчномъ человѣкѣ, что онъ паче добровольно золъ и жестокосердъ былъ; однако напередъ объявлена тому причина, *дабы отъ праздности*, сказалъ, *не оцѣпенѣвала рука, или духъ* (1). Для чегожъ и сіе? Для чего такъ? Дабы т. е. чрезъ таковое въ злодѣяніяхъ упражненіе по взятіи города получить честь, владычество и богатство, и не страшиться законовъ, и не имѣть трудности въ пріобрѣтеніи нужныхъ вещей ради недостатка въ имуществѣ, ради беззаконной совѣсти. Ни самый убо Катилина возлюбилъ зло-

(1) Саллюст. о воин. Катил.

злодѣйства свои, но подлинно другое было причиною, для чего оныя дѣлалъ.

ГЛАВА VI.

Все, что намъ представляется подъ видомъ добра, влечетъ къ порокамъ; во единомъ Богѣ содержится истинное и совершенное добро.

14. Такъ что я, окаянный! въ тебѣ возлюбилъ, о хищеніе мое! о злодѣяніе мое нощное, учиненное на шестомнадесять году возраста моего! не бо ты красно было, поелику хищеніе было? но или ты есть нѣчто, что я говорю къ тебѣ? Красны тѣ плоды были, которые мы похитили; понеже оные тварь Твоя были, краснѣйшій всего, Творче всяческихъ, Боже благій, Боже верьховнѣйшее добро, добро, говорю, истинное мое! Красны были оные плоды, но не ихъ возжелала окаянная душа моя; ибо я имѣлъ лучшихъ множество, оные же оборвалъ для того, дабы только учинить хищеніе. Понеже я, оборвавши ихъ, побросалъ, насытившись изъ того единымъ беззаконіемъ, которымъ наслаждаяся увеселялся. Поелику ежели что изъ оныхъ плодовъ и вошло во уста мои, приправою тамъ было злодѣяніе.

15. И нынѣ, Господи Боже мой! я изыскиваю, что меня въ хищеніи усладило; и се нѣтъ никакой изящности въ немъ. Не

Не говорю, чтобы такую же изящность имѣло хищеніе, каковая находится въ правотѣ и благоразуміи; но ниже каковая въ разумѣ человѣческомъ, и памяти, и чувствахъ и растущей жизни; ниже столь красиво было хищеніе, сколь красны суть звѣзды, блистающія на мѣстахъ своихъ, или земля и море, наполненныя плодорожденіями своими, которыя раждаяся заступаютъ мѣста умирающихъ; но ниже такъ красиво, какъ имѣютъ нѣкоторый недостаточный видъ, тѣнію покровенный, другіе прельщающіе пороки.

16. И гордость высотѣ подражаетъ, хотя Ты еси надъ всѣми Богъ вышній. И тщеславіе чего инаго ищетъ, какъ не честей и славы, хотя Ты предъ всѣми возвеличенъ единъ и препрославленъ во вѣки? И жестокость власти страшна быть хощетъ; но кто страшенъ, какъ только Богъ единъ, отъ котораго власти что можетъ быть отнято, или похищено когда, или гдѣ, или куда, или отъ кого? И ласкательства сладострастныхъ любимы быть хотятъ; но нѣтъ ничего ласкательнѣе любви Твоея, ниже любится что либо спасительнѣе, какъ оная предъ всѣми изящная и свѣтлая истинна Твоя. И любопытство порѣвается упражняться въ познаніи наукъ, хотя Ты все въ высочайшемъ степени познаеши. И самое невѣжество и безуміе прикрывается именемъ незлобія и невинности,

 хотя

хотя Тебя ничто незлобивѣе не обрѣтается. Что же Тебя невиннѣе? Понеже дѣла Твои не пріятны злымъ. И лѣность какъ бы покоя ищетъ; какой же непреложный покой кромѣ Господа? Роскошь довольствомъ и изобиліемъ желаетъ называться; однако Ты еси исполненіе и неоскудѣваемое обиліе нетлѣнныя сладости. Изліяніе щедрости представляетъ только единую тѣнь щедрости; но благихъ всѣхъ податель Ты еси прещедрый. Сребролюбіе многимъ обладать желаетъ; а Ты обладаеши всемъ. Завистливость о превосходствѣ тяжется; что Тебя превосходнѣе? Гнѣвъ мщенія ищетъ; Тебя праведнѣе кто отмщеваетъ? Страхъ необычайнаго и нечаяннаго трепещетъ, противоборствующаго любимымъ вещамъ, когда старается оныя соблюсти въ безопасности; Тебѣ бо что необычайное? что нечаянное? или кто отъ Тебя отдѣляетъ Тобою любимое? или гдѣ, аще не у Тебя твердая безопасность? Печаль о потерянныхъ вещахъ истаеваетъ, которыми услаждалося желаніе; понеже такъ бы себѣ не желала лишиться оныхъ, какъ и у Тебя ничто похищено быть не можетъ.

17. Тако любодѣйствуетъ душа, когда отвращается отъ Тебя, и ищетъ внѣ Тебя того, что не есть чисто и безпорочно; обрѣтаетъ же чистое и непорочное, когда обращается къ Тебѣ. Развращенно Тебѣ подражаютъ всѣ, которые далече отъ Тебя уклоняю-

няются, и возносятся противЪ Тебя. Но и тако Тебѣ подражая, показуютЪ, что Ты еси ТворецЪ всякаго естества, и потому нѣтЪ никакого мѣста, куда бы имЪ можно совсѣмЪ удалиться отЪ Тебя. ТакЪ чтожЪ я вЪономЪ хищеніи возлюбилЪ? и вЪ чемЪ Господу моему или порочно, или развращенно подражалЪ? Или вЪ томЪ, что я хотѣлЪ поступать противЪ закона по крайней мѣрѣ хитростію, поелику властію не могЪ, дабы, будучи плѣнникомЪ, подражать несовершенной свободѣ, дѣлая безЪ наказанія непозволительное чрезЪ мрачное Всемогуществу уподобленіе? Се оный есть рабЪ, бѣгающій господина своего, и улучивЪ тѣнь. О гнилость! о страшилище жизни, и смерти глубина! Можно ли было желать непозволительнаго для того токмо, что было непозволительно?

ГЛАВА VII.

БлагодаритЪ Бога за отпущеніе грѣховЪ своихЪ, и за то, что ОнЪ его отЪ многихЪ сохранилЪ.

18. Что воздамЪ Господеви? что воспоминаетЪ сіе память моя? и душа моя ничего отЪ того не устрашается. Возлюблю Тебя, Господи! и возблагодарю, и исповѣмся имени Твоему; понеже Ты толикая мнѣ злая и беззаконныя дѣла мои оставилЪ. Благодати Твоей восписую, и милосердію

Твоему, что Ты грѣхи моя, яко ледъ разрушилъ еси. Благодати Твоей восписую и то, какого я не содѣлалъ зла. Ибо чего я могъ не содѣлать, когда и добровольное злодѣйство возлюбилъ? Но признаюся, что все оное мнѣ отпущено отъ Тебя, и какое зло добровольно я содѣлалъ, и какого при руководствѣ Твоемъ не содѣлалъ.

19. Кто есть изъ человѣкъ, которой, разсуждая о своей немощи, дерзаетъ силамъ своимъ приписать чистоту и невинность свою, будто бы и не долженъ былъ любить Тебя, и какъ бы ему не нужно было милосердіе Твое, которымъ Ты прощаеши грѣхи обратившимся къ Тебѣ. Ибо кто званный отъ Тебя послѣдовалъ гласу Твоему, и избѣжалъ тѣхъ злыхъ дѣлъ, о которыхъ меня о себѣ самомъ воспоминающаго и исповѣдующагося читаетъ: тотъ да не посмѣвается мнѣ, что тотъ Врачь больнаго лѣчитъ, отъ котораго ему предписано средство, дабы онъ не немоществовалъ, или паче дабы меньше немоществовалъ. И потому Тебя столько же, но еще и паче да любитъ; поелику чрезъ кого онъ видитъ меня освобождающагося отъ толикихъ грѣховныхъ недуговъ моихъ, чрезъ того видитъ, что онъ самъ не бываетъ одержимъ толикими грѣховными недугами.

ГЛАВА VIII.

Возлюбилъ въ хищеніи общество людей, вмѣстѣ согрѣшающихъ.

20. Какую я пользу нѣкогда получилъ отъ того окаянный, о чемъ нынѣ воспоминая стыждуся, наипаче отъ онаго хищенія, въ которомъ я возлюбилъ самое хищеніе? Ничего инаго, поелику и самое хищеніе было ничто, и тѣмъ самымъ я окаяннѣе. И однако я одинъ того бы не учинилъ, тако воспоминаю о тогдашнемъ моемъ намѣреніи, совсѣмъ бы того одинъ не учинилъ. Такъ я возлюбилъ тамъ общество тѣхъ, съ которыми учинилъ сіе? И такъ я не что иное, какъ только хищеніе возлюбилъ; но и не что иное, поелику и хищеніе оное есть ничто.

21 Что оно есть въ самомъ дѣлѣ? Кто меня вразумитъ о семъ, развѣ кто просвѣщаетъ сердце мое, и раздѣляетъ тѣни его? О чемъ мнѣ приходитъ на мысль вопросить, и разобрать, и разсудить? Понеже ежели бы я тогда возлюбилъ плоды оные, которые похитилъ, и тѣми пользоваться желалъ: то бы могъ сдѣлать сіе одинъ, ежели бы для меня довлѣло содѣлать оное беззаконіе, дабы чрезъ то получить себѣ удовольствіе, и не воспалился бы я къ тому желаніемъ чрезъ подстрѣканіе сообщниковъ. Но понеже я въ оныхъ плодахъ удовольствія не чувствовалъ, то чувствовалъ оное въ самомъ злодѣяніи,

которое раждало во мнѣ общество купно согрѣшающихъ.

ГЛАВА IX.

Заразительная есть вещь товарищи развратные.

22. Что такое была оная страсть духа? Ибо поистиннѣ гнусная была весьма, и горе мнѣ было, когда я имѣлъ ее. Но однакожъ что она была такое? *Грѣхопаденія кто разумѣетъ* (1)? Смѣхъ былъ, происходящій какъ бы отъ радости сердца, что мы обманывали тѣхъ, которые не думали, чтобъ мы учинили сіе, да и весьма не хотѣли. Такъ для чего я тѣмъ услаждался, что сего не дѣлалъ одинъ? Или для того, поелику никто одинъ удобно и не смѣется? Правда, никто; но однако одного и въ уединеніи находящагося человѣка, когда нѣтъ съ нимъ никого другаго, иногда побѣждаетъ смѣхъ, ежели что нибудь весьма смѣшное, или чувствамъ его попадается, или приходитъ на мысль. Но я одинъ того бы не учинилъ, совсѣмъ бы не учинилъ одинъ.

23. Се предъ Тобою, Боже мой! живо воспоминаніе души моея. Одинъ бы я не учинилъ онаго хищенія, въ которомъ не желалъ похищеннаго; но поелику похитилъ, чего я одинъ совсѣмъ бы учинить не восхотѣлъ, да и не учинилъ бы. О весьма вражде-

(1) Псал. 18. 13.

ждебное дружество! прельщеніе ума, неизслѣдимая отъ игры и забавы ко вреду алчность и пожеланіе чуждаго вреда безъ всякаго себѣ прибытка, безъ всякаго къ мщенію желанія; но когда говорятъ пойдемъ, сдѣлаемъ, то и стыдно уже не быть безстуднымъ.

ГЛАВА X.

Въ Богѣ всякое добро.

24. Кто разрѣшитъ сію хитросплетеннѣйшую и скрытнѣйшую узловатость? Мерзостна есть она; я не хощу за нее приниматься, не хощу смотрѣть на нее. Ты, Боже! вожделѣнъ мнѣ, правда и невинность благолѣпная и блистающая истиннымъ свѣтомъ и ненасытимымъ удовольствіемъ. Покой есть у Тебя безконечный и жизнь несмущаемая (1). Входяй въ Тебя, входитъ въ радость Господа своего, и не убоится, и будетъ наслаждаться всѣми благими во всеблагомъ. Я отпалъ отъ Тебя, и заблудилъ, Боже мой! безмѣрно устранившись отъ постоянства Твоего въ юности моей, и учинился себѣ страною убожества.

КНИ-

(1) Матѳ. 25. 21.

КНИГА ТРЕТІЯ.

О седьмомнадесять, осьмомнадесять и девятомнадесять годахъ возраста его, которые онъ провождалъ въ Кароагенѣ, гдѣ воспоминаетъ, что онъ при окончаніи наукъ уловленъ былъ сѣтію сладострастныя любви, и впалъ въ Манихейскую ересь. Противъ сихъ заблужденій и глупыхъ мнѣній изрядно разсуждаетъ. Объявляетъ о матернихъ за него слезахъ и отвѣтѣ, полученномъ отъ Бога о его обращеніи.

ГЛАВА I.

Уловляется сѣтію сладострастныя любви.

1. Я прибылъ въ Кароагенъ, и отвсюду поражалъ меня шумомъ конобъ беззаконныя любви. Я еще не любилъ, однако любилъ быть любимъ, и самъ себя ненавидѣлъ, что не требовалъ тайнаго требованія. Искалъ того, чтобы могъ я любить, любя любимъ быть, и ненавидѣлъ безопасность и путь безъ сѣтей. Понеже я гладъ чувствовалъ внутрь себя безъ внутренніи пищи Тебя самаго, Боже мой! и тѣмъ гладомъ не алкалъ; но не желалъ нетлѣннаго брашна, не по тому, будто бы я онымъ насыщенъ былъ; но чѣмъ былъ суетнѣе, тѣмъ отъ нея отвратительнѣе. И для того немоществовала душа моя; и будучи въ

стру-

струпахъ, бѣдственно вонъ извергалася, желая услаждаться осязаніемъ чувственныхъ вещей. Но ежели бы оныя не имѣли души, конечно бы любимы не были. Любить и самому любиму быть сладостно мнѣ было; и тѣмъ паче, ежели бы любящій равною мнѣ соотвѣтствовалъ любовію.

2. И такъ я союзъ дружества оскверняль нечистотою вожделѣнія, и непорочность онаго помрачалъ адскою похотію; и однако будучи мерзостенъ и безчестенъ, изряднымъ и вѣжливымъ быть желалъ по изобилію суетности. Притомъ впалъ и въ любовь, которою желалъ уловленъ быть. Боже мой! милосердіе мое! коликою Ты желчію мнѣ оную пріятность, и коль, будучи благій, окроплялъ! понеже я и любимъ былъ, и достигъ тайно до оковъ услажденія, и радостно связуемъ былъ бѣдственными узами, такъ что біенъ былъ палицами желѣзными, горящими ревности, и подозрѣній, и боязней, и враждованій, и ссоръ.

ГЛАВА II.

О томъ, что онъ любилъ театральныя зрѣлища.

3. Восхищали меня зрѣлища театральныя, наполненныя изображеніями бѣдствій моихъ и подгнетами огня моего любовнаго. О чемъ тамъ человѣкъ хощетъ соболѣзновать, взирая на плачевное и печальное, чего однако самъ не хощетъ терпѣть?

и однако зритель хощетъ терпѣть происходящую отъ того печаль, и самая печаль есть для него удовольствіе. О чемъ, говорю, тамъ хощетъ соболѣзновать, развѣ о безуміи достойномъ сожалѣнія? Ибо чрезъ сіе всякой тѣмъ паче возбуждается, чѣмъ меньше отъ таковыхъ страстей свободенъ; хотя, когда самъ злостраждетъ, бѣдствіемъ, а когда другимъ состраждетъ, милосердіемъ обыкновенно называется. Но какое милосердіе о вещахъ вымышленныхъ и ложно представляемыхъ? Ибо слушатель чрезъ то не къ вспомоществованію возбуждается, но токмо къ соболѣзнованію поощряется; и представлятелю таковыхъ лицъ больше благопріятствуетъ, когда больше соболѣзнуетъ. И ежели оныя человѣческія бѣдствія, или древнія, или вымышленныя такъ представляются, что въ зрителѣ не производятъ соболѣзнованія: то онъ отходитъ оттуда съ отвращеніемъ и негодованіемъ. Естьли же кто изъ зрителей чувствуетъ отъ того соболѣзнованіе, тотъ остается тамъ съ глубокимъ вниманіемъ, и отъ радости плачетъ. Такъ развѣ любезны бываютъ слезы и соболѣзнованія? Нѣтъ; ибо всякой человѣкъ радоваться хочетъ; или хотя бѣднымъ быть никому не желательно, однако желательно быть милосердымъ? Что поелику не безъ соболѣзнованія бываетъ, то по сей единой причинѣ любезны соболѣзнованія; и сіе изъ онаго источника дружелюбія проистекаетъ.

4.

4. Но куда бѣжитъ? Куда течетъ? Почто стекаетъ въ потокъ смолы кипящія, въ волны жестокія гнусныхъ похотей, въ которыя само оно перемѣняется и превращается по своему произволенію, отъ небесной ясности отторгшись и низвергшись? Такъ должно ли отвергать милосердіе? Никакъ. Слѣдовательно должно иногда любить соболѣзнованіе. Но ты берегись нечистоты, душе моя! будучи подъ кровомъ Бога моего, Бога отецъ нашихъ (1), и хвальнаго и превозносимаго во вся вѣки; берегись нечистоты; ибо я нынѣ о семъ соболѣзную, а тогда въ театрахъ сорадовался любящимся, когда они собою увеселялися чрезъ беззаконія, хотя сіе и вообразительно дѣлалося въ зрѣлищахъ. Когда же они одинъ другаго лишалися, то я, какъ бы милосердуя, сопечалился имъ; однако и то и другое меня увеселяло и услаждало; а нынѣ о томъ больше соболѣзную, что я радовался о беззаконіи, нежели какъ бы я претерпѣлъ какое либо зло, лишившись пагубнаго удовольствія и бѣдственнаго щастія.

5. Сіе по справедливости есть истиннѣйшее милосердіе, но не въ томъ услаждается сердце; ибо хотя оный человѣкъ и похваляется по долгу любви, которой соболѣзнуетъ о бѣдномъ, однако тотъ желалъ бы совсѣмъ ничего не имѣть достойнаго

1) Дан. 3. 52.

наго соболѣзнованія, кто искренно и истинно есть милосердъ. Ибо ежели есть недоброжелательное доброжелательство (чему быть не возможно), то можетъ и тотъ, кто истинно и искренно о другихъ соболѣзнуетъ, желать, чтобъ были бѣдные, о которыхъ бы онъ могъ соболѣзновать; почему нѣкоторое соболѣзнованіе похвалить, а любить никакого не должно. Сіе бо Ты твориши, Господи Боже! которой любитъ души гораздо непорочнѣе, нежели мы, и нетлѣннѣе соболѣзнуеши, понеже никакою печаліею не уязвляешися. Но къ сему кто доволенъ? А я, окаянный! тогда любилъ соболѣзнованіе, и искалъ того, о чемъ бы могъ соболѣзновать; когда мнѣ въ бѣдствіи другаго и вымышленномъ, и въ плясаніи представляемомъ та больше нравилась роля комедіанта, и сильнѣе меня поражала, отъ которой изъ очей моихъ исторгалися слезы. Да удивительно ли сіе, что я погибшая овца, заблудивъ отъ стада Твоего, и не терпя стражи Твоея, оскверняхся гнусною проказою? И отъ сего раждалась во мнѣ любовь къ печалямъ, не которыми бы я болѣе былъ пронзаемъ; ибо я не любилъ таковое что либо терпѣть, каковое видѣть; но которыми бы слышанными и вымышленными, какъ бы по одной поверьхности терзался, за которыми однако какъ бы ногти строгающихъ великая опухоль и чахлость и ужасная въ крови гнилость слѣдовали: тако

ковая жизнь моя была ли жизнь, Боже мой?

ГЛАВА III.

Будучи въ училищѣ у Ретора, отъ дѣлъ развращенныхъ юношей отвращался.

6. И облетало надо мною издалече вѣрное милосердіе Твое. Коликимъ я предался беззаконіямъ, и святотатственному любопытству послѣдовалъ, такъ что оно меня, когда я оставлялъ Тебя, низводило въ бездну вѣроломную и къ коварнымъ повиновеніямъ демоновъ, которымъ я жертвовалъ дѣлами моими злыми, и за все сіе Ты наказывалъ меня! Дерзнулъ я и при отправленіи службы Твоея внутрь стѣнъ церкви Твоея похотѣть (1), и творить плоды смерти, за что Ты поразилъ меня тяжкою казнію. Но сіе никакъ не сразмѣрно было винѣ моей, о Ты превеліе милосердіе мое, Боже мой! прибѣжище мое отъ вредоносныхъ страшилищъ, между которыми я скитался легковѣрною выею, далече отступая отъ Тебя, любящій пути моя, а не Твоя, любящій скоротечную свободу!

7. Имѣли и оныя науки, такъ называемыя честныя, втеченіе свое въ суды тяжебные, дабы я въ оныхъ превосходилъ тѣмъ похвальнѣе, чѣмъ коварнѣе. Коль великое ослѣпленіе находится въ человѣ-

 кахъ,

(1) Рим. 7. 5.

кахъ, что они хвалятся своею слѣпотою! И я уже старшимъ былъ въ училищѣ у Ретора, и возхищался величавостію, и надмѣвался гордостію; хотя и гораздо кротчае былъ прежняго, Господи; Ты вѣси, и совсѣмъ удаленъ былъ отъ тѣхъ развратностей, которыя дѣлали развратники (ибо сіе названіе есть погибельное и діавольское). Между ими я жилъ со стыдомъ непостыднымъ; поелику таковый не былъ, какъ они, и съ ними обращался и дружествами оныхъ иногда наслаждался, а дѣлъ ихъ всегда гнушался, т. е. развратностей, которыми они нагло нападали на цѣломудріе незнаемыхъ, для поколебанія коего нарочно надъ ними издѣвались, и оттуда питали недоброжелательныя веселости свои. Нѣтъ ничего сего дѣйствія подобнѣе дѣйствіямъ демонскимъ. И такъ какими ихъ справедливѣе назвать можно, какъ не развратниками? Подлинно сами они первѣе изпровержены и развращены отъ ругающихся надъ ними и прельщающихъ тайными коварствами духовъ въ томъ самомъ, въ чемъ они обыкновенно надъ другими издѣваются и прельщаютъ.

ГЛАВА IV.

Гортенсій Цицероновъ возжегъ въ немъ любовь къ Философіи.

8. Я между сими будучи тогда слабаго возраста, учился краснорѣчію, въ которомъ пре-

превзойти ихъ желалъ съ концемъ предосудительнымъ и тщетнымъ, т. е. дабы наслаждаться суетою человѣческою; и по обыкновенному порядку ученія дошелъ уже до нѣкоторой книги нѣкотораго Цицерона, котораго языку всѣ почти удивляются, но не столько сердцу. Книга же оная содержитъ въ себѣ побужденіе къ Философіи, и называется Гортенсій. Сія книга перемѣнила страсть мою, и къ Тебѣ единому, Господи! обратила мольбы моя, и обѣты и желанія мои учинила иными. Тотчасъ я совсѣмъ презрѣлъ всю суетную надежду, и возжелалъ безсмертной мудрости съ жаромъ сердца моего невѣроятнымъ, и началъ возставать, дабы обратиться къ Тебѣ. Ибо не для изощренія языка, что я по видимому покупалъ за матерніи деньги, будучи на девятомнадесять году отъ рожденія моего, уже спустя два года по смерти отца моего. И такъ я не для изощренія языка всегда имѣлъ при себѣ оную книгу, которая меня не краснорѣчіемъ своимъ, но самымъ содержаніемъ плѣняла.

9. Боже мой! колико я горѣлъ желаніемъ! колико горѣлъ желаніемъ возлетѣть отъ земныхъ къ Тебѣ; и не вѣдалъ еще, что Ты со мною учинишь! У Тебе бо есть премудрость. Любовь же къ мудрости Греческимъ именемъ называется *Философія* (любомудріе); къ сему воспламеняли меня оныя буквы. Но находятся и такіе люди

которые прельщають Философіею, великимъ и пріятнымъ и досточтеннымъ симъ именемъ украшая и прикрывая заблужденія свои. И почти всѣ, которые изъ нихъ и въ прежнія времена были такіе, въ той книгѣ изчислены и означены; и объявляется тамъ спасительное сіе увѣщаніе Духа Твоего, изреченное рабомъ Твоимъ благимъ и праведнымъ: *Блюдитеся, да никто же васъ будетъ прельщая Философіею и тщетною лестію по преданію человѣческому, по стихіямъ міра сего, а не по Христѣ: яко въ немъ живетъ всяко исполненіе Божества тѣлеснѣ* (1).

10. И я въ то время, вѣси Ты, свѣте сердца моего, поелику еще мнѣ сіи Апостольскія слова не были извѣстны, симъ только единымъ увеселялся въономъ побужденіи, что я не другую какую либо секту, но ту самую, каковая ни есть, мудрость любить, и искать, пріобрѣтать, и знать, и обнимать весьма поощрялся чрезъ оную книгу, и возпламенялся, и горѣлъ желаніемъ. Но сіе токмо меня, въ толикой сущаго горячности, смущало, что имени Христова тамъ не было, понеже симъ именемъ Спасителя моего, Сына Твоего, съ самымъ еще млекомъ матернимъ мягкое сердце мое благочестно напаевалося, и глубоко оное въ себѣ впечатлѣвало; и все, что бы та-

(1) Кол. 2. 8.

такое безѣ сего имени ни было, хотябѣ ученое, и краснорѣчивое, и правдоглаголивое, меня всего не возхищало.

ГЛАВА V.

О томѣ, что онѣ презиралѣ Священное Писаніе, что оно писано простымѣ слогомѣ.

11. И такѣ я опредѣлилѣ всѣ мысли мои обратить на Святое Писаніе, желая узнать, каково оно есть. И се позналѣ, что оно есть вещь не явленная гордымѣ, ниже обнаженная малолѣтнымѣ; но при начатіи чтенія его есть низкое, по вступленіи вѣ него высокое и покровенное таинствами; и я не былѣ такой, которой бы могѣ проникнуть вѣ оное, или приклонить выю кѣ стопамѣ его; ибо я не такѣ тогда мыслилѣ, какѣ говорю теперь, когда сталѣ со вниманіемѣ разсматривать оное Писаніе, но оно мнѣ показалося не достойнымѣ сравненія сѣ Тулліевымѣ превосходянымѣ слогомѣ; поелику надмѣнность мое отвращалася слога его, а разумѣ мой не проникалѣ вѣ глубину его. Однакожѣ оно было такое, которое возрастало сѣ малолѣтными; но я гнушался быть малолѣтнымѣ, и надмѣнѣ будучи гордостію, великимѣ самѣ себѣ казался.

ГЛАВА VI.

Какимъ образомъ онъ обольщенъ былъ отъ Манихеевъ.

12. Я попалъ на человѣковъ высокомѣрно безумствующихъ, и весьма плотяныхъ и велерѣчивыхъ, въ устахъ которыхъ были сѣти діявольскія и лесть, состоящая въ смѣшеніи слоговъ имени Твоего, и Господа Іисуса Христа, и Параклита, Утѣшителя нашего Духа Святаго. Сіи всѣ имена не отступали отъ устъ ихъ, но токмо по звуку и дѣйствію языка, хотя впрочемъ сердце ихъ было тощее истинны, и говорили: истинна, и истинна, и много говорили о ней мнѣ, а въ нихъ самихъ совсѣмъ ее не было; но ложное говорили не о Тебѣ только, иже истинно истинна еси, но и о тѣхъ самыхъ стихіяхъ сего міра тваряхъ Твоихъ, о которыхъ и правдовитійствующихъ Философовъ презирать мнѣ надлежало ради любви Твоея, Отче мой преблагій, красота красотъ всѣхъ! О истинна, истинна! коль искренно и тогда тукъ души моея желалъ Тебе, когда они о Тебѣ звучали мнѣ часто и многократно гласомъ единымъ, и въ книгахъ многихъ и великихъ! И сіе было сосуды, въ которыхъ мнѣ алчущему Тебя, предлагаемо было вмѣсто Тебя солнце и луна, красивыя дѣла Твои; но однако дѣла Твои, а не Ты, ни

самыя

самыя первыя; ибо духовныя первѣйшія дѣла Твои, нежели сіи тѣлесныя, хотя свѣтлыя и небесныя.

13. А я ни первѣйшихъ оныхъ дѣлъ, но Тебя самую, Тебя, истинна! у которой *нѣсть премѣненія, или преложенія стѣнь* (1), и алкалъ и жаждалъ. И еще предлагаемы были мнѣ въ тѣхъ сосудахъ привидѣнія блистательныя, которыхъ уже лучше надлежало любить сіе солнце, которое по крайней мѣрѣ для глазъ моихъ было истинное, нежели оныя привидѣнія ложныя духу, прельщенному посредствомъ очей. И однако я, поелику о Тебѣ размышлялъ, вкушалъ Тебя, хотя и не желательно; понеже Ты не столько пріятна была во устѣхъ моихъ, якоже сама въ себѣ еси; ниже Ты вымыслы оные тщетные, и я не насыщался оными, но паче истощевался. Пища, представляющаяся во снѣ, весьма подобна пищамъ бодрствующихъ, которою однако спящіе не питаются; спятъ бо. А тѣ вымыслы никакимъ образомъ подобны Тебѣ не были, какъ Ты нынѣ мнѣ рекла еси; поелику оныя тѣлесныя привидѣнія были ложныя тѣла, которыхъ извѣстнѣе суть истинныя тѣла сіи, которыя мы созерцаемъ плотскимъ окомъ, или небесныя, или земныя; мы видимъ сіи купно съ животными и птицами, и потому оныя извѣ-

(1) Іак. 1. 17.

стнѣе, нежели когда ихъ воображаемъ въ мысляхъ; и паки извѣстнѣе воображаемъ оныя, нежели когда изъ нихъ чрезъ воображеніе вымышляемъ другія величайшія и безконечныя, которыхъ совсѣмъ нѣтъ, каковыми я когда тщетными услаждался, и не услаждался.

14. Но Ты, Боже любовь моя, для котораго я ослабѣваю, да мужественъ буду, ни тѣ тѣла еси, которыя мы созерцаемъ, хотя и на небѣ; ниже тѣ, которыхъ не видимъ тамъ, яко Ты сіи сотворилъ еси, и не почитаеши ихъ за высочайшія Твои творенія. И такъ коль Ты далече отстоиши отъ тѣхъ моихъ привидѣній, привидѣній тѣхъ, которыхъ совсѣмъ нѣтъ, которыхъ извѣстнѣе мечтанія тѣлъ существующихъ, а сихъ извѣстнѣе самыя тѣла, которыя однако не Ты еси; но ниже Ты душа, которая есть жизнь тѣлъ. И потому лучше есть жизнь тѣлъ, и извѣстнѣе, нежели тѣла. Но Ты жизнь еси душъ, жизнь жизней, живущая сама собою, и не измѣняешися жизнь души моея. И такъ гдѣ Ты, Боже мой! отъ меня тогда былъ? и коль далече? И я далече устранялся отъ Тебя, отлученъ будучи и отъ рожецъ свиней (1), которыхъ я отъ рожецъ кормилъ. Ибо колико лучше суть грамматиковъ и стихотворцевъ баснословія, нежели

(1) Лук. 15.

жели оныя сѣти! Понеже стихотворенiе и поэма и Медея (1) парящая, полезнѣе поистиннѣ, нежели пять стихiй, различно прикрашенныхъ ради пяти пещеръ мрачныхъ, которыхъ совсѣмъ нѣтъ, и убиваютъ вѣрующаго сему (2). Ибо я стихотворенiе и поэму также причисляю къ истиннымъ стихiямъ; парящую же Медею, и ежели я пѣлъ, то не утверждалъ; и ежели ее поемую слышалъ, то не вѣрилъ, а тому я повѣрилъ.

15. Увы, увы! какими я стезями низведенъ во глубину адову! т. е. труждаясь и безпокоясь о недостаткѣ истинны, когда Тебя, Боже мой! (Тебѣ бо исповѣмся,

 иже

(1) Медея, славная волшебница, которая погибельно возлюбивши Iасона, удобный ему доставила доступъ къ Златому Руну чрезъ усыпленiе Дракона, всегда стрегущаго оное. Послѣ чего опасаяся отцева гнѣва, бѣжала съ Iасономъ въ Грецiю, и гнавшагося за собою отца остановила, растерзавши брата своего, и бросавши по пути члены его.

(2) Манихеи полагали два начала въ мiрѣ, одно доброе, а другое злое, и два царства, т. е. свѣта и тьмы. Царство свѣта Богомъ почитали, и Ему приписывали простое нѣкоторое естество, непреложное, непроницаемое и нетлѣнное; а царство тьмы называли крайнимъ зломъ, въ которомъ утверждали, якобы находятся пять для стихiй пещеръ, иная изъ оныхъ наполнена тьмою, иная водами, иная вѣтрами, иная огнемъ, иная дымомъ, и будто бы въ каждой пещерѣ раждаются животныя, т. е. во тьмѣ пресмыкающiяся, въ водахъ плавающiя, въ вѣтрахъ летающiя, въ огнѣ четвероногiя, въ дыму двуногiя, а изъ сихъ всѣхъ сооруженъ мiръ отъ Бога благаго.

иже мя помиловалъ еси еще не исповѣдующагося) когда я Тебя искалъ не разумомъ, которымъ Ты мнѣ превышать благоволилъ безсловесныхъ животныхъ, но чувствомъ плотскимъ. Ты же былъ сокровеннѣ сокровеннѣйшаго моего, и выше высочайшаго моего. Я попался оной женѣ продерзкой и безумной, (Притча Соломонова), сѣдящей на столцѣ явѣ на стогнахъ, и вопіющей: *Хлѣбомъ сокровеннымъ въ сладость прикоснитеся, и воду татьбы сладкую пійте* (1). Сія меня прельстила, поелику нашла меня на стогнахъ обитающаго въ окѣ плоти моея, и о таковомъ въ себѣ размышляющаго, каковое онымъ окомъ какъ бы желалъ поглотить.

ГЛАВА VII.

На нелѣпое ученіе Манихейское соглашается.

16. Я не зналъ инаго, что есть совершенно истинное, и какъ бы нѣкоторыми шпорами побуждаемъ былъ согласиться на сторону безумныхъ обманщиковъ; когда они меня вопрошали, откуду зло? и оканчивается ли Богъ образомъ тѣлеснымъ? и имѣетъ ли власы и ногти? и должно ли праведными почитать тѣхъ, которые имѣютъ много женъ вмѣстѣ, и убиваютъ человѣковъ, и въ жертву приносятъ животныхъ? Онъ

(1) Прит. 9. 13.

Отъ чего я, не зная какъ рѣшить сіи вопросы, приходилъ въ замѣшательство, и отступая отъ истинны, казалось мнѣ, что я къ оной подхожу; поелику я признавалъ зломъ не что иное, какъ токмо лишеніе добра, кромѣ сего совсѣмъ ничего за зло не почиталъ. Да и какъ бы я могъ сіе знать, или видѣть, когда мое зрѣніе очами простиралося только до тѣла, а духомъ только до привидѣнія? и не вѣдалъ я, что Богъ есть духъ, которой не имѣетъ членовъ ни въ долготу, ни въ широту, ниже какой либо тяжести, понеже тяжесть, находящаяся въ части, меньшая есть, нежели въ цѣломъ своемъ, и ежели есть безконечная, то меньшая находится въ нѣкоторой части извѣстнымъ пространствомъ ограниченной, нежели по безконечности простирающаяся, и не вся есть вездѣ, якоже духъ, якоже Богъ; и притомъ совсѣмъ я не зналъ, что въ насъ находится такое, по чему мы подобны Богу, хотя и справедливо въ Писаніи называемся по образу Божію сотворенные; и не зналъ правды истинной сокровеннѣйшей, не по обыкновенію человѣческому судящей, но по закону праведнѣйшему Бога всемогущаго, которымъ устрояются обычаи странъ и временъ по свойству странъ и временъ, хотя оный вездѣ и всегда былъ единъ, и не инаковый въ другомъ мѣстѣ, и не различно индѣ дѣйствуетъ. По сему были прав-

вед-

ведными Авраамъ, и Исаакъ, и Іаковъ, и Моисей, и Давидъ, и всѣ они похвалены устами Божіими, но невѣжды ихъ почитаютъ неправедными, которые судятъ по человѣческому времени, и о всѣхъ нравахъ человѣческаго рода судятъ по частному своему нраву, такъ какъ бы кто не знающій въ воинскихъ снарядахъ, чѣмъ какой членъ тѣлесный украшается, восхотѣлъ сапогомъ покрывать голову, и шлемъ надѣвать на ноги, сталъ бы роптать, что не хорошо пристаетъ; или бы въ одинъ день, когда по полудни запрещено отправленіе торговъ, кто нибудь началъ негодовать на то, что ему не позволяется продавать вещи, поелику позволено было утромъ; или ежели бы кто (законы по обстоятельствамъ временъ могутъ перемѣняться) увидѣлъ, что въ одномъ домѣ нѣкоторые изъ рабовъ въ такомъ дѣлѣ упражняются, чего дѣлать не позволяется виночерпцу; или что за яслями дѣлается то, что запрещается передъ столомъ, и сталъ бы негодовать, что хотя одинъ есть домъ и одно семейство, но не вездѣ и всѣмъ одно назначается дѣлать.

17. Подобны симъ и тѣ, которые негодуютъ, услышавъ, что въ ономъ вѣку позволялось праведникамъ нѣчто такое, чего въ семъ вѣку не позволяется праведникамъ; и понеже тѣмъ другое заповѣдалъ Богъ, и симъ другое по обстоятельствамъ временъ,

хотя

хотя одной правдѣ и тѣ и другіе служили; когда въ единомъ человѣкѣ, и въ одинъ день, и въ одномъ домѣ увидятъ, что иное иному члену приличествуетъ, и что иное прежде позволено было, а послѣ, спустя часъ, не позволяется; что въ одномъ углу нѣчто дозволяется и повелѣвается, что въ семъ праведно запрещается и наказывается. Правда ли есть различна и перемѣнна? Нѣтъ; но времена, надъ которыми оная владычествуетъ, не равнымъ текутъ образомъ, времена бо суть: а человѣки, которыхъ жизнь на земли есть краткая, поелику чувствомъ своимъ не могутъ соединить первыхъ вѣковъ обстоятельства и другихъ народовъ, которыхъ сами не испытали, съ тѣми, которыя они испытали въ одномъ же тѣлѣ, или дни, или домѣ удобно могутъ видѣть, что какому члену, въ какія минуты, въ какихъ частяхъ дома, или лицамъ приличествуетъ, то въ томъ оскорбляются, сему работствуютъ.

18. Сего я тогда не зналъ, да и не примѣчалъ, и поражало отвсюду сіе очи мои, а я не видѣлъ; и пѣлъ стихи, и не позволялось мнѣ полагать равную стопу во всякомъ мѣстѣ, но въ различномъ измѣреніи различно поступать надлежало, и въ одномъ нѣкоторомъ стихѣ не на всѣхъ мѣстахъ одну и туюжде стопу полагать позволялось. А наука самая, по которой я пѣлъ стихи, не имѣла инаго индѣ, но

все

все вмѣстѣ; и я не взиралъ на правду, которой служили благіе и святые человѣки, что она въ превосходнѣйшемъ и высочайшемъ степени имѣетъ совокупно все то, что заповѣдалъ Ты, Боже! и никакъ не перемѣняется, и однако въ различныя времена не все купно, но свойственное каждой вещи раздѣляетъ и повелѣваетъ. И я поносилъ, будучи ослѣпленъ другими предметами, благочестивыхъ отцевъ, не только, какъ Богъ повелѣвалъ и вдыхалъ, пользующихся настоящимъ, но и, какъ Богъ открывалъ, будущее предвозвѣщающихъ.

ГЛАВА VIII.

Разсуждаетъ противъ Манихеевъ, какія беззаконія и какія злодѣянія всегда достойны отвращенія и омерзѣнія.

19. Почитается ли нѣкогда, или нѣгдѣ за неправедное любить Бога отъ всего сердца и отъ всея души, и отъ всего помышленія, и любить ближняго, яко себя самаго? Слѣдовательно пороки, которые бываютъ противъ естества человѣческаго, вездѣ и всегда достойны крайняго омерзѣнія и наказанія? Таковые ежели бы всѣ народы содѣвали, то бы той же за беззаконіе винѣ по Божественному закону подлежали; поелику Богъ не съ тѣмъ сотворилъ человѣковъ, дабы они себя употребляли таковымъ образомъ; ибо чрезъ сіе нарушается

самое общеніе, которое мы должны имѣть съ Богомъ, когда тоже естество, коего онъ есть Творецъ, превратностію вожделѣнія оскверняется. А которые пороки бываютъ противъ обычаевъ человѣческихъ, тѣхъ по различію обычаевъ должно удаляться, дабы союзъ между собою, общества, или цѣлаго народа обыкновеніемъ, или закономъ утвержденный, никакою гражданина, или чужестранца похотію не былъ нарушаемъ; ибо мерзостна есть всякая часть, которая съ своимъ цѣлымъ не сходствуетъ.

20. Когда же Богъ что либо противъ обычая человѣческаго, или союза нѣкоторыхъ повелѣваетъ, то ежели сего никогда тамъ учинено не было, должно учинить; а ежели оставлено, должно возобновить; и ежели уставлено не было, установить надлежитъ. Ибо ежели Государь можетъ въ томъ обществѣ, надъ которымъ онъ владычествуетъ, учреждать нѣчто такое, чего ни прежде его кто, ни самъ онъ никогда не учреждалъ; да и не противъ общества гражданскаго ему повинуются: но противъ законовъ общества не повинуются; потому что всеобщее учрежденіе есть въ человѣческомъ обществѣ, дабы повиноваться Государямъ своимъ: то не паче ли Богу, обладателю вселенныя твари своея, въ томъ, что онъ ни повелитъ, безъ сомнѣнія должно повиноваться? ибо какъ во властяхъ обще-

общества человѣческаго большая власть меньшей въ разсужденіи повиновенія предпочитается, такъ Богъ всѣмъ. Также и въ злодѣяніяхъ, гдѣ желаніе раждается, вредить другимъ либо чрезъ ругательство, либо чрезъ обиду; но и то и другое предпріемлется или для отмщенія, какъ на пр. врагъ врагу; или для полученія внѣшней нѣкоторой выгоды, какъ-то разбойникъ путнику; или для избѣжанія зла, какъ то тому человѣку, котораго страшится; или по зависти, какъ то щастливѣйшему бѣднѣйшій; или въ чемъ нибудь учинившись щастливымъ тому, котораго опасается, дабы онъ ему въ томъ не былъ равенъ; или себѣ завидуетъ, что видитъ его себѣ равнымъ; или для полученія одного только удовольствія изъ чужаго нещастія, какъ то зрители мечебитцевъ, или ругатели и посмѣятели нѣкоторыхъ человѣковъ. Сіи суть источники нечестія, изъ которыхъ произтекаетъ къ начальствованію, и къ зрѣнію, и чувствованію желаніе, или одно, или два изъ оныхъ, или совокупно всѣ, и живемъ злѣ противъ трехъ и седьми Псалтири десятоструннѣй десятословія Твоего, Боже вышній и сладчайшій!

21. Но какіе пороки на Тебя, который не гнѣвенъ? Или какія противъ Тебя злодѣянія, которому вредить не возможно? Но и сіи Ты отмщеваеши, что на себя человѣки содѣваютъ; поелику и тогда, когда

гда они на Тебя грѣшатъ, нечестіе сіе полагаютъ на души своя, и лжетъ ихъ неправда себѣ (1), либо растлѣвая и превращая естество свое, которое Ты создалъ и устроилъ; либо неумѣренно употребляя позволенныя имъ вещи, или на непозволенное стремяся желаніемъ съ тѣмъ употребленіемъ, которое есть противъ естества: или когда обвиненные содержатся, духомъ и словами свирѣпствуютъ на Тебя, и противу рожну сопротивляются (2); или когда расторгши союзы человѣческаго общества, увеселяются частными примиреніями, или раздорами, такъ какъ бы что ихъ услаждало, или оскорбляло. И сіе бываетъ тогда, когда Ты оставляешися, Источникъ жизни! иже еси единъ истинный Творецъ и Правитель вселенныя; и по своей гордости любятъ на странѣ одно ложное. И такъ мы чрезъ смиренное благочестіе возвращаемся къ Тебѣ, и Ты очищаеши насъ отъ привычки злой, и милостивъ бываеши грѣхамъ исповѣдающихся (3), и слышиши воздыханія окованныхъ, и разрѣшаеши насъ отъ узъ, которыя мы себѣ содѣлали, когда уже не возвышаемъ противъ Тебя рогъ ложныя свободы, сребролюбіемъ большаго стяжанія, и ущербомъ всего потерянія, паче любя собственное наше, нежели Тебя всѣхъ смертныхъ добро.

(1) Псал. 26, 13. (2) Дѣя. 9. 5. (3 Псал. 101. 21.

ГЛАВА IX.

О различіи между грѣхами и между судомъ Божіимъ и человѣческимъ.

22. Но между беззаконіями, и злодѣяніями и толь многими неправдами находятся грѣхи успѣвающихъ (proficientium), которые отъ благоразсудительныхъ и хулятся по правилу совершенства, и похваляются въ надеждѣ плода, какъ въ злакѣ не сожатаго хлѣба. А находятся нѣкоторые грѣхи, подобные по видимому или беззаконію, или злодѣянію, однако не суть грѣхи; понеже оные и Тебя не оскорбляютъ Господа Бога нашего, ниже союзное общество; когда снискивается что либо на потребу житейскую сообразное времени; и не извѣстно еще, по желанію ли стяжанія; или когда учрежденная власть наказываетъ нѣкоторыхъ для исправленія, и не извѣстно еще, по желанію ли вреда. И такъ многія дѣла, которыя человѣкамъ кажутся быть достойны охужденія, свидѣтельствомъ Твоимъ похваляются; и многія похваляемыя отъ человѣковъ свидѣтельствомъ Твоимъ осуждаются; поелику часто инаковымъ представляется видъ дѣйствія, а иначе дѣйствующаго духъ и членъ сокровеннаго времени. А когда Ты что либо вдругъ необычайное и нечаянное повелѣваеши, хотя сіе нѣкогда и запретилъ (и причину повe-

веленія Твоего по времени скрываеши, и хотя бы сіе было противно учрежденію нѣкоторыхъ людей, живущихъ въ обществѣ), то кто бы усумнился оное исполнить, когда то праведно есть человѣческое общество, которое служитъ Тебѣ? Но блажени суть вѣдущіе Твое повелѣніе, ибо служащіе Тебѣ все творятъ или для изъявленія того, что до настоящаго дѣла касается, или для предвозвѣщанія будущаго.

ГЛАВА X.

Глупыя Манихейскія мнѣнія о земныхъ плодахъ древесныхъ.

23. Сего я не вѣдая, ругался онымъ святымъ рабамъ и Пророкамъ Твоимъ. И для чего я сіе дѣлалъ, ругаясь имъ, развѣ дабы я поруганъ былъ отъ Тебя? И мало помалу я доведенъ былъ до такого сумазбродства, что вѣрилъ, будто смоковный плодъ плачетъ, когда его срываютъ, и матерь его дерево орошается млечными слезами. Однако сію смокву ежели бы вкусилъ кто изъ святыхъ, чужимъ подлинно, а не своимъ беззаконіемъ по ихъ мнѣнію сорванную: то бы смѣшалъ оную со внутренними своими частями, и дышалъ въ рѣчи отъ нее Ангелами, да и частицами Бога, стеная и рыгая. Сіи частицы верьховнаго и истиннаго Бога совокуплены бы были, ежели бы избраннаго святаго зубомъ и чревомъ не раз-

 руши-

рушилися. И я увѣренъ былъ, окаянный! что большее милосердіе должно оказывать плодамъ земнымъ, нежели человѣкамъ, для которыхъ оныя раждаются; ибо ежели бы кто алчущій попросилъ сего плода, не будучи Манихеемъ, то какъ бы смертной казни достойнымъ почитался одинъ малѣйшій онаго кусокъ, ежели бы ему данъ былъ.

ГЛАВА XI.

О рыданіи и сновидѣніи матери его.

24. И Ты низпослалъ еси руку Твою съ высоты, и изъ сея глубины мрака изхитилъ еси душу мою, когда за меня рыдала къ Тебѣ матерь моя, вѣрная раба твоя, паче нежели какъ оплакиваютъ матери умершихъ чадъ своихъ; ибо она видѣла смерть мою вѣрою и духомъ, которой имѣла отъ Тебя, и Ты услышалъ ее, Господи! Услышалъ ее, и не презрѣлъ слезъ ея, когда потоки оныхъ наводняли землю подъ очами ея, на всякомъ мѣстѣ молитвы ея Ты ее услышалъ. Ибо откуда оное сновидѣніе, которымъ Ты утѣшилъ ее, что она мнѣ жить съ собою позволила, и имѣть съ нею одинъ столъ въ дому, чего уже начинала не хотѣть, отвращаяся и гнушаяся хулы, произходящей отъ заблужденія моего? Ибо во снѣ видѣла, яко бы она стояла на нѣкоторомъ правилѣ деревянномъ, и будто пришелъ къ ней свѣтлообразный юноша, веселіе

ліе и радость на лицѣ своемъ изобразующій, въ то самое время, когда она скорбію и печаліею поражаема была. Сей юноша, когда спросилъ ее о причинѣ печали ея и всегдашнихъ слезъ (какъ обыкновенно бываетъ для наученія, а не для познанія), и она отвѣтствовала, что о моей погибели рыдаетъ: то не велѣлъ ей безпокоиться о семъ, и сказалъ ей, дабы она со вниманіемъ посмотрѣла, что гдѣ была она, тамъ нахожуся и я. И такъ когда она со вниманіемъ стала смотрѣть, то и узрѣла меня подлѣ себя, стоящаго на томъ же правилѣ. Откуда сіе, ежели не отъ того, что близки были уши Твои къ сердцу ея? О Ты благій Вседержителю, которой тако пекущися о всякомъ изъ насъ, яко о единомъ пекущися, и тако о всѣхъ, яко о каждомъ!

25. Откуда также и сіе, что когда она мнѣ сказывала, что во снѣ меня самаго видѣла, а я къ тому всегда клонить сіе старался, дабы не отчаявалася болѣе, что она будетъ таковая, каковый я былъ. „Нѣтъ, отвѣтствовала она: ибо „мнѣ не такъ сказано: гдѣ онъ, тамъ „и ты; но гдѣ ты, тамъ и онъ.„ Исповѣдую Тебѣ, Господи! воспоминаніе мое, сколько могу помнить (о чемъ я часто говорилъ), что я болѣе симъ отвѣтомъ Твоимъ, даннымъ чрезъ матерь мою бодрствующую (что она и поколебалася толь близкимъ ко лжѣ толкованіемъ, и

толь скоро то увидѣла, что надлежало видѣть, чего я подлинно не видѣлъ, прежде нежели она сказала), и тогда тронутъ былъ, нежели самымъ сновидѣніемъ, въ которомъ благочестивой женѣ радость, толико послѣ быть имѣющая для утѣшенія ея тогда въ настоящей печали за столько прежде лѣтъ предсказана.

26. Восемь почти лѣтъ прошло, чрезъ которыя я валялся и погрязалъ въ оной тинѣ глубины и во мракѣ лжи; когда часто востать силился, то жесточае убивался. Однако когда оная цѣломудренная, благочестивая и трезвая вдовица, каковыхъ Ты любиши, хотя уже будучи бодрѣе надеждою, но не лѣностнѣе въ рыданіи и воздыханіи, не преставала повсечасно въ молитвахъ своихъ о мнѣ рыдать къ Тебѣ: то и восходили къ Тебѣ моленія ея, и однако Ты оставлялъ меня еще валяться и покрываться онымъ мракомъ.

ГЛАВА XII.

Объ отвѣтѣ, которой мать Августинова получила отъ нѣкотораго Епископа о его обращеніи въ Христіанскую вѣру.

27. И Ты между тѣмъ далъ другой отвѣтъ, которой я теперь воспоминаю. Ибо многое прохожу молчаніемъ, поелику поспѣшаю къ тому, что болѣе меня побуждаетъ

ждаетъ исповѣдатися Тебѣ, и многаго не памятую. И такъ Ты далъ другой отвѣтъ чрезъ священнослужителя Твоего нѣкотораго Епископа, воздоеннаго въ церкви и обученнаго писаніямъ Твоимъ, котораго когда оная жена просила, дабы удостоилъ со мною поговорить и отвергнуть заблужденія мои, и отучить меня отъ зла, а научить добру (ибо онъ сіе дѣлалъ, ежели ему случалось находить кого къ тому способнымъ и понятнымъ): то онъ не восхотѣлъ; благоразумно поистиннѣ, какъ я послѣ узналъ. Ибо въ отвѣтъ сказалъ матери моей, что я еще не понятенъ къ ученію; потому что я тогда новою надмѣвался Манихейскою ересію, и нѣкоторыми моими словопрѣніями уже колебалъ многихъ неискусныхъ, какъ она объявляла ему. „Но оставь, сказалъ, его тамъ, только молися о немъ Господу; онъ самъ читая, найдетъ, какое оное есть заблужденіе, и коль великое нечестіе.„ Притомъ разсказалъ ей и о себѣ, что онъ и самъ, такожде будучи еще малолѣтенъ, отъ прельщенной матери своей отданъ былъ Манихеямъ, и не только всѣ почти читалъ, но и часто списывалъ книги ихъ; и однако наконецъ самъ позналъ, хотя никто съ нимъ не состязался о томъ и не убѣждалъ, колико должно удаляться оной секты; и такъ ее совсѣмъ оставилъ. Сіе когда онъ сказалъ, а она не хотѣла успокоиться, и на-

настояла съ вящшимъ моленіемъ и многимъ рыданіемъ, дабы меня видѣлъ и со мною поговорилъ: то уже онъ, негодуя отъ досады, *Поди*, сказалъ, *пожалуй прочь отъ меня; ибо быть не можетъ, чтобы сынъ твой погибъ отъ сихъ слезъ.* О семъ она, что таковый отвѣтъ получила отъ Епископа, въ разглагольствіяхъ своихъ со мною часто воспоминала, и какъ бы съ небесъ громомъ меня поражала.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

СамЪ себя Бл. АвгустинЪ стыдится, что онЪ чрезЪ девятилѣтнее время прилѣпленЪ былЪ кЪ Манихейской сектѣ, и другихЪ сЪ собою ввергалЪ вЪ то же заблужденіе, и совѣтовался тогда со звѣздогадателями; о другѣ своемЪ, которой между тѣмЪ временемЪ похищенЪ былЪ отЪ него смертію, весьма печалился. ОтЪ сего случая разсуждаетЪ о суетномЪ и совершенномЪ дружествѣ. УпоминаетЪ о книгахЪ, *о красотѣ и приличности*, которыя онЪ написалЪ на двадесять шестомЪ или седьмомЪ году отЪ рожденія своего; и наконецЪ объявляетЪ, что онЪ безЪ всякаго труда свободныя науки, такожде и Аристотелевы Категоріи на двадесятомЪ почти году жизни своея самЪ безЪ наставленія другихЪ уразумѣлЪ.

ГЛАВА I.

Сколь долго и какимЪ образомЪ онЪ прельщалЪ другихЪ.

1. ВЪ то же девятилѣтнее время, начиная отЪ девятагонадесять года возраста моего даже до двадесять осьмаго мы прельщалися, прельщали, сами будучи обмануты, и обманывая другихЪ вЪ различныхЪ пожеланіяхЪ; и явно чрезЪ науки, называемыя свободныя; тайно же ложнымЪ именемЪ благочестія.

Тамъ горды, здѣсь суевѣрны, но вездѣ суетны. Туда мы гонялися за тщетностію народной славы даже до театральныхъ плесканій и препрительныхъ подвиговъ, и до сраженія вѣнцевъ сѣнолиственныхъ, и бездѣльныхъ зрѣлищъ, и до невоздержности похотей; а здѣсь желали очиститься отъ нечистоты сея, принося брашно такъ называемымъ избраннымъ и святымъ, изъ котораго бы они строили намъ во чревѣ своемъ Ангеловъ и боговъ, которые бы насъ освобождали отъ грѣховъ. И я слѣдовалъ сему, и творилъ оное съ друзьями моими, чрезъ меня и со мною прельщенными.

2. Пусть ругаются мнѣ величавые, которые еще не спасительно поражены и сотрены отъ Тебя, Боже мой; однако я исповѣдую Тебѣ нечестія мои въ хвалѣ Твоей. Позволь мнѣ, молю, и даруй мнѣ обтещи настоящею памятію прошедшія окрестности заблужденія моего, и принести Тебѣ жертву воскликновенія. Ибо что я безъ Тебя самъ себѣ, развѣ вождь въ погибель? или что я есмь, когда наслаждаюся щастіемъ, развѣ сосущій млеко Твое, или вкушающій Тебя, пищу нетлѣнную? И кто есть человѣкъ всякой человѣкъ, когда онъ есть человѣкъ? Но пусть ругаются намъ крѣпкіе и сильные, мы же немощніи и убоги исповѣмыся Тебѣ.

ГЛА-

ГЛАВА II.

Реторикѣ учитъ, и презираетъ гадателя, которой обѣщалъ ему побѣду.

3. Я обучалъ въ оныхъ лѣтахъ наукѣ Реторической, и продавалъ побѣдоносное велерѣчіе, будучи побѣжденъ желаніемъ корыстолюбія. Однакожъ я желалъ, Господи! Ты вѣси, хорошихъ имѣть учениковъ, какіе только называются хорошіе, и ихъ безъ коварства училъ коварствамъ, не которыми бы они вооружалися на главу невиннаго, но иногда бы и за главу виноватаго. Ты же, Боже! видѣлъ еси издалеча изнемогающую въ поползновеніи и во многомъ дымѣ блестящую вѣру мою, которую я изъявлялъ въ ономъ учительствѣ моемъ любящимъ суету и ищущимъ лжи, будучи ихъ сообщникомъ. Въ оныя лѣта имѣлъ я одну наложницу, не тѣмъ, которое законнымъ называется, супружествомъ познанную, но которой треб валъ похотливый мой жаръ безумный; но однако одну, и ей сохранялъ ложа вѣрность, въ которой я совершенно испыталъ собственнымъ примѣромъ моимъ, какое находится различіе между супружественнымъ установленіемъ, учрежденнымъ для дѣторожденія, и между союзомъ сладострастныя любви, гдѣ и дѣти противъ желанія раждаются, хотя рожденные и заставляютъ уже себя любить.

4. Воспоминаю також де и сіе предЪ Тобою, Боже мой! что когда я вознамѣрился вступить вЪ подвигЪ театральныхЪ представленій: то предложилЪ мнѣ, не знаю какой-то гадатель, какую бы я ему обѣщалЪ дать награду, чтобы быть мнѣ побѣдителемЪ? Но я на сіе отвѣтствовалЪ ему, что я уже гнусныя оныя тайны совсѣмЪ презрилЪ и возненавидѣлЪ; и хотя бы оный вѣнецЪ былЪ безсмертно златый, самую муху для полученія побѣды убить не позволяю. Ибо онЪ по видимому долженЪ былЪ вЪ жертвахЪ своихЪ закалать животныхЪ, и чрезЪ сіи почести призвать демоновЪ, которые бы мнѣ вЪ подвигѣ вспомоществовали. Но и сіе зло не изЪ любви кЪ Тебѣ я отвергнулЪ, Боже сердца моего! ибо я не умѣлЪ еще любить Тебя, поелику умѣлЪ только помышлять о блистаніяхЪ тѣлесныхЪ; понеже таковыми вымыслами дышущая душа не любодѣйствуетЪ ли отЪ Тебя, и уповаетЪ на ложное, и гоняетЪ зной? Но поистиннѣ я не восхотѣлЪ бы за себя жертвовать демонамЪ, которымЪ самЪ собою жертвовалЪ, бывши вЪ ономЪ суевѣріи. Ибо что иное есть *гонять зной* (1), какЪ только увеселять оныхЪ демоновЪ, т. е. заблуждая, быть имЪ вЪ увеселеніе и поруганіе?

ГЛА-

(1) Ос. 12. 1.

ГЛАВА III.

Отъ Астрологіи, которой онъ преданъ былъ, чрезъ старика, искуснаго во врачебной наукѣ и въ другихъ вещахъ, отвлекается.

5. И такъ я съ оными звѣздозрителями, которые Математиками называются, не переставалъ совершенно совѣтоваться; потому что они какъ бы не отправляли никакихъ жертвоприношеній, и не возсылали никакихъ молитвъ къ нѣкоторому духу для отгадыванія; что однако Христіанское и истинное благочестіе справедливо отражаетъ и осуждаетъ. Благо бо есть исповѣдатися Тебѣ, Господи! и глаголати: *помилуй мя Господи, исцѣли душу мою, яко согрѣшихъ ти* (1); ниже въ вольность ко грѣхамъ употреблять благоснизхожденіе Твое, но памятовать сей Господній гласъ: *се здравъ еси, къ тому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (2). Сіе все здравіе они умерщвлять стараются, когда говорятъ: отъ неба ты имѣешь неизбѣжную причину ко грѣхамъ. *И Венера сіе учинила, или Сатурнъ, или Марсъ* (*)

т.

---

(1) Псал. 40. 5. (2) Іоан. 5. 14.

(*) Венера у язычниковъ почиталася богинею любви; Сатурнъ древнѣйшій языческій богъ, котораго дѣти были Юпитеръ, Нептунъ и Плутонъ, и при немъ по баснословію стихотворцевъ былъ златый вѣкъ; а Марсъ почитался у нихъ богомъ войны.

т. е. дабы человѣкъ былъ невиненъ, будучи плоть и кровь и гордая бренность; а обвиняемъ долженъ быть неба и земли Творецъ и Учредитель. Но кто есть сей, аще не Богъ нашъ, сладость и начало истины, которой воздаеши комуждо по дѣломъ его (1), и сердца сокрушеннаго и смиреннаго не уничижаеши (2)?

6. Былъ въ то время остроумный мужъ Виндиціанъ, во врачебной наукѣ искуснѣйшій и знатнѣйшій, которой будучи Проконсулъ, рукою своею возлагалъ оный вѣнецъ, который на сраженіяхъ давался побѣдителямъ, на не здравую главу мою, но не яко врачъ. Ибо оной болѣзни Ты врачъ еси, иже гордымъ противилися, смиреннымъ же даеши благодать (3). Однако Ты оставилъ ли меня чрезъ онаго старца, или пересталъ ли врачевать душу мою? Понеже я ему сдѣлался искреннѣйшимъ, и его рѣчи (ибо оныя не имѣли витійства въ слогѣ, но живостію мыслей были пріятны и важны), слушая съ прилѣжаніемъ и глубокимъ вниманіемъ, къ онымъ приставалъ. Сей старецъ, какъ узналъ изъ разговора моего, что я предался гадательнымъ книгамъ, которыя предсказываютъ изъ дня и часа рожденія о будущемъ человѣческомъ щастіи и нещастіи, благосклонно поистиннѣ и отечески совѣтовалъ мнѣ ихъ

(1) Матѳ. 16. 27. (2) Псал. 50. 19. (3) Іак. 4. 6.

ихЪ бросить, и напрасно не тратить на оную суетность труда и старанія, нужнаго для полезныхЪ вещей, сказывая, что онЪ сЪ тѣмЪ концемЪ обучался оной наукѣ, что вЪ первыхЪ лѣтахЪ возраста своего, вЪ которомЪ жилЪ, посредствомЪ ея хотѣлЪ снискивать себѣ пропитаніе, и ежели бы позналЪ Иппократа (*), то бы и сіи могЪ познать науки; и однако не для другой какой причины, послѣ оставивЪ оныя, избралЪ единую врачебную науку, какЪ только для того, что нашелЪ ихЪ весьма ложными; и потому не восхотѣлЪ достопочтенный сей мужЪ снискивать себѣ пищу чрезЪ прельщеніе человѣковЪ. „А ты, сказалЪ мнѣ, знаешь Реторику, которой обучая, можешь между человѣками снискивать довольное пропитаніе; за симЪ же обманомЪ гоняешися по своей только охотѣ, а не для того, аки бы ты не имѣлЪ нужнаго для жизни содержанія. ВЪ семЪ мнѣ долженЪ ты больше вѣрить обЪ оной наукѣ, которой я какЪ совершенно обучиться старался, такЪ и хотѣлЪ оною единою жить.„

7. Когда я его вопросилЪ, такЪ отЪ чегожЪ сіе происходитЪ, что много истин-

нэго

(*) ИппократЪ былЪ знаменитѣйшій врачь, которой столь былЪ знающЪ во врачебной наукѣ, что почитали его ЭскулапіевымЪ сыномЪ. А здѣсь Бл. АвгустинЪ подЪ симЪ именемЪ разумѣетЪ самую врачебную науку.

наго по той наукѣ возвѣщается? На что онъ отвѣтствовалъ, сколько могъ, что де сіе дѣйствуетъ сила случая, которая въ природѣ вещей повсюду разливается. Ибо ежели бы изъ книги, продолжалъ онъ, нѣкотораго стихотворца, совсѣмъ другое поющаго и мыслящаго, выходилъ часто стихъ весьма согласный съ тѣмъ дѣломъ, о которомъ кто нибудь на случай загадывалъ: то удивляться сему не должно, ежели бы изъ души человѣческой, по высочайшему нѣкоторому вдохновенію не знающей, что въ ней дѣлается, не по наукѣ, но по случаю возгремѣло что нибудь такое, которое бы сходствовало съ дѣлами и вещами вопрошающаго. И сіе отъ него или чрезъ него Ты, Боже! доставилъ мнѣ; а то, что я самъ послѣ чрезъ себя самаго долженъ искать, Ты начерталъ въ памяти моей. Но тогда ни Виндиціанъ, ни искренній мой другъ Небридій, юноша весьма добрый и весьма разумный, которой ругался всему оному гаданія роду, не могли меня склонить къ тому, чтобъ я сіе совсѣмъ отвергнулъ; понеже меня больше къ тому побуждала самыхъ писателей слава, да и еще никакого точнаго доказательства, какова го искалъ, я не находилъ, которое бы несомнительно меня увѣрило, что все то, что тѣ прорицатели сказываютъ истинное, сказываютъ по случаю, или по щастію, а не по наукѣ Астрологической.

ГЛА-

ГЛАВА IV.

Разсказываетъ о болѣзни и крещеніи своего друга, котораго онъ вводилъ въ свои заблужденія, и объ немъ умершемъ весьма печалится.

8. Въ оныхъ лѣтахъ, въ которое наипаче время я въ вольномъ городѣ, гдѣ родился, уже начиналъ учить, нашелъ себѣ друга, по соучастію въ наукахъ весьма любезнаго: сверстника мнѣ, и также цвѣтущаго въ юности. Со мною онъ въ отрочествѣ возрасталъ вмѣстѣ, и вмѣстѣ мы ходили въ школу, и вмѣстѣ забавлялися играми. Но еще онъ не былъ такой другъ, хотя и тогда не былъ таковый, каковое есть истинное дружество; поелику то истинное есть дружество, которое Ты составляеши между прилѣпляющимися къ Тебѣ чистѣйшею любовію, изліянною въ сердца наша Духомъ Святымъ, даннымъ намъ; но однако весьма сладостно было наше дружество, которое состояло въ горячности къ равнообразнымъ наукамъ; ибо я отъ истинной вѣры, которую сей юноша содержалъ еще не искренно и не совершенно, уклонялъ его въ суевѣрныя басни и пагубныя, по причинѣ которыхъ оплакивала меня мать моя. Онъ со мною уже заблуждалъ въ умѣ своемъ, и не могла быть душа моя безъ него. И се Ты приближаяся ко хребту бѣглыхъ Твоихъ, Богъ мщеній и купно источ-

никъ милосердія (1), иже обращаеши насъ къ себѣ дивными образы; се Ты восхитилъ человѣка того отъ сея жизни, которой едва исполнилъ одинъ годъ въ дружествѣ со мною, пріятномъ мнѣ паче всѣхъ пріятностей оныя жизни.

9. Кто единъ въ себѣ единомъ изчисляетъ хвалы Твоя, которыя испыталъ? Что тогда содѣлалъ еси, Боже мой! и коль неизслѣдимая бездна судовъ Твоихъ! Ибо когда онъ боленъ былъ горячкою, то лежалъ долго безъ чувства въ потѣ смертельномъ. И какъ былъ уже отчаянъ, то окрестили его безчувственнаго не по моему старанію; но я думалъ, что мое паче ученіе, которое онъ принялъ отъ меня, удерживаетъ его душу; а не то, что совершаемо было надъ его безчувственнымъ тѣломъ; но сіе совсѣмъ иначе было, ибо онъ пришелъ въ чувство, и выздоровѣлъ: и тотчасъ какъ только я съ нимъ говорить могъ (могъ же я скоро, какъ онъ могъ, понеже не отходилъ отъ него, и оба мы, взирая одинъ на другаго, были въ великомъ недоумѣніи), покусился я при немъ посмѣяться крещенію, думая, что и онъ станетъ сему смѣяться со мною, которое онъ принялъ, будучи совсѣмъ лишенъ разума и чувства, но однако уже онъ зналъ, что его окрестили. Но онъ такъ меня устрашился, яко врага своего, и сказалъ мнѣ съ удивительною и нечаянною сво-

(1) Псал. 93. 1.

свободою, что ежели я хочу быть его другомъ, то бы перестал ему говорить сіе.

10. А я, пришедши въ изумленіе и смущеніе, отложилъ всѣ движенія мои, чтобы онъ первѣе выздоровѣлъ, и пришелъ въ совершенную силу, и получилъ способность дѣлать со мною то, что я хотѣлъ. Но онъ отъ безумія моего тогда похищенъ смертію, дабы у Тебе сохранялся для утѣшенія моего; не по многихъ дняхъ въ отсутствіи меня паки поражается горячкою и скончавается. Отъ сея печали помрачилося сердце мое, и на что я ни обращалъ взоръ мой, все смертію для меня было, и самое отечество было мнѣ великимъ наказаніемъ, а родительскій домъ дивнымъ нещастіемъ; и все то, что я ему живому ни сообщалъ, безъ него въ жестокое мученіе мнѣ обращалося. Желали его отвсюду видѣть очи мои, и нигдѣ онъ не являлся мнѣ; и я ненавидѣлъ все, поелику оное его не имѣло, и не могло уже сказать мнѣ: вотъ онъ пріидетъ, какъ обыкновенно случалося при жизни его, когда онъ находился въ отсутствіи. И я сдѣлался самъ себѣ важнымъ вопросомъ, и вопрошалъ душу мою: вскую она прискорбна, и вскую смущаетъ мя зѣло (1)? и ничего на могла отвѣтствовать мнѣ. Хотя я и говорилъ ей, уповай на Бога; праведно она не повиновалась; поелику истиннѣйшій былъ

(1) Псал. 41. 6.

и лучшій человѣкъ, котораго любезнѣйшаго я лишался, нежели то привидѣніе, на которое она уповать принуждаема была (*); единъ плачь былъ сладокъ мнѣ, и заступалъ мѣсто друга моего въ утѣшеніи духа моего.

ГЛАВА V.

Для чего плачь бываетъ сладостенъ бѣднымъ.

11. И нынѣ, Господи! уже оное прошло, и отъ времени умягчилась рана моя. Могу ли услышать отъ Тебя, иже истина еси, и приложить ухо сердца моего къ устамъ Твоимъ, да речеши мнѣ, для чего плачь сладокъ есть бѣднымъ? Или Ты, хотя и вездѣ присутствуеши, далече отвергнулъ отъ Себя бѣдность нашу? И Ты въ Себѣ пребываеши, мы же въ искушеніяхъ обращаемся. И однако ежели бы мы не рыдали въ ушеса Твои, то бы вся наша надежда была тщетная. И такъ почему пріятный плодъ срывается отъ горести жизни, т. е. стенаніе, и рыданіе, и воздыханіе, и вопль? Или сіе для того бываетъ человѣку сладостно, поелику мы надѣемся, что Ты насъ слышишь? Справедливо сіе бы-

(*) Въ то время Бл. Августинъ, будучи еще зараженъ Манихейскою ересію, не зналъ истиннаго Бога; и потому Богомъ почиталъ одни только привидѣнія тѣлесныя и мечтанія.

бываетъ въ молитвахъ; потому что оныя стремятся дойти къ Тебѣ. Или сіе же самое дѣлается и въ печали о потерянной вещи, и въ плачѣ, которымъ я тогда покрывался? Ибо не надѣялся я ожить ему, или просилъ сего у Тебе слезами; но только печалился и рыдалъ. Бѣденъ бо я былъ, и лишался радости своей. Или и плачь есть вещь горькая, и по омерзѣнію къ тѣмъ вещамъ, которыми мы прежде увеселялися, и тогда, когда отвращаемся отъ нихъ, насъ услаждаетъ?

ГЛАВА VI.

Коликую онъ чувствовалъ печаль отъ смерти своего друга.

12. Для чегожъ я сіе говорю? Ибо не время вопрошать нынѣ, но исповѣдатися Тебѣ. Бѣденъ я былъ, и бѣденъ есть всякій духъ, соединенный дружествомъ съ вещами смертными и тлѣнными, и терзается, когда лишается ихъ, и тогда чувствуетъ ту свою бѣдность, по которой онъ бѣденъ, и прежде самаго лишенія ихъ. Таковый я былъ въ то время, и рыдалъ весьма горько, и въ сей горести успокоевался. И такъ я бѣденъ былъ, и почиталъ самую бѣдную жизнь дражае онаго друга моего. Ибо хотя бы я восхотѣлъ перемѣнить ее, однако не восхотѣлъ бы паче лишиться оной, нежели того друга; и не знаю

восхотѣлъ ли бы я и умереть за него, какъ повѣствуется о Орестѣ и Пиладѣ (*), ежели сіе не вымыселъ, которые хотѣли одинъ за другаго даже умереть вмѣстѣ; понеже они хуже смерти почитали не вмѣстѣ жить. Но во мнѣ не знаю какая-то родилася страсть, совсѣмъ сему противная, то есть чувствовалъ внутрь себя и тяжчайшую скуку отъ жизни, и содрогался страхомъ смерти. Сіе, думаю, отъ того произходило, что чѣмъ болѣе я Небридія любилъ, тѣмъ больше смерть, отъ меня его похитившую, яко лютѣйшаго врага ненавидѣлъ, и страшился. И думалъ, что она скоропостижно поглотитъ всѣхъ человѣковъ, поелику друга моего возмогла похитить. Тако я о семъ мыслилъ, какъ памятую.

13. Се сердце мое, Боже мой! се виждь внутренность мою, поелику я сіе памятую, надежда моя! которой очищаеши меня отъ нечистоты таковыхъ пристрастій, управляяй очи мои къ Себѣ, и исторгаяй отъ сѣти нозѣ мои. Ибо я удивлялся, что еще живутъ прочіе смертные; поелику тотъ, кото-

---

(*) Орестъ сынъ Агаменмона Царя Миценскаго, которой въ походѣ, предпріятомъ подъ Трою для отмщенія за похищеніе Елены, былъ главнымъ вождемъ всѣхъ Греческихъ войскъ; а Пиладъ сынъ Строфея Царя Фокіанскаго. Они, будучи воспитаны вмѣстѣ у Строфея отца Пиладова, толь тѣсное и неразрывное между собою свели дружество, что одинъ за другаго не отрицался умереть.

котораго я любилъ, какъ бы умереть не могущаго, уже мертвъ былъ; удивлялся, говорю, что я болѣе, понеже я другой оному былъ, живу по смерти его. Изрядно нѣкто сказалъ о другѣ своемъ: половина души моея. Ибо я чувствовалъ, что моя душа и его единая была душа въ двухъ тѣлахъ, и потому ужасна была мнѣ жизнь, поелику я не хотѣлъ половиннымъ жить; а потому можетъ быть и умереть страшился, дабы весь тотъ не умеръ, котораго я весьма много любилъ.

ГЛАВА VII.

Нетерпѣливость печали перемѣняетъ мѣсто.

14. О безумія невѣдущаго любить человѣковъ человѣчески! о несмысленнаго человѣка, неумѣренно человѣческое сносящаго! чѣмъ я тогда былъ? И такъ я волновался, воздыхалъ, рыдалъ, смущался, и не имѣлъ нигдѣ покоя, ни разсужденія. Ибо я носилъ разтерзанную отъ печали и обагренную душу мою, которая не терпѣла, чтобъ я носилъ ее, и не находилъ мѣста, гдѣ положить ее. Ни въ веселыхъ рощахъ, ни въ играхъ и пѣсняхъ, ни въ пріятно благоухающихъ мѣстахъ, ни въ пиршенствахъ великолѣпныхъ, ниже въ пріятности постели и ложа, ни наконецъ въ книгахъ и стихахъ я не успокоевался. Все меня устрашало,

и самый свѣтъ, и все то, что не было онъ, непріятно и ненавистно мнѣ было, кромѣ единаго стенанія и слезъ. Ибо въ сихъ единыхъ я имѣлъ нѣкоторый покой и утѣшеніе. А когда оттуда исхищалась душа моя, то отягчало меня великое бремя бѣдности, которое Ты, Господи! долженъ былъ облегчить и уврачевать. Я зналъ сіе, но и не хотѣлъ того, и не могъ, по тому наипаче, что Ты не былъ для меня нѣчто крѣпкое и твердое, когда я помышлялъ о Тебѣ; ибо не Ты былъ, но суетное мечтаніе и заблужденіе мое былъ Богъ мой. Когда старался у Тебе положить ее для успокоенія ея, то она претыкалася о тщетное, и паки на меня упадала; и я самъ оставался для себя бѣдственнымъ мѣстомъ, гдѣ и быть не могъ, ниже оттуда отступить. Ибо куда бы я убѣгъ отъ себя самаго? Куда бы сердце мое убѣгло отъ сердца моего? Куда бы я за собою не слѣдовалъ? И однако я убѣгъ изъ отечества моего; ибо меньше тамъ искали его очи мои, гдѣ не обыкли видать его; и изъ Ѳагастенскаго города я пришелъ въ Карѳагенъ.

ГЛАВА VIII.

Время и разглагольствіе съ друзьями врачуетъ печаль.

15. Не праздны текутъ времена, и не бездѣйственно обращаются по нашимъ чувствамъ; производятъ въ духѣ чудныя дѣла. Се наступали оныя и преходили изо дня въ день, и своимъ наступленіемъ и прехожденіемъ впечатлѣвали въ меня иные виды, и иныя памятованія, и обновляли меня прежними родами веселостей, которымъ уступала оная печаль моя, но вступали на мѣсто ея хотя не другія печали, однако причины другихъ печалей; ибо отъ чего весьма удобно, да и до самой внутренности моей проницала печаль та, развѣ что я изливалъ на песокъ душу мою, любя умереть имѣющаго? Поелику весьма оживляли и успокоевали меня другихъ пріятелей моихъ утѣшенія, съ которыми я любилъ то, что вмѣсто Тебя любилъ, и сіе было великая баснь, и долговременная ложь, коея подложнымъ подстреканіемъ повреждалася мысль наша, чешемая слухомъ.

16. Но оная баснь не умирала у меня, когда кто умиралъ изъ друзей моихъ. Другое еще было, что въ друзьяхъ увеселяло и плѣняло духъ мой, а именно собесѣдованіе, любовное одного другому повиновеніе, взаимный смѣхъ, совокупное чтеніе сладко-

рѣчивыхъ книгъ, взаимныя шутки, и взаимное чувствованіе, а иногда разгласіе безъ всякой ненависти, какъ бы у одного человѣка съ самимъ собою, и сіе самое начатое разгласіе услаждало всегдашнія согласія, взаимное одного другому наставленіе, и взаимное одного другому совѣтованіе, ожиданіе отсутствующихъ съ нетерпѣливостію, пріятіе приходящихъ съ радостію. Сими и тому подобными и дружелюбными знаками, которые происходя отъ сердца друзей, пылающихъ взаимною другъ къ другу любовію, изображаются устами, языкомъ, глазами и тысячію пріятнѣйшихъ тѣлодвиженій, какъ бы нѣкоторою подгнетою совокупляются души, и изъ многихъ составляется единая душа.

ГЛАВА IX.

О сравненіи человѣческаго дружества съ Божіимъ.

17. Сіе-то есть, что мы любимъ въ друзьяхъ: и такъ любимъ, что повинна себѣ бываетъ человѣческая совѣсть, ежели не будетъ любить любящаго взаимно; или ежели любящаго не будетъ взаимно любить, ничего не ища въ его тѣлѣ, кромѣ единыхъ знаковъ любви. Отсюда раждается оный плачь, ежели кто изъ друзей умираетъ, и мракъ печалей; и отъ превращенія сладости въ горесть усыренное сердце, и когда погибаетъ жизнь умирающихъ, тогда смерть бы-

бываетъ живущимъ. Блаженъ тотъ, кто любитъ Тебя, и друга въ Тебѣ, и врага для Тебя. Ибо тотъ единъ не теряетъ никого себѣ любезнаго, коему всѣ любезны въ томъ, которой не теряется. Но кто есть сей, аще не Богъ нашъ? Богъ, которой сотворилъ небо и землю, и наполняетъ оныя, яко наполняяй оныя, сотворилъ ихъ? Тебя, Боже! никто не теряетъ и не лишается, развѣ кто оставляетъ Тебя, и оставляяй Тебя, куда убѣгаетъ, или куда удаляется, развѣ отъ Тебя кроткаго къ Тебѣ раздраженному? Ибо гдѣ онъ не находитъ закона Твоего въ наказаніи своемъ? И законъ Твой истинна, а истина Ты еси.

ГЛАВА X.

Всѣ твари суть скорогиблющія, и не можетъ въ нихъ душа человѣческая успокоиться.

18. *Боже силъ! обрати ны, и просвѣти лице Твое, и спасемся* (1). Ибо человѣческая душа куда сама ни обращается, вездѣ къ печалямъ приражается кромѣ Тебя, хотя и прилѣпляется къ красотамъ вещей, которыя внѣ Тебя и внѣ ея. Однако сіи вещи никакъ бы не могли существовать, ежели бы не были отъ Тебя, которыя раждаются и умираютъ, и раждаяся, какъ бы быть начинаютъ, и возрастаютъ, да совер-

(1) Псал. 79. 4.

вершатся; а совершившіися состарѣваются и погибаютъ; ибо всѣ состарѣваются, и всѣ погибаютъ. И такъ когда раждаются и приходятъ въ бытность свою, то чѣмъ скорѣе возрастаютъ въ бытіе, тѣмъ паче поспѣшаютъ въ небытіе. Такое есть свойство ихъ. Столько Ты имъ даровалъ совершенствъ; поелику оныя суть части міра, которыя не всѣ совокупно существуютъ, но уступая и заступая мѣста, всѣ составляютъ вселенную, которой суть части. (*) Се такимъ образомъ совершается и рѣчь наша чрезъ знаки, звукомъ и гласомъ изображаемые. Ибо не можетъ быть цѣлая рѣчь, ежели одно слово не уступитъ мѣсто, когда звукомъ изобразитъ части свои, дабы мѣсто его заступило другое.

19. Да хвалитъ Тебя о сихъ душа моя, Творче всяческихъ, но къ нимъ да не пригвождается крѣпкою любовію посредствомъ тѣлесныхъ чувствъ; ибо всѣ оныя текутъ. Кудажъ текутъ? Въ небытіе, и разторгаютъ душу человѣческую погибельными пожеланіями; понеже сама она существовать хощетъ, и любитъ успокоеваться въ томъ, что любитъ. Въ оныхъ же вещахъ нѣтъ сего *гдѣ*: поелику не стоятъ, бѣгутъ; и кто ихъ уловляетъ, когда онѣ и предъ самы-

ми

(*) Т. е. міръ сей составляютъ двоякаго рода вещи, или которыя всегда существуютъ, какъ на пр. земля, воздухъ, солнце и пр. или которыя одна за другою слѣдуютъ, какъ-то животныя, растенія, и также и четыре части года и пр.

ми находятся глазами? или кто достигаетъ ихъ плотскимъ чувствомъ своимъ? Медлительно бо есть чувство плотское, поне же есть чувство плотское, и сіе самое есть свойство онаго. Довольно оно для инаго, для чего сотворено; а для того не довольно, чтобы могло удерживать протекающія вещи отъ надлежащаго начала даже до надлежащаго конца; ибо оныя въ словѣ Твоемъ, которымъ созидаются, слышатъ сіе: отселѣ и доселѣ.

ГЛАВА XI.

Все сотворенное есть непостоянно, кромѣ единаго Бога.

20. Не буди суетна, душе моя, и не будь глуха на ухо сердечное отъ шума суеты твоея. Слыши и ты: слово самое вопіетъ, дабы ты обратилася, и тамо есть мѣсто покоя не смущаемаго, гдѣ не оставляется любовь, ежели кто самъ не оставляетъ ее. Се оныя вещи уступаютъ, дабы другія заступали паки мѣста ихъ, и изъ всѣхъ своихъ частей составлялася низшая вселенная. Я отступаю ли куда нибудь? гласитъ Божіе Слово. Тамъ утверди жилище твое; тамъ поручи все то, что ты имѣеши оттуда, душе моя! по крайней мѣрѣ обманами утружденная. Истинѣ поручи, что Ты имѣеши отъ истины, и не погубиши ничего, и паки процвѣтетъ гнилое твое, и изцѣлятся вся недуги твоя, и преобра-

образится непостоянное твое, и обновится и соединится съ тобою, и не оставитъ тебя, куда бы ни отступило, но будетъ стоять съ тобою, и пребывать у присно стоящаго и пребывающаго Бога.

21. Почто ты, развращенная! слѣдуеши плоти твоей? Она пусть слѣдуетъ тебѣ обратившись. Все, что ты ею чувствуеши, часть есть; и не знаеши цѣлаго, коего суть сіи части, и однако оное услаждаетъ тебя. Но ежели бы къ понятію цѣлаго довлѣло чувство плоти твоея, и въ части вселенныя не получало бы въ наказаніе твое праведной мѣры: то бы ты желала прейти всему тому, что въ настоящее находится время, дабы тебѣ все было пріятнѣе. Ибо и то, что мы говоримъ, ты тѣмъ же слышишь плотскимъ чувствомъ, и не хощешь такъ стоять слогамъ, но пролетать, дабы другіе послѣдовали, и ты бы услышала цѣлое. Тако всегда существуютъ вещи, изъ которыхъ одно что либо составляется цѣлое; и не вмѣстѣ все то существуетъ, изъ чего оно состоитъ. Больше услаждаютъ всѣ вещи совокупно, нежели каждая особенно, ежели только можно всѣ чувствовать совокупно. Но гораздо изящнѣе сихъ тотъ, кто сотворилъ все, и той есть Богъ нашъ; и Онъ не уступаетъ, поелику ничѣмъ не заступается мѣсто Его.

ГЛА-

ГЛАВА XII.

Любовь не охуждается; но токмо въ тѣхъ вещахъ, которыя намъ прiятны, должно любить Бога.

22. Ежели тебѣ прiятны тѣла, Бога въ оныхъ хвали, и къ Творцу ихъ обращай любовь твою, дабы въ семъ, что тебѣ прiятно, ты не былъ ему не прiятенъ. Ежели тебѣ прiятны души, въ Богѣ люби ихъ; понеже и онѣ измѣняемы суть, и въ немъ неподвижными утверждаются; иначе бы оныя пропадали и погибали. И такъ въ немъ ихъ люби, и восхищай ихъ съ собою къ Нему, которыхъ можеши, и скажи имъ: *сего возлюбимъ, сего возлюбимъ*: той сотворилъ сiе, и нѣсть Онъ далекъ отъ насъ. Ибо сотворилъ и не отступилъ, но отъ Него и въ Немъ вся содержатся. Се тамъ онъ существуетъ, гдѣ мудрствуетъ истина. Онъ наиближайшiй есть къ сердцу; но сердце заблудило отъ Него. Обратитеся, отступники! сердцемъ, и прилѣпитеся къ сотворшему васъ (1) Стойте съ Нимъ, и станете; успокоевайтеся въ Немъ, и въ покоѣ будете. Куда течете въ непроходимыя мѣста? Куда течете? Добро, которое вы любите, есть отъ Бога. Но что у Него ни находится, добро есть и прiятно. Но горько будетъ пра-

(1) Ис. 46. 8.

праведно, что вы не праведно любите все отъ Него сотворенное, оставя Творца того. Кудажъ вамъ еще и еще шествовать по путямъ непроходнымъ и труднымъ? Нѣтъ тамъ покоя, гдѣ вы онаго ищете. Ищите, чего вы ищете; но нѣтъ того тамъ, гдѣ ищете. Вы блаженной жизни ищете на странѣ смертной: нѣтъ тамъ ее; ибо какъ тамъ можетъ быть блаженная жизнь, гдѣ и жизни нѣтъ?

23. И снизшла сюда сама жизнь наша, и понесла смерть нашу, и поразила ее отъ избытка жизни своея, и возгремѣла гласомъ велiимъ, дабы мы обратилися отсюда къ ней, т. е. къ Сыну Божiю, на оную тайну, откуда Онъ произникъ для насъ, вшедъ прежде въ самое дѣвическое чрево, гдѣ уневѣстилася Ему тварь Его, человѣческая плоть смертная, дабы не всегда ей быть смертною; и оттуда яко женихъ исходяй отъ чертога своего, возрадовася яко исполинъ тещи путь (1). Ибо Онъ не укоснилъ, но скоро притекъ, вопiя словами, дѣлами, смертiю, жизнiю, схожденiемъ, восхожденiемъ, вопiя, дабы мы обратилися къ Нему; и сокрылся отъ очей нашихъ, дабы мы обратилися къ Нему сердцемъ, и обрѣли Его.

24. Онъ хотя отступилъ отъ насъ, и се здѣ есть. Не восхотѣлъ съ нами быть долго, и не оставилъ насъ. Ибо туда отступилъ, откуда никогда не отступалъ (2), яко

(1) Псал. 18. 6. (2) Iоан. 1. 20.

яко мірЪ тѣмЪ быть, и вЪ семЪ мірѣ бѣ (1), и пріиде вЪ сей мірЪ грѣшники спасти (2); которому исповѣдуется душа моя, дабы исцѣлилЪ ее, яко согрѣшила Ему (3). *Сынове человѣчестіи, доколѣ тяжкосердіи* (4)? Или вы и по сошествіи жизни не хощете восходить и жить? Но куда вы взошли, когда на высотѣ есте, и положили на небеси уста своя (5)? Снидите, да взыдите, и взыдите кЪ Богу. Ибо вы пали, восходяще противЪ Его. Скажи сіе имЪ, да рыдаютЪ вЪ юдолѣ плачевнѣй; и тако ихЪ восхищай сЪ собою кЪ Богу; поелику ты о Духѣ Его сіе имЪ глаголеши, ежели глаголеши, пылая огнемЪ любви.

ГЛАВА XIII.

Откуда происходитЪ любовь.

25. Сего тогда не вѣдалЪ я, и любилЪ красивыя низшія вещи, и снизходилЪ во глубину, и говорилЪ друзьямЪ моимЪ: любимЪ ли мы что нибудь кромѣ красиваго? Ибо что есть красивое? и что есть краса? Что есть то, что плѣняетЪ насЪ, и соединяетЪ сЪ тѣми вещами, которыя мы любимЪ? Ибо ежели бы вЪ нихЪ не было красоты и изрядства, то бы оныя никакЪ кЪ себѣ не привлекали насЪ. Я и примѣчалЪ, и видалЪ, что вЪ самыхЪ тѣлахЪ

 нахо-

(1) Іоан. 1. 10. (2) 1. Тим. 1. 15. (3) Псал. 40. 5.
(4) —— 4. 3. (5) —— 72. 10

находится иное, какъ бы цѣлое, и потому красивое; а иное есть такое, что по тому только прилично, понеже хорошо пристаетъ къ какой либо вещи, какъ на пр. часть тѣла человѣческаго къ цѣлому своему, или къ ногѣ сапогъ, и тому подобное. И такое разсужденіе произтекло въ духѣ моемъ изъ глубины сердца моего, и написалъ я книги о *красотѣ и приличности*, думаю двѣ, или три. Ты вѣси, Боже! ибо сіе уже вышло изъ памяти моей. Поелику нынѣ ихъ не имѣемъ у себя, но пропали, не извѣстно какимъ-то образомъ.

ГЛАВА XIV.

О томъ, что книги о красотѣ и приличности писаны къ Гіерію, и почему онъ сего любилъ.

26. Что же меня побудило, Господи Боже мой! написать сіи книги къ Гіерію, Римскаго града Оратору, котораго я не зналъ въ лице, но любилъ его по славѣ наукъ, которыми онъ гремѣлъ, и нѣкоторыя слыхалъ слова его, и оныя мнѣ весьма нравилися? Но больше онъ по тому мнѣ нравился, поелику нравился другимъ, которые превозносили хвалами его, и удивлялися, что онъ изъ человѣка Сирянина, изученаго прежде Еллинскому краснорѣчію, послѣ и въ Латинскомъ сдѣлался совершеннымъ учителемъ, и весьма искусенъ былъ въ наукахъ,

до любомудрія касающихся. Похваляется таковый человѣкъ, и любимъ бываетъ въ отсутствіи. Входитъ ли оная любовь отъ устъ хвалящаго въ сердце слышащаго? Никакъ. Но токмо отъ одного любящаго воспаляется къ тому любовію другой. Ибо для сего-то любимъ бываетъ тотъ, котораго хвалятъ, когда почитаютъ другіе, что хвалитель не лживымъ сердцемъ его прославляетъ, т. е. когда любящій его хвалитъ.

27. И такъ я тогда любилъ человѣковъ по человѣческому суду, не бо по Твоему, Боже мой! въ которомъ никто не обманывается. Но однако для чего онъ не яко всадникъ славный, не яко ловецъ отъ простыхъ людей прославленъ, но гораздо инаковымъ и важнымъ образомъ, и такъ, какъ бы и я желалъ хвалимъ быть? Но я не желалъ бы такъ хвалимъ и любимъ быть, какъ комедіанты, хотя ихъ и самъ хвалилъ и любилъ; но избирая лучше укрываться, нежели такъ вѣдомымъ быть, или еще и въ ненависти быть, нежели такъ любимъ быть. Гдѣ раздѣляются сіи вѣсы разныхъ и различныхъ любовей въ единой душѣ? Что есть такое, что люблю въ другомъ? Чего бы паки, ежели бы не ненавидѣлъ, не гнушался и не отвергалъ, когда оба мы человѣки? Ибо онъ не яко конь добрый любимъ бываетъ отъ того, которой не хощетъ самъ таковымъ быть, хотя бы и могъ; сіе и о комедіан-

тѣ сказать должно, которой есть нашего естества сообщникъ. И такъ люблю ли я въ человѣкѣ то, чѣмъ самъ быть ненавижу, когда я и самъ человѣкъ? Великая глубина самъ себѣ человѣкъ (1), котораго и власы у Тебе, Господи! изочтени суть, и не умалятся въ Тебѣ; и однако власы его счислительнѣе, нежели самыя страсти его и движенія сердца его. Но оный Реторъ изъ такого былъ рода, котораго я такъ любилъ, что самъ таковымъ быть желалъ, и заблуждалъ гордостію, и обносимъ былъ всякимъ вѣтромъ; но весьма тайно управляемъ былъ отъ Тебя. Почему я знаю, и откуда будучи увѣренъ, исповѣдую Тебѣ, что я онаго Ретора больше любилъ по любви хвалящихъ его, нежели по самымъ дѣламъ, за которыя хвалили его? понеже ежели бы не хваливши, тѣ же самые его поносили, и понося и презирая, то же самое разсказывали о немъ, то бы я не поощрялся и не воспламенялся къ нему любовію. Поистиннѣ и дѣла бы не чужія были, ниже самъ человѣкъ иной, но только бы иная была страсть разсказывающихъ. Се гдѣ лежитъ душа немощная и не прилѣпляющаяся еще къ твердости истины? Какъ дыханіе языковъ вѣетъ отъ сердецъ мыслящихъ, такъ и оная душа несется и обращается, вращается и отвращается, и помрачается ей свѣтъ; и не зрится истина. И

(1) Матѳ. 10. 30.

И се она есть предЪ нами, и я за великое почиталЪ, ежели бы словесность моя и науки мои оному мужу были извѣстны. Которыя ежели бы онЪ похвалилЪ, то бы я большею возгорѣдЪ кЪ нему любовію; а ежели бы не похвалилЪ, то бы уязвилося сердце мое суетное и не имѣющее твердости Твоея. И однако о *красотѣ и приличности*, для чего я кЪ нему писалЪ, охотно разсуждалЪ, и самЪ удивлялся моимЪ разсужденіямЪ, хотя и безЪ всякаго хвалителя?

ГЛАВА XV.

Бл. АвгустинЪ тѣлесными образами будучи еще вЪ Манихейской ереси омраченЪ, не могЪ понимать духовнаго.

28. Но я еще тогда вЪ наукѣ Твоей не зналЪ силы толикой вещи, всемогущій Боже! иже твориши чудеса единЪ, и бродилЪ духЪ мой по видамЪ тѣлеснымЪ; я опредѣлялЪ и раздѣлялЪ красивое, которое само вЪ себѣ красиво, а приличное, которое будучи кЪ чему либо приложено, приличествуетЪ, и сіе основывалЪ на тѣлесныхЪ примѣрахЪ. И обратился я кЪ естеству духа моего, и не попускало мнѣ ложное мнѣніе, которое я имѣлЪ о духовномЪ существѣ, зрѣть истины. И самая стремилась вЪ очи мои сила истины; а я отвращалЪ трепещущую мысль мою отЪ безтѣлесной вещи кЪ начертаніямЪ

ніямЪ и цвѢтамЪ и надмѢннымЪ увеличиваніямЪ. И какЪ я не могЪ сего вещественнаго видѢть вЪ духѢ, то мнилЪ, что не могу видѢть духа моего. И когда вЪ добродѢтели мирЪ любилЪ, а вЪ порокѢ ненавидѢлЪ несогласіе: то вЪ оной единство, вЪ семЪ нѢкоторое раздѢленіе замѢчалЪ, и казалося мнѢ, что вЪ ономЪ единствѢ находится разумная мысль и естество истины и крайняго добра. ВЪ семЪ же раздѢленіи думалЪ я окаянный, будто бы находится, не знаю, какое-то существо неразумной жизни и естество крайняго зла, которое не только было существо, но совершенная жизнь была; однако не отЪ Тебя, Боже мой! отЪ котораго суть вся, и однако оное монадою (единицею) называлЪ, какЪ бы безЪ всякаго различія мысль; а сіе діадою (двоицею), гнѢвЪ вЪ злодѢяніяхЪ, похоть вЪ беззаконіяхЪ, не зная, что говорить.

29. Я не зналЪ еще и не слыхалЪ, что никакое существо не есть зло; ни самая мысль наша есть высочайшее и непреложное добро; ибо какЪ злодѢянія отЪ того происходятЪ, когда вЪ человѢкѢ будетЪ порочное оное духа движеніе, вЪ которомЪ сильное дѢйствуетЪ стремленіе, и необычайно и безпорядочно волнуется; и самыя беззаконія, ежели будетЪ вЪ душѢ господствовать неумѢренная оная страсть, которою плотскія почерпаются удовольствія: такЪ

такъ заблужденія и ложныя мнѣнія оскверняютъ и обезображаютъ жизнь, ежели разумная мысль сама бываетъ порочная: каковая во мнѣ тогда была, которой не зналъ, что другимъ свѣтомъ должно ее просвѣтить, дабы содѣлать ее причастною истины; поелику она не есть сама естество истины. *Яко Ты просвѣтиши свѣтильникъ мой* (1), *Господи Боже мой, просвѣтиши тму мою* (2): *И отъ исполненія твоего мы вси пріяхомъ* (3). *Ты бо еси свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ сей міръ: Яко у Тебе нѣсть премѣненія ни преложенія стѣнь* (4). Но я старался къ Тебѣ пріитти, и отражался отъ Тебя, дабы мудрствовать смерть, яко Ты гордымъ противишися.

30. Что же есть сего надмѣннѣе, какъ утверждать съ удивительнымъ безуміемъ, что я то есмь естественно, что Ты еси? Ибо хотя я и былъ перемѣнный, и чрезъ сіе мнѣ явно было, что я для того только желалъ быть мудрымъ, дабы изъ хуждшаго сдѣлаться лучшимъ; однако желалъ и Тебя, Боже! почитать перемѣннымъ, нежели себѣ не такимъ быть, что Ты еси. И такимъ образомъ я отражался отъ Тебя, а Ты сопротивлялся непостоянной выѣ моей; и воображалъ я себѣ виды тѣлесные,

 и

(1) Псал. 17. 29. (2) Іоан. 16. 1. (3) ——— — 9.
(4) Іоан. 1. 17.

и будучи самъ плоть, обвинялъ плоть, и духъ ходяй, и не обращался къ Тебѣ; и ходяй ходилъ къ тому, чего нѣтъ ниже въ Тебѣ, ниже во мнѣ, ниже въ тѣлѣ; и сіе не истина Твоя мнѣ созидала, но моя суетность вымышляла изъ тѣла; и говорилъ я младенцамъ вѣрнымъ Твоимъ, согражданамъ моимъ, отъ которыхъ по невѣжеству моему устранялся; говорилъ имъ сіе, суесловя и безумствуя: Такъ для чегожъ погрѣшаетъ душа, которую сотворилъ Богъ? А самъ не хотѣлъ того, чтобъ мнѣ говорили: такъ для чего погрѣшаетъ Богъ? И болѣе въ словопрѣніи утверждалъ, что непреложное Твое существо принужденно погрѣшаетъ, нежели признавался, что мое перемѣнное существо добровольно совратилося отъ истины, и отъ наказанія своего погрѣшаетъ. И на дватцать шестомъ, или седьмомъ году отъ рожденія моего я написалъ оныя книги *о красотѣ и приличности*, разсуждая о тѣлесныхъ вымыслахъ, заглушающихъ сердца моего уши, которыя простиралъ, сладчайшая истина, на внутреннюю пѣснь Твою, помышляя о красотѣ и приличности, и желая стоять и слышать Тебя, и *радостію радоватися за гласъ жениховъ* (1), но не могъ учинить сего; поелику гласы заблужденія моего прочь меня отъ того отторгали, и отъ тяжести гор-

(1) Іоан. 3. 29.

гордыни моея я низпадалъ въ бездну; ибо ты не давалъ слуху моему радости и веселія, и не радовалися кости моя, которыя не были еще смиренныя (1).

ГЛАВА XVI.

Бл. Августинъ объявляетъ о себѣ, что онъ Аристотелевы категоріи самъ собою уразумѣлъ.

31. Какую мнѣ приносило сіе пользу, что я, будучи почти двадцати лѣтъ отъ рожденія, какъ въ руки мнѣ попались Аристотелевы категоріи, (о которыхъ когда Реторъ Карѳагенскій учитель мой упоминалъ съ гордостію, и другіе, которые почиталися учеными: то я на сіе какъ бы не знаю на что-то высокое и божественное во изумленіи обращалъ вниманіе,) прочелъ ихъ одинъ, и уразумѣлъ безъ всякаго отъ другихъ наставленія? Сіи когда я сообщилъ тѣмъ, которые о себѣ сказывали, что они едва уразумѣли ихъ и при наставленіи искуснѣйшихъ учителей, не только словами толкующихъ, но и много на землѣ изображающихъ: то ничего другаго изъ того мнѣ не могли сказать, какъ что я одинъ, про себя читая, оныя познаъ. И сіи категоріи мнѣ казались довольно явственно говорящими о существахъ, какъ то о человѣкѣ, и о томъ, что въ существахъ

(1) Псал. 50. 10.

тѣхъ находится, какой образъ человѣческій, качество и ростъ, во сколько футовъ, и родство, т. е. чей братъ, или гдѣ онъ находится, или когда родился, или стоитъ, или сидитъ, или обутъ, или вооруженъ, или что нибудь дѣлаетъ, или страждетъ, и что находится въ сихъ девяти родахъ, изъ которыхъ я нѣкоторые для примѣра здѣсь положилъ, или что и въ самомъ родѣ существа безчисленное находится.

32. Что мнѣ сіе пользовало, когда еще и вредило? поелику я и Тебя, Боже мой! совершенно простаго, думая, что все существующее точно заключается въ сихъ девяти категоріяхъ, такъ понимать старался, какъ бы и Ты подлежалъ величинѣ Твоей и красотѣ, такъ какъ бы оныя были въ Тебѣ, яко въ подлежащемъ, на пр. въ тѣлѣ; когда величіе Твое и Твоя красота Ты самъ еси; тѣло же не потому есть велико и красиво, почему оно есть тѣло; поелику хотя бы оно не велико и не красиво было, однако и тогда бы было тѣло. Ибо ложь была, что я помышлялъ о Тебѣ, а не истина; и вымыслы бѣдности моея, а не твердость блаженства Твоего; ибо Ты повелѣлъ быть сему, и тако исполнялося на мнѣ, дабы земля терніе и волчцы произращала мнѣ, и съ трудомъ бы я снискивалъ хлѣбъ мой (1).

33. Что, говорю, мнѣ пользовало, что я всѣ книги наукъ, которыя называются сво-

(1) Быт. 3. 18.

свободными, тогда будучи лукавый злыхъ вожделѣній рабъ, читалъ, и самъ собою уразумѣлъ, какія только читать могъ? И радовался о томъ, и не зналъ, откуда бы сіе произходило, что тамъ находится истинное и справедливое; ибо я стоялъ хребтомъ къ свѣту, а лицемъ къ освѣщаемымъ вещамъ; и потому самое лице мое, которымъ я созерцалъ освѣщаемое, не освѣщалося. Все то, что я изъ краснорѣчія и Философіи, что изъ Математики, и музыки, и Ариѳметики безъ великой трудности и безъ всякаго наставленія человѣческаго понялъ, Ты вѣси, Господи Боже мой! понеже и быстрота разумѣнія и острота разсужденія даръ Твой есть; но не тѣмъ я жертвовалъ Тебѣ. Того ради сіе мнѣ не въ пользу, но паче въ погибель мою служило; поелику я толь благую часть существа моего старался имѣть во власти, и крѣпость мою не для Тебя сохранялъ; но отшелъ отъ Тебя на страну далече, желая разточить ее на блудныя сладострастія. Ибо что мнѣ пользовала добрая вещь, во зло ее употребляющему? Поелику я не зналъ, что оныя науки и самые ревностнѣйшіе и остроумнѣйшіе юноши понимаютъ съ великимъ трудомъ, развѣ когда я имъ старался тѣ же самыя изъяснять; и тотъ въ нихъ превосходнѣйшимъ почитался, которой скоро меня понималъ.

34 Но что мнѣ сіе пользовало, когда я думалъ, что Ты Господи Боже мой исти-

истина, былЪ тѣло свѣтообразное и неизмѣримое, а я частица отЪ онаго Твоего тѣла. Безмѣрная развратность! но я таковЪ былЪ, и не стыждуся, Боже мой! исповѣдывать Тебѣ милосердіе Твое ко мнѣ, и взывать кЪ Тебѣ, когда не стыдился тогда человѣкомЪ явно исповѣдывать на Тебя хулы мои и клеветать на Тебя. И такЪ что тогда мнѣ пользовалЪ умЪ, вЪ оныхЪ наукахЪ быстротечный, что я безЪ всякой помощи человѣческаго учительства толь много изЪяснилЪ труднѣйшихЪ книгЪ, когда мерзостно и святотатственною гнусностію заблуждалЪ вЪ наукѣ благочестія? Или что столько вредило младенцамЪ ТвоимЪ, имѣющимЪ медлительнѣйшій умЪ, когда они отЪ Тебя далече не отступали, желая вЪ гнѣздѣ церкви Твоея безопасно возрасти, и крилѣ любви пищею здравыя вѣры укрѣпить? О Господи Боже нашЪ! мы на кровЪ крилу Твоею уповаемЪ, а Ты покрый насЪ, и носи насЪ (1). Ты понесеши, и отЪ дѣтска и даже до старости Ты поносиши. Понеже когда крѣпость наша Ты еси, тогда есть вЪ насЪ крѣпость; а когда наша крѣпость, немощь есть. ЖиветЪ у Тебе всегда добро наше; а какЪ мы отЪ того отвратилися, то и учинилися развращенными. Обратимся уже кЪ Тебѣ, Господи, да не испровергнемся; яко у Тебе живетЪ безЪ всякаго оскудѣнія добро наше, которое Ты самЪ еси,

и

(1) Исаі. гл. 46 ст. 4.

и не убоимся того, чтобъ мы не имѣли, куда возвратиться, поелику хотя мы оттуда и пали, но безъ насъ не пала храмина наша, вѣчность Твоя.

КНИГА ПЯТАЯ.

Въ которой воспоминаетъ двадесять девятый годъ возраста своего, въ которомъ познавъ невѣжество Фавста Манихея, оставляетъ намѣреніе быть совершеннымъ въ оной сектѣ. Въ семъ же году изъ Рима, гдѣ онъ тогда публично обучалъ Реторикѣ, посланъ былъ въ Медіоланъ для ученія той же науки; тамъ слыша поученія Амвросіевы, началъ обращаться на путь истины, и помышлялъ оставить Манихейскую ересь, а повторять оглашеніе, т. е. учиться первымъ начаткамъ Христіянскаго закона.

ГЛАВА I.

Возбуждаетъ разумъ свой на хваленіе Бога.

1. Пріими жертву исповѣданій моихъ отъ руки языка моего, которой Ты, Самъ Боже, устроилъ и возбудилъ, да исповѣдуется имени Твоему, и вся здравыя кости моя да глаголютъ Тебѣ: Господи! кто подобенъ Тебѣ? Не бо вразумляетъ Тебя

тотъ, что внутрь его дѣлается, кто исповѣдуется Тебѣ; поелику ока Твоего не изключаетъ сердце заключенное, и десницы Твоей не отражаетъ жестокость человѣческая; но Ты умягчаеши ее, когда восхощеши, или милуяй, или наказуяй; и нѣсть, иже укрыется теплоты Твоея. Но да хвалитъ Тебя душа моя, да возлюбитъ Тя; и да исповѣдуетъ Тебѣ щедроты Твоя, да восхвалитъ Тя. Непрестанно и неумолчно повѣдаетъ славу Твою вся тварь Твоя, и духъ всякаго человѣка устами обращенными къ Тебѣ, и животныя, и всѣ тѣлесныя вещи устами разсуждающихъ о нихъ: да возстанетъ въ Тебѣ отъ разслабленія душа наша, опираяся на твари Твои, и преходя къ Тебѣ, которой дивно сотворилъ сіи, и тамо есть истинное успокоеніе и истинная крѣпость.

ГЛАВА II.

Беззаконники не могутъ укрытъся отъ Бога, поелику Онъ есть вездѣ.

2. Пусть удаляются и убѣгаютъ отъ Тебя мятежники и нечестивые: но Ты, Боже! видиши ихъ, и раздѣляеши тѣни ихъ; и се все красивое съ ними, а сами они мерзостны суть. Но какой они причинили вредъ Тебѣ? Или въ чемъ державу Твою обезславили отъ небесъ даже до преисподнихъ земли праведную и непорочную? Ибо куда они убѣгли, бѣгуще отъ лица Твоего? Или

гдѣ Ты не обрѣтаеши ихъ? Но убѣгли для того, дабы не видѣть Тебя видящаго ихъ, и въ слѣпотѣ своей претыкаться о Тебя, яко Ты *ничесого же гнушаешися, яже сотворилъ еси* (1). О Тебя претыкаются неправедные, дабы праведно мучиться, укрываяся отъ кротости Твоей, и претыкаяся о правоту Твою, и упадая на жестокость Твою; понеже не вѣдаютъ сего, что Ты еси вездѣ сущій, котораго никакое не ограничиваетъ мѣсто, и единъ присутствуеши и тѣмъ, которые удаляются отъ Тебя. И такъ пусть они къ Тебѣ обратятся и взыщутъ Тебя; поелику не такъ, какъ они оставили Тебя Творца своего, Ты оставилъ ихъ тварь свою. Пусть сами обратятся, и взыщутъ Тебя; и се Ты тамъ еси въ сердцѣ ихъ, въ сердцѣ исповѣдающихся Тебѣ, и приверженныхъ къ Тебѣ, и рыдающихъ на лонѣ Твоемъ послѣ путей своихъ многотрудныхъ. А Ты кроткій отираеши слезы ихъ, да паче рыдаютъ, и радуются въ плачѣ своемъ, яко Ты, Господи! не человѣкъ нѣкоторый плоть и кровь, но Ты Господи! Творецъ, успокоеваеши ихъ и утѣшаеши. Но гдѣжъ я былъ, когда искалъ Тебя? И Ты былъ предо мною, а я и отъ себя отступалъ, и не обрѣталъ себя самаго, кольми паче Тебя.

ГЛА-

(1) Прем. 11 25.

ГЛАВА III.

О Фавстѣ Манихеянинѣ, и о слѣпотѣ Философовъ, которые изъ тварей не познали Творца.

3. Возвѣщу предъ лицемъ Бога моего оный двадесять девятый годъ возраста моего. Уже пришелъ въ Карѳегенъ нѣкоторый Манихейской Епископъ, именемъ Фавстъ, великая сѣть діявольская, и многіе въ оной увязали посредствомъ прелестнаго его краснорѣчія, которое я хотя и хвалилъ, однако различалъ оное отъ истинныхъ вещей, которыя познать желалъ. Я не смотрѣлъ на то, въ какомъ сосудѣ рѣчи, но какое знаніе предлагалъ мнѣ вкушать оный ихъ Фавстъ; ибо я по слуху прежде о немъ увѣрился, что онъ былъ довольно искусенъ во всѣхъ честныхъ наукахъ, и совершенно изученъ свободнымъ знаніямъ. А какъ читалъ я многія Философскія сочиненія, и выучивши ихъ, содержалъ въ памяти: то нѣкоторыя изъ нихъ сравнивалъ съ оными долгими Манихейскими баснями; и сіе мнѣ вѣроятнѣйшимъ казалося, что написали тѣ, которые *толико возмогоша вѣдѣти, да возмогутъ уразумѣти вѣкъ* (1), хотя его владыку и не обрѣтоша, яко высокъ еси Господи, и смиренныя призираеши, и высокая издалеча вѣси (2). Ты бо приближаешися

(1) Прем. 13. 9. (2) Псал. 137 6.

шися токмо къ сокрушеннымъ сердцемъ, и не обрѣтаютъ Тебя гордые, когда любопытнымъ искусствомъ изчисляютъ звѣзды и песокъ, и измѣряютъ небесныя страны, и испытуютъ путіе свѣтилъ.

4. Они мыслію своею взыскуютъ сего и разумомъ, которой Ты даровалъ имъ, и многое нашли, и предвозвѣстили за нѣсколько лѣтъ затмѣнія свѣтилъ солнца и луны, въ который день, въ которомъ часу, и сколь велики оныя будутъ, да и не обманулися въ щетѣ ихъ, и такъ сдѣлалось, какъ предсказали; и написали правила, опытомъ утвержденныя; и оныя читаются нынѣ, и предвозвѣщается изъ оныхъ, въ какомъ году, и въ какомъ мѣсяцѣ года, и въ которомъ часу дня, и коликой части свѣта своего лишится луна, или солнце, и такъ сдѣлается, какъ предсказывается. И удивляются сему человѣки, и недоумѣваютъ не вѣдущіе того, а радуются и возносятся знающіе; и злочестивою гордостію отступая и уклоняяся отъ свѣта Твоего, за столько прежде предусматриваютъ солнечное затмѣніе, а въ настоящее время не видятъ своего собственнаго. Не бо благочестно взыскуютъ, откуда сами получили разумъ, которымъ взыскуютъ сіе. И нашедъ, что Ты сотворилъ ихъ, не предаются сами Тебѣ, да сохраниши ихъ, яко тварь свою, и каковыми сами учинилися, удаляются отъ Тебя, погубляютъ

И высо-

высоту свою, яко птицы небесныя, и любвытства свои яко рыбы морскія, преходящія стези морскія, и роскоши свои, яко скоты польскія; да Ты, Боже! огнь поядаяй, потребиши мертвыя старанія ихъ, безсмертно ихъ упокоеваяй.

5. Но не познали они пути слова Твоего, которымъ Ты Боже! сотворилъ изчисляемое и самыхъ изчисляющихъ, и чувство, которымъ созерцаютъ изчисляемое; и разумъ посредствомъ котораго изчисляютъ: *И разума твоего нѣсть числа* (1). Самъ же Единородный *бысть намъ премудрость, правда же и освященіе* (2), и поживе съ нами, и заплатилъ дань Кесарю. Не познали сего пути, по которому должен(ст)вовали отъ себя снисходить къ нему, и чрезъ него восходить къ нему. Не познали сего пути, и мнятъ, что они высоки и свѣтлы яко звѣзды; и се пали на землю, и омрачися неразумное сердце ихъ. И много истиннаго сказуютъ о твари, а истину Зиждителя твари не благочестно взыскуютъ, и потому не обрѣтаютъ Его. Или хотя и обрѣтаютъ, познавая Бога, не яко Бога прославляютъ, или благодарятъ, но суетны бываютъ въ помышленіяхъ своихъ, и глаголюще ся быти мудри, себѣ приписуютъ Твое; а чрезъ сіе стараются по развратнѣйшей слѣпотѣ своей и Тебѣ приписывать свое, т.

---

(1) Псал. 146. 5. (2) Кор. 1. 30.

т. е. лжи на Тебя слагающе, иже истина еси; и измѣняюще славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка и птицъ, и четвероногихъ и гадъ; и премѣняютъ истину Твою во лжу, и чтутъ, и служатъ твари паче Творца.

6. Однако я много отъ нихъ о самой твари истинныхъ словъ слыша, памятовалъ, и приходило мнѣ на мысль познать по численію и порядку времена и видимыя событія затмѣній свѣтилъ, и сносилъ все сіе съ словами Манихеевыми, который о сихъ вещахъ много и весьма безумно написалъ; но не могъ я постигнуть причины ни долгоденствій, ни равноденствій, ни затмѣнія свѣтилъ, и ничему такому изъ книгъ мірскія мудрости не научился. А гдѣ меня принуждали вѣрить, тамъ по онымъ численіямъ, собственными моими глазами испытаннымъ, не выходило, а выходило совсѣмъ противное.

ГЛАВА IV.

Единое Богопознаніе дѣлаетъ человѣка блаженнымъ.

7. Господи Боже истины! знающій сіе, угоденъ ли Тебѣ? Бѣденъ бо есть человѣкъ вѣдущій оное все, Тебя же не вѣдущій; а блаженъ есть тотъ, кто Тебя, Боже! знаетъ, хотя бы онаго и не зналъ. А кто Тебя и оное позналъ, то не для того есть блажен-

нѣйшій, но ради Тебя единаго блаженъ, ежели онъ Тебя познавая, яко Бога прославляетъ, и благодаритъ, и не суетенъ бываетъ въ помышленіяхъ своихъ. Ибо какъ лзящнѣе есть тотъ, кто умѣетъ владѣть древомъ, и о пользѣ его благодаритъ Тебѣ, хотя и не знаетъ совершенно измѣрить ни высоты его, ни толщины, нежели тотъ, которой сіе дерево измѣряетъ, и всѣ изчисляетъ на немъ вѣтви, да не владѣетъ имъ, ниже познаетъ Творца его, или любитъ (1). Тако вѣрный человѣкъ, которому весь міръ, богатство, и яко ничтоже имѣяй, а вся содержитъ, прилѣпляяся къ Тебѣ, которому служатъ всяческая, хотя бы и не зналъ обращенія сѣвера, но сомнѣваться о немъ безумно, чтобъ онъ гораздо изящнѣе не былъ того, кто измѣряетъ небеса, изчисляетъ звѣзды, и разсуждаетъ о стихіяхъ, а презираетъ Тебя, которой *вся мѣрою, и числомъ, и вѣсомъ разположилъ еси* (2).

ГЛАВА V.

Манихеево въ звѣздочетствѣ невѣжество дѣлало его и въ прочихъ наукахъ недостойнымъ вѣроятія.

8. Но однако кто искалъ, не знаю, какого-то Манихеянина, чтобы онъ и сіе написалъ, безъ знанія чего можно было научиться благо-

(1) Притч. 17. 6. (2) Прем. 11. 21.

благочестію. Ты бо реклъ еси человѣку: *Се благочестіе есть премудрость* (1), которой бы онъ никакъ не могъ знать, хотя бы и совершенно зналъ сіе. А о звѣздахъ, поелику самъ не зналъ сей науки, весьма безстудно дерзая учить, совсѣмъ бы оной не могъ познать. Суета бо мірская сіе и извѣстное другимъ преподавать, благочестіе же есть исповѣдатися Тебѣ. Почему онъ уклонившись къ сему, много разсуждалъ о звѣздахъ, такъ что будучи изобличенъ во лжѣ отъ тѣхъ, которые совершенно сему изучилися, явно наконецъ познанъ былъ, какъ онъ умствовалъ и о прочихъ сокровеннѣйшихъ вещахъ. Ибо онъ не восхотѣлъ почитаться маловажнымъ, но старался доказывать, что Духъ Святый Утѣшитель и богатящій вѣрныхъ Твоихъ, лично Самъ въ Себѣ есть полныя власти. И такъ когда его познали, что онъ все говорилъ ложное, т. е. о небѣ и звѣздахъ, и о движеніяхъ солнца и луны; что хотя и не касается до науки благочестія, однако довольно изъ того явствовало, что всѣ дерзости его были святотатственныя; поелику о семъ не только неизвѣстномъ, но еще и о ложномъ съ толь безумнымъ говорилъ тщеславіемъ, что оное яко Божественному лицу себѣ восписать старался.

9. Когда я слышу изъ Христіянъ нѣкотораго брата того, или другаго, сихъ вещей

 не

(1) Іов. 28. 28.

не знающаго, и различное мыслящаго, терпѣливо взираю на того человѣка; да и не вижу, что бы изъ того могло вредить ему, когда онъ о Тебѣ, Господи, Творче всяческихъ! не вѣритъ недостойному, хотя можетъ быть и не знаетъ положеній и видовъ тѣлесной твари. Вредитъ же то, ежели онъ мнитъ, что сіе принадлежитъ къ самому науки благочестія образу, и упорственно дерзаетъ утверждать то, чего не знаетъ самъ. Но и такову его немощь въ младенчествѣ вѣры любовь матерь подкрѣпляетъ, дондеже достигнетъ новый человѣкъ въ мужа совершенна, и обноситься не будетъ всякимъ вѣтромъ ученія. Въ томъ же человѣкѣ, которой учителемъ, которой начальникомъ, которой вождемъ и владыкою тѣхъ, которыхъ могъ въ ложной наукѣ своей удостовѣрить, дерзнулъ съ тѣмъ учиниться, чтобъ послѣдователи его мнили, что они не простому человѣку, но Духу Твоему Святому послѣдуютъ, кто бы не почелъ толикое безуміе достойнымъ омерзѣнія и крайняго отвращенія, ежели бы гдѣ онъ въ ложныхъ словахъ своихъ былъ изобличенъ? Но однако я не совершенно еще увѣренъ былъ, что и по его словамъ можно было истолковать перемѣны должайшихъ и кратчайшихъ дней и ночей, и самыя ночи и дня, и затмѣнія свѣтилъ, и то, что я подобное сему читалъ въ другихъ книгахъ; а хотя бы и можно было, то не извѣстно

но бы мнѣ еще было, такъ ли сіе, или не такъ; но я для увѣренія себя долженъ предпочитать онаго важность ради мнимой его святости.

ГЛАВА VI

Фавстъ хотя краснорѣчивъ, но свободныхъ наукъ не знаетъ.

10. И чрезъ самое почти девятилѣтнее время, въ которое я духомъ бродящій Манихеевъ слушалъ, съ величайшимъ желаніемъ ожидалъ прибытія сего Фавста. Ибо прочіе изъ Манихеевъ, которые мнѣ по случаю попадались, и на предлагаемые имъ о таковыхъ вещахъ вопросы не могли отвѣтствовать, онаго мнѣ обѣщали, говоря, что де Фавстъ по прибытіи своемъ въ разговорахъ весьма удобно мнѣ о семъ, и ежели я о чемъ нибудь и важнѣйшемъ спрошу его, яснѣйшимъ изтолкуетъ образомъ. И такъ когда онъ прибылъ, то я нашелъ его такимъ человѣкомъ, которой былъ сладкоглаголивъ и краснорѣчивъ, и то же самое, о чемъ обыкновенно говорятъ другіе послѣдователи оной секты, пріятнѣе болталъ. Но что пользы для моей жажды отъ искуснѣйшаго подавателя драгоцѣннѣйшихъ сосудовъ? Уже таковыми вещами насыщены были уши мои; не для того мнѣ лучшимъ что нибудь казалось, поелику лучше говорено было; ни потому справедливо, поелику краснорѣчиво; и

 не

не по тому я почиталъ премудрою душу, что было благоустроенное лице и красивая рѣчь; а тѣ, которые его мнѣ обѣщали, въ вещахъ были не благоразсудительны; и потому имъ Фавстъ казался разумнымъ и мудрымъ, поелику услаждалъ ихъ своимъ краснорѣчіемъ. Но я примѣчалъ, что иные люди и о истинѣ подозрѣваютъ, и не хотятъ въ ней успокоиться ежели оная красивымъ и обширнымъ слогомъ изражается. Ты же меня уже поучалъ, Боже мой! дивными и тайными образы; и для того вѣрю, что Ты меня поучалъ, поелику сіе есть истинное, а инаго, кромѣ Тебя, нѣсть учителя истины, гдѣ бы и откуда ни возникъ. И такъ уже я отъ Тебя познавалъ, что не по тому должно называть что либо истиннымъ, поелику краснорѣчиво выражается; и не по тому ложнымъ, поелику не складными объявляется словами. Паки не по тому истинное, поелику грубо выражается; и не по тому ложное, поелику знаменитою украшается рѣчію; но также мудрость и глупость, какъ и пища полезная и вредная, словами украшенными и неукрашенными прикрываются, такъ какъ и въ сосудахъ градскихъ и сельскихъ можно предлагать обоего рода пищу.

11. Того ради желаніе мое, съ каковымъ я чрезъ толикое время ожидалъ онаго человѣка, хотя услаждалося тѣло движеніемъ и пылкостію его разсужденія, и витіеватыми словами, и для изображенія мыслей свободно

бодно текущими; хотя, говорю, я услаждался симъ, и со многими, или еще и паче многихъ хвалилъ его и превозносилъ; но то прискорбно мнѣ было, что при собраніи слушателей не льзя было мнѣ къ нему пристать, и сообщить ему безпокоющіе меня вопросы въ дружескихъ и взаимныхъ разговорахъ. И когда я нашелъ къ тому удобный случай, и началъ съ друзьями моими занимать уши его въ то самое время, въ которое бы прилично было намъ взаимно разглагольствовать, и открылъ ему нѣчто изъ того, что меня безпокоило: то испыталъ его вопервыхъ человѣкомъ, не знающимъ свободныхъ наукъ, кромѣ одной Грамматики, да и ту самую обыкновеннымъ образомъ. А поелику онъ читывалъ нѣкоторыя Тулліевы рѣчи, и очень мало Сенекиныхъ книгъ и своей секты книги, которыя по Латынѣ и искусно были написаны; и поелику имѣлъ ежедневное въ разговорахъ упражненіе, то отъ сего получилъ довольное краснорѣчіе, которое тѣмъ было пріятнѣе и обманчивѣе, что умѣряемо было разумомъ и естественною красотою. Тако ли сіе, какъ я воспоминаю, Господи Боже мой! Судіе совѣсти моея? Предъ Тобою сердце мое и воспоминаніе мое, которой тогда меня возбуждалъ отъ сна заблужденія сокровенною тайною провидѣнія Твоего, и уже обращалъ предъ лице мое сіи безчестныя заблужденія мои, дабы я видѣлъ оныя, и возненавидѣлъ.

ГЛАВА VII.

Отчуждается отъ секты Манихейской.

12. И какъ сей Фавстъ мнѣ неискуснымъ въ тѣхъ наукахъ, въ которыхъ я его превосходнымъ почиталъ, довольно оказался: то уже я началъ отчаяваться, чтобъ онъ могъ мнѣ то, что меня безпокоило, открыть и разрѣшить, чего хотя не знающій, и могъ бы познать истину благочестія, но ежели бы только не былъ упоенъ Манихейскою ересію; ибо книги ихъ наполнены весьма долгими баснями о небѣ и звѣздахъ, и солнцѣ и лунѣ; и уже я не думалъ, чтобы онъ могъ мнѣ сіе въ тонкость истолковать, чего я всячески желалъ, сравнивъ счисленія съ тѣми, о которыхъ индѣ я читывалъ, такъ ли оныя были, какъ въ Манихейскихъ книгахъ содержались, или оттуда равную причину дать можно. Однако когда я сіе предложилъ ему на разсужденіе и разсмотрѣніе, то скромно подлинно онъ сдѣлалъ, не отважился вступить въ оную трудность; ибо вѣдалъ о себѣ, что онъ самъ сего не знаетъ, и не устыдился въ томъ признаться. Не былъ онъ изъ числа тѣхъ, каковыхъ я многихъ велерѣчивыхъ терпѣлъ, которые старалися тому научить меня, а ничего не сказывали. А сей хотя сердце имѣлъ и не правое къ Тебѣ, однако не совсѣмъ не прозорли-

вое

вое въ разсужденіи себя самаго. Не всегда онъ былъ не вѣдущъ въ невѣжествѣ своемъ, и не восхотѣлъ, безразсудно разсуждая, въ томъ притѣсненъ быть, откуда бы никакого не могъ имѣть исхода, ни удобнаго возвращенія; и съ того времени я больше сталъ любить его. Ибо изящнѣе для меня скромность сознающагося духа, нежели то, что я познать желалъ: и уже его во всѣхъ труднѣйшихъ и глубокомысленныхъ вопросахъ таковымъ всегда находилъ.

13. И такъ я перервалъ ревность, которую устремлялъ на Манихейскія книги, и болѣе не надѣяся на прочихъ ихъ учителей, когда во многихъ вещахъ, меня безпокоившихъ, такимъ уже явился оный ихъ Фавстъ, началъ съ нимъ жить по любви его къ наукамъ, которымъ уже я тогда, будучи Реторомъ въ Карѳагенѣ, обучалъ юношей; и началъ читать съ нимъ, или что онъ слышать желалъ, или что я самъ для таковаго ума за пристойное почиталъ. Впрочемъ все мое тщаніе и усиліе, съ каковымъ я намѣревался успѣть въ оной сектѣ, познавъ невѣденіе сего человѣка, совсѣмъ пресѣклося; но не съ тѣмъ, чтобы мнѣ совсѣмъ отстать отъ Манихеевъ, но какъ бы я ничего лучшаго не обрѣтая оной, куда уже нѣкоторымъ образомъ впадалъ, довольнымъ себѣ между тѣмъ быть опредѣлялъ, пока нѣчто по случаю, что мнѣ наипаче избрать надлежало, не откроется.

Того

Того ради оный Фавстъ, который многихъ смертною сѣтію содѣлался, мою сѣть уже послаблять начиналъ, не хотящій и не вѣдущій того. Руцѣ бо Твои, Боже мой! въ тайнѣ провидѣнія Твоего не оставляли души моей, и отъ крови матери моея чрезъ слезы ея денно и нощно за меня жертвуемо было Тебѣ; и Ты творилъ со мною дивными и сокровенными образы. Ты оное сотворилъ со мною, Боже мой! Ибо *отъ Господа стопы человѣку исправляются, и пути его восхищаетъ зѣло* (1). Или какое промышленіе о спасеніи наше, кромѣ руки Твоей обновляющей, яже Ты сотворилъ еси?

ГЛАВА VIII.

Отправляется въ Римъ противъ воли матери своея.

14. Ты убо сіе сотворилъ со мною, чтобы я совѣтами склонился итти въ Римъ, и паче тамъ учить Реторикѣ, которой обучалъ въ Карѳагенѣ. А почему я на то склонился, не премину исповѣдать Тебѣ; поелику и въ семъ о высочайшихъ Твоихъ отступленіяхъ и о ближайшемъ къ намъ милосердіи Твоемъ должно помышлять и проповѣдывать. Не для того я восхотѣлъ въ Римъ отправиться, что тамъ большіе прибытки и большее мнѣ достоинство отъ друзей, совѣтовавшихъ сіе, было обѣщаемо, хотя

(1) Псал. 36. 23.

тія и сіе тогда влекло духъ мой; но сія была причина важнѣйшая и почти единая, понеже я слышалъ, что тамъ спокойнѣе учатся юноши, и порядочнѣйшимъ наказанія исправленіемъ усмиряются, чтобъ въ школу не своего учителя часто и нагло не входили, да и совсѣмъ туда ихъ не впускаютъ безъ дозволенія учительскаго; напротивъ того въ Карѳагенѣ гнусную и неумѣренную школьники имѣютъ вольность. Они въ чужую школу вдираются безстудно, и почти съ неистовымъ лицемъ возмущаютъ порядокъ, которой всякой учитель для успѣшности учениковъ своихъ установляетъ. Много обиды причиняютъ удивителною своею тупостію, и достойною наказанія по законамъ, ежели бы обыкновеніе не было ихъ защитницею, которое тѣмъ бѣднѣйшими ихъ показываетъ, что они какъ бы за позволительное дѣлаютъ то, что по Твоему вѣчному закону никогда не можетъ быть позволено; и думаютъ, будто они безъ наказанія сіе дѣлаютъ, когда самою дѣйствія слѣпотою наказуются, и сами претерпѣваютъ несравненно горшее, нежели что дѣлаютъ другимъ. И такъ которыхъ обычаевъ я учася, самъ имѣть не восхотѣлъ, тѣ, когда другихъ обучалъ, принужденъ былъ претерпѣвать чужіе; и потому я желалъ туда отправиться, гдѣ по объявленію всѣхъ знающихъ ничего таковаго не бываетъ. Но Ты упованіе мое и

часть

часть моя на земли живыхъ (1) къ премѣненію земнаго мѣста для спасенія души моея и въ Карѳагенѣ поощрялъ меня, дабы я вышелъ изъ него, и для привлеченія моеговъ Римѣ предлагалъ мнѣ прелести чрезъ человѣковъ, любящихъ жизнь мертвую; отсюда чрезъ дѣлающихъ безумное, туда чрезъ обѣщающихъ суетное; и ко исправленію стопъ моихъ Ты употреблялъ тайно и оныхъ и мою погрѣшность. Ибо какъ тѣ, которые возмущали покой мой, гнуснымъ бѣшенствомъ ослѣплены были, такъ и тѣ, которые призывали меня къ другому, земное мудрствовали. А я, который здѣсь проклиналъ бѣдность, тамъ ложнаго щастія желалъ.

15. Но для чего я отсюда выходилъ, и туда шелъ, Ты вѣдалъ сіе, Боже! и не объявлялъ ни мнѣ, ни матери, которая обо мнѣ отправившемся горестно рыдала, и даже до моря за мною слѣдовала. Но я обманулъ ее, насильно меня удерживающую, чтобы она или возвратилася, или продолжала со мною итти; и притворился я, будто бы не хочу оставить друга моего, пока онъ при наступленіи вѣтра ко мнѣ не прибудетъ. И солгалъ я матери, и такой еще матери, и ушелъ отъ нея. Поелику и сіе Ты оставилъ мнѣ милосердо, сохраняя меня отъ водъ морскихъ, исполненныхъ омерзительными нечистотами, даже до воды благодати Твоея, которою омывши меня,

(1) Псал. 141. 6.

ня, изсякли бы рѣки слезъ, изтекающія изъ матернихъ очей, которыми за меня ежедневно Тебѣ наводняла землю подъ лицемъ своимъ. И однако не хотящую ее безъ меня возвратиться въ домъ, едва я склонилъ, дабы она въ томъ мѣстѣ, бывшемъ близь нашего корабля, осталася въ ту нощь на память святаго Кипріяна. Но я въ ту же нощь тайно отправился, а она осталася въ моленіи и рыданіи. Но чего она у Тебе просила, Боже мой! съ толикими слезами? развѣ того дабы Ты плыть мнѣ не попустилъ? Но Ты сокровенно о мнѣ промышляя, и слыша содержаніе желанія ея, не старался о томъ, чего она тогда просила, т. е. дабы Ты учинилъ на мнѣ то, о чемъ всегда Тебя просила. Возвѣялъ вѣтръ, и наполнилъ парусы наши, и сокрылъ брегъ отъ зрѣнія нашего, въ которое утро мать моя была въ изступленіи отъ начала, и жалобами и стенаніемъ наполняла уши Твои, презирающія сіе. Поелику Ты и меня пожеланіями моими восхищалъ для окончанія пожеланій, и ея плотское желаніе праведнымъ печалей ударомъ поражалъ. Ибо она любила съ собою присутствіе мое по обычаю матерей, но многихъ гораздо больше; и не вѣдала того, какую Ты радость имѣлъ ей сотворишь изъ отсутствія моего. Не вѣдала сего, и для того рыдала, и чрезъ оныя мученія доказывалися в ней останки Еввы, со стенаніемъ взыскуя того, что

со

со стенаніемъ раждала. И однако она послѣ обевинннія обмановъ моихъ и жестокости, обратившись паки къ моленію Тебя о мнѣ, пошла въ прежнее свое жилище, а я въ Римъ.

ГЛАВА IX.

Пораженъ будучи горячкою, бѣдственно въ оной страждетъ.

16. И се я поражаюся тамъ бичемъ тѣлесной болѣзни, и низходилъ во адъ, нося все зло, содѣянное мною и на Тебя, и на себя и на другихъ, многое и тяжкое паче первороднаго грѣха оковъ, отъ которыхъ всѣ во Адамѣ умираемъ. Ибо Ты ничего изъ того не дарствовалъ мнѣ во Христѣ (*), и не разрушалъ Онъ плотію своею вражды, которую я учинилъ съ Тобою грѣхами моими. Ибо какъ бы могъ оную разрушить на крестѣ, почитаемомъ мною за привидѣнія (**)? Коль убо ложною мнѣ казалась смерть плоти Его, толь истинная была смерть души моея; и коль истинная была смерть плоти Его, толь ложная была жизнь души моей, тому невѣрую-

(*) Въ то время Бл. Августинъ не былъ еще Христіяниномъ; а потому и не уповалъ на Христовы заслуги, которыя человѣка очищаютъ отъ грѣховъ, и спасаютъ.

(**) Т. е. по заблужденію Манихейскому онъ думалъ, что Христосъ не истинно за человѣкъ умеръ, и смерть его почиталъ привидѣніемъ и мечтаніемъ, а не истинною

вѣрующей. И при умноженіи горячки уже я приближался ко аду, и погибалъ. Ибо куда бы я пришелъ, ежели бы тогда изъ жизни преселился, развѣ во огнь и мученіе, достойное по дѣломъ моимъ во истинѣ чина Твоего? А оная мать моя сего не вѣдала, и однако за меня молилася отсутствующаго; Ты же вездѣ сущій, тамъ, гдѣ она была, слышалъ ее; и тамъ, гдѣ я былъ, милосердовалъ о мнѣ, дабы я возвратилъ здравіе тѣлу моему, будучи еще не здравъ сердцемъ святотатственнымъ. Ниже бо я желалъ въ оной толикой опасности крещенія Твоего, и лучше былъ въ отрочествѣ, когда онаго отъ матерней любви требовалъ, какъ уже я о томъ воспоминалъ. Но въ посрамленіе мое взрасталъ, и совѣтамъ врачевства Твоего безумный смѣялся, когда Ты мнѣ въ таковомъ состояніи не попустилъ сугубо умереть (*). Сею язвою ежели бы поражено было сердце матери моея, никогда бы не излѣчилося. Ибо я не могу довольно и живо изобразить словами, какое она ко мнѣ имѣла благорасположеніе сердца, и коль съ большею болѣзнію поражадла меня духомъ, нежели съ каковою раждала меня плотію.

17. И такъ я не знаю, какимъ бы образомъ сердце ея излѣчилося, ежели бы такова

(*) Т. е. душею и тѣломъ; ибо какъ тѣло, разлучаяся съ душею, умираетъ: такъ душа, разлучаяся съ Богомъ, умираетъ.

вая моя смерть пронзила внутренность любленія ея. И гдѣ бы были толикія молитвы ея, и толь частыя и безпрерывныя? Нигдѣ, развѣ у Тебе. Ты же, Боже щедротъ! презрилъ ли бы сердце сокрушенное и смиренное вдовицы цѣломудренной и трезвой, которая учащала милостыни, повиновалася и служила святымъ Твоимъ, которая ни одного дня не опускала безъ принесенія жертвы предъ олтаремъ Твоимъ, которая дважды въ день, т. е. утромъ и въ вечеръ, къ церкви Твоей всегда притекала не для тщетныхъ басенъ и бабьихъ суесловій, но дабы Тебя слышать во словесѣхъ Твоихъ, а Тебѣ бы оную въ ея молитвахъ. Сея ли бы Ты слезы, которыми у Тебе не злата и сребра она просила, ниже какого либо перемѣннаго и превратнаго добра, но спасенія души сына своего? Ты ли, по дару коего она таковыхъ была качествъ, презрилъ ее, и отвергнулъ отъ помощи Твоея? Никакъ, Господи! но Ты еще присутствовалъ ей, и слышалъ и творилъ все по чину, которымъ предопредѣлялъ творить. Да не будетъ, чтобъ Ты ее прельщалъ въ видѣніяхъ и отвѣтахъ Твоихъ, о которыхъ я уже упомянулъ, и о которыхъ не упомянулъ, тѣ она въ вѣрномъ сердцѣ содержала, и во всегдашнихъ молитвахъ своихъ оныя какъ бы рукописанія Твои Тебѣ предлагала. Ибо Ты удостоеваеши, яко во вѣкъ милость Твоя, тѣмъ,

ко-

которымЪ всѢ долги оставляеши, и вЪ обѢтованіяхЪ ТвоихЪ должникомЪ быть.

ГЛАВА X.

О заблужденіяхЪ его прежде принятія Евангельскаго ученія.

18. И такЪ Ты возставилЪ меня отЪ оной болѢзни, и здрава сотворилЪ сына рабыни Твоея; тогда между тѢмЪ тѢломЪ, дабы даровать мнѢ здравіе лучшее и истиннѢйшее. А я и тогда будучи вЪ РимѢ, имѢлЪ привязанность кЪ онымЪ прельщеннымЪ и прельщающимЪ святымЪ. Ибо не только кЪ слушателямЪ ихЪ, изЪ которыхЪ числа былЪ и тотЪ, вЪ котораго домѢ я немоществовалЪ и выздоравливалЪ; но и кЪ тѢмЪ самымЪ, которые у нихЪ называются избранные. Понеже я тогда еще думалЪ, что не сами мы грѢшимЪ, но не знаю какое то иное вЪ насЪ грѢшитЪ естество, и пріятно было гордости моей безЪ вины быть; и когда я содѢвалЪ какое либо зло, то не признаваться вЪ содѢланіи онаго, дабы Ты изцѢлилЪ душу мою, яко грѢшила ТебѢ, но любилЪ извинять ее, а обвинять не знаю что-то иное, которое бы со мною было, и я бы не былЪ оное. Но однако я цѢлое былЪ, и на меня нечестіе мое меня раздѢляло; и тотЪ грѣхЪ былЪ неизлѢчимѢе, чрезЪ которй я не мнилЪ себѢ быть грѢшникомЪ; и мерзостно то беззаконіе,

 дабы

дабы желать Тебѣ, Боже всемогущій! Тебѣ во мнѣ для погибели моей нежели мнѣ отъ Тебя для спасенія моего побѣждену быть (*). И такъ Ты еще не полагалъ храненія устомъ моимъ, и двери огражденія о устнахъ моихъ, дабы не уклонялося сердце мое во словеса лукавствія, непщевати вины о грѣсѣхъ съ человѣки, дѣлающими беззаконіе, и потому я сочетавался еще со избранными ихъ (1).

19. Но однако уже я отчаявался, чтобъ въ той ложной наукѣ можно было мнѣ болѣе успѣть, и въ томъ самомъ, чѣмъ, ежели бы ничего не нашелъ лучшаго, довольнымъ себѣ быть опредѣлялъ, уже слабѣе и лѣностнѣе упражнялся. Ибо родилося и во мнѣ сіе помышленіе, что благоразумнѣе прочихъ были оные Философы, которые называются Академики; понеже они думали, что обо всемъ должно сомнѣваться, и полагали, что ничего истиннаго человѣкъ понять не можетъ; ибо они такъ и мнѣ истинно умствовать казалися, какъ простой народъ объ нихъ думаетъ, хотя я намѣренія ихъ еще не разумѣлъ. Не утаилъ я, что одного страннопріимца моего воздерживаю отъ излишняго упованія, которое, какъ я узналъ, что онъ имѣетъ о вещахъ басно-

(*) По заблужденію Манихеевъ онъ думалъ, будто бы частица Божества въ человѣкѣ сражается съ естествомъ зла.

(1) Псал. 140. 3.

баснословныхъ, которыми Манихейскія книги наполнены. Однако я съ Манихеями искреннѣйшее имѣлъ дружество, нежели съ прочими людьми, не бывшими въ оной ереси. И уже не защищалъ оную съ прежнею ревностію, но однако дружеское съ ними обхожденіе (ибо много таковыхъ находится въ Римѣ) лѣностнѣе меня заставляло инаго искать; а наипаче когда я не надѣялся, что въ церкви Твоей, Господи небесе и земли, Творче всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ вещей, можно найти истину, отъ которой они отвращали меня; и много мнѣ гнуснымъ казалось вѣрить, что Ты имѣеши образъ человѣческія плоти, и ограничиваешися тѣлесными чертами нашихъ членовъ; и понеже я когда о Богѣ моемъ разсуждать хотѣлъ, то не умѣлъ ни о чемъ другомъ разсуждать, какъ только о тяжестяхъ тѣлесныхъ; ибо думалъ, что нѣтъ ни одного такого существа, которое бы не имѣло въ себѣ тяжести, то сія величайшая и почти единая была причина неизбѣжнаго заблужденія моего.

20. Отсюда я вѣрилъ, что и самое существо зла есть такое же, и имѣетъ свою тяжесть и смрадную и гнусную либо грубую, которую Манихеи землею называли; либо тонкую, каковое есть тѣло воздуха, которую злобную мысль, по оной землѣ пресмыкающуюся, они себѣ воображаютъ. А поелику малая нѣкоторая набожность заставляла меня вѣ-

 рить,

рить, что Богъ, будучи самъ благъ, не создалъ никакого злаго естества: то я напротивъ того полагалъ въ немъ двѣ тяжести, и обѣ безконечныя; но злую въ тѣснѣйшемъ (разсужденіи), а благую въ обширнѣйшемъ; и отъ сего-то зоразительнаго начала и прочія святотатства за мною слѣдовали. Ибо когда духъ мой стремился обратиться въ Каѳолическую вѣру, то паки отражался отъ нее; поелику Каѳолическая вѣра не такая была, каковою ее быть почиталъ; и набожнѣйшимъ самъ себѣ казался, ежели бы я Тебя безконечнымъ, Боже мой! которому исповѣдую щедроты Твоя, по прочимъ только частямъ почиталъ, хотя бы по одной, по которой Тебѣ тяжесть зла противополагалася, принуждаемъ былъ признавать конечнымъ, нежели естьли бы я думалъ, что Ты по всѣмъ частямъ оканчиваешися въ образѣ человѣческаго тѣла. И лучше мнѣ казалося вѣрить, что Ты никакого зла не сотворилъ, котораго мнѣ не вѣдущему не только оно нѣкоторымъ существомъ, но и тѣлеснымъ быть казалося; поелику и о разумѣ не могъ иначе разсуждать, какъ только то, что оный есть тонкое тѣло, которое однако по пространствамъ мѣста разливается, нежели вѣрить, что отъ Тебя есть существо зла, каковому быть мнилъ. И что самый Спаситель нашъ единородный Твой отъ смѣшенія пресвѣтлѣйшія тяжести Твоея данъ

для

для нашего спасенія; такъ я о семъ думалъ, что ничему другому о Немъ не вѣрилъ, развѣ бы что самъ могъ вообразить по моей суетности. Почему и разсуждалъ, что такому Его естеству не возможно родиться отъ Маріи дѣвы безъ созерцанія Его во плоти. Но я не зналъ, чтобы такое существо созерцаемо было во плоти, и не оскверялося, которое я себѣ таковымъ мысленно воображалъ. И такъ я боялся вѣрить, что Онъ рожденъ во плоти, дабы не принужденъ былъ вѣрить, что Онъ отъ плоти оскверненъ. Нынѣ духовные Твои ласково и любовно будутъ мнѣ смѣяться, ежели станутъ читать сіи мои исповѣданія; но однако я таковый былъ.

ГЛАВА XI.

По чему Августинъ разглагольствовалъ съ Католиками о Священномъ Писаніи.

21. Я за невозможное почиталъ защищать то, что Манихеи хулили въ Твоихъ Писаніяхъ; но нѣкогда подлинно желалъ съ кѣмъ нибудь изъ Католиковъ ученнѣйшимъ поговорить о каждой вещи, и испытать отъ него, какихъ бы онъ былъ о томъ мыслей. Ибо уже Гелпидія нѣкотораго противъ оныхъ Манихеевъ явно говорящаго и разсуждающаго рѣчи и въ Карѳагенѣ трогать меня начинали, когда онъ такія слова произ-

носилъ о Писаніяхъ, которымъ подлинно и противиться было не возможно, и слабымъ мнѣ казался отвѣтъ Манихейской, которой хотя они не совсѣмъ явно объявляли, но намъ гораздо сокровеннѣе, когда говорили, что де Писанія Новаго Завѣта учинены ложными не извѣстно отъ какихъ-то людей, которые хотѣли Іудейской законъ ввести въ Христіянскую вѣру; но сами не испорченныхъ экземпляроръ никакихъ намъ не показывали. Однако меня весьма прельщеннаго и нѣкоторымъ образомъ уже упоеннаго, когда я углублялся въ помышленіяхъ о тѣлесныхъ вещахъ, оныя тяжести подавляли, подъ которыми задыхаяся, не могъ дышать на воздухъ истины Твоея чистый и простый.

ГЛАВА XII.

О обманѣ, которой въ Римѣ ученики дѣлаютъ учителямъ.

22. И такъ я тщательно началъ исправлять дѣло свое, на которое пришелъ, т. е. обучать въ Римѣ Риторикѣ, и прежде сталъ собирать въ домъ нѣкоторыхъ, которымъ и чрезъ которыхъ извѣстенъ быть начиналъ; и се познаю, что иное въ Римѣ дѣлается, нежели какъ я думалъ, чего не терпѣлъ и въ Африкѣ; ибо мнѣ сказано было, что оныхъ наглостей развращенные юноши тамъ не дѣлаютъ. Но тотчасъ, го-

говорятъ они, чтобъ платы учителю не давали, соглашаются многіе юноши, и переходятъ къ другому; презрители вѣрности, и которые по пристрастію къ деньгамъ за ничто почитаютъ правду. Возненавидѣло и сихъ сердце мое, хотя не совершенною ненавистію. Ибо за то, что я отъ нихъ претерпѣвалъ, больше ихъ можетъ быть ненавидѣлъ, нежели что они всякому не позволительное дѣлали. Однако по справедливости таковые мерзостны, и любодѣйствуютъ отъ Тебе, любя непостоянныя суетности временныя и блатный прибытокъ, которой, когда за него хватаются, руку оскверняетъ, и обьимая міръ бѣгущій, презирая Тебя пребывающаго, и призывающаго, и прощающаго обращающуюся къ Тебѣ блудную душу человѣческую. И нынѣ я таковыхъ злыхъ и развратныхъ ненавижу, хотя исправлять ихъ и люблю, дабы они деньгамъ науку оную, которой обучаются, предпочитали, а ей Тебя Бога истины, и обиліе истиннаго добра и покой святѣйшій. Но тогда я больше терпѣть не хотѣлъ ихъ злыми для себя, нежели хотѣлъ имъ быть добрыми для Тебя.

ГЛАВА XIII.

Для ученія Риторикѣ посылается въ Медіоланъ, гдѣ Амвросіемъ принятъ былъ.

23. И такъ когда прислано было изъ Медіолана въ Римъ къ Градоначальнику, дабы онъ, избравши для того града Реторическаго учителя, прислалъ въ Медіоланъ, давъ ему на проѣздъ изъ государственной казны: то я самъ началъ о семъ стараться чрезъ тѣхъ же самыхъ, которые были упоены Манихейскими суетностями; куда я стремился для того, дабы ихъ лишиться; но и я, и тѣ не знали, чтобы тогда Градоначальникъ Симмахъ послалъ меня по представленію похваленнаго. И я пришелъ въ Медіоланъ къ Амвросію Епископу, которой между изящнѣйшими извѣстенъ былъ кругу земному, благочестивому почитателю Твоему, котораго тогда слова доблственно подавали тукъ пшеницы Твоея, и веселіе елея, и трезвое вина піянство людемъ Твоимъ. Но къ нему я ведомъ былъ отъ Тебя не знающій, дабы чрезъ него приведенъ былъ къ Тебѣ знающій. Принялъ меня оный человѣкъ Божій, яко отецъ, и странствованіе мое довольно возлюбилъ по своему званію. И я его началъ любить сперва хотя не яко учителя истины, которой въ церкви Твоей совсѣмъ быть не надѣялся,

но

но яко человѣка благосклоннаго ко мнѣ. И ревностно слушалъ его разглагольствующаго въ народѣ, хотя и безъ надлежащаго вниманія, но какъ бы испытывая его краснорѣчіе, соотвѣтствовало ли оно славѣ своей, или большее, или меньшее изтекало изъ устъ его, нежели какое разглашалося; и отъ словъ его приходилъ въ недоумѣніе, когда въ оныя углублялся, вещи же самыя презиралъ и не слушалъ; и услаждался пріятностію рѣчи его, которая хотя была и ученнѣйшая, однако не столь увеселительна, сколь Фавстова, что касается до образа слога; впрочемъ въ самыхъ вещахъ никакого не было сравненія съ Фавстовыми, ибо Фавстъ по Манихейскимъ обманамъ заблуждалъ, сей же весьма здраво училъ спасенію. Но далече отъ грѣшникъ спасеніе, каковый я тогда былъ, и однако помалу къ оному приближался, да и не вѣдалъ того.

ГЛАВА XIV.

Августинъ, слыша поученія Амвросіевы, помалу отъ заблужденій своихъ обращается на истину.

24. Почему когда я не старался научиться тому, что онъ говорилъ, но только старался слушать, какимъ образомъ говорилъ (сіе тщетное попеченіе еще во мнѣ оставалося, т. е. когда я не надѣялся, чтобъ отверстъ былъ къ Тебѣ путь человѣку),

вѣку), то втекали въ духъ мой купно съ словами, которыя я любилъ, и самыя вещи, презираемыя мною; ибо я не могъ оныя между собою разторгнуть. И когда отверзалъ сердце къ принятію того, сколь краснорѣчиво онъ говорилъ, то также входило въ него и то, сколь истинно говорилъ, хотя и постепенно. Ибо вопервыхъ стало мнѣ казаться, что уже и оную истину защитить можно; и почиталъ, что вѣру Каѳолическую, за которую по мнѣнію моему ничего не льзя было сказать противъ возражающихъ Манихеевъ, уже безъ наглости доказать можно, наипаче по слышаніи одного и другаго, и по частомъ разрѣшеніи гаданій изъ ветхаго Писанія, гдѣ я, когда въ литтеральномъ смыслѣ бралъ, убивался (1). Того ради духовно многія изъ оныхъ книгъ истолковавъ мѣста, уже поносилъ отчаяніе мое; оное токмо, по которому думалъ, будто бы законъ и Пророковъ злословящимъ и ругающимъ совсѣмъ не возможно противиться. Однако уже я мудрствовалъ, что не для того мнѣ Каѳолическаго пути должно держаться, поелику и оный могъ имѣть ученыхъ своихъ защитниковъ, которые бы довольно и не глупо опровергали возраженія; и не для того обвинять содержимое мною, поелику съ обѣихъ сторонъ равное было защищеніе. Ибо такъ Каѳо-

(1) 2 Кор. 3. 6.

Каѳолическій путь мнѣ непобѣдимымъ казался, что еще и побѣдителемъ не являлся.

25. А тогда я крѣпко напрягъ всѣ силы разума моего, естьли бы только какимъ нибудь образомъ могъ извѣстными нѣкоторыми доказательствами изобличить Манихеевъ во лжи. Ежели бы могъ помышлять о духовномъ существѣ, то бы всѣ оныя машины разрушилися и истребилися изъ духа моего, но не могъ сдѣлать сего. Однакожъ я болѣе и болѣе разсматривая и сравнивая оное, разсуждалъ, что многіе и Философы о самомъ составѣ міра сего, и о всякомъ естествѣ, постигаемомъ плотскимъ чувствомъ, много вѣроятнѣйшаго мудрствовали. Чего ради я по обыкновенію Академиковъ, какъ объ нихъ думаютъ другіе, сомнѣваяся о всемъ, и между всемъ волнуяся, Манихеевъ оставить опредѣлилъ, не разсуждая того, что въ то самое время сомнѣнія моего должно было помедлить въ оной сектѣ, которой уже предпочиталъ нѣкоторыхъ Философовъ; которымъ однако Философамъ, что они не имѣли у себя спасительнаго имени Христова, я совсѣмъ не хотѣлъ поручить врачеванія немощи души моея. И такъ опредѣлилъ дотолѣ быть оглашеннымъ въ Каѳолической церкви, отъ родителей моихъ мнѣ похваленной, доколѣ не откроется что нибудь извѣстное, куда я долженъ совершенно управить теченіе мое.

КНИ-

КНИГА ШЕСТАЯ.

По прибытіи уже Монники матери его въ Медіоланъ, и онъ, будучи тогда тритцати лѣтъ отъ рожденія своего, возбудившись отъ заблужденія Манихейскаго Амросіевыми поученіями, истину Каѳолическаго ученія, которую Манихеи ложно обвиняли, болѣе и болѣе уже разумѣлъ. Описываетъ нравы друга своего Алипія. На различное развлекается мыслію, когда разсуждалъ о начатіи лучшей жизни, и будучи пораженъ страхомъ смерти и будущаго суда, къ премѣненію жизни со дня на день болѣе возбуждался.

ГЛАВА I.

О томъ, что Августинъ нѣкогда былъ ни Манихеянинъ, ни Католикъ.

1. Упованіе мое отъ юности моея, Боже мой! гдѣ Ты отъ мене былъ? и куда сокрывался отъ душевныхъ очей моихъ? Не Ты ли сотворилъ меня, и отличилъ меня отъ четвероногихъ и птицъ небесныхъ? Ты мудрѣйшимъ меня создалъ, а я ходилъ по тьмѣ и поползновенію, искалъ Тебя внѣ себя, и не обрѣталъ Бога сердца моего; и доходилъ до глубины морской, и отчаявался и не надѣялся обрѣсти истину. Уже пришла ко мнѣ мать моя, въ благочестіи мужественная, землею и моремъ за мною слѣдующая, и

во

во всѣхъ бѣдахъ о Тебѣ безопасная. Ибо она среди морскихъ опасностей утѣшала и самыхъ кормщиковъ, отъ которыхъ не вѣдущіе бездны путники обыкновенно въ страхѣ и смущеніи утѣшаются, обѣщавая имъ благополучный переѣздъ до своего мѣста; поелику сіе Ты ей въ видѣніи обѣщалъ. И нашла меня хотя весьма бѣдствующаго отчаяніемъ о обрѣтеніи истины; но однако когда ей объявилъ, что уже я не Манихеянинъ, и ниже Каѳоличискій Христіянинъ, то она не такъ, какъ бы нѣчто нечаянное отъ меня услышала, возрадовалася, когда уже безопасною дѣлалася отъ той стороны бѣдствія моего, въ которой о мнѣ, яко умершемъ, но о воскрешеніи меня къ Тебѣ рыдала, и на одрѣ помышленія своего выносила меня къ Тебѣ, дабы Ты реклъ сыну вдовицы: *Юноше! тебѣ глаголю, востани* (1), и онъ бы ожилъ, и началъ говорить; а Ты бы отдалъ его матери его. И такъ никакимъ смущеннымъ радованіемъ не возтрепетало сердце ея, когда услышала, что уже большею частію то совершилося, о совершеніи чего къ Тебѣ ежедневно рыдала; и что я хотя еще не получилъ истины, но отъ лжи уже исхищенъ; а поелику увѣрена была и въ томъ, что Тебѣ оставалось дать ей, понеже Ты меня цѣлаго ей обѣщалъ: то весьма спокойнымъ ду-

(1) Лук. 7. 14.

духомъ и сердцемъ, исполненнымъ упованія, отвѣчала мнѣ, что она вѣруетъ о Христѣ, что прежде преселенія своего отъ сея жизни узришъ меня вѣрнымъ Католикомъ. И сіе мнѣ изрекла; къ Тебѣ же, источниче щедротъ! проливала молитвы и слезы обильнѣйшія, дабы Ты предускорилъ дать мнѣ помощь Твою, и просвѣтилъ тьму мою, и притомъ съ большею ревностію притекала къ церкви Твоей, и внимала Амвросіеву ученію, источнику текущія воды въ животъ вѣчный. Но любила онаго мужа, яко Ангела Божія, для того, понеже познала, что я чрезъ него между тѣмъ доведенъ уже былъ до онаго обоюднаго волненія, чрезъ которое она истинно надѣялася, что я имѣю прейти отъ болѣзни къ здравію, хотя и съ великою опасностію, каковая бываетъ съ больными, отъ болѣзни къ здравію приходящими, и которая у Медиковъ критическою называется.

ГЛАВА II.

О пиршествахъ и собраніяхъ, которыя отправляются у гробовъ мученическихъ.

2. И такъ когда мать моя по обыкновенію Африканскому принесла на память святыхъ вареное пшено (кутію), хлѣбъ и вино, и придверникомъ съ тѣмъ не допущена былъ во храмъ: то узнавши, что сіе

сіе запрещено было отъ Епископа, съ толикою набожностію и повиновеніемъ приняла оное, что я самъ удивлялся, коль скоро она учинилася паче обвинительницею обыкновенія своего, нежели противницею онаго запрещенія. Ибо не облежало духъ ея піянство, и не подстрекала ея любовь къ вину ненавидѣть истину, какъ и прочихъ многихъ мужей и женъ, которые трезваго пѣнія, такъ какъ воднаго напитка, будучи піяны, отвращаются. Но она, когда приносила кошницу съ обыкновеннымъ брашномъ для своего вкушенія и раздаянія другимъ, то вина не больше, какъ только одинъ маленькой стаканчикъ растворэннаго для своего умѣреннѣйшаго вкуса, и то токмо для того, дабы удостоиться внити во храмъ, полагала въ кошницу. И ежели по многихъ усопшихъ была память, которую такожде по видимому надлежало праздновать: то тотъ же самый вина стаканчикъ, которой бы вездѣ могла поставить, съ собою носила; да и сіе не только весьма разтворенное водою, но и весьма теплое, съ своими ближними помалу раздѣляла; понеже она благочестія тамъ искала, а не удовольствія. И такъ когда узнала, что отъ преславнаго проповѣдника и настоятеля благочестія сіе запрещено дѣлать и тѣмъ, которые хотя бы и трезвенно поступали при сихъ обрядахъ, дабы чрезъ то не подать какого либо случая піянымъ пожи-

 рать

рать и себя; поелику оные обряды, какъ бы поминовенія, весьма были подобные суевѣрію язычниковъ: то она весьма охотно отъ сего воздержалася, и вмѣсто кошницы, наполненной земными плодами, наполненное чистительными обѣтами сердце свое приносить на память мучениковъ научилася; ещежъ и то, чтобы по возможности своей подать убогимъ, и такимъ образомъ причащеніе Господня тѣла тамо совершалося, котораго въ подраженіе страданія заклaны и увѣнчаны мученики. Но однако кажется мнѣ, Господи Боже мой! и такое есть предъ Тобою о семъ сердце мое, что не скоро бы можетъ быть отъ сего обыкновенія отстала матерь моя, ежели бы отъ инаго ей запрещаемо было, котораго бы не столь много любила, какъ Амвросія; она его весьма любила для спасенія моего, а онъ ее за благочестное ея житіе; поелику она, упражняяся въ благихъ дѣлахъ, съ толь горящимъ духомъ учащала въ церковь, такъ что онъ, видя меня, не рѣдко вызывался на хваленіе ея, поздравляя меня, что я такую имѣю мать, не вѣдая того, какого она меня имѣетъ сына, которой о всемъ томъ сомнѣвался, и не мнилъ, чтобъ можно мнѣ было обрѣсти путь жизни.

ГЛАВА III.

О дѣлахъ и упражненіяхъ Амвросіевыхъ.

3. Уже я не воздыхалъ, прося у Тебе помощи себѣ; не только въ изслѣдованіи внимателенъ, и въ разсужденіи не спокоенъ былъ духъ мой. И самаго Амвросія блаженнымъ нѣкоторымъ человѣкомъ я по вѣку сему почиталъ, что онъ почтенъ толикою властію и достоинствомъ, только безженство его казалося мнѣ многотруднымъ. Но какое онъ имѣлъ упованіе, и какое сраженіе противъ искушеній самаго превосходства своего, или какое утѣшеніе въ нещастіяхъ, и коль пріятную радость тайныя сердечныя уста его вкушали отъ хлѣба Твоего, того я ни отгадать не умѣлъ, ниже дознавалъ опытомъ; да и онъ не зналъ волненій моихъ, ни рва погибели моея. Ибо я по желанію моему не могъ его вопросить о томъ, чего хотѣлъ; поелику отъ ушей и устъ его отлучали меня толпы людей, прибѣгающихъ къ нему въ нуждахъ своихъ, о которыхъ немощахъ онъ старался. А когда съ сими не находился, что чрезъ малое время было; то или успокоевалъ тѣло свое нужными подкрѣпленіями, или чтеніемъ духъ. Но когда читалъ какія либо книги, то глаза его обтекали по страницамъ, а сердце испытывало разумъ писанія, гласъ же и языкъ покоилися. Часто, когда мы

къ нему ни приходили (ибо никому не воспрещалося входить къ нему, и не было обычая о приходящихъ ему докладывать), такъ его читающаго безгласно видали, а инаковымъ образомъ никогда. И потому мы, сидя въ долговременномъ безмолвіи (ибо кто бы ему толь углубившемуся дерзнулъ быть въ тягость?), не получивъ желаемаго, отходили отъ него, и заключали, что онъ на самое малое время, которое улучалъ для подкрѣпленія мысли своей, успокоившись отъ шума дѣлъ чужихъ, не хощетъ отвлеченъ быть на другое; или можетъ быть опасается, дабы слушателю, пришедшему отъ того въ сомнѣніе и недоумѣніе, ежели бы онъ читалъ изъ писателя нѣкоторыя темноватыя мѣста, не возтребовала нужда оныя изъяснять, или разсуждаетъ о нѣкоторыхъ труднѣйшихъ вопросахъ; а на сіе дѣло употребивъ время, не столько бы, сколько хотѣлъ, могъ прочесть книгъ, хотя и то могло быть справедливѣйшею причиною безгласнаго его чтенія, дабы т. е. сохранить голосъ, которой у него очень скоро притуплялся. Однако съ какимъ бы намѣреніемъ то онъ ни дѣлалъ, съ благимъ поистинѣ оный мужъ дѣлалъ.

4. Но совсѣмъ я не имѣлъ никакого случая вопросить его о томъ, чего желалъ, отъ толь святаго Твоего прорицалища, сирѣчь отъ его сердца, развѣ когда о чемъ либо крат-

кратко долженъ былъ отъ него слышать. Оныя же мои волненія весьма искали его празднаго для своего на него отлитія; но нигдѣ не обрѣтали его; и слышалъ его во всякій праздникъ господскій въ народѣ правоправящаго слово истины, а чрезъ то паче и паче мнѣ подтверждалося, что всѣ коварныхъ клеветъ узлы, сплетаемые на Божественныя книги отъ тѣхъ нашихъ прельстителей, совершенно могутъ быть разторгнуты. А какъ я познаалъ и то, что по образу Твоему человѣка, Тобою созданнаго, духовныя чада Твои, которыхъ Ты отродилъ благодатію отъ матери Каѳолическія, не въ такомъ смыслѣ разумѣютъ, чтобы вѣрили и мыслили, якобы Ты во образѣ человѣческаго тѣла заключаешися, хотя я ни слабо, ни въ гаданіи не познавалъ, какое сіе есть духовное существо; однако радуяся устыдился, что я чрезъ толико лѣтъ не противъ Каѳолической вѣры, но противъ вымысловъ плотскихъ помышленій клеветалъ. И потому я безразсуденъ и злочестивъ былъ, что то самое обвиняя, говорилъ, чему долженствовалъ взыскуя научиться? Ты бо вышній и нижній, сокровеннѣйшій и откровеннѣйшій, которой не имѣеши иныхъ членовъ большихъ, а иныхъ меньшихъ; но вездѣ весь еси, и нигдѣ и никакимъ мѣстомъ не ограничиваешися; Ты хотя не образъ сей тѣлесный, однако сотворилъ еси человѣка по образу

Твоему, и се онъ отъ главы даже до ногъ есть вмѣстѣ.

ГЛАВА IV.

О томъ, что онъ началъ разумѣть ученіе, которое Амвросій проповѣдывалъ въ церкви.

5. И такъ когда я не зналъ, какимъ образомъ сей пребываетъ образъ Твой, то толкущій предложилъ бы, какъ должно сему вѣрить, а не ругаяся противоположилъ бы, для чего бы такъ вѣрилося; тѣмъ убо болѣе снѣдала печаль внутренность мою, что я ничего не зналъ извѣстнаго; чѣмъ больше стыдился того, что я толь много неизвѣстнаго суесловилъ за извѣстное, будучи толь долго поругаемъ и прельщаемъ обѣщаніемъ извѣстнаго по дѣтскому заблужденію и отважности. Однако мнѣ извѣстно было, что сіе ложно, и что я оное почиталъ иногда за извѣстное, когда слѣпыми словопрѣніями обвинялъ Каѳолическую вѣру, хотя еще и не вѣдалъ, что она учитъ истинному, однако не тому, что я весьма обвинялъ. Почему я смущался, и обращался, и радовался, Боже мой! что церковь Твоя единое тѣло Тебя единаго, въ которой мнѣ Христово имя еще младенцу впечатлѣно, не мудрствовала младенческихъ суесловій, ниже сіе содержала въ ученіи своемъ здравомъ, чтобы Ты, Творче всячесекихъ!

ческихъ! въ пространствѣ мѣста, хотя бы верховный и благій, однако отвсюду ограниченный человѣческими членами, заключался.

6. Радовался я и о томъ, что ветхія писанія закона и Пророковъ уже не тѣмъ окомъ читать мнѣ предлагалися, которому прежде казалися нелѣпыми; когда я обличалъ святыхъ Твоихъ, яко тако мыслящихъ, они же не такъ мыслили, и за правило наиприлѣжнѣйше сіе предлагали, и съ радостію я слушалъ Амвросія, часто въ народныхъ его поученіяхъ сіе глаголющаго: *Письмя бо убиваетъ, а духъ животворитъ* (1); поелику онъ все то, что по писмяни злонравію по видимому научало, расторгнувъ таинственную завѣсу, духовно толковалъ, не говоря о томъ, что меня оскорбляло; а хотя бы и говорилъ, то я бы еще не зналъ, справедливо ли сіе было; ибо я удерживалъ сердце мое отъ всякаго на то согласія, опасаяся погибели, и въ большее погружался сомнѣніе. Понеже такъ хотѣлъ увѣриться о невидѣнныхъ мною вещахъ, какъ увѣренъ былъ о томъ, что семь и три составляютъ десять. Поелику я не до такого степени безуменъ былъ, чтобы по мнѣнію моему и сего понять было не возможно; но какъ сіе, такъ и прочее желалъ познать, или тѣлесное удаленное отъ чувствъ моихъ, или духовное, о которомъ помышлять

(1) 2. Кор. 3, 6.

шлять не могъ не тѣлеснымъ образомъ. И хотя могъ изцѣлиться, вѣруя, дабы чистѣйшая проницательность разума моего нѣкоторымъ образомъ управляема была на истину Твою присносущную и ни въ чемъ не оскудѣвающую; но какъ обыкновенно случается, ежели кто испыталъ худаго Врача, тотъ уже и искусному поручить себя опасается; таковая была болѣзнь души моея, которая не могла иначе исцѣлиться, какъ развѣ вѣруя; а дабы ей не увѣровать ложному, то и врачеваться не хотѣла, противяся рукамъ Твоимъ, которой врачевства вѣры содѣлалъ еси, и разсѣялъ оныя на болѣзни круга земнаго, и какъ бы имъ самимъ толикую присвоилъ силу.

ГЛАВА V

О важности Святаго Писанія и о нужномъ онаго употребленіи.

7. Однако я и за сіе единое уже предпочитая Каѳолическое ученіе, дознавалъ, что въ немъ гораздо скромнѣе и не ложно повелѣвается вѣрить тому, что не было доказываемо; нежели тамъ по безумному знанія обѣщанію повелѣвается смѣяться легковѣрію, и вѣрить толь многимъ баснословнѣйшимъ и гнуснѣйшимъ вещамъ, которыя совершенно не могли быть доказаны. Наконецъ мало помалу Ты, Господи! рукою кроткою и милосердою исправлялъ и успокоевалъ сердце мое, когда я разсуждалъ,

коль

коль безчисленнымъ вещамъ, которыхъ я не видалъ глазами моими, и которыя въ отсутствіи моемъ происходили, должно было мнѣ вѣрить, какъ на пр. толь многому въ исторіи о народахъ, толь многому о мѣстахъ и градахъ, которыхъ самъ не видалъ; толь во многомъ друзьямъ, толь во многомъ Врачамъ, толь во многомъ различнымъ человѣкамъ; сему всему ежели бы мы не вѣрили, то бы въ сей жизни совсѣмъ были мы въ недѣйствіи. Наконецъ съ коль непоколебимою вѣрою долженъ содержать то, отъ какихъ я произшелъ родителей; чего не могъ бы познать, ежели бы не вѣрилъ, слыша сіе отъ другихъ. Ты увѣрилъ меня, что не тѣ, которые не вѣруютъ книгамъ Твоимъ, утвержденнымъ отъ Тебя почти во всѣхъ народахъ съ толикою важностію, но не вѣрующіе онымъ достойны обвиненія; почему и слушать таковыхъ не должно, которые ежели скажутъ мнѣ: почему Ты знаешь, что оныя книги единаго истиннѣйшаго Бога Духомъ написаны для человѣческаго рода? Ибо сему наипаче надлежало вѣрить, понеже никакая жестокость ругательныхъ словопрѣній между собою сражающихся Философовъ чрезъ толь многое, что я читалъ, не могла у меня того исторгнуть, чтобъ я иногда не вѣрилъ, что Ты, Боже! существуеши, хотябъ и не зналъ, кто Ты еси, и что управленіе дѣлъ человѣческихъ Тебѣ единому принадлежитъ.

8. Но тому я вѣрилъ иногда сильнѣе, иногда слабѣе, однако всегда въ томъ былъ увѣренъ, что Ты и существуеши и о насъ промышляеши, хотя и не вѣдалъ, или что должно помышлять о существѣ Твоемъ, или какой путь насъ ведетъ, или обращаетъ къ Тебѣ; и потому когда мы здравымъ разумомъ не могли обрѣсти истину, и для сего намъ потребна была важность Святаго Писанія, то я уже началъ вѣрить, что Ты никакъ бы не даровалъ толь дѣйствительной оному Писанію по всей вселенной уваженія, ежели бы не благоизволилъ намъ чрезъ оное вѣрить Тебѣ, и посредствомъ онаго искать Тебя. Ибо уже я ту нелѣпость, которая меня въ оныхъ Писаніяхъ обыкновенно оскорбляла, услышавъ многія изъ нихъ вѣроятно истолкованныя мѣста, къ высокимъ причислялъ таинствамъ; и тѣмъ мнѣ достопочтеннѣе и святѣйшей вѣры достойнѣе казалася оная важность, что Писаніе Твое и всѣмъ для чтенія было удобно, и достопочтенную тайну свою сохраняло въ глубочайшемъ разумѣ, въ открытнѣйшихъ словахъ, и въ самомъ низкомъ родѣ слога предлагаемое каждому, и напрягающее мысль тѣхъ, которые читаютъ его съ истиннымъ сердца расположеніемъ, дабы могло возпріять всѣхъ въ простое лоно свое, и чрезъ тѣсныя скважины малое число людей провести къ Тебѣ; однако гораздо большее, нежели естьли бы оно не имѣло толь верь-

верьховной важности, и толпы народа не вмѣщало въ лоно святыя низкости. Я размышлялъ о семъ, и Ты присутствовалъ со мною; я воздыхалъ, а Ты слушалъ меня; я волновался, а Ты управлялъ мною; я шествовалъ широкимъ путемъ вѣка сего, но Ты не оставлялъ меня.

ГЛАВА VI.

Бл. Августинъ разсуждаетъ о бѣдности честолюбивыхъ, представивъ къ тому въ примѣръ нищаго, пребывающаго въ веселіи.

9. Я домогался честей, прибытковъ, супружества, а Ты посмѣвался мнѣ; претерпѣвалъ въ тѣхъ пожеланіяхъ моихъ горьчайшія трудности; поелику Ты былъ ко мнѣ тѣмъ милостивѣе, чѣмъ меньше попускалъ быть тому для меня сладостнымъ, что не былъ Ты. Виждь сердце мое, Господи! которой благоволилъ мнѣ воспоминать сіе и исповѣдывать Тебѣ. Нынѣ да прильпнетъ къ Тебѣ душа моя, которую Ты отъ толь твердой смертной сѣти изхитилъ. Коль оная бѣдна была, но Ты возбуждалъ ее чувствовать рану сію, дабы оставивъ все, къ Тебѣ единому обратилася, иже еси паче всего сладчайшій, и безъ котораго все было бы ничто; обратилася, говорю, къ Тебѣ, и изцѣлилася отъ Тебя. Коль убо я бѣденъ былъ! и какимъ образомъ Ты заставилъ меня возчувствовать бѣдность мою въ тотъ

день,

день, въ которой я пріуготовлялся читать Императору похвальную рѣчь, гдѣ хотѣлъ много лгать, и лгущему бы мнѣ благопріятствовали знающіе; и когда сими попеченіями дышало сердце мое, и волновалося въ глубокихъ размышленіяхъ, то я, проходя чрезъ нѣкоторую Медіоланскую весь, примѣтилъ тамъ убогаго нищаго, думаю, уже сытаго, которой игралъ и веселился, и я съ воздыханіемъ сердца моего сказалъ друзьямъ, бывшимъ со мною, что многія печали безумія нашего, поелику мы чрезъ всѣ таковыя старанія наши, которыми я тогда утруждался подъ шпорами пожеланій моихъ, влекущій на себѣ бремя бѣдствія моего, и влача умножающій оное, ничего бы инаго не желали, какъ только достигнуть до безопаснаго веселія, чѣмъ оный нищій насъ уже превосходилъ, никогда можетъ быть туда не достигнутъ. Ибо что онъ уже чрезъ малыя подаянія получилъ, къ тому я старался дойти толь бѣдственными закоулками и окрестностями, т. е. дабы наслаждаться веселіемъ временнаго щастія. Ибо сей нищій хотя не истинную имѣлъ радость, но я по оному тщеславію гораздо искалъ ложнѣйшей. И онъ истинно веселился, я печалился; онъ безопасенъ, я былъ въ страхѣ и трепетѣ. И ежели бы кто вопросилъ меня, желаю ли я самъ таковымъ быть, каковый былъ оный нищій, или каковый тогда самъ былъ: то бы

бы я избралъ себя самаго, попеченіями и страхомъ утружденнаго; но по развратности ли, или по самой истинѣ? И паки ежели бы вопросилъ, радоваться, или трепетать я желаю: то бы отвѣтствовалъ радоваться; ибо я не тѣмъ долженствовалъ себя предпочитать оному нищему, чѣмъ былъ ученѣе, понеже отъ ученія моего не радость ощущалъ, но искалъ чрезъ сіе, какъ должно угождать человѣкамъ; не для наученія ихъ, но для единаго токмо угожденія. Того ради Ты, Боже! жезломъ наказанія Твоего сокрушалъ кости моя.

10. И такъ да отступятъ отъ души моея глаголющіе ей: довольно того, ежели есть о чемъ радоваться. Радовался оный нищій отъ піянства, Ты радоваться желалъ о славѣ: какою же славою, Господи! не сущею о Тебѣ? Ибо какъ оная радость была не истинная, такъ не истинная и оная слава, но паче превращала мысль мою. И онъ въ одну нощь имѣлъ изтрезвиться отъ піянства своего, а я съ славою моею спалъ, и воставалъ, и имѣлъ спать и воставать; вотъ во сколько дней. А что довольно того, ежели есть о чемъ радоваться, знаю сіе, и радость, происходящая отъ вѣрной надежды, весьма много разнствуетъ отъ оной суеты; но и тогда между нами разнствовала. Понеже оный нищій блаженнѣе меня былъ не только потому, что упоевался веселіемъ, когда я изтощевался заботами; но и

что онъ доброжелательствуя, вино снискивалъ; а я лжею искалъ гордости. Тогда я много въ семъ смыслѣ говорилъ друзьямъ моимъ, и часто примѣчалъ, что бы мнѣ изъ того было, и находилъ зло, и соболѣзновалъ, и усугублялъ самое зло. И ежели какое пріятно было мнѣ щастіе, то досадно было ловить его; понеже оно почти прежде одержанія своего улетало.

ГЛАВА VII.

Алипія отвратилъ отъ безумія Цирценскихъ игръ (*).

11. Мы совоздыхали о семъ, которые купно дружелюбно между собою жили; а наипаче, да и весьма искренно я разглагольствовалъ о семъ съ Алипіемъ и Небридіемъ, изъ которыхъ Алипій былъ родомъ изъ одного со мною города, отъ родителей благородныхъ и именитыхъ, младшій меня возрастомъ. Ибо онъ и учился у меня, когда я въ нашемъ городѣ началъ преподавать науки, а послѣ того въ Карѳагенѣ; и много любилъ меня, потому что я ему добрымъ и ученымъ быть казался; а я его за великую добродѣтель, въ маломъ возрастѣ его довольно блиставшую. Однако пучина нравовъ

(*) Цирценскими играми въ Римѣ назывался нѣкоторый родъ подвига ристательнаго, которой уставленъ былъ въ честь бога совѣтовъ; а Цирценскими названы для того, что оныя отправлялися въ циркѣ (въ кругу).

вовъ Карѳагенцовъ, гдѣ всегда бездѣльныя кипятъ позорища, погрузила его въ безуміе Цирценскихъ игръ. Но когда онъ бѣдственно въ томъ погрязалъ, а я тамъ въ публичномъ училищѣ преподавалъ Реторику, и онъ еще не слушалъ меня, яко учителя своего, по нѣкоторой тайной злобѣ, которая произошла между мною и отцемъ его: то я узналъ, что онъ погибельно любитъ циркъ (Circum), и о томъ жестоко печалился, что по видимому лишуся, или уже и лишился толикой надежды; но увѣщать его и нѣкоторымъ наставленіемъ отвратить отъ сего безумія я не имѣлъ никакой способности, ни по дружелюбію, ни по праву учительства. Ибо я думалъ, что онъ обо мнѣ однихъ мыслей съ отцемъ своимъ, а онъ былъ не такихъ; и такъ онъ въ семъ пренебрегши волю отца своего, начиналъ посѣщать меня, приходя въ аудиторію (въ училище) мою, и слушать нѣсколько, и отходить.

12. Но хотя изъ памяти у меня и вышло поговорить ему, чтобъ онъ не погублялъ толь хорошаго разума въ слѣпой и стремительной любви къ суетнымъ играмъ; однако Ты, Господи, управляяй кормиломъ всѣхъ тварей Твоихъ, не забылъ его имѣющаго быть между сынами Твоими строителемъ таинства Твоего; и дабы явно Тебѣ единому announced воспписуемо было его обращеніе и исправленіе, хотя Ты и чрезъ меня оное,

но не вѣдущаго, содѣлалъ. Ибо въ нѣкоторый день, когда я сидѣлъ на обыкновенномъ мѣстѣ моемъ, и предо мною предстояли ученики, онъ пришелъ въ школу нашу, поклонился мнѣ, и сѣлъ, и на упражненіе наше обратилъ все вниманіе; и я по случаю тогда имѣлъ чтеніе, которое изъясняя, за приличное почелъ привести подобіе отъ игръ Цирценскихъ, съ язвительною насмѣшкою къ тѣмъ, которыхъ оное безуміе дѣлало своими плѣнниками, дабы чрезъ то предлагаемое мною ученіе и пріятнѣе и понятнѣе каждому было. Ты вѣси, Боже нашъ! что я тогда совсѣмъ не помышлялъ о излѣченіи Алипія отъ оной заразы; но онъ на себя оное обратилъ, и почелъ, что я сіе ради его сказалъ; и что другой бы принялъ въ негодованіе на меня, то принялъ оный честный юноша въ негодованіе на себя самаго и для вящшей любви ко мнѣ. Ибо Ты уже нѣкогда глаголалъ, и включалъ въ писанія Твои сіи слова: *обличай премудра, и возлюбитъ Тя* (1); а я не обличалъ его. Но Ты, употребляя къ тому всѣхъ вѣдущихъ и не вѣдущихъ по чину, Тебѣ извѣстному, и оный чинъ праведенъ есть, отъ сердца и языка моего угліе горящее содѣлалъ еси для воспаленія благонадежнаго разума его, уже истаевающаго, и для излѣченія его. Пусть умалчиваетъ хвалы Твоя о щедротахъ Твоихъ не

(1) Притч. 9. 8.

не разсуждающій, которыя внутренность моя Тебѣ исповѣдуетъ: ибо Алипій послѣ оныхъ словъ моихъ и хитилъ себя изъ сей толь глубокой пропасти, въ которой охотно погрязалъ, и съ погибельнымъ удовольствіемъ ослѣплялся, и отрясъ духъ свой чрезъ доблественное воздержаніе, и отпала вся оныхъ игръ нечистота отъ него, и больше къ нему не прикасалася. Но наконецъ онъ не хотящаго убѣдилъ къ тому отца своего, дабы меня имѣть учителемъ своимъ; Отецъ согласился на сіе, и позволилъ. И такъ онъ паки началъ у меня учиться, и впалъ въ оное со мною суевѣріе, любя въ Манихеяхъ величавое воздержаніе, которое почиталъ за истинное и нелицемѣрное. Оное же было глупое и ложное, уловляющее драгоцѣнныя души, которыя еще не могутъ восходить на высоту добродѣтели, или которыя еще удобопреклонны прельщаться единою поверьхностію, но однако поверьхностію притворной и лицемѣрной добродѣтели.

ГЛАВА VIII.

Алипій уловляется безуміемъ игръ мечебитственныхъ, отъ которыхъ прежде отвращался.

13. Алипій не совсѣмъ оставляя земный путь, которой внушили ему родители его, вопервыхъ пришелъ въ Римъ, дабы изучитъ-

ся судопроизводству, и тамъ мечебитственнаго зрѣлища невѣроятнымъ зіяніемъ и невѣроятно былъ поглощенъ. Ибо онъ когда отвращался и гнушался таковыхъ позорищъ, то нѣкоторые изъ друзей и соучениковъ его, съ которыми онъ по случаю отъ обѣда идущими срѣтился, его весьма не хотящаго и сопротивляющагося по дружескому насилію привели съ собою на амфитеатръ безчеловѣчныхъ и смертоносныхъ игръ въ дневные часы, которой имъ такъ говорилъ: „Ежели вы на оное мѣсто влечете тѣло мое, „и тамъ хощете поставить его, то можете ли духъ и глаза мои устремить на „оныя зрѣлища? И такъ я буду тамъ отсутствующій, а чрезъ то самое и васъ и „оныя препобѣжду.„ Но они слыша сіе, и ни на что не взирая, привели его съ собою на оныя зрѣлища, желая можетъ быть то самое испытать отъ него, можетъ ли онъ учинить сіе. По томъ когда пришли туда, и мѣста, которыя могли, заняли: то все кипѣло безчеловѣчнѣйшими удовольствіями. Алипій сомкнувъ глаза, возпретилъ духу своему выходить на толикое зло; о когда бы и уши заткнулъ! Ибо когда отъ нѣкотораго сраженія, тамъ случившагося, великой крикъ и вопль всего народа жестоко поражалъ его: то онъ любопытствомъ побѣжденной какъ бы готовъ, что бы такое ни было, и самое презрѣть и препобѣдить видѣніе, открылъ глаза свои, и пораженъ былъ тяж-

чай-

чайшимъ ударомъ по душѣ, нежели каковымъ тотъ по тѣлу, котораго зрѣть возжелалъ, и палъ бѣдственнѣе, нежели отъ паденія котораго произошелъ вопль, проникшій сквозь уши его, и отверзшій его очи, дабы чрезъ то пораженъ былъ и низвергнутъ еще болѣе дерзновенный, нежели мужественный духъ; и тѣмъ немощнѣйшимъ сдѣлался, чѣмъ больше мечталъ о себѣ, когда долженъ былъ уповать на тебя. Ибо увидя оную кровь, испилъ купно безчеловѣчіе, и не отвратился, и не вѣдалъ сего, и увеселялся беззаконнымъ сраженіемъ, и кровавымъ упоевался удовольствіемъ; и уже не таковъ сталъ, каковъ пришелъ туда, но единъ изъ того народа, къ которому пришелъ, и истинный тѣмъ товарищъ, отъ которыхъ приведенъ былъ. Что больше? Онъ смотрѣлъ, восклицалъ, страстно возжелалъ того, восхитилъ оттуда съ собою безуміе, которое уже поощряло его туда возвращаться не только съ прежде приведшими его, но и кромѣ оныхъ влекущаго и другихъ съ собою. Однако Ты, Боже! и изъ сея глубины мрака рукою крѣпкою и милосердою изхитилъ его, и научилъ его не на себя самаго, но на Тебя имѣть упованіе; но гораздо послѣ сего.

ГЛАВА IX.

Алипій яко хищникъ уловляется.

14. Однако уже сіе для будущаго врачества въ памяти его напечатлѣвалося. Притомъ и то, что Ты, когда онъ еще обучался, уже слушая меня въ Карѳагенѣ, и въ полуденное время размышлялъ въ судебномъ мѣстѣ о томъ, что надлежало ему читать въ училищѣ, какъ обыкновенно въ семъ упражняются схоластики, попустилъ стражамъ того мѣста поймать его яко хищника. По мнѣнію моему Ты не для другой причины попустилъ сіе, Боже нашъ! какъ только для того, дабы онъ, толь великимъ мужемъ быть имѣющій, уже научался, коль не скоро къ разбираніи дѣлъ человѣкъ человѣка долженъ осуждать по безразсудной легковѣрности. Ибо онъ одинъ предъ судилищемъ прохаживался, имѣя съ собою дщицы и трость: се нѣкоторый юноша изъ числа схоластиковъ, истинный хищникъ, принесши тайнымъ образомъ топоръ, чего Алипій не примѣтилъ, и подошедъ къ свинцовой рѣшеткѣ, окружающей казенную сокровищницу, началъ перерубать свинецъ. Но звукъ отъ топора услышавши блюстители, которые были внизу, начали говорить, и послали нарочныхъ поймать, кого тамъ ни найдутъ. Сихъ голосъ услышавъ оный хищникъ, и оставивъ орудіе свое, ушелъ,

опа-

опасаясь, дабы съ тѣмъ его не одержали. Алипій же, которой не видалъ его входящаго, примѣтилъ уже бѣгущаго, и желая узнать тому причину, пришелъ на то мѣсто, и тамъ нашедши топоръ, стоя и удивляясь разсуждалъ. Се посланные застаютъ его единаго, имѣющаго при себѣ топоръ, на звукъ котораго туда они пришли; одерживаютъ его, влекутъ, и когда собралися на сіе всѣ живущіе при ономъ судилищѣ, хвалятся, якобы явнаго поймали хищника, и оттуда повели его къ Судьѣ.

15. Но доселѣ учить его надлежало. Ибо Ты, Господи! неукоснительно предускорилъ на помощь къ его невинности, коея свидѣтель Ты былъ единъ. Понеже когда его вели или въ темницу, или на казнь, тогда встрѣчается съ ними нѣкоторый Зодчій, которому главное поручено было смотрѣніе надъ публичными строеніями. Радуются, что тотъ наипаче съ ними срѣтился, которой обыкновенно на нихъ подозрѣвалъ въ томъ, что ни пропадало изъ судилища, что какъ бы онъ узнавалъ, кто сіе дѣлалъ. Но какъ сей человѣкъ часто видалъ Алипія въ дому одного Сенатора, котораго онъ поздравлять приходилъ, и тотчасъ узнавши его, и взявши за руку, отвелъ отъ народа, и вспрося у него о причинѣ такого нещастія, увѣдалъ обо всемъ: то всѣмъ находившимся тамъ мятежникамъ и съ угрозеніемъ ропщущимъ приказалъ итти за собою; и при-

 шли

шли въ домъ того юноши, которой учинилъ сіе; но отрокъ въ то время стоялъ у воротъ, которой толь былъ малъ, что никакъ не опасаяся, чтобъ его Господину могле изъ того быть какое либо зло, все подробно разсказалъ. Ибо онъ за нимъ въ судилище хаживалъ слугою, котораго узнавши Алипій, указалъ Зодчію; а онъ показалъ топоръ отроку, спрашивая его, чей этотъ топоръ? которой тотчасъ сказалъ: Нашъ. Потомъ при допросѣ своемъ открылъ и все прочее. Такимъ образомъ когда въ оный домъ перешла вина, и посрамленъ народъ, уже торжествовать начинающій надъ Алипіемъ: то сей будущій служитель слова Твоего, и изслѣдователь многихъ дѣлъ въ церкви Твоей, искуснѣйшимъ и ученнѣйшимъ оттуда возвратился.

ГЛАВА X.

О непорочности Алипія и о прибытіи Небридія.

16. И такъ я нашелъ Алипія въ Римѣ, которой соединился со мною крѣпчайшимъ узломъ дружества, и со мною въ Медіоланъ отправился, не хотя меня оставить, и имѣть тамъ нѣкоторое упражненіе въ судопроизводствѣ, которому учился по желанію паче родительскому, нежели по своему; и уже трижды засѣдалъ въ судилищѣ съ постоянствомъ, въ удивленіе при-

во-

водящимъ прочихъ, удивляяся наипаче тѣмъ, которые злато предпочитаютъ невинности; однако и онъ симъ нѣкогда искушаемъ былъ, не столько по прельщенію корыстолюбія, но и по побужденію страха. Онъ въ Римѣ засѣдалъ съ Казначеемъ Италіянскимъ. Въ то время нѣкто изъ Сенаторовъ великую имѣлъ силу, которому какъ благодѣяніями многіе были обязаны, такъ и повиновались отъ страха. Онъ по праву могущества своего хотѣлъ не знаю что то такое имѣть для себя позволительнымъ, чего не позволяли законы: въ томъ Алипій ему возпротивился; обѣщано было награжденіе, онъ смѣялся сему духомъ; объявлено угроженіе, онъ пренебрегъ. Всѣ удивлялися сей необычайной душѣ, которая человѣка, весьма прославившагося тѣмъ, что толь безчисленные имѣетъ способы какъ благотворить, такъ и вредить другимъ, ни другомъ своимъ имѣть не желала, ниже его яко врага своего страшилася. А самъ Судія, у котораго онъ былъ Совѣтникомъ, хотя и не хотѣлъ того дѣлать, однако прямо не отказывалъ; но слагая на сего вину, говорилъ, что онъ ему того не попускаетъ; понеже и въ самомъ бы дѣлѣ сей не согласился, ежели бы онъ сдѣлалъ то. Но онъ симъ единымъ почти обольщенъ былъ по любви къ наукамъ, дабы т. е. Судейскою мздою достать себѣ книги; но посовѣтовавшись съ правосудіемъ, разсужденіе свое

 обра-

обратилЪ на лучшее, полезнѣе почитая правду, которая запрещала сіе, нежели власть, которая позволяла. Малое есть сіе, но *вЪ малѣ вѣрный, и во мнозѣ вѣренЪ есть* (1). И никакЪ не можетЪ быть то тщетно, что отЪ устЪ Твоея истины происходитЪ. *Аще убо вЪ неправеднѣмЪ имѣніи вѣрни не бысте: во истиннѣмЪ кто вамЪ вѣру иметЪ? и аще вЪ чужемЪ вѣрни не бысте, ваше кто вамЪ дастЪ* (2)? Таковый духЪ тогда имѣлЪ Алипій, когда прилѣплялся ко мнѣ дружествомЪ, и со мною колебался вЪ намѣреніи, какой наипаче должно избрать образЪ жизни.

17. Такожде и Небридій, которой оставя отечество свое, смежное сЪ Карѳагеномъ, да и самый КарѳагенЪ, гдѣ весьма часто бывалЪ, оставя прекрасную отеческую деревню, оставя свой домЪ и мать, не хотящую за нимЪ слѣдовать, не для другой какой причины пришелЪ вЪ МедіоланЪ, какЪ только для сожитія своего со мною вЪ горячнѣйшей любви кЪ истинѣ и мудрости; равно со мною воздыхалЪ, и равно волновался, будучи ревностный взыскатель блаженной жизни, и проницательнѣйшій испытатель глубокомысленныхЪ вопросовЪ. И мы, будучи три нищіе, между собою разглагольствовали, и одинЪ кЪ другому дышали нищетою своею, и отЪ Тебя, Боже! ожидали,

(1) Лук. 16. 10. (2) Лук. 16. 11.

дали, дабы далѣ намѣ пищу во благо время. И во всякой горести, которая по милосердію Твоему слѣдовала за нашими житейскими дѣйствіями, когда мы смотрѣли на конецѣ, для чего вѣ томѣ страждемѣ, нападала на насѣ тьма; но мы противилися ей, воздыхая, и говорили: доколѣ сіе? И сіе часто говорили, и говоря, не оставляли своего заблужденія; поелику никакой намѣ не открывалось извѣстной истины, которую бы долженствовали мы сердечно обьять, оставивѣ все иное суетное.

ГЛАВА XI.

Августинѣ, будучи поражаемѣ печалію, разсуждаетѣ о начатіи другой жизни.

18. И я весьма удивлялся, безпокоясь и воспоминая, коль долгое было время отѣ девятагонадесять года возраста моего, вѣ которой начиналѣ горѣть любовію кѣ мудрости, располагаяся по сысканіи ея оставить всѣ суетныхѣ моихѣ пожеланій тщетныя надѣянія и лживыя безумія. И се уже тридесятое продолжалѣ лѣто, вѣ томѣ же блатѣ увязая желаніемѣ наслаждаться настоящими вещами, скорогиблющими, и на все меня разточающими, какѣ говорилѣ сіе: я заутра найду истину; се явно все мнѣ откроется и познаю, се Фавстѣ пріидетѣ, и изтолкуетѣ мнѣ все. О великіе мужи Академики! Ничего вѣ теченіи сея

жизни извѣстнаго понять не можно; но должны мы тщательнѣе искать того, а не отчаяваться. Се уже нѣтъ ничего нелѣпаго въ книгахъ церковныхъ, что прежде казалося мнѣ нелѣпымъ; и можно уже оное иначе и въ другомъ разумѣть смыслѣ. Поставлю ноги мои на той степени, на которой я въ отрочествѣ поставленъ отъ родителей моихъ, пока не обрящу явную истину. Но гдѣ оную обрящу? Когда буду искать? Не имѣетъ празднаго времени Амвросій, не достаетъ ему времени читать. Гдѣ мы ищемъ самыя книги? Откуда, или когда ихъ обрѣтаемъ? Отъ кого получаемъ? Пусть изчисляются времена, пусть раздѣляются часы для спасенія душевнаго. Великое упованіе во мнѣ родилося; не тому учитъ Каѳолическая вѣра, что мы мнили, и тщетно оную обвиняли; за глупое и не пристойное изучившіеся въ ней почитаютъ вѣрить, будто бы Богъ ограничивается образомъ человѣческаго тѣла; и такъ сомнѣваемся ли толкать, дабы намъ отверзлося и все прочее? Предъ полуденными часами занимаютъ Амвросія ученики его, а въ прочіе что мы дѣлаемъ? Для чего не то же дѣлаемъ? Но когда мы ходимъ на поклонъ къ сильнѣйшимъ друзьямъ, въ голосахъ которыхъ имѣемъ нужду? Когда пріуготовляемся къ тому, чтобы могли покупать у насъ схоластики? Когда успокоеваемъ самихъ себя, послабляя духъ отъ трудовъ?

19.

19. Да изчезнетъ все, и оставимъ сіе суетное и тщетное; обратимся ко взысканію единой истины. Жизнь сія есть бѣдственная, а смерть неизвѣстная. Ежели она нечаянно найдетъ на насъ, то куда отселѣ мы изыдемъ? и гдѣ тому должно будетъ намъ учиться, что въ сей жизни мы презирали? Не большую ли за сіе нерадѣніе должны казнь понести, ежели сія смерть все наше попеченіе съ чувствомъ пресѣчетъ и окончитъ? Такъ и сего должно искать? Да не будетъ, чтобы такъ сдѣлалося. Нѣтъ празднаго времени; не тщетно есть то, что по всему земному кругу толь превосходно верьховная важность Христіянской вѣры разливается. Никогда бы Богъ толь многаго и толикаго для насъ не глаголалъ, ежели бы съ смертію тѣлесною погибала и самая душевная жизнь. Такъ для чегожъ медлимъ, оставя мірскую надежду, совершенно обратиться ко взысканію Бога и блаженной жизни? Но пожди. Пріятно есть и сіе, имѣетъ не малую сладость свою; не вдругъ отъ того должно пресѣкать наклонность, поелику мерзостно паки на то обращаться. Се уже сколько есть способовъ получить нѣкоторое достоинство! и чего больше въ семъ остается желать? Ничего другаго. Находится довольное число друзей; и много мы спѣшимъ, такъ что и самое предсѣдательство чрезъ нихъ можемъ получить; и должно взять жену съ нѣкоторы-

ми

ми деньгами, дабы она не отягчила иждивеніе наше; а чрезъ то умѣрено будетъ и самое вожделѣніе. Многіе великіе мужи и подражанія достойнѣйшіе, имѣя женъ, любомудрію предавалися.

20. Когда я о семъ говорилъ, и премѣняли сіи вѣтры, и туда и сюда носили сердце мое: тогда проходили времена, а я мѣдлилъ обратиться ко Господу, и отлагалъ отъ дня на день жить въ Тебѣ, а не отлагалъ повседневно умирать самъ въ себѣ. Я, любя блаженную жизнь, боялся оной въ селеніи ея, и отъ нее убѣгая, искалъ ее; ибо думалъ, что я наибѣднѣйшимъ буду человѣкомъ, ежели лишуся женскихъ объятій; и для изцѣленія сей моей немощи не помышлялъ о врачествѣ милосердія Твоего, поелику онаго на себѣ еще не испыталъ; и силамъ моимъ приписывалъ воздержаніе, которыхъ въ себѣ не чувствовалъ; поелику толь безуменъ былъ, что не зналъ сихъ написанныхъ словъ: Что никто воздерженъ быть не можетъ, аще не Ты даси (1). Поистиннѣ Ты далъ бы оное, ежели бы я внутреннимъ воздыханіемъ тогда толкалъ во уши Твои, и съ непоколебимою вѣрою возвергалъ на Тебя печаль мою.

ГЛА-

(1) Прем. 8. 21.

ГЛАВА XII.

О спорѣ, которой между собою имѣли Августинъ и Алипій о супружествѣ и дѣвствѣ.

21. По справедливости Алипій возпрещалъ мнѣ оженитися, приводя въ причину то, что мы никакъ не можемъ въ безопасномъ спокойствіи сожительствовать, упражняяся въ любомудріи, чего уже давно мы желали, ежели я сіе сдѣлаю. Ибо онъ въ томъ и тогда былъ весьма цѣломудренъ, такъ что сіе въ немъ было удивительно; поелику и опытомъ началъ познавать плотскую похоть, когда вступалъ въ юношескій возрастъ; но не увязалъ въ ней, и паче соболѣзновалъ, и презиралъ оную гнусность, и наконецъ уже сталъ жить весьма воздержно. А я, окаянный! противился ему, приводя въ примѣръ тѣхъ, которые оженившися, любили мудрость, и удостоивалися отъ Бога милости, и жили въ вѣрности, и любили друзей своихъ, отъ которыхъ величія духа хотя я далеко отстоялъ; и будучи связуемъ болѣзнію плотскою, съ смертоносною пріятностію влачилъ оковы мои, бояся разрѣшиться отъ оныхъ, и какъ бы разбередивши рану, отражал слова добросовѣтующаго, яко руку разрѣшающаго. Притомъ и самому Алипію

чрезъ

чрезъ меня говорилъ змій (*), и сплеталъ и разсѣвалъ языкомъ моимъ сладкія сѣти на пути его, желая въ оныя запутать честныя и скорыя къ Тебѣ его ноги.

22. И такъ когда Алипій мнѣ удивлялся, котораго я всегда уважалъ, что я такъ увязаю въ сѣти онаго сладострастія, и утверждалъ, будто никакъ не могу провождать дѣвственную жизнь (когда мы между собою о томъ спорили); и такъ я защищалъ себя, видя его удивляющагося, что говорилъ ему: великое находится различіе между тѣмъ, что онъ испыталъ урывкою и украдкою, чего почти уже не памятовалъ, и потому безъ всякой скуки онъ могъ презирать оное; и между услажденіями, произходящими отъ привычки моей, къ которымъ, ежели бы еще придано было честное имя супружества, тому онъ удивляться никакъ не долженъ, для чего я не могъ презирать оной жизни: то и самъ онъ началъ желать супружества, никакъ не побѣжденъ бывъ похотію таковаго сладострастія, но токмо по единому любопытству, ибо говорилъ, что онъ желаетъ узнать, чтобъ то было такое, безъ чего жизнь моя, которая ему весьма пріятна была, мнѣ не жизнію, но наказаніемъ казалася. Изумлялся бо духъ, свободный отъ оныхъ оковъ, рабству мо-

(*) Сіе склоняетъ къ тому, какъ змій совѣтовалъ Еввѣ вкусить отъ запрещеннаго плода; а она прельстила мужа своего. Быт. 3.

моему, и изумляяся стремился желаніемъ испытать оное, желая достигнуть до самаго дѣйствія, и оттуда можетъ быть впасть въ то же рабство, которому изумлялся; понеже хотѣлъ сдѣлать залогъ съ смертію; а любяй погибель, впадетъ въ оную. Ибо обоихъ насъ не столько влекла, ежели есть какая брачная красота, состоящая въ управленіи супружества и въ дѣторожденіи; но гораздо больше и сильнѣе меня уловленнаго мучила привычка для насыщенія ненасытимаго вожделѣнія; а его уловляемаго превлекало къ тому удивленіе. Въ такомъ разположеніи и намѣреніи дотолѣ мы были, доколѣ Ты вышній, не оставляя праха нашего, милосердовалъ о бѣдныхъ, и предускорилъ на помощь къ намъ дивными и сокровенными образами.

ГЛАВА XIII.

Жена ищется Августину.

23. И не лѣностно понуждали меня вступить въ супружество. Я уже требовалъ того, и уже обѣщавали мнѣ, а наипаче мать моя о томъ старалася, дабы меня обрученнаго омыло спасительное крещеніе, и радовалася она, что я со дня на день болѣе дѣлаюся способнѣйшимъ къ принятію онаго, и примѣчала, что желанія ея и Твои обѣтованія въ вѣрѣ моей исполняются. Когда она какъ по прошенію моему, такъ и по сво-

своему желанію въ повседневныхъ молитвахъ своихъ просила Тебя, Боже мой! съ крѣпкимъ воплемъ сердечнымъ, дабы Ты открылъ ей въ видѣніи нѣчто о будущемъ супружествѣ моемъ: того Ты никогда не благоволилъ учинить ей. Но видала во снѣ суетныя нѣкоторыя привидѣнія, къ чему ее понуждало стремленіе печалующагося о семъ человѣческаго духа, и сказывала мнѣ не съ обыкновеннымъ упованіемъ, нежели то, что Ты объявлялъ ей, но презирая оныя. Ибо говорила, что она разпознаетъ, не знаю какимъ-то вкусомъ, котораго никому не могла выразить словами, какое находится различіе между Тобою открывающимъ, и между ея душею мечтающею. Однако принуждали меня къ супружеству, и требуема была нѣкоторая отроковица, которой почти двухъ лѣтъ не доставало къ исполненію совершеннаго возраста; и поелику она мнѣ нравилася, то я и желалъ ее.

ГЛАВА XIV.

Блаж. Августинъ разсуждаетъ съ друзьями своими о начатіи общественной жизни.

24. И мы, многіе друзья, разсуждали между собою и разглагольствовали, и проклиная мятежныя оскорбленія жизни человѣческой, почти уже опредѣляли, удалившись отъ многолюдства, жительствовать въ

покоѣ:

покоѣ, которой покой съ тѣмъ условіемъ начавъ, дабы, ежели какое можемъ имѣть стяжаніе, сносить въ одно мѣсто на среду, и отъ всѣхъ составлять одно имѣніе, чтобъ по искреннему дружеству не было иное сего, а иное онаго; но чтобы отъ всѣхъ составлялося едино, и каждому изъ насъ было бы общее, и все всѣмъ. Почему когда намъ казалося, что въ одномъ обществѣ можемъ быть почти десять человѣкъ, и были между нами нѣкоторые весьма богатые, а наипаче Романіанъ согражданинъ нашъ, котораго тогда въ товарищество наше привлекали великія затрудненія, произшедшія въ дѣлахъ его, съ младыхъ лѣтъ весьма близкій мнѣ другъ, которой наиболѣе старался о семъ дѣлѣ, и великую въ совѣтованіи имѣлъ силу, понеже обильное его имѣніе много прочихъ превышало; то въ умѣ и опредѣляли мы на каждой годъ двухъ человѣкъ, какъ бы управителей, которыхъ должность состояла въ томъ, дабы они промышляли намъ все нужное для жизни содержаніе, а прочіе бы всѣ пребывали въ спокойствіи. Но какъ начали разсуждать, попустятъ ли намъ такое составить общество жены, которыхъ и нѣкоторые изъ насъ уже имѣли, и мы имѣть желали: то все оное благосозидаемое нами совѣщаніе тотчасъ разрушилося, и разторглося, и погибло; отъ чего мы обращалися къ воздыханіямъ и стенаніямъ, и направляли стопы наши

къ шествованію пространными и широкими путями вѣка сего, яко многа быша помышленія въ сердцѣ нашемъ, совѣтъ же Господень во вѣкъ пребываетъ (1). По сему совѣту Ты посмѣвался нашимъ, и пріуготовлялъ Твой, имѣяй дати намъ пищу во благо время, и отверзти руку Твою, и исполнити души наша благоволенія.

ГЛАВА XV.

На мѣсто отшедшей наложницы вступаетъ другая.

25. Между тѣмъ временемъ грѣхи моя умножалися, и отъ того, что оная наложница отторглась отъ боку моего, какъ бы препятствіемъ поставляя супружество мое, съ которою я обыкновенно опочивалъ: сердце мое, гдѣ она прилѣплялася, разсѣклося и уязвилося, и источало кровь. А сія возвратилася въ Африку, обѣщаваяся Тебѣ не знать другаго мужа, оставя у меня естественнаго отъ нея сына моего. Но я окаянный, не будучи и женѣ подражателемъ, безъ отлагательства времени по двухъ лѣтѣхъ намѣревался взять ту отроковицу, которой требовалъ; и поелику я былъ не любитель супружества, но рабъ похоти, то сыскалъ себѣ другую не истинную супругу, какъ бы чрезъ то желая подкрѣпить и привести или совершенную, или

(1) Псал. 32. 11.

или большую болѣзнь души моея при помощи закоснѣлыя привычки къ обладанію женами. Однако не только не изцѣлилася оная рана моя, которую я получилъ отъ лишенія первой наложницы, но послѣ горячности и жестокой боли покрывалася гнилостію, и какъ бы нѣсколько хладнѣе, но отчаяннѣе болѣла.

ГЛАВА XVI.

О томъ, что Августинъ никогда не преставалъ страшиться смерти и будущаго суда.

26. Тебѣ хвала, Тебѣ слава, источниче щедротъ! я дѣлался окаяннѣйшимъ, а Ты ближайшимъ ко мнѣ; и уже готова была десница Твоя изхитить меня изъ онаго блата мерзости, и обмыть меня, но я не вѣдалъ того. Ничто больше не извлекало меня изъ глубочайшей плотскихъ сладострастій пучины, какъ только страхъ смерти и будущаго суда Твоего, о которомъ хотя я и различно умствовалъ, однако никогда оный не отступалъ отъ сердца моего. И потому я разсуждалъ съ друзьями моими Алипіемъ и Небридіемъ о концахъ добра и зла, что Епикуръ одержалъ бы верьхъ надъ духомъ моимъ, ежели бы я не вѣрилъ, что послѣ смерти тѣлесной остается жизнь души, и мѣсто для заслугъ, чему Епикуръ

 не

не восхотѣлъ вѣрить. И тогда я вопрошалъ ихъ: естьли бы мы были безсмертны, и жили въ безпрерывномъ тѣлесномъ удовольствіи, никакъ не страшася онаго лишиться, то чего бы другаго намъ искать оставалося? Не вѣдая того, что сіе самое служитъ къ великой бѣдности; понеже я, будучи погруженъ въ такія беззаконія и ослѣпленъ невѣжествомъ, не могъ помышлять о свѣтѣ честности и туне пріемлемой красоты, которой не видитъ плотское око, но видится оная внутреннимъ. Я не разсуждалъ о томъ, бѣдный! изъ какогобъ источника сіе втекало въ меня, что я о сихъ самыхъ гнусныхъ вещахъ сладостно съ друзьями моими разглагольствовалъ; притомъ и не могъ быть безъ друзей блаженнымъ, сколь бы великое ни имѣлъ изобиліе въ плотскихъ удовольствіяхъ и по тогдашнему моему разсужденію. Сихъ друзей я добровольно любилъ, и чувствовалъ, что и оні взаимно добровольно меня любятъ. О развратныхъ путей! Горе душѣ дерзновенной, которая уповала, ежели отъ Тебя, Боже! отступить, стяжать нѣчто себѣ лучшее! Она отвратившись отъ Тебя, и обратившись на хребетъ, и на бока и чрево, и все сіе жестоко и твердо есть; но Ты единъ еси упокоеніе. И се Ты присутствуеши, и избавляеши отъ погибельныхъ заблужденій, и поставляеши насъ на пути Твоемъ, и утѣшаеши, и глаголеши

намъ:

намѣ: тецыте, Азъ понесу васъ, и Азъ приведу, и тамо Азъ поношу васъ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Здѣсь Бл. Августинъ приводитъ на память себѣ начало мужества своего, т. е. тридесятый годъ возраста своего. Объявляетъ, что онъ въ семъ возрастѣ еще покрывался густѣйшимъ мракомъ невѣжества, и заблуждая въ познаніи истинны и начала зла, во изслѣдованіи коего удивительное внутрь себя ощущалъ мученіе, достигъ наконецъ до истиннаго богопознанія, хотя еще и тогда заражался недостойными о Господѣ Іисусѣ Христѣ мыслями.

ГЛАВА I.

Разсуждаетъ о Богѣ, яко о тѣлесномъ нѣкоторомъ существѣ, которое какъ бы разливается по безконечнымъ пространствамъ.

1. Уже умирала юность моя злая и беззаконная, и я приходилъ въ мужество; чѣмъ возрастомъ старѣе, тѣмъ мерзостнѣе былъ суетностію, когда не могъ иначе помышлять о существахъ, какъ только то, что всякое существо есть такое, каковое обыкновенно сими созерцаемъ очами. Однако

не

не помышлялъ того о Тебѣ, Боже! что Ты заключаешися во образѣ человѣческія плоти; съ самаго того времени, какъ началъ нѣсколько слышать о мудрости, сего уже всегда удалялся, и радовался, что я сіе обрѣлъ въ вѣрѣ, духовныя матери нашея, Каѳолическія Твоея. Но что я иное долженствовалъ помышлять о Тебѣ, того и на умъ мнѣ совсѣмъ не приходило. И старался я человѣкъ помышлять о Тебѣ, да и такой человѣкъ (т. е. бренный и во мракѣ бродящій) о верховномъ Богѣ; и всею внутренностію моею вѣрилъ, что Ты еси нетлѣнный, и невредимый и непреложный; хотя и незналъ почему и какъ, однако совершенно разумѣлъ, и былъ увѣренъ, что та вещь, которая тлѣть можетъ, хуже той, которая не можетъ; и ту вещь, которая повреждаться не можетъ, неукоснительно предпочиталъ повреждаемой; и ту, которая никакой не подлежитъ перемѣнѣ, лучшею почиталъ вещію, нежели которая перемѣняться можетъ. Громко вопіяло сердце мое на вѣ мои мечтательныя привидѣнія; и симъ единымъ ударомъ я старался отразить окрестъ летающую толпу нечистоты отъ проницательности разума моего; и едва оная будучи отдалена, въ мгновеніи ока се паки собранная являлася, и нападала на взоръ мой, и помрачала его, такъ что я былъ принужденъ помышлять, что хотя Ты и не имѣеши образа человѣческаго тѣла, одна-

однако будто Ты еси нѣкоторое тѣлесное существо, по безконечности изливаемое, да и самое нетлѣнное, и невредимое, и непреложное, которое я предпочиталъ тлѣнному, и повреждаемому, и премѣняемому; понеже все то, что я лишалъ таковыхъ пространствъ, или что не заключалось въ какихъ либо мѣстахъ, почиталъ за ничто. Но подлинно по мнѣнію моему было сіе ничто, ниже что либо пустое, какъ на пр. ежели тѣло взято будетъ отъ мѣста своего, и останется оное мѣсто, лишенное всякаго тѣла, и земнаго, и влажнаго, и воздушнаго, и небеснаго; но однако оное мѣсто будетъ пустое, яко пространное ничто.

2. И такъ я, одебелѣвъ сердцемъ, не чувствовалъ самаго себя, и совершенно почиталъ за ничто все то, что по нѣсколькимъ пространствамъ мѣстъ или не разливается, или не простирается, или не собирается, или не увеличивается, или подобнаго сему въ себѣ не вмѣщаетъ, или вмѣстить не можетъ. Ибо каковые виды обыкновенно обозрѣваютъ глаза мои, по таковымъ мысленнымъ воображеніямъ бродило сердце мое; и я не примѣчалъ, что сія мысль, которою я дѣлалъ оныя самыя воображенія, не есть нѣчто тому подобное, которая однако не могла бы оныхъ представлять, ежели бы не была нѣчто великое. Такимъ образомъ я и о Тебѣ, жизнь жизни моея! помышлялъ, якобы Ты, будучи

огромный по безконечнымъ пространствамъ, отвсюду проницаеши всю міра тяжесть, и внѣ ея вездѣ по неизмѣримому безпредѣльно, такъ что имѣетъ Тебя земля, имѣетъ небо, имѣютъ всѣ вещи, и всѣ оныя въ Тебѣ оканчиваются; Ты же нигдѣ. Но какъ солнечному свѣту не можетъ возпрепятствовать тѣло воздуха сего, окружающаго всю землю, чтобъ оный не проходилъ сквозь его, проницающій его, не разторгая, или разсѣкая, но весь оной наполняя: такъ по мнѣнію моему и Тебѣ не только небесное, и воздушное, и морское, но и земное тѣло есть удобопроходно, и отъ всѣхъ частей своихъ величайшихъ и малѣйшихъ проницаемое ко вмѣщенію Твоего присутствія, которое тайнымъ вдохновеніемъ внутренно и наружно управляетъ всѣми тѣми вещами, которыя Ты сотворилъ. Такъ я о семъ думалъ, поелику ничего инаго не могъ помышлять о Тебѣ; понеже все почиталъ ложнымъ. И по сему глупому моему умствованію большая бы часть земли должна была имѣть большую Тебя часть, а меньшая меньшую; и притомъ такъ бы всѣ вещи Тобою наполнялися, что болѣе бы Тебя вмѣщало тѣло слоновое, нежели тѣло птичье; ибо чѣмъ бы оное было сего огромнѣе, тѣмъ бы большее занимало мѣсто; и такимъ бы образомъ почленно Ты долженствовалъ въ великихъ частяхъ міра великими частями своими присутствовать, а въ малыхъ

дыхЪ малыми. Ты же, Боже! совсѢмЪ инаковымЪ образомЪ существуеши; но еще тогда Ты не просвѢщалЪ тьму мою.

ГЛАВА II.

О важности того, чѢмЪ Небридій опровергаетЪ МанихеевЪ.

3. Довольно было для меня, Господи! противЪ оныхЪ прельщенныхЪ и прельстителей МанихеевЪ, и велерѢчивыхЪ безгласныхЪ; безгласныхЪ, говорю, понеже не отЪ нихЪ гремѢло слово Твое; и такЪ довольно было для меня того, что уже давно и еще вЪ самомЪ КареагенѢ обыкновенно предлагалЪ Небридій; и мы всѢ слыша сіе отЪ него, содрогалися. Что имѢлЪ ТебѢ сдѢлать не знаю какой-то народЪ тьмы, которой Манихеи отЪ противной тяжести обыкновенно противополагаютЪ, ежели бы Ты восхотѢлЪ сражаться? Ибо естьли бы отвѢтствовано было, что оный народЪ имѢлЪ ТебѢ причинить нѢкоторый вредЪ: то бы Ты, Боже! повреждаемый и тлѢнный былЪ. А ежели бы сказано было, что оный никакЪ ТебѢ вредить не могЪ: то не было бы ТебѢ никакой причины сражаться, чтобы нѢкоторая частица Твоя и членЪ Твой, или отрасль отЪ самаго существа Твоего сразилася сЪ противными властьми и естествами, не Тобою созданными, и столько бы отЪ тѢхЪ повредилася

 и

и преложилася въ хуждшее, что изъ блаженства превратилася бы въ бѣдность, и требовала помощи для своего избавленія и очищенія; но въ такомъ состояніи бываетъ только душа, которой работствующей слово Твое свободное, и оскверненной чистое, и растлѣнной непорочное должно вспомоществовать; но и сіе самое есть тлѣнное; поелику оно изъ одного и тогожде существа. И такъ ежели бы Манихеи Тебя, кто бы Ты ни былъ, т. е. существо Твое, чрезъ которое существуеши, нетлѣннымъ назвали, то ложно оное все и нелѣпое; а естьли бы назвали тлѣннымъ, то самая уже ложь, и при первомъ словѣ достойная омерзѣнія и отверженія. И такъ довольно было для меня сего противъ тѣхъ, которыхъ должно совсѣмъ изблевать отъ среды сердца; поелику они не имѣли исхода себѣ безъ страшнаго законопреступленія сердца и языка, сіе о Тебѣ умствуя и глаголя.

ГЛАВА III.

Свободное произволеніе есть причина грѣха.

4. Но и я еще хотя и называлъ Тебя, Боже мой! неоскверняемымъ, и непреложнымъ, и никакъ неизмѣннымъ; и неподвижно умствовалъ, что Ты еси Господь нашъ, Богъ истинный, которой не только сотворилъ души наша, но и тѣла; и не только

ду-

души наша и тѣла, но и всѣхъ и вся, не зналъ явной и совершенной причины зла; однако какая бы оная ни была, такъ ее искать думалъ, дабы чрезъ оную я не принужденъ былъ почитать Бога непреложнаго премѣняемымъ, и дабы самому тѣмъ не сдѣлаться, чего искалъ. И такъ я безопасно искалъ причину зла; и былъ увѣренъ въ томъ, что несправедливо о семъ говорили тѣ, которыхъ я всею душею удалялся; поелику я примѣчалъ ихъ, изыскивая начало зла исполненныхъ злостію, которою будучи движимы, думали, что Твое существо паче злостраждетъ, нежели ихъ злотворитъ.

5. И намѣревался я разсмотрѣть то, что отъ другихъ слышалъ, якобы свободное воли произволеніе бываетъ того причиною, что мы творимъ злое, а правый судъ Твой, что страждемъ, и оную явственно разсмотрѣть не могъ. Того ради я, стараяся извлещи изъ глубины разумъ мой, паки въ оную погружался, и часто стараяся, паки и паки погружался; ибо сіе токмо возстановляло меня на свѣтъ Твой, что я такъ зналъ, что имѣю волю, какъ зналъ, что я живу. И такъ когда я чего либо хотѣлъ, или не хотѣлъ: то весьма увѣренъ былъ, что не другой кто, какъ развѣ я самъ хощу, или не хощу; и изъ того уже примѣчалъ, что въ томъ самомъ находится причина грѣха моего. А что я по приуж-

нужденію дѣлалъ, то усматривалъ, что я паче стражду, нежели дѣйствую; и то не виною, но казнію моею почиталъ, которую что я праведно несу, праведнымъ Тебя представляя, скоро признавался. Но паки говорилъ, кто сотворилъ меня? Не Богъ ли мой, не только благій, но и самое благо? Такъ откуду во мнѣ хотѣніе зла, а не хотѣніе добра, дабы за то мнѣ нести праведное наказаніе? Кто сіе въ меня вліялъ и всѣялъ корень горести, когда я весь сотворенъ отъ сладчайшаго Бога моего? Ежели діяволъ того виновникъ, откуда же самъ діяволъ? Ежели онъ самъ по развращенной волѣ своей изъ благаго Ангела діяволомъ содѣлался, то откуда и въ немъ самомъ родилася злая воля, чрезъ которую онъ учинился діяволомъ, когда отъ всеблагаго Творца сотворенъ весь благимъ Ангеломъ? Сіи помышленія паки меня пригнѣтали и подавляли; однако не до онаго ада заблужденія низводили меня, гдѣ никто не исповѣдуется Тебѣ, когда Ты паче злострадаешь, нежели человѣкъ оное дѣлать мнитъ.

ГЛАВА IV.

Богу нетлѣнному быть надлежитъ.

6. И такимъ образомъ силился я находить и прочее, какъ уже и находилъ, что изящнѣе есть существо нетлѣнное, нежели тлѣнное;

и

и потому Тебя, что бы Ты такое ни былъ, нетлѣннымъ быть исповѣдывалъ; ибо никакая душа когда либо могла, или возможетъ помыслить что нибудь изящнѣе Тебя, иже еси верьховное и преизящное добро. А когда весьма истинно и справедливо нетлѣнное предпочитается тлѣнному, какъ уже я и предпочиталъ: то уже могъ помышленiемъ моимъ постигнуть нѣчто такое, которое бы было изящнѣе Бога моего, ежели бы Ты не былъ нетлѣнный. Гдѣ убо я видѣлъ, что нетлѣнное существо должно предпочитаться тлѣнному, тамъ Тебя искать мнѣ надлежало, и оттуда примѣчать, откуда происходитъ зло, т. е. откуда самое тлѣнiе, отъ котораго никакъ не можетъ повредиться существо Твое. Ибо по истиннѣ никакъ не повреждаетъ тлѣнiе Бога нашего, никакою волею, никакою нуждою, никакимъ внезапнымъ случаемъ; понеже той есть Богъ, и чего хощетъ себѣ, тое добро есть, и самъ есть тоежде добро. Тлѣнну же быть не есть добро. Ты ни къ чему по неволѣ не принуждаешися; поелику воля Твоя не есть болѣе всемогущества Твоего. Но тогда бы оная была больше, ежели бы Ты самъ себя больше былъ; воля бо Божiя и всемогущество есть самъ Богъ. Да и что внезапное для Тебя, иже вѣси всяческое естество; по тому только существуетъ, поелику Ты вѣси оное. Но на что много говоримъ, почему то нетлѣн-

ное существо, которое есть Богъ; когда бы оное таковымъ не было, то бы не было и Богомъ?

ГЛАВА V.

Паки испытуетъ, откуда есть зло и какой его корень.

7. Искалъ я начала зла, и злѣ искалъ его; и въ самомъ изслѣдованіи моемъ не видалъ зла. И представлялъ предъ очи духа моего всю тварь, и все то, что только въ ней зрѣть можемъ, какъ на пр. землю, и море, и воздухъ, и звѣзды, и древа, и животныя смертныя, и то, чего не видимъ въ ней, какъ-то твердь небесную, да и всѣхъ Ангеловъ и всѣ духовныя существа ея; но и симъ самымъ, яко тѣламъ, воображеніе мое опредѣляло мѣста свои; и мысленно я сдѣлалъ изъ твари Твоей одно великое смѣшеніе, изпрещренное родами различныхъ тѣлъ, которыя или истинныя тѣла были, или которыя я самъ вмѣсто духовъ вымышлялъ; и оное сдѣлалъ великимъ, но не таковымъ, каково само въ себѣ было, чего я знать не могъ; но каковымъ хотѣлося, однако отвсюду ограниченное. О Тебѣ же, Господи! я умствовалъ, что Ты совершенно окружаеши оное смѣшеніе и проницаеши, но вездѣ еси безконеченъ; на прежели бы было море вездѣ и отвсюду по неизмѣримымъ пространствамъ безконечное, толь-

только бы оно одно было море, и имѣло бы въ себѣ нѣкоторую великую губу, но однако конечную: то бы оная губа со всѣхъ сторонъ своихъ наполнялася отъ неизмѣримаго моря: такимъ же образомъ по мнѣнію моему вся тварь Твоя, будучи конечная, Тобою безконечнымъ отвсюду наполняется; и говорилъ я: се Богъ, и се что сотворилъ Богъ! и благъ есть Богъ, и сихъ всѣхъ вещей всесовершенно превосходнѣйшій, но благій сотворилъ добрыми ихъ, и се какъ Онъ окружаетъ и наполняетъ ихъ. Такъ гдѣ же зло? и откуда, и какъ сюда вкралося? Какой корень его? и какое сѣмя его? Или совсѣмъ зла нѣтъ? Такъ для чегожъ мы того страшимся и опасаемся, чего нѣтъ? Или ежели тщетно страшимся, то поистиннѣ и самый страхъ есть зло, которымъ всуе уязвляется и терзается сердце. И тѣмъ тяжчае есть зло, что нѣтъ того, чего бы должны мы страшиться, а страшимся. Почему или есть зло то, чего страшимся; или сіе самое есть зло, что страшимся. Такъ откуда сіе? Понеже Богъ сотворилъ сіе все благій доброе. Хотя большее и высочайшее Благо сотворило меньшія блага; но однако какъ созидающій, такъ и созданная добра суть вся. Такъ откудажъ зло? Или отъ того, что было нѣкоторое вещество, изъ котораго Онъ сотворилъ злое сіи вещи, и изобразилъ и устроилъ оное, но оставилъ въ немъ нѣсколько зла, кото-

раго

раго не обратилЪ вЪ добро? Для чего и сіе? Не силенЪ ли ОнЪ былЪ все оное обратить и преложить вЪ добро, дабы ничего зла вЪ томЪ веществѣ не осталося, когда ОнЪ есть всемогущій? Для чего наконецЪ изЪ того злаго вещества нѣчто сотворить восхотѣлЪ? и для чего паче не сотворилЪ тѣмЪ же всемогуществомЪ СвоимЪ, дабы совсѣмЪ никакого такого вещества не было? Но или оное могло существовать противЪ Его воли? Или ежели оно вѣчное было, то для чего толь долго чрезЪ безконечныя назадЪ времена оставилЪ его вЪ таковомЪ быть безобразіи, и чрезЪ столько вѣковЪ послѣ благоволилЪ нѣчто сотворить изЪ него? Или же, естьли ОнЪ что либо вдругЪ восхотѣлЪ сотворить, то бы сіе наипаче долженствовалЪ сотворить Всемогущій, чтобы онаго вещества не было, и самЪ бы единЪ былЪ все истинное, и верьховное, и безконечное добро. Или ежели не добро было, чтобЪ тотЪ нѣкотораго не сотворилЪ и не создалЪ добра, кто былЪ благій: то бы разрушивши и вЪ ничто обративши то вещество, которое было злое, самЪ долженЪ былЪ устроить доброе, изЪ онаго сотворить всѣ хорошія вещи; ибо не былЪ бы оный БогЪ всемогущій, ежели бы не могЪ создать нѣкотораго добра безЪ вспомоществованія того вещества, которое не самЪ сотворилЪ. О семЪ я размышлялЪ вЪ сердцѣ моемЪ окаянномЪ и отягченномЪ-

язвительнѣйшими безпокойствіями, о страхѣ смерти, и о не обрѣтеніи истинны; однако глубоко въ сердцѣ моемъ впечатлѣвалася вѣра, содержащаяся въ Каѳолической церкви Христа Твоего Господа и Спасителя нашего; хотя еще во многомъ казалася мнѣ не лѣпою, и кромѣ образа ученія колеблющеюся, но однако никогда не оставлялъ ее духъ мой, но повсядневно болѣе и болѣе напаявался оною.

ГЛАВА VI.

Гдѣ отвергаетъ отгадыванія Математиковъ.

8. Уже я и Математиковъ ложныя гаданія и нечестивыя сумазбродства отвергалъ. Должны исповѣдуемы быть въ семъ изъ глубины души моея щедроты Твои, Боже мой! Ты бо, Ты поистиннѣ, ибо кто другой отвращаетъ насъ отъ смерти всякаго заблужденія, развѣ жизнь, не знающая смерти; премудрость, убогіе умы просвѣщающая, не требующая никакого свѣта, которою управляется міръ даже до древесныхъ падающихъ листвій? Ты доставилъ упорству моему, по которому я противился Виндиціану, остроумному старцу, и Небридію, юношѣ удивительной души, изъ которыхъ первой крѣпко утверждалъ, а второй хотя съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, но однако часто говорилъ, что нѣтъ ни-

какой науки предусматривать будущее; угадыванія же человѣческія не рѣдко имѣютъ силу случая, и много говоря, возвѣщаются многіе будущіе случаи; хотя и сами тѣ не знаютъ, которые сказываютъ, но много говоря, сіе отгадываютъ. Ты убо доставилъ мнѣ человѣка друга, ревностнаго совѣтователя съ Математиками, и тѣ науки не совершенно разумѣющаго; но (какъ я сказалъ) совѣтователя любопытнаго, и однако знающаго нѣчто изъ того, что онъ, какъ говорилъ, слышалъ отъ отца своего, которой не зналъ, сколь много сіе служило къ опроверженію мнѣнія о той наукѣ. Сей убо мужъ именемъ Фирминъ, просвѣщенный свободными науками, и украшенный краснорѣчіемъ, когда меня яко друга вопросилъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ своихъ, на которыя онъ житейскую возлагалъ надежду: что мнѣ кажется по его такъ называемымъ звѣзднымъ примѣчаніямъ? А я, когда уже о семъ начиналъ склоняться на мнѣніе Небридіево, хотя не отрекся отгадать ему и сказать то, что колеблющемуся приходило на мысль; но однако не преминулъ объявить ему и о томъ, что я уже увѣренъ почти, что оныя науки суть достойныя смѣха и тщетныя. Тогда онъ мнѣ разсказалъ объ отцѣ своемъ, что онъ до таковыхъ книгъ весьма былъ любопытенъ, и имѣлъ у себя друга, также онымъ и купно съ нимъ послѣдующаго, которые съ рав-

ною

ною охотою и ревностію къ симъ сумазбродствамъ горѣли огнемъ сердца своего, такъ что и самыхъ безсловесныхъ животныхъ, которыя у нихъ въ домѣ раждалися, наблюдали минуты рожденія, и для нихъ положеніе неба замѣчали, откуда оной науки какъ бы опыты собирали. И такъ говорилъ онъ, что отъ отца своего слышалъ, когда онымъ Фирминомъ беременна была мать; также и у друга отца его у нѣкоторой рабыни возрастало чрево, что сокрыться не могло отъ ея Господина, которой по тщательнѣйшему наблюденію познавалъ рожденія и самыхъ псовъ своихъ; и будто бы такъ сдѣлалося, что когда сей супруги своея, а тотъ рабыни дни и часы и самые малѣйшіе часовъ члены исчисляли съ тщательнѣйшимъ примѣчаніемъ: то родили онѣ обѣ вмѣстѣ, такъ что одинаковыя примѣчанія даже до самыхъ малостей принуждены были сдѣлать обоимъ раждающимся, т. е. сей сыну своему, тотъ малому слугѣ. Ибо когда сіи жены начали мучиться родами, то они объявили другъ другу, что у кого изъ нихъ дѣлается въ домѣ, и пріуготовили одинъ къ другому нарочныхъ вѣстниковъ, дабы, какъ только родятъ мучащіяся жены, и тому и другому о рожденномъ было объявлено; а чтобы о семъ скоро имъ возвѣщено было, они какъ бы въ царствѣ своемъ удобно то учинили. И такимъ образомъ посланные отъ обоихъ вѣ-

стники, говорилЪ онЪ, толь на равныхЪ отЪ домовЪ своихЪ разстояніяхЪ одинЪ сЪ другимЪ срѣтилилися, что ни Фирминову отцу, ни другу его не удалося замѣтить инаго положенія звѣздЪ, и иныхЪ частицЪ минутныхЪ. Однако фирминЪ, будучи знатнаго рода, по убѣленнѣйшимЪ путямЪ вѣка сего шествовалЪ, изобиловалЪ богатствомЪ, возвышался честьми; рабЪ же оный безЪ всякаго послабленія ига своего состоянія служилЪ господамЪ по обЪявленію того, кто его зналЪ.

9. И такЪ когда я сіе услышалЪ, и повѣрилЪ, поелику таковый человѣкЪ мнѣ разсказывалЪ: то все оное сопротивленіе мое разторгшись, рушилося; и вопервыхЪ старался и самаго Фирмина отвратить отЪ онаго любопытства, говоря сіе: что я, разсматривая созвѣздія для обЪявленія истины, долженЪ неотмѣнно тамЪ видѣть родителей между своими согражданами первѣйшихЪ, знаменитой родЪ собственнаго гражданства, благородство, честное воспитаніе и свободныя науки. А естьли бы оный рабЪ по тѣмЪ же наблюденіямЪ звѣзднымЪ вопросилЪ меня, поелику и его оныя были: то, дабы и ему также сказать истину, паки я долженЪ тамЪ видѣть самый низкій родЪ, рабское состояніе и прочее, весьма отЪ перваго различное, и далеко отстоящее. ОтЪ чего же бы сіе произходило, что я одно разсматривая, долженЪ былЪ говорить раз-

лич-

личное, ежели бы сказывалъ правду; а ежели бы я одно и то же говорилъ, то бы ложь сказывалъ. Изъ сего весьма справедливо заключается, что все то, что по наблюденію звѣздному ни объявляется истиннаго, не по наукѣ объявляется, но по случаю; а что ложное, то не по искусству науки, но по лживости случая.

10. А отсюда я, нашедъ удобный случай, самъ съ собою о семъ разсуждая, дабы кто изъ тѣхъ безумцевъ, за симъ прибыткомъ гоняющихся, на которыхъ я скоро хотѣлъ напасть, и осмѣявши ихъ, опровергнуть, такъ мнѣ не возпротивился, якобы или Фирминъ мнѣ, или оному отецъ сказывалъ ложное, обратилъ разсужденіе мое на рожденіе близнецовъ, изъ которыхъ многіе такъ одинъ за другимъ изходятъ изъ чрева, что чрезъ самое малое время хотя и силятся имѣть какую нибудь силу въ природѣ вещей, однако по наблюденію человѣческому никакъ не льзя понять того, и совсѣмъ не возможно означить буквами, на которыя бы смотря Математикъ, могъ сказать истину. Да и не будетъ сіе истинно; поелику разсматривающій однѣ буквы долженъ бы былъ одно сказать о Исавѣ и Іаковѣ; однако не одно съ обоими ими случилося. И такъ ложное бы сказалъ; или ежели бы сказалъ истинное, то бы не одно говорилъ, хотябъ одно и то же разсматривалъ. Слѣдовательно онъ не по наукѣ своей,

ей, но по случаю бы сказалъ истинное. Ты бо, Господи! праведнѣйшій Правитель вселенныя, всѣхъ требующихъ и дающихъ совѣтъ не знающимъ тайно возбуждаеши, дабы, когда кто требуетъ отъ подобнаго себѣ совѣта, сіе слышалъ, что ему слышать надлежитъ чрезъ тайныя заслуги душевныя отъ бездны праведнаго суда Твоего, коей человѣкъ не долженъ говорить: что сіе? Для чего сіе? Не долженъ говорить, не долженъ; человѣкъ бо есть.

ГЛАВА VII.

Бл. Августинъ бѣдственно мучится, испытуя, откуда есть зло.

11. И такъ Ты, Помощниче мой! отъ оныхъ оковъ уже разрѣшалъ меня; а я искалъ начала, откуда происходитъ зло, и не имѣлъ конца въ томъ. Но Ты никакимъ волненіямъ не попускалъ похищать и уносить меня отъ той вѣры, которою я вѣрилъ, что Ты и существуеши, и не преложное есть существо Твое, и есть о человѣкахъ попеченіе и судъ Твой, и во Христѣ Сынѣ Твоемъ, Господѣ нашемъ, и во Святыхъ Писаніяхъ, которыя ради ихъ отмѣнной силы и важности содержитъ въ себѣ Каѳолическая Твоя церковь; Ты положилъ путь спасенія человѣческаго къ полученію жизни, по смерти сей быть имѣющей. И такъ я, сіе все неподвижно и непо-

поколебимо содержа въ душѣ моей, искалъ, обуреваемъ волнами, того начала, откуда произходитъ зло. Какія тогда были оныя мученія болѣзнующаго сердца моего! какія стенанія, Боже мой! И тамо были уши Твои, а я не зналъ сего. И когда я въ безмолвіи сильно искалъ того, то великіе гласы вопіяли къ милосердію Твоему, безмолвныя сокрушенія духа моего. Ты вѣдалъ страданіе мое кромѣ всякаго человѣка. Ибо сколь много изъ того входило чрезъ языкъ мой во уши друзей моихъ! Все ли смятеніе души моея, для котораго ни время, ни уста мои не довлѣли, о семъ вопіяло имъ? Однако все оное туда токмо стремилося, дабы Ты слышалъ меня, яко *азъ рыкахъ отъ воздыханія сердца моего, и предъ Тобою было все желаніе мое* (1), а свѣта очей моихъ со мною не было; внутри бо оный былъ, а я внѣ. И не было его въ мѣстѣ нѣкоторомъ, а я устремлялъ вниманіе на тѣ вещи, которыя въ мѣстахъ содержатся, и тамъ не обрѣталъ мѣста для успокоенія моего, и сіи меня не заставляли сказать: довольно и хорошо; и не попускали мнѣ туда обратиться, гдѣ бы было мнѣ довольно хорошо. Ибо я выше былъ сихъ, а Тебя ниже; но Ты, истинная радость! мнѣ покоренному Тебѣ, и мнѣ покорилъ нижшія меня Твари Твои. И сіе было

(1) Псал. 37. 9.

ло справедливое умѣреніе и средній путь спасенія моего, дабы мнѣ пребывать созданному по образу Твоему, и Тебѣ служа, господствовать тѣломъ. Но когда я гордо противъ Тебя возставалъ, и текъ противъ Господа въ толщи хребта щита моего (1): то и сіи низшія меня твари выше меня содѣлалися, и подавляли меня, и нигдѣ не было мнѣ ни облегченія, ни отдохновенія. Сіи, когда я смотрѣлъ, нападали на взоръ мой отвсюду толпами и кучами, а когда помышлялъ воображенія тѣлесныя, то они противополагали мнѣ возвращающемуся, какъ бы такъ отъ нихъ говорилось мнѣ: куда ты идешь недостойный и гнусный? И сіе произрастало отъ раны моея; поелику Ты меня смирилъ, яко язвена гордаго, и гордостію моею я разлучался отъ Тебя, и безмѣрно надмѣнное лице закрывало очи мои.

ГЛАВА VIII.

Какъ Божіе милосердіе вспомоществовало Августину.

12. Ты же, Господи! во вѣкъ пребываеши, и не во вѣкъ гнѣваешися на насъ, яко помиловалъ еси прахъ и пепелъ, и угодно было предъ лицемъ Твоимъ преобразити безобразіе мое; и внутренно поощрялъ меня, чтобъ я безпокоился и мучился, пока Ты

(1) Іов. 15. 26.

Ты мнѣ чрезъ внутренній взоръ явленъ не будеши. И такимъ образомъ уменьшалася душевная болѣзнь моя отъ тайной руки врачества Твоего, и смущенная и помраченная проницательность разума моего ежедневно изцѣлялася прянымъ коллуріемъ (*) спасительныхъ болѣзней.

ГЛАВА IX.

Въ Платоновыхъ книгахъ онъ нашелъ Слова вѣчнаго Божество, воплощеннаго смиреніе.

13. И вопервыхъ Ты хотяй показати мнѣ, коль гордымъ противишися, смиреннымъ же даеши благодать, и съ колимъ милосердіемъ Ты показалъ человѣкомъ путь смиренія, что Слово Твое плоть бысть, и вселися въ человѣки (1): Ты доставилъ мнѣ чрезъ нѣкотораго человѣка, безчеловѣчнѣйшею гордостію надмѣннаго, нѣкоторыя Платоновы книги, съ Греческаго языка на Латинской переведенныя; и въ сихъ книгахъ я читалъ хотя не сими словами, но сіе самое по истиннѣ многими и многоразличными подтверждается причинами, яко *въ началѣ бѣ слово, и слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ слово. Сей бѣ искони у Бога, вся тѣмъ быша, и безъ него ничто же бысть, еже бысть. Въ*

 томъ

(*) Коллурій есть лѣкарство отъ глазной болѣзни.
(1) Іоан. 1. 14.

томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ. И свѣтъ во тьмѣ свѣтится, и тьма его не объятъ (1). И понеже душа человѣческая хотя и свидѣтельствуетъ о свѣтѣ, однако она не есть свѣтъ, но Слово Божіе Богъ есть, свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ сей міръ. И хотя въ семъ мірѣ бѣ, и міръ тѣмъ бысть, и міръ Его не позна (2) А яко во своя пріиде, и свои Его не пріяша; елицы же пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти, вѣрующимъ во имя Его (3), сего тамъ я не читалъ.

14. Также я читалъ въ оныхъ книгахъ, яко Богъ Слово не отъ плоти, не отъ крове, ни отъ похоти мужескія, ни отъ похоти плотскія, но отъ Бога рожденъ есть (4) Но, яко слово плоть бысть и вселися въ ны, не тамъ я то читалъ. Ибо я испыталъ, что въ оныхъ книгахъ различно и многообразно пишется, яко *Сынъ сый во образѣ Отчіи не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу*; поелику Онъ естественно тойжде есть. Но яко *себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, и образомъ обрѣтеся яко человѣкъ. Смирилъ себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя. Тѣмже и Богъ его превознесе* отъ мер-

(1) Іоан. 1. 1 (2) Ст. 6. (3) Ст. 12. (4) Ст. 16.

мертвыхъ, *и дарова ему имя, еже паче всякаго имени; да о имени Іисусовѣ всяко колѣно поклонится небесныхъ, и земныхъ и преисподнихъ. И всяхъ языкъ исповѣсть, яко Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца* (1) сего не содержатъ въ себѣ оныя книги. Ибо что прежде всѣхъ временъ и свыше всѣхъ временъ непреложно пребываетъ единородный Сынъ Твой единовѣчный Тебѣ, и яко отъ исполненія Его пріемлютъ души человѣческія блаженство свое, и яко общеніемъ пребывающія въ себѣ премудрости обновляются для полученія мудрости (2), тамъ есть сіе. А что Онъ по времени за нечестивыхъ умеръ (3), и что Ты Сына единороднаго Твоего не пощадѣлъ, но за насъ всѣхъ предалъ его (4), нѣтъ того тамъ. Ибо *утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ* (5), дабы сами приходили къ нему всѣ труждающіеся и обремененніи, и упокоитъ ихъ; яко кротокъ есть и смиренъ сердцемъ, и наставляетъ кроткія на судъ, и научаетъ кроткія путемъ своимъ (6), видя смиреніе наше и трудъ нашъ, и оставляя вся грѣхи наша. А которые, будучи надмѣнны высокою наукою своею, не слышатъ Его глаголющаго сіе: *Научитеся отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и*

(1) Фил. 2. (2) Рим. 5. 8. (3) Рим. 8. 32. (4) Матѳ. 11. 25. (5) Матѳ. 11. 29. (6) Псал. 24. 9.

и обрящете покой душамЪ вашимЪ (1). ТѢ хотя и познаютЪ Бога, но не яко Бога прославляютЪ, или благодарятЪ; но суетны бываютЪ вЪ помышленіяхЪ своихЪ, и омрачается неразумное сердце ихЪ, глаголющеся быти мудри, юродствуютЪ (2).

15. И потому я читалЪ тамЪ о измѢненіи славы нетлѢнія Твоего во идоловЪ и различныя ваянія, вЪ подобіе образа тлѢнна человѢка, и птицЪ, и четвероногихЪ, и гадЪ, т. е. вЪ Египетскую пищу, отЪ которой ИсавЪ погубилЪ первенство свое (3); понеже главу четвероногаго вмѢсто Тебя, Боже! почтилЪ народЪ первородный, обратившись сердцемЪ вЪ ЕгипетЪ, и приклоняя образЪ Твой, т. е. душу свою предЪ образомЪ тельца ядущаго траву (4), я обрѢлЪ сіе тамЪ, и не вкусилЪ. Ибо Ты благоволилЪ, Господи! отЪяти поношеніе умаленія отЪ Іакова, дабы старшій служилЪ младшему, и призвалЪ еси языцы вЪ достояніе Твое. И я кЪ ТебѢ пришелЪ отЪ языкЪ, и обратилЪ вниманіе на злато, которое Ты изЪ Египта благоволилЪ унести народу Твоему; понеже оно Твое было, гдѢ бы ни было; и реклЪ еси АѲинянамЪ чрезЪ Апостола Твоего: *О немЪ бо живемЪ, и движемся и есмы: яко же и нѢцыи отЪ нихЪ рекоша* (5). Да и подлинно оттуда были оныя кни-

(1) Мат. 11. 29. (2) Рим. 1. 21 (3) Быт. 25. 33. (4) Псал. 105. 20. (5) ДѢян. 17. 28.

книги. И я не обратилъ вниманіе на идолы Египетскіе, коихъ тѣ изъ злата Твоего дѣлали, которые премѣнили истину Божію во лжу, и почтили и послужили твари, паче Творца (1).

ГЛАВА X.

Уже Августинъ яснѣе познаетъ Божественныя вещи.

16. Сіи книги возбудили меня обратиться къ самому себѣ, и проникъ я во внутренность мою при руководствѣ Твоемъ, и возмогъ; понеже Ты, Боже! былъ уже помощникъ мой. Проникъ, и узрѣлъ каковымъ нибудь окомъ души моея свыше самаго ока души моея, свыше разума моего свѣтъ Господень непреложный; не сей обыкновенный и созерцаемый всякою плотію, и не такой, которой изъ того же рода какъ бы былъ величественнѣе, и гораздо большею свѣтлостію блисталъ, и все занималъ своимъ величіемъ; не сіе оный былъ свѣтъ, но весьма различное отъ всего сего. И не такъ оный былъ свыше разума моего, яко елей верьху воды, и не яко небо верьху земли; но выше, яко той сотворилъ меня; и я ниже, яко сотворенъ отъ Него. Знающій истину, знаетъ Его; а знающій Его, знаетъ вѣчность. Любовь знаетъ его. О вѣчная истина, и истинная любовь и дра-

(1) Рим. 1. 25.

драгая вѣчность! Сіе Ты еси, Боже мой! къ Тебѣ воздыхаю день и ночь. И какъ скоро я позналъ Тебя, Ты воспріялъ меня, дабы я видѣлъ, что уже есть то, что долженствовалъ видѣть, и что я еще не такой, которой бы могъ оное видѣть. И Ты отразилъ слабость взора моего величайшимъ и неизреченнымъ на меня блистаніемъ своимъ; а я содрогнулся любовію къ Тебѣ и трепетомъ, и нашелъ, что далече отстою отъ Тебя на странѣ несходства, какъ бы съ высоты слыша сей гласъ Твой: Пища Азъ есмь великихъ, расти, и вкусиши меня. Не премѣниши Меня на себя, яко пищу плоти Твоея; но ты премѣнишися на Меня. И позналъ я, яко *о беззаконіи наказалъ еси человѣка, и истаялъ еси яко паучину душу мою* (1); и сказалъ: или ничто есть истина, поелику она ни по конечнымъ, ни по безконечнымъ мѣстамъ не разливается? И воззвалъ еси издалеча: *Азъ есмь сый.* (2) И я услышалъ сіе, какъ слышится въ сердцѣ; и совсѣмъ уже не имѣлъ причины о семъ сомнѣваться; и скорѣе бы усомнился, что я живу, нежели что нѣтъ истины, которая твореньми помышляема, видима есть.

ГЛА-

(1) Псал. 38. 12. (2) Исх. 3. 14.

ГЛАВА XI.

Какимъ образомъ тварь есть и не есть.

17. И воззрѣлъ я на прочія вещи, которыя ниже Тебя, и увидѣлъ, что оныя ни совершенно существуютъ, ни совершенно не существуютъ. Существуютъ оныя по тому, поелику отъ Тебя сотворены суть; а не существуютъ по тому, понеже не то оныя суть, что Ты еси, Боже мой! ибо то существуетъ истинно, что неизмѣнно пребываетъ. *Мнѣ же прилѣплятися Богови благо есть* (1); поелику ежели въ Немъ не пребуду, то и въ себѣ не возмогу. Онъ же Самъ въ Себѣ пребывая, вся обновляетъ. И Ты Господь Богъ мой еси, яко благихъ моихъ не требуеши (2).

ГЛАВА XII.

Все, что ни существуетъ, есть добро.

18. И уже явно мнѣ стало; понеже добро есть то, что тлѣетъ и повреждается, которое не могло бы повреждаться, ежели бы верьховное было добро; ниже, естьли бы не было добро, могло повреждаться; потому что естьли бы оно было верьховное добро, то бы нетлѣнное было; а естьли бы никакое добро не было, то бы въ немъ не было того, что бы могло тлѣть

и

(1) Псал. 72. 28. (2) Прем. 7. 27.

и повреждаться. Ибо тлѣніе повреждаетъ, которое естьли бы не умаляло добра, то бы и не вредило. И такъ или никакъ не повреждаетъ тлѣніе, что быть не можетъ, или что весьма справедливо, все, что повреждается и тлѣетъ, лишается добра. Естьли же что лишится всего добра, то уже совсѣмъ существовать не будетъ; ибо ежели будетъ существовать, да и тлѣть и повреждаться уже не можетъ, то оно лучшее будетъ, поелику нетлѣнное останется. И что чуднѣе, какъ сіе сказать, что вещь, лишившись всего добра, содѣлалася лучшею? И такъ ежели что всего добра лишится, то совсѣмъ будетъ ничто: слѣдовательно доколѣ что существуетъ, дотолѣ есть добро; и слѣдовательно все, что ни существуетъ, есть добро. И оное зло, котораго я искалъ начала, не есть существо; поелику ежели бы оно существо было, то бы добро было. Ибо оно или бы было существо нетлѣнное, что бы великое поистиннѣ было добро; или бы существо тлѣнное было, которое ежели бы не было доброе, не могло бы повреждаться и тлѣть. И такъ узрѣлъ я, и явно стало мнѣ, что Ты, Боже! все сотворилъ добро, и совсѣмъ нѣтъ никакихъ существъ, которыхъ бы Ты не сотворилъ. И понеже Ты не равное все сотворилъ, то по тому все существуетъ, поелику каждое есть добро, и купно вся добра зѣло; понеже

со-

сотворилъ еси, Боже нашъ! вся добра зѣло.

ГЛАВА XIII.

О томъ, что вся тварь хвалитъ Бога Творца своего.

19. И въ Тебѣ, Боже мой! совсѣмъ нѣтъ никакого зла; и не только въ Тебѣ, но и во всей твари Твоей, поелику нѣтъ ничего внѣшняго, что бы могло расторгнуть и разрушить устроенной Тобою порядокъ. Но въ частяхъ сея твари Твоея, поелику нѣкоторое съ нѣкоторымъ не сходствуетъ: то сіе зломъ почитается; и то же самое, ежели сходствуетъ съ другимъ, то и добро есть, и само въ себѣ добро. И все сіе, что одно съ другимъ между собою не сходствуетъ, сходствуетъ съ низшею вещей частію, которую мы называемъ землею, имѣющею свое небо облачное и бурное, которое сходствуетъ съ нею. И да не будетъ, дабы я уже сказалъ, что сего нѣтъ; поелику ежели бы я и сіе одно видѣлъ, то бы хотя и желалъ лучшаго, но однако и о единомъ семъ хвалить Тебя долженъ. Понеже хвалятъ *тебя отъ земли зміеве*, и *вся бездны, огнь, градъ, снѣгъ, голоть, духъ буренъ творящая слово Твое. Горы и вси холми, древа плодоносна, и вси кедри: звѣріе и вси скоти, гады и птицы пернаты: Царіе земстіи и вси лю-*

 діе;

діе, Князи, и вси судіи земстіи, юноши и дѣвы, старцы съ юнотами хвалятъ имя Твое (1). А когда и отъ небесъ Тебя хвалятъ, то *да восхвалятъ тебя, Боже нашъ! въ вышнихъ вси Ангели твои, вся силы твоя, солнце, и луна, вся звѣзды и свѣтъ, небеса, и вода, яже превыше небесъ, да восхвалятъ имя твое.* Уже я ничего не желалъ сего лучшаго, поелику о всемъ помышлялъ; и хотя лучшее есть вышшее, нежели низшее; но по здравому судилъ разсудку, что лучше есть купно все, нежели одно вышшее.

ГЛАВА XIV.

Здраваго ума человѣку нѣтъ ничего изъ тварей Божіихъ не пріятнаго.

20. Не имѣютъ здраваго разсудка тѣ, которымъ не пріятна бываетъ нѣкоторая тварь Твоя, какъ и я онаго не имѣлъ, когда мнѣ не пріятны были многія твари Твои. А поелику не дерзала душа моя, дабы ей не пріятенъ былъ Богъ мой: то она не почитала всего того Твоимъ, что ей было не пріятно. И отъ того начинала помышлять о двухъ существахъ, и не успокоевалася въ томъ, и чужое говорила. А отселѣ возвращаяся, дѣлала въ мысляхъ себѣ Бога, по безконечнымъ пространствамъ всѣхъ мѣстъ разліяннаго, и Его почитала Тобою,

(1) Псал. 148. 8.

Тобою, и полагала Его въ сердцѣ своемъ, и паки содѣлалася храмомъ идола своего, мерзостнаго Тебѣ. Но какъ Ты согрѣлъ главу не вѣдущаго, и закрылъ очи мои, еже не видѣти суеты: то я пришелъ нѣсколько во изступленіе, и усыпилося безуміе мое; и воссталъ о Тебѣ, и узрѣлъ Тебя безконечнаго инаковымъ образомъ, и видѣніе сіе не отъ плоти происходило.

ГЛАВА XV.

Какимъ образомъ истина и ложь находится въ тваряхъ.

21. И обратилъ я взоръ мой на другія вещи, и узрѣлъ, что оныя Тебѣ одолжены бытіемъ своимъ, и всѣ въ Тебѣ оканчиваются; но иначе, не такъ какъ бы въ нѣкоторомъ мѣстѣ; но понеже Ты вся содержиши дланію истинною, и вещи по толику истинны, поколику существуютъ; и нѣтъ никакой лжи, развѣ когда не сущее почитается за сущее. Узрѣлъ, говорю я, что не только всякая вещь приличествуетъ къ своимъ мѣстамъ, но и къ самымъ временамъ; и что Ты, которой единъ еси вѣчный, не по прошествіи безчисленныхъ временъ началъ дѣйствовать; поелику всѣ времена, и которыя прешли, и которыя прейдутъ, не прешли бы, и не наступили, ежели бы Ты не дѣйствовалъ и не пребывалъ.

ГЛАВА XVI.

Всѣ вещи суть добрыя, хотя нѣкоторымъ и не полезны быть кажутся.

22 И позналь, и испыталъ я, что сіе не удивительно, что не здравому вкусу казнію бываетъ хлѣбъ, которой здравому пріятенъ; также и очамъ больнымъ ненавистенъ свѣтъ, которой здравымъ весьма любезенъ. Такъ и правда Твоя не пріятна беззаконникамъ; понеже ехидна и червячокъ, которыхъ Ты сотворилъ добрыми, сходствуютъ съ низшими частями твари Твоея, съ которыми и сіи беззаконники сходствуютъ, чѣмъ не сходнѣе бываютъ съ Тобою; а сходствуютъ съ вышшими, чѣмъ подобнѣе бываютъ Тебѣ. И изслѣдовалъ я, что есть беззаконіе и не нашелъ существомъ его. Но оное есть отъ Тебя верховнаго Существа Бога отвърженная воля, въ бездну развращенности повергающая внутренность свою, и вонъ изъ самой себя выходящая.

ГЛАВА XVII.

О томъ, что его удерживало отъ познанія Божественныхъ вещей.

23 Удивлялся я сему, что уже любилъ Тебя, а не привидѣніе вмѣсто Тебя. И не по-

постояненъ былъ въ наслажденіи Богомъ моимъ, но восхищался къ Тебѣ красотою Твоею, и тотчасъ низвергался отъ Тебя моею тяжестію, и упадалъ на сіе съ воздыханіемъ; и тяжесть сія есть привычка плотская. Но всегда памятовалъ Тебя, и никакъ не сомнѣвался о бытіи того, съ кѣмъ я долженствовалъ соединиться, и что я не былъ еще такой, которой бы соединиться могъ. *Тѣло бо тлѣнное отягощаетъ душу, и обременяетъ земное жилище умъ многопопечителенъ* (1). И весьма увѣренъ былъ, что *невидимая твоя отъ созданія міра твореньми помышляема, видима суть, и присносущная сила и Божество Твое* (2). Ибо во изслѣдованіи по чему я хвалилъ красоту тѣлъ, или небесныхъ, или земныхъ, и что почиталъ за истинное, разсуждая о премѣняемыхъ вещахъ, и говоря: сему такъ быть должно, тому не такъ. И такъ въ семъ изслѣдованіи, по чему бы я могъ такъ разсуждать о семъ, когда такъ не основательно разсуждалъ, находилъ непреложную и истинную истины вѣчность свыше разума моего премѣннаго. И такъ постепенно отъ тѣлъ проходилъ до души, посредствомъ тѣла чувствующей, а оттуда приходилъ ко внутренней ея силѣ, которой чувство тѣлесное возвѣщаетъ все внѣшнее, и до-

(1) Прем. 9. 15. (2) Рим. 1. 20.

доколѣ могутъ звѣри; и оттуда паки къ умствующей ея силѣ, къ которой относится разсужденіе, происходящее въ душѣ посредствомъ чувствъ тѣлесныхъ, и которая, нашедъ себя перемѣнную во мнѣ, вознеслася къ разуму моему, и отвлекла помышленіе мое отъ привычки, удаляся отъ многихъ прекословныхъ привидѣній, дабы обрѣсти то, какимъ бы свѣтомъ она долженствовала озариться; поелику безъ всякаго сомнѣнія вопіяла, что неизмѣнное должно предпочитать измѣняемому; отсюда начинала познавать самое неизмѣнное, котораго ежели бы нѣкоторымъ образомъ не познавала, то бы оное извѣстному измѣняемому никакъ не предпочитала, и достигала до того, что находится въ мгновеніи трепещущаго взора. Тогда же я невидимая Твоя, твореньми помышляема, узрѣлъ, но разумъ свой туда углубить не могъ; и когда отъ того отражена была слабость моя, то я, возвратившись на прежнее, ничего съ собою не носилъ, какъ только память любящую, и какъ бы желающую того, что я только обонялъ, а вкушать еще не могъ.

ГЛАВА XVIII.

Единъ Христосъ путь ко спасенію.

24. И искалъ я пути къ полученію силы, по которой бы я могъ наслаждаться Тобою;

Тобою; и не находилъ онаго дотолѣ, доколѣ не объялъ любовію Ходатая Бога и человѣкъ человѣка Христа Іисуса, иже есть надъ всѣми Богъ благословенъ во вѣки, пребывающаго и глаголющаго: *Азъ есмь путь, истина и животъ* (1); и пищу, которую я вкушать не могъ, смѣшенную съ плотію; понеже Слово плоть бысть, дабы младенчеству нашему претворилася млекомъ премудрость Твоя, которою вся сотворилъ еси. Ибо я не зналъ еще Господа моего Іисуса Христа смиренный смиреннаго, и не вѣдалъ, чему насъ научала немощь Его, которую онъ принялъ на Себя. Слово бо Твое вѣчная истина, превосходящая вышшія твари Твоей части, покоренныхъ возставляетъ къ Себѣ, въ низшихъ же изъ бренія нашего естества устроила себѣ смиренный домъ, чрезъ которой, желая покаряемыхъ усмирить чрезъ самихъ себя, и привести къ себѣ, врачуя надмѣнность ихъ, и питая любовь, дабы они упованіемъ на себя далѣе не простиралися, но паче немоществовали, видя предъ ногами своими немощное Божество отъ общенія одежды нашея кожаныя, и утружденные падали на Него, а Оное бы востающее возстановляло ихъ.

---

(1) Іоан. 14. 6.

ГЛАВА XIX.

Что онъ мудрствовалъ о Христовомъ воплощенiи.

25. А я иное думалъ. И такъ умствовалъ о Господѣ Христѣ моемъ, какъ о мужѣ превосходнаго разума, съ которымъ бы никто не могъ сравниться, наипаче по тому, что Онъ, чудесно будучи рожденъ отъ Дѣвы во образъ презрѣнiя временныхъ вещей для прiобрѣтенiя безсмертiя Божественнымъ о насъ попеченiемъ, толь великую по видимому въ учительствѣ Своемъ заслужилъ важность. А какую тайну въ себѣ содержало, *Слово плоть бысть*, того я познать не могъ; только сiе знавалъ изъ тѣхъ писанiй, которыя о Немъ повѣствуютъ, что Онъ вкушалъ пищу, и пилъ, спалъ, ходилъ, радовался, печалился, разглагольствовалъ, и что не соединилася оная плоть съ словомъ Твоимъ, развѣ только съ душею и разумомъ человѣческимъ. Познаетъ сiе всякой знающiй непреложность слова Твоего, которую уже и я позналъ тогда, сколько могъ, и совсѣмъ ни о чемъ въ разсужденiи онаго не сомнѣвался; ибо то дѣйствовать тѣлесными членами по произволенiю, то не дѣйствовать; то нѣкоторою поражаться страстiю, то не поражаться; то гласными знаками произносить премудрыя мнѣнiя, то пребывать въ молчанiи, свойственно

но есть измѣненію души и разума. Ежели сіе ложно о Немъ написано, то и все должно бѣдствовать лжею, и въ оныхъ писаніяхъ никакого бы чрезъ вѣру спасенія не осталося человѣческому роду. И такъ понеже справедливо сіе о Немъ написано, то я во Христѣ признавалъ быть цѣлаго человѣка, не только тѣло человѣческое, или съ тѣломъ безъ разума духъ, но самаго человѣка; притомъ думалъ, что Онъ не по лицу истины, но по великому нѣкоторому человѣческаго естества превосходству и по совершеннѣйшему премудрости общенію всѣмъ прочимъ предпочитается. Алипій же такихъ былъ о семъ мыслей, якобы Католики вѣруютъ, что Богъ такъ облеченъ человѣческою плотію, что кромѣ Бога и плоти не было во Христѣ души; и почиталъ, что въ Немъ разума человѣческаго не было. И поелику онъ довольно увѣренъ былъ, что все то, что о Немъ глаголетъ Писаніе, не можетъ быть безъ животной и разумной твари: то къ принятію сей Христіанской вѣры не ревностно возбуждался. Но послѣ, какъ узналъ, что сіе заблужденіе есть еретиковъ Аполлинаристовъ (*), началъ сорадоваться и прилѣпляться къ

(*) Аполлинаристы еретики четвертаго вѣка, которыхъ начальникъ былъ Аполлинарій Пресвитеръ Лаодикійскія церкви. Они вѣрили, якобы Христосъ не имѣлъ души, но тѣло Его оживляемо было Словомъ Божіимъ; и якобы изъ Слова и тѣла сдѣлалося одно существо, такъ что слово

Каѳолической вѣрѣ. А я признаюся, что нѣсколько послѣ его познал сіе, каким образом въ том, что *Слово плоть бысть*, Каѳолическая истина от лжи Фотиновой различается (*). Поелику еретическое отверженіе то самое изъясняет, что мудрствует церковь Твоя, и что содержит здравое ученіе. Подобает бо и ересем быти, да искусніи явлени бывают въ немощных (1).

ГЛАВА XX.

От книг Платоновых Августин искуснѣйшим, но надменнѣйшим учинился.

46. Но тогда я по прочтеніи оных Платоновых книг, когда от них возбужден искать безтѣлесной истины, невидимая Твоя, твореньми помышляема, узрѣл; и отражен будучи, познал то, чего мнѣ мрак души моея не позволял видѣть, увѣрился, что Ты, Боже! и существу-

слово истинно страдало, и на крестѣ умерло; притом говорили, будто бы Христова плоть не от тѣла Дѣвы изткалася, но сошла съ небес, а самое вѣчнаго Слова существо преложилося въ тѣло.

(*) Фотин был Сирмскій Епископ, которой защищал, что Іисус не прежде, но въ тот день сдѣлался Христом, въ которой при Его крещеніи снизшел на Него Дух С. а собственное его заблужденіе было, якобы Бог есть измѣримый.

(1) Кор. 11. 19.

ствуеши, и безконеченъ еси, и однако по мѣстамъ конечнымъ, или безконечнымъ не разливаешися, и что Ты по истиннѣ всегда тойжде еси, никакъ и ни въ чемъ не премѣняешися; а что прочія всѣ вещи отъ Тебя сотворены, то я познавалъ изъ сего единаго неоспоримаго доказательства, поелику оныя существуютъ. Хотя я въ семъ и увѣрился, однако весьма немощенъ былъ наслаждаться Тобою. Суесловилъ, какъ бы искусный въ томъ; и ежели бы не искалъ во Христѣ Спасителѣ нашемъ пути Твоего: тобы не искусный, но паче погибающій былъ. Ибо уже начиналъ хотѣть, дабы другіе почитали меня мудрымъ; и исполненъ будучи наказанія своего, не только не рыдалъ о семъ, но и надмѣвался знаніемъ своимъ. И гдѣ была оная созидающая любовь, произходящая отъ начала смиренія, которое есть Христосъ Іисусъ? Или когда должны были оныя книги сей научить меня, которыя Ты мнѣ для того, думаю, прежде Твоего Писанія благоизволилъ читать, дабы начерталося сіе въ памяти моей, что я отъ чтенія ихъ въ сердцѣ моемъ чувствовалъ; и когда послѣ того въ книгахъ Твоихъ укрощенъ былъ, и когда попечительные Твои персты освязали раны моя, то бы разпознавалъ и различалъ между высокомѣрностію и исповѣданіемъ; между видящими, куда надлежитъ шествовать, и не видящими, какъ должно; и между путемъ, ведущимъ къ

блаженному отечеству не только для созерцанія онаго, но и для обитанія въ немъ. Ибо ежели бы я прежде увоенъ былъ сладостію изъ книгъ Твоихъ, и Ты бы мнѣ въ чтеніи оныхъ усладился, а послѣ бы попались мнѣ оныя Платоновы книги: то бы можетъ быть оныя или отторгнули меня отъ твердости благочестія, или ежели бы я утвердился въ спасительномъ намѣреніи, которое уже предпринималъ, возмнилъ, что и изъ оныхъ книгъ оное можно зачать, ежели кто симъ единымъ изучился.

ГЛАВА XXI.

Что онъ въ священныхъ книгахъ нашелъ, того не найдено въ Платоновыхъ.

27. И такъ я съ величайшимъ желаніемъ принялся за достопочтенной слогъ духа Твоего, а наипаче за посланія Апостола Павла, и погибли оные вопросы, въ которыхъ онъ нѣкогда казался мнѣ самъ себѣ противорѣчущимъ, а тексты рѣчи его несогласными со свидѣтельствами закона и Пророковъ. И открылися мнѣ непорочныя слова его въ одинаковомъ видѣ, и изъ того научился я радоваться съ трепетомъ. И началъ въ нихъ искать, и обрѣлъ, что все то, что я истиннаго ни читалъ въ Платоновыхъ книгахъ, тамъ при помощи благодати Твоея объявляется, да кто видитъ, не тако хвалится, яко не пріялъ; не токмо то,

то, что видитъ, но и да видитъ. Что же имать, егоже нѣсть пріялъ (1)? И, тебя, иже еси всегда тойжде, не только да научается видѣть, но и да врачуется, что бы могъ познавать. А кто издалеча не можетъ Тебя видѣть, тотъ долженъ тѣмъ путемъ шествовать, по которому бы могъ притти къ Тебѣ, и увидѣть и познать Тебя (2). Ибо хотя и соуслаждается человѣкъ закону Б жію по внутреннему человѣку, что же сотворитъ о иномъ законѣ, во удѣхъ его противувоюющемъ закону ума его, и плѣняющемъ его закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ его (3)? Яко праведенъ еси, Господи! мы же согрѣшихомъ, беззаконновахомъ, не правдовахомъ, и отяготѣ на насъ рука Твоя, и праведно преданы есмы древнему грѣшнику, начальнику смерти, яко наусти волю нашу подобію воли своея, которою онъ не устоялъ въ твоей истинѣ. Что сотворитъ бѣдный человѣкъ? Кто его избавитъ отъ тѣла смерти сея (4), развѣ благодать Твоя о Іисусѣ Христѣ Господѣ нашемъ, котораго Ты родилъ совѣчнаго Себѣ, и стяжалъ въ началѣ путей Твоихъ, въ немъ же Князь міра сего не обрѣлъ ничего смерти достойнаго, умертвилъ Его, и изгладилося рукописаніе, которое было намъ противное? Сего не содер-

(1) Кор. 4. 7. (2) Рим. 7. 22. (3) Дан. 3. 29.
(4) Рим. 7. 24.

держатъ въ себѣ Платоновы книги, не имѣютъ оныя страницы вида сего благочестія, т. е. слезъ исповѣданія, жертвы Твоей, духа сокрушеннаго, сердца сокрушеннаго и смиреннаго, людей спасенія, невѣсты, града, залога Духа Святаго, чаши цѣны нашея. Никто тамъ не воспѣваетъ: *Не Богу ли повинется душа моя? Отъ того бо спасеніе мое. Ибо той Богъ мой, и Спасъ мой, заступникъ мой, не подвижуся наипаче* (1). Никто тамъ не слышитъ призывающаго: *Пріидите ко мнѣ вси труждающіися* (2). И не удостоеваются тамъ научиться отъ того, которой кротокъ есть и смиренъ сердцемъ. *Яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ.* (3) Иное, говорю, есть съ холму дубравнаго взирать на отечество мира, и не обрѣтать пути къ оному, и всуе стараться итти по стремнинамъ, когда окрестъ облежатъ и разставляютъ коварныя сѣти бѣглые измѣнники съ Княземъ своимъ львомъ и зміемъ; а иное держаться пути того, которой ведетъ къ сему блаженному отечеству, и которой ограждается защитою небеснаго Вождя, гдѣ уже не грабительствуютъ оставившіе войну небесную; бѣгаютъ бо онаго яко мученія. Сіе вселялося дивнымъ образомъ во внутренность мою, когда я чи-

(1) Псал. 61, 1. (2) Матѳ. 11. 18. (3) Матѳ. 11. 25.

читалъ меньшаго изъ Апостоловъ Твоихъ, и разсуждалъ о дѣлахъ Твоихъ; и ужасался.

КНИГА ОСЬМАЯ.

Гдѣ описываетъ знаменитѣйшую часть жизни своея, т. е. тридесять вторый годъ отъ рожденія своего, въ которой у Симплиціана требовалъ совѣта о начатіи лучшей жизни, и слышалъ отъ него о обращеніи Викторина въ Христіянскую вѣру. И когда изъ повѣствованія Понтиціанова познал житіе Антонія, Египетскаго монаха, тю по жестокой войнѣ, бывшей въ немъ между плотію и духомъ, началъ по внушенію небеснаго гласа читать и разсматривать книгу Апостола Павла, и тотчасъ отъ чтенія оной на лучшее всею душею своею перемѣнился, и совершенно обратился къ Богу, и крестился.

ГЛАВА I.

Желая начать лучшую жизнь, къ Симплиціану итти опредѣлилъ.

1. Боже мой! да воспомяну во благодареніи Тебѣ, и исповѣмъ щедроты Твоя, на мнѣ бывшія. Да обліются кости моя любленіемъ Твоимъ, и рекутъ: Господи! кто

кто подобенъ Тебѣ? Ты расторглъ еси узы моя, азъ пожру Тебѣ жертву хвалы. А какъ Ты расторглъ оныя, повѣмъ нынѣ, и рекутъ вси покланяющіеся Тебѣ, когда услышатъ сіе: благословенъ Господь на небеси и на земли, веліе и дивное имя Его. Прилипали къ сердцу моему слова Твои, и я отвсюду ограждаемъ былъ отъ Тебя. Уже увѣренъ былъ о вѣчной жизни Твоей, хотя на оную въ гаданіи, и якоже зерцаломъ взиралъ. Однако все изчезло во мнѣ сомнѣніе о нетлѣнномъ существѣ, которое произвело всякое существо; и я не извѣстнѣе о Тебѣ, но неподвижнѣе въ Тебѣ быть желалъ. Но въ разсужденіи моей временной жизни о всемъ я сомнѣвался и колебался, и долженствовалъ очистить сердце мое отъ кваса ветхаго, и пріятенъ мнѣ былъ путь самъ Спаситель; но по его прискорбностямъ еще скучно было шествовать. И ты, Боже! влілъ сіе въ мысль мою, и я почелъ за благое итти къ Симплиціану, который мнѣ являлся благимъ рабомъ Твоимъ, и блистала въ немъ благодать Твоя, и притомъ слышалъ, что онъ отъ самой юности своей весьма благочестно и свято жилъ Тебѣ; а тогда уже состарѣвался, и по долговременности жизни своей, которую онъ продолжалъ въ толь благой къ Тебѣ ревности и въ шествованіи путемъ Твоимъ, многоискуснымъ и многоученымъ мнѣ казался; да и въ самомъ дѣлѣ таковый былъ. Почему я желалъ, дабы сей человѣкъ,

вѣкъ, когда открою ему въ словахъ всѣ волненія мои, объявилъ мнѣ, въ толь безпокойномъ и мучительномъ состояніи тогда находящемуся, удобный способъ къ шествованію путемъ Твоимъ.

2. Понеже я видѣлъ полную людей церковь Твою, въ которую одинъ такъ шелъ, а другой иначе. А мнѣ уже не пріятно сіе было, что я жилъ въ мірѣ, и несноснѣйшимъ бременемъ для меня служило удаленіе отъ церкви Твоея, когда уже по прежнему не подстрекали меня пожеланія честей и богатства сносить оное толь тяжкое рабство. Ибо сіе уже не увеселяло меня, кромѣ сладости Твоея и благолѣпія дому Твоего, (1) которое я возлюбилъ; но однако еще связуемъ былъ отъ жены крѣпчайшими узами; да и Апостолъ не возпрещалъ мнѣ вступить въ супружество, хотя и поощрялъ къ лучшему, наипаче желая всѣмъ человѣкомъ быть таковыми, каковый самъ былъ (2). Но я немощнѣйшій избиралъ мягчайшее мѣсто, и для сего единаго валялся въ прочемъ, будучи разслабленъ и изтощенъ отъ безплодныхъ попеченій; понеже и въ другихъ вещахъ, которыхъ не хотѣлъ никакъ терпѣть, принуждаемъ былъ согласиться на супружественную жизнь, къ которой плотская страсть меня привязывала. Слышалъ я отъ устъ истины Твоея, Боже! что *суть скопцы, иже исказиша*

(1) Псал. 25. 8. (2) 1. Кор. 7. 7.

сами себе царствія ради небеснаго (1). Но *могій*, говоритъ, *вмѣстити, да вмѣститъ. Суетни поистинѣ еси человѣцы, въ нихъ же обрѣтается невѣденіе о Бозѣ, и отъ видимыхъ благъ не возмогоша уразумѣти сущаго* (2). Но я уже не былъ въ оной суетѣ, проходилъ ее, и посредствомъ всей твари Твоей, которая о Тебѣ всюду сосвидѣтельствуетъ, обрѣталъ Тебя, Боже! Творца нашего, и Слово Твое у Тебе Бога, и съ Тобою и со Духомъ Святымъ единаго Бога, имъ же сотворилъ еси всяческая (3). Есть и другой родъ нечестивыхъ, которые познавая Бога, не яко Бога прославиша, или благодариша (4). И сему то я попался; но десница твоя, Боже! возпріяла меня, и Ты оттуда меня изхитивши, положилъ еси на мѣстѣ возставленія моего, яко реклъ еси человѣку: *Се благочестіе есть премудрость* (5), и *не буди мудръ о себѣ* (6); ибо *глаголющеся быти мудри объюродѣша* (7). И обрѣталъ я уже добрый бисеръ, и продавъ вся, елика имѣлъ, долженъ былъ купить его, но сомнѣвался (8).

ГЛАВА II.

О Викторинѣ Реторѣ, обратившемся въ Христіянскую вѣру.

3. Почему я пришелъ къ Симплиціану, которой былъ отцемъ Амвросію, тогда уже Еписко-

(1) Матѳ. 19. 12. (2) Прем. 13. 1. (3) Іоан. 1. 1. (4) Рим. 1. 21. (5) Іов. 28. 28. (6) Прит. 3. 7. (7) Рим. 1. 22. (8) Матѳ. 13, 46.

Епископу въ пріятіи благодати Твоея, и котораго поистиннѣ яко отца любилъ оный Архіерей, разсказалъ ему окрестности заблужденія моего. А когда я упомянулъ о томъ, что читалъ нѣкоторыя Платоновы книги, которыя Викторинъ, Римской Реторъ, которой, какъ я слышалъ, умеръ Христіяниномъ, перевелъ нѣкогда на Латинской языкъ: то Симплиціанъ радостно поздравилъ меня, что мнѣ не другихъ какихъ либо Философовъ писанія попалися въ руки, наполненныя лжами и обманами по стихіямъ міра сего; а въ Платоновыхъ книгахъ всячески предлагается и внушается о Богѣ и Его Словѣ. По томъ для большаго поощренія моего къ смиренномудрію Христову, отъ премудрыхъ утаенному, и открытому младенцемъ, упомянулъ и онъ о семъ Викторинѣ, котораго, будучи въ Римѣ, весьма довольно зналъ; и что о семъ онъ повѣдалъ мнѣ, не прейду того молчаніемъ. Ибо благодать Твоя и чрезъ сіе весьма прославляется въ хвалѣ, Тебѣ исповѣдуемой, какимъ образомъ оный ученнѣйшій старецъ, и во всѣхъ свободныхъ наукахъ искуснѣйшій, (поелику онъ толь многія Философскія книги читалъ, и тщательно разсматривалъ и изъяснялъ), которой бы толь многихъ знаменитыхъ Сенаторовъ учителемъ, и которой въ знакъ превосходнаго своего учительства, почитаемаго отъ гражданъ вѣка сего изящнымъ, заслужилъ и получилъ себѣ статую на Римскомъ торжи-

 щѣ,

щѣ, даже до того времени былъ идолопоклонникъ и проклятыхъ святотатцевъ сообщникъ, чѣмъ тогда почти все Римское благородство будучи заражено, заблуждало какъ и простой народъ, почитая за боговъ различныя чудовища и Анубія лаятеля (*), которыя нѣкогда противъ Нептуна, и Венеры и Минервы вооружалися, побѣдившимъ Римъ возсылалъ молитвы. Которыхъ сей старецъ Викторинъ чрезъ толико лѣтъ весьма ревностно защищалъ, не устыдился наконецъ быть отрокомъ Христа Твоего и младенцемъ источника Твоего, покоривъ выю свою подъ иго смиренія, и усмиривъ себя ради поношенія Креста.

4. О Господи, Господи, приклонивый небеса и снизшедый, коснувыйся горамъ, и воздымѣлись! какимъ образомъ Ты вселился въ сердце его? Онъ читалъ, какъ говорилъ Симплиціанъ, Святое Писаніе, и весьма внимательно разсматривалъ, и испытывалъ всѣ Христіянскія ученія, и говорилъ Симплиціану не явно, но тайно и дружески: "Ты узнаешь, что я уже Христіянинъ. „И отвѣтствовалъ онъ: „Не повѣрю, и не буду „считать тебя въ числѣ Христіянъ, ежели „не увижу Тебя въ церквѣ Христовой.„ Онъ же усклабляяся сказалъ: такъ стѣны дѣлаютъ Христіянами? И сіе часто говорилъ, что онъ уже Христіянинъ; а Симплиціанъ оное

(*) Анубій есть Египетскій песъ, во образѣ котораго язычники почитали Меркурія, и приносили ему жертвы.

оное часто отвѣтствовалъ, и часто отъ него посмѣяніе надъ стѣнами повторяемо было. Ибо онъ опасался оскорбить друзей своихъ, гордыхъ бѣсочтителей; поелику думалъ, что ихъ жестокія падутъ на него вражды съ высоты Вавилонскаго достоинства, яко съ кедровъ Ливанскихъ, которыя еще не стерлъ Господь. Но какъ, читая Святое Писаніе, и возгараяся къ Тебѣ, Боже! любовію, возчувствовалъ крѣпость въ силахъ: то и устрашился отрещися Христа предъ Ангелами святыми, когда страшился исповѣдывать Его предъ человѣками, и призналъ себя повиннымъ въ великомъ преступленіи, стыдяся того, чему онъ научился отъ таинствъ слова Твоего, и не стыдяся того, что принялъ отъ законопреступныхъ святотатцевъ, гордыхъ демоновъ, бывши гордый имъ подражатель, не устыдился суетности, а постыдился истины; почему вдругъ и нечаянно сказалъ Симплиціану, какъ самъ онъ обьявлялъ: пойдемъ въ церковь, я хощу быть Христіяниномъ. Но Симплиціанъ не плѣняяся сею радостію, пошелъ съ нимъ. А какъ обучался первымъ началамъ Христіянскаго закона и таинствамъ: то, не много спустя, и въ число Христіянъ записался для отрожденія своего чрезъ крещеніе при удивленіи всего Рима, и при торжественномъ радованіи церкви. Видѣли сіе гордые, и гнѣвалися, и скрежетали на него зубами своими, и истаевали

вали злостію; рабу же Твоему Господь Богъ былъ упованіе его, и уже не призиралъ онъ въ суеты и неистовленія ложная (1).

5. Наконецъ какъ насталъ часъ исповѣданія вѣры, которую желающіе приступить къ благодати Твоей, въ Римѣ обыкновенно съ возвышеннаго мѣста предъ лицемъ всего правовѣрнаго народа провозглашаютъ нѣкоторыми извѣстными словами: то говорилъ Симплиціанъ, что отъ пресвитеровъ позволено Викторину оное провозгласить сокровеннѣе, какъ то нѣкоторымъ сіе дѣлать обыкновенно позволяли, которые по видимому отъ стыдливости своей имѣли приходить въ трепетъ; но онъ пожелалъ спасеніе свое исповѣдать предъ лицемъ святаго многолюдства. Ибо не было спасенія въ Реторикѣ, которой онъ училъ, и однако оную всенародно преподавалъ: такъ кольми паче не долженъ былъ опасаться кроткаго Твоего стада, провѣщавая слово Твое, когда не опасался въ своихъ словахъ, множества неистовыхъ. И такъ когда онъ взошелъ на означенное мѣсто, дабы предъ всѣми исповѣдать и провозгласить вѣру свою: то всѣ, которые знали его, огласили имя его шумомъ радованія. Да и кто тамъ не зналъ его? И вдругъ возгремѣлъ изъ устъ всѣхъ ему сорадующихся сей гласъ: Викторинъ! Викторинъ! Скоро возгремѣли гласомъ радованія; поелику видѣли его

(1) Псал. 39 5.

его уже возшедшаго, и скоро умолкли вниманіемъ, желая слышать его. Онъ провозгласилъ истинную вѣру съ крѣпкимъ упованіемъ, и потому всѣ хотѣли его возхитить внутрь себя, т. е. въ сердце свое; да и возхищали любовію и радостію. Сіе были руки похищающихъ.

ГЛАВА III.

О томъ, что Богъ и Ангели паче радуются о обращеніи грѣшниковъ.

6. Всеблагій Боже! отъ чего сіе происходитъ въ человѣкѣ, что онъ паче радуется о спасеніи души отчаянной и избавленной отъ вящшей нѣкоторой погибели, нежели естьли бы она всегда имѣла на Тебя надежду, или меньшей подвержена была погибели? Ибо и Ты, милосердый Отче! паче радуешся о единомъ грѣшницѣ кающемся, нежели о девятидесятихъ и девяти праведникъ, иже не требуютъ покаянія (1). И мы съ великою радостію слушаемъ, когда слышимъ сіе въ Писаніи Твоемъ: коль много радуются Ангели, когда на рамена пастыря воспріемлется погибшая овца, и когда полагается драхма въ сокровища Твои! колико сорадуются сосѣды женѣ, обрѣтшей оную! И исторгаетъ слезы радость празднованія дому Твоего, когда читается въ дому твоемъ о меньшемъ сынѣ

(1) Лук. 15. 7.

нѣ Твоемъ: *Яко мертвъ бѣ, и оживе, изгиблъ бѣ, и обрѣтеся* (1). Понеже и Ты радуешися въ насъ и во Ангелахъ Твоихъ святою любовію святыхъ. Ибо Ты всегда еси тойжде, когда тѣ вещи, которыя не всегда и не одинаково существуютъ, одинаковымъ образомъ всегда познаеши.

7. Отъ чего убо сіе произходитъ въ душѣ, что она больше услаждается и увеселяется обрѣтенными и возвращенными вещами, которыя любитъ, нежели естьли бы оныя всегда имѣла? Сосвидѣтельствуетъ о семъ и прочее, и все наполнено свидѣтельствами, сіе подтверждающими, и вопіющими тако: Торжествуетъ побѣдитель Полководецъ; и не одержалъ бы надъ непріятелемъ побѣды, ежели бы съ нимъ не сражался; и чѣмъ большая опасность предлежала на сраженіи, тѣмъ большая радость царствуетъ въ торжествованіи. Морская буря колеблетъ плавающихъ, и угрожаетъ кораблекрушеніемъ; всѣ тамъ находящіеся ужасаются будущей смерти, утишаются небо и море, и радуются зѣло, поелику весьма устрашилися. Больный есть любезенъ, а жила его предвѣщаетъ зло; всѣ желающіе его видѣть здравымъ, болѣзнуютъ купно съ нимъ духомъ; дѣлается ему легче; и хотя еще слабо и не по прежнему ходитъ, но уже таковая во всѣхъ бываетъ радость, каковой не было и тогда, когда онъ

(1) Лук. 15. 32.

онъ здравъ былъ, и мужественно ходилъ. И сіи самыя жизни человѣческой удовольствія почерпаютъ смертные не посредствомъ нечаянныхъ и сверьхъ желанія случающихся скукъ, но учрежденныхъ и произвольныхъ. Нѣтъ никакого удовольствія отъ пищи и питія, ежели не будетъ предшествовать алчбы и жажды скука. И потому піяницы ядятъ нѣчто соленое, дабы чрезъ то произвести въ себѣ скучный жаръ, которой когда погашаетъ піянство, тогда они чувствуютъ въ себѣ удовольствіе и услажденіе. И для того учреждено въ обществахъ человѣческихъ, сговоренныхъ уже невѣстъ выдавать не въ самой скорости, дабы мужъ, получивши себѣ невѣсту, не сталъ ее презирать, о которой онъ не воздыхалъ, будучи женихомъ, яко удаленной отъ супружества.

8. Сія радость бываетъ въ гнусномъ и мерзостномъ удовольствіи, сія въ позволенномъ и позволительномъ, сія въ самой честности истиннѣйшаго дружества, сія въ томъ, иже мертвъ бѣ, и оживе, изгиблъ бѣ, и обрѣтеся; вездѣ и всегда большую радость большая предваряетъ скука. Что есть сіе, Господи Боже мой! хотя Ты Самъ Себѣ вѣчная еси радость, но нѣчто о Тебѣ и окрестъ Тебя присно радуется? Что есть сіе, что сія часть вещей перемѣняетъ недостатокъ въ успѣхъ, озлобленія въ примиренія? Или таковое свойство ихъ, и

столько Ты даровалъ имъ; поелику Ты, Боже, премудрый Правителю вселенныя! отъ превыспреннихъ небесъ даже до преисподнихъ земли, отъ начала до конецъ вѣковъ, отъ Ангела даже до червячка, отъ перваго движенія даже до послѣдняго всѣ роды благъ, и всѣ праведныя дѣла Твои по своимъ каждое мѣстамъ расположилъ, и въ свои времена каждое сотворилъ? Увы мнѣ бѣдному! колъ Ты высокъ еси въ высокихъ, и глубокъ въ глубокихъ, и никогда и никуда не отступаеши, но мы едва возвращаемся къ Тебѣ!

ГЛАВА IV.

Для чего должно больше радоваться о обращеніи благородныхъ.

9. Содѣлай, Господи! и сотвори; возбуди и воззови насъ; воспламени и возхити; возгорися и усладися намъ, дабы мы возлюбили Тебя, и притекли въ объятія Твои. Не многіе ли изъ глубочайшаго ада слѣпоты, какъ и Викторинъ, къ Тебѣ обращаются и приступаютъ, и просвѣщаются, пріемля свѣтъ Твой? *Егоже елицы пріемлютъ, получаютъ отъ Тебе область чадомъ Твоимъ быти* (1). Но ежели приходящіе къ Тебѣ мало извѣстны народу, то меньше о обращеніи ихъ радуются и самые тѣ, которые ихъ знаютъ; ибо когда со многи-

(1) Іоан. 1. 12.

многими радуются, то и въ каждомъ человѣкѣ обильнѣйшая раждается радость; поелику къ оной другъ отъ друга возбуждаются и воспламеняются. Наконецъ по тому, что многимъ извѣстные къ Тебѣ обращающіеся многимъ служатъ примѣромъ ко спасенію, и многимъ предшествуютъ послѣдователямъ; и для того много о тѣхъ, и о сихъ, которые предшествуютъ, другіе радуются; поелику не о единыхъ радуются. Но да не будетъ сіе, якобы въ жилище Твое паче убогихъ пріемлются богатые, или паче худородныхъ благородные; когда Ты паче *немощная міра избралъ, да посрамиши крѣпкая; и худородная сего міра избралъ и уничиженная и не сущая, да упраздниши сущая* (1). И однако той самый мній Апостоловъ Твоихъ, котораго языкомъ Ты сіи слова возгласилъ (когда Павелъ, будучи Анѳипатомъ, побѣдивши силою его гордость, покоренъ былъ подъ легкое иго Христа Твоего); той самый, говорю, учинившись вельможею великаго Царя, изъ прежняго Савла Павломъ преимяноваться вожжелалъ въ знакъ толь великія побѣды. Ибо больше непріятель побѣждается отъ того, котораго больше знаетъ, и чрезъ котораго множайшихъ знаетъ, гордыхъ же больше знаетъ по имени благородства, а чрезъ сихъ множайшихъ по имени важности. И такъ коль пріятнѣе помыш-

(1) 1. Кор. 1. 28.

мышляемо и разсуждаемо было сердце Викториново, которымъ яко непобѣдимымъ обиталищемъ владѣлъ діяволъ; и языкъ Викториновъ, которою великою и изощренною стрѣлою онъ многихъ погублялъ; тѣмъ болѣе и болѣе надлежало радоватися сынамъ Твоимъ, поелику Царь нашъ связалъ крѣпкаго, и поелику они видѣли, что сосуды его разхищенные очищаются и устрояются въ честь Твою, и уготовляются владыцѣ на всякое дѣло благое.

ГЛАВА V.

Что Августина удерживало отъ обращенія въ Христіянскую вѣру.

10. Но какъ мнѣ, Боже, человѣкъ Твой Симплиціанъ о Викторинѣ объявилъ сіе, то я великимъ желаніемъ возжегся подражать тому; ибо для сего онъ наипаче и разсказывалъ мнѣ. А когда присовокупилъ и то, что во время Императора Іуліана даннымъ закономъ запрещено было Христіянамъ учить наукамъ и краснорѣчію, сей законъ Викторинъ объявши, возжелалъ паче оставить велерѣчивую школу, нежели слово Твое, которымъ Ты языки младенцемъ твориши ясны (1): то онъ мнѣ не столько мужественнѣйшимъ, сколько блаженнѣйшимъ показался; поелику нашелъ удобный случай тещися о Тебѣ. О семъ его благѣ я воздыхалъ, око-

1) Прем. 10. 1.

окованЪ желѢзными узами; не чуждыми, но своею желѢзною волею. ХотѢніе мое зналЪ врагЪ, и изЪ онаго мнѢ оковы дѢлалЪ, и связывалЪ оными; понеже отЪ развращенной воли родилася во мнѢ похоть. И когда я раболѢпствовалЪ похоти, то снискалЪ кЪ тому привычку. А когда не противоборствовалЪ привычкѢ, сдѢлалася уже отЪ того нужда. Сими какЪ бы кольцами, между собою сплетенными (откуда я называлЪ оковы) меня связаннаго содержало жестокое рабство. Новая же воля, которая во мнѢ быть начинала, дабы мнѢ добровольно любить Тебя, почитать и желать, наслаждаться Тобою, Боже! единая истинная сладость не довольна была еще преодолѢть первую вЪ древности закоснѢлую. Почему двѢ воли мои; одна древняя, другая новая; оная плотская, сія духовная, во мнѢ единомЪ между собою сражалися, и несогласіемЪ своимЪ разточали душу мою.

11. ТакимЪ образомЪ я дознавалЪ то на себѢ самомЪ опытомЪ, что читалЪ вЪ Писаніи, како *плоть похотствуетЪ на духЪ, и духЪ на плоть* (1) Я хотя и вЪ томЪ и вЪ другомЪ похотствовалЪ, но больше вЪ томЪ, что я вЪ себѢ похвалялЪ, нежели вЪ томЪ, что охуждалЪ вЪ себѢ. Ибо тамЪ больше уже не я; поелику по большой части терпѢлЪ то по принужденію, нежели что дѢлалЪ по моему хотѢнію. Но однако при-

(1) Гал. 5. 17.

привычка отъ меня самаго содѣлалася противъ меня большею воительницею; понеже я туда стремился хотящій, куда долженствовалъ не хотѣть. И кто бы могъ по праву прекословить, когда бы согрѣшающаго постигала праведная казнь? И я не имѣлъ уже никакого извиненія, по которому обыкновенно мнѣ казалося, якобы для того еще, презрѣвши вѣкъ сей, не служу Тебѣ, поелику я не совершенное еще имѣлъ понятіе о истинѣ; ибо уже и самая истина была мнѣ извѣстна. А я еще, будучи обязанъ куплями житейскими, отрицался быть Твоимъ воиномъ; и потому столько боялся освободиться отъ всѣхъ препятствій, сколько надлежало бояться, чтобы не имѣть ихъ.

12. Тако я бременемъ житейскимъ, какъ бы обыкновенно сномъ сладостно отягчался, и помышленія мои, когда я разсуждалъ о Тебѣ, Боже! подобны были усиліямъ востать хотящихъ, которые однако, будучи побѣждены сномъ, паки въ глубокой сонъ погружаются. И какъ нѣтъ никого изъ смертныхъ, кто бы всегда спать хотѣлъ, да и по здравому всѣхъ разсужденію гораздо лучше бодрствовать; однако человѣкъ по большой части не хощетъ тогда востать отъ сна, когда тяжкое разслабленіе чувствуетъ въ членахъ своихъ, и оной уже себѣ непріятной избираетъ охотнѣе, хотя бы и наступало время вставать; и потому я

увѣ-

увѣренъ былъ, что лучше мнѣ Твоей любви предаваться, нежели уступать моему пожеланію. Но оное пріятно мнѣ было и убѣждало; сіе было угодно, и оковы на меня налагало. Ибо я не зналъ, что Тебѣ отвѣтствовать, сіе ко мнѣ вопіющему: *Востани спяй, и воскресни отъ мертвыхъ, и освятитъ тя Христосъ* (1); и отвсюду показующему, что Ты истину глаголеши, совсѣмъ не зналъ ничего Тебѣ отвѣтствовать, будучи убѣжденъ истиною, кромѣ сихъ тихихъ и сномъ отягченныхъ словъ: только, вотъ только, оставь немножко (*). Но только и только не имѣли мѣры; и оставь немножко, на долгое простиралося. Всуе я соуслаждался закону Твоему по внутреннему человѣку, когда инъ законъ во удѣхъ моихъ противу воевалъ закону ума моего, и плѣнялъ меня закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ моихъ (2). Законъ бо грѣховный есть насиліе привычки, отъ которой влачимъ и одержимъ бываетъ и по неволѣ духъ за ту его услугу, что онъ въ нее охотно впадаетъ: окаяннаго убо меня кто избавитъ отъ тѣла смерти сея, развѣ благодать Твоя о Іисусѣ Христѣ Господѣ нашемъ?

ГЛА-

---

(1) Ефес. 5. 14.

(*) Сіи слова обыкновенно произносятъ предавшіеся сну. И здѣсь В. Августинъ уподобляетъ себя онымъ.

(2) Рим. 7. 22.

ГЛАВА VI.

Понтиціанъ разсказываетъ житіе Антонія.

13. Но какимъ образомъ и какъ Ты исхитилъ меня отъ узъ вожделѣнія плотскаго, которыми я весьма крѣпко связуемъ былъ, и отъ житейскихъ куплей рабства, сіе повѣмъ нынѣ, и исповѣмъ имени Твоему, Господи, помощниче мой, избавителю мой! Я упражнялся въ обыкновенныхъ дѣлахъ своихъ, когда уже усугублялася во мнѣ печаль и уныніе, и повсядневно воздыхалъ Тебѣ, учащалъ въ церковь Твою, когда оставалося мнѣ праздное время отъ тѣхъ дѣлъ, подъ тяжестію которыхъ бѣдственно я стеналъ. Со мною былъ и Алипій, праздный отъ должности правоискусниковъ по третичномъ своемъ засѣданіи, ожидая случая, дабы паки продавать другимъ совѣты свои, какъ и я продавалъ краснорѣчіе, ежели какое уча оказать можно. А Небридій отступалъ отъ дружества нашего, дабы быть учителемъ искреннѣйшему всѣхъ насъ другу Верекунду, Медіоланскому гражданину Грамматику, которой весьма желалъ, и по праву дружества требовалъ изъ числа нашего надежной себѣ помощи, въ которой имѣлъ великую нужду. И такъ Небридія не корыстолюбіе туда влекло; ибо онъ большіе бы могъ получить прибытки, ежели бы возхо-

хотѣлъ помышлять о наукахъ; но по долгу взаимной между нами любви не восхотѣлъ презрѣть нашего о томъ прошенія, будучи сладчайшій и любезнѣйшій нашъ другъ. А сіе онъ дѣлалъ весьма благоразумно, опасаяся быть извѣстенъ особамъ, по сему вѣку сильнѣйшимъ, избѣгая въ нихъ всякаго безпокойствія духа, которой онъ хотѣлъ имѣть свободнымъ, и по возможности своей во многіе часы праздным для взысканія чего либо, или для чтенія, или для слышанія чего либо о мудрости.

14. И такъ въ нѣкоторой день, не памятую причины отсутствія Небридіева, пришелъ въ нашъ домъ ко мнѣ и Алипію Понтиціанъ, одинъ гражданинъ нашъ, яко Африканецъ, знаменитый при дворѣ Царскомъ, не знаю за какимъ-то дѣломъ; и сѣли мы для взаимнаго между собою разглагольствія, и по случаю на столѣ игральномъ, предъ нами стоявшемъ, увидѣлъ Понтиціанъ книгу, взялъ, открылъ, нашелъ Апостола Павла нечаянно поистиннѣ; ибо онъ думалъ, что оная есть изъ тѣхъ книгъ, въ которыхъ я по должности учительской упражнялся; а по томъ осклабляяся, и на меня взирая, подивился, поздравляя меня, что онъ сіи единыя писанія предъ глазами моими нашелъ нечаянно. Понеже онъ тогда Христіаниномъ и вѣрнымъ былъ, и нерѣдко уже предъ Тобою Богомъ нашимъ повергался въ церкви въ частыхъ и долго-

 времен-

временнныхъ своихъ молитвахъ: которому когда я объявилъ, что объ оныхъ писаніяхъ величайшее имѣю попеченіе и заботливость, то онъ началъ намъ разсказывать о Антоніи, Египетскомъ монахѣ, котораго имя весьма тогда гремѣло между рабами Твоими, а намъ до того времени было оное не извѣстно. Что онъ узнавши, остановился при оной рѣчи, чрезъ то внушая намъ, коль великаго мы не знаемъ мужа, и удивлялся сему нашему невѣденію. А мы приходили въ изумленіе, слыша въ толь свѣжей памяти, и почти въ наши времена предивныя чудеса Твои, являющіяся въ вѣрѣ правой и въ Каѳолической церкви. Всѣ тогда удивлялися, какъ мы, поелику оныя толь были великія, такъ и онъ, поелику мы не знали, и не слыхали объ нихъ.

15. Отсюда Понтиціанъ обратилъ рѣчь къ общежительствамъ монастырскимъ и нравамъ благоуханія Твоего, и ко многимъ пустынножительствамъ, которыхъ мы никакъ не знали. И находился одинъ въ Медіоланѣ монастырь, исполненный благихъ братій, за градскими стѣнами подъ покровительствомъ Амвросія; а мы того не вѣдали. Продолжалъ онъ рѣчь свою, и говорилъ еще, а мы, внимая ему, молчали; почему пришло ему на мысль сказать и о семъ, что не извѣстно, въ какое-то время онъ и другіе три сожители его, т. е. бу-

будучи у Тревировъ (*), когда Императоръ присудствовалъ на зрѣлищѣ Цирценскихъ игръ, отправляемыхъ тогда по полудни, вышли для прогулки въ сады, смежные съ градскими стѣнами; и такъ когда можетъ быть всѣ ходили совокупно, одинъ съ нимъ особенно, и другіе двое также особенно, и равно разошлися. Но сіи послѣдніе по случаю зашли въ одну хижину, гдѣ жительствовали нѣкоторые рабы Твои, духомъ нищіи, каковыхъ есть царство небесное, и нашли тамъ книгу, въ которой описана была жизнь Антонія. Сію книгу одинъ изъ нихъ началъ читать, и чудиться и воспламеняться, и между чтеніемъ размышлять о возпріятіи таковой жизни, и оставивъ войну житейскую, служить Тебѣ, Боже! а былъ онъ изъ числа разносителей Государственныхъ указовъ; по томъ вдругъ исполнившись любви святой и цѣломудрія, разсердися самъ на себя, бросилъ взоръ на друга своего, и сказалъ ему: „скажи пожалуй, „чрезъ всѣ таковые наши труды куда мы „стараемся достигнуть? Чего взыскуемъ? „Для чего воинствуемъ? Къ большему ли „при дворѣ Царскомъ можетъ простираться наша надежда, нежели чтобы намъ „сдѣлаться друзьями Императора? да и тамъ „что не бренное, и не исполненное бѣдствіями? И чрезъ коль многія бѣдствія „дости-

(*) Тревиры были народы Галліи между Нидерландами при рѣкѣ Мозелѣ.

„достигаемъ мы до величайшаго бѣдствія?
„И когдажъ сіе намъ будетъ? А ежели я
„другомъ Божіимъ восхощу быть, се нынѣ
„таковымъ дѣлаюся.„ Сказалъ сіе, и смущаяся о воспріятіи новыя жизни, паки обратилъ очи на страницы, и измѣняяся по внутренности, гдѣ Ты видѣлъ, Боже! совлекался міра умъ его, которой какъ скоро началъ въ немъ быть. Ибо когда онъ читалъ и обуреваемъ былъ волненіями сердца своего, то изъявлялъ иногда негодованіе, и разбиралъ и опредѣлялъ лучшее, и уже я Твой, Боже! сказалъ другу своему: „Я уже от-
„торгся отъ оной суетной нашей надежды,
„и опредѣлилъ служить Богу, и къ сему
„отъ самаго часа сего на семъ мѣстѣ при-
„ступаю; ежели ты не хочешь мнѣ подра-
„жать въ томъ, не противься моему пред-
„пріятію.„ Тотъ отвѣтствовалъ, что онъ прилѣпляется къ нему сообщникомъ толикаго мздовоздаянія и толикаго воинства. И оба будучи уже Твои, оставить все свое положили твердое на сердцѣ намѣреніе, и послѣдовать Тебѣ. По томъ Понтиціанъ и товарищъ его, которые по другимъ мѣстамъ ходили въ саду, ища ихъ, по случаю пришли на то же самое мѣсто, и нашедъ ихъ, совѣтовали имъ оттуда возвратиться; понеже день склонялся къ ночи. Но они, объявивъ имъ совѣщаніе и намѣреніе свое, и какимъ образомъ такое желаніе въ нихъ родилося и утвердилося, про-

сили,

сили, дабы они ихъ не безпокоили, ежели не хотятъ присоединиться къ тому. Сіи же, никакъ на оное не соглашаяся и не перемѣнившись отъ прежняго; однако оплакали самихъ себя, какъ онъ сказывалъ, и поручили молитвамъ ихъ, и влача сердце свое по землѣ, пошли во дворъ Царскій, а тѣ, пригвождая сердце къ небесамъ, осталися въ оной хижинѣ. И оба они имѣли невѣстъ у себя, которыя, услышавъ сіе ихъ предпріятіе, и сами посвятили Тебѣ дѣвство свое.

ГЛАВА VII.

Августинъ внутренно мучился, слыша сіе отъ Понтиціана.

16. Сіе разсказывалъ намъ Понтиціанъ; Ты же, Господи! между словами его обращалъ меня ко мнѣ самому, отъемлий меня отъ хребта моего, гдѣ я полагалъ себя, не хотя вникать себѣ, и поставлялъ меня предъ лице мое, дабы я видѣлъ, коль я мерзостенъ тогда былъ, коль превращенъ и гнусенъ, осквернен и уязвленъ. И видѣлъ я себя, и ужасался, и не имѣлъ мѣста, куда бы я могъ удалиться отъ себя. Когда старался отъ себя самаго отвращать взоръ мой: то Понтиціанъ разсказывалъ, что разсказывалъ; а Ты меня паки противополагалъ мнѣ, и поставлялъ меня предъ очи мои, дабы я обрѣлъ нечестіе мое, и воз-

ненавидѣлъ. Я зналъ оное, но сокрывалъ, и поблажалъ, и забывалъ.

17. А тогда я чѣмъ горячѣе любилъ тѣхъ, о которыхъ слышалъ спасительныя сіи благорасположенія, что они совсѣмъ Тебѣ предавалися для врачеванія своего, тѣмъ больше ненавидѣлъ имъ уподобиться. Понеже многія лѣта мои со мною протекали, и почти двенатцать лѣтъ, какъ я отъ девятнатцатаго года возраста моего, читая Цицеронова Гортенсія, возбужденъ былъ къ любомудрію, и всегда отлагалъ, презрѣвъ щастіе земное, стараться о взысканіи оной мудрости, которой не только обрѣтеніе, но и единое взысканіе надлежало уже предпочитать и обрѣтеннымъ сокровищамъ, и царствамъ языковъ, и по желанію текущимъ тѣлеснымъ сладострастіямъ. Но я, окаянный юноша! весьма окаянный! въ началѣ сея юности просилъ у Тебе чистоты, и говорилъ; даруй мнѣ чистоту и воздержаніе, но не теперь; ибо опасался, дабы Ты меня скоро не услышалъ, и скоро не изцѣлилъ меня отъ болѣзни плотской похоти, которую я желалъ паче исполнять, нежели погашать. И потому шествовалъ по путямъ злымъ, исполненъ святотатственнаго суевѣрія, хотя не совершенно въ томъ увѣренъ, но какъ бы предпочитая оное прочему, чего я не благочестно искалъ, но вражески вооружался.

18. И думалъ, что я для того отлагаю со дня на день, презрѣвъ надежду житейскую, Тебѣ единому послѣдовать; поелику мнѣ не открывалося никакой извѣстной истины, куда бы долженъ былъ направить теченіе мое. И наступалъ тотъ день, въ которой мнѣ надлежало себя самаго обнажить, и обличить меня совѣсти моей: гдѣ языкъ твой? Ибо ты самъ говорилъ, что ради неизвѣстной истины не хощеши свергнуть съ себя бремя суетности. Се уже извѣстна тебѣ истина; а оное бремя тебя еще отягчаетъ, и на свободнѣйшія рамена воспріемлютъ крылія тѣ, которые, ниже такъ изыскивая истину, истощилися, ниже чрезъ десятилѣтнее время, или больше о семъ размышляли: такимъ образомъ я терзался внутренностію, и облекался въ студъ весьма страшный, когда Понтиціанъ говорилъ о семъ. По окончаніи же рѣчи своей и дѣла, за которымъ онъ къ намъ приходилъ, отшелъ въ домъ свой. А я пришелъ въ себя; и чего тогда въ себѣ не говорилъ! Какими мыслей бичами не поражалъ я душу мою, дабы за мною слѣдовала, когда я стремился по Тебѣ шествовать! но она противилася мнѣ, отрицалася, и себя не извиняла. Изтощены были, и опровержены всѣ доказательства, оставалося безгласное трепетаніе, и яко смерти устрашалася растаргнуться отъ стремительной привычки, которою она истаевала въ смерть.

ГЛАВА VIII.

О удаленіи его въ садъ, и о томъ, что онъ тамъ дѣлалъ.

19. По томъ во время сей великой распри внутренняго дому моего, которую я сильно производилъ съ душею моею на ложѣ нашемъ, сердцѣ моемъ, какъ видомъ, такъ и мыслію смущенный нападаю на Алипія, и восклицаю: „Что мы страждемъ? Что „это? Что ты слышалъ? Востаютъ неученые, и небо восхищаютъ, а мы безумные „съ науками своими се гдѣ валяемся! Въ пло„ти и крови. Или, поелику они насъ „предварили, стыдно намъ послѣдовать? и „не постыдно ли совсѣмъ и не послѣдо„вать?„ Сказалъ и еще, не знаю, что-то сему подобное, и отторгнулъ меня отъ того жаръ мой, когда Алипій въ изумленіи молчалъ. смотря на меня. Ибо я не обыкновенное возглащалъ, но больше говорили съ духомъ моимъ чело, лице, очи, цвѣтъ, образъ гласа, нежели слова, которыя произносилъ. Одинъ находился вертоградецъ при гостинницѣ нашей, которымъ мы пользовались какъ и всемъ домомъ; ибо гостепріимецъ тамъ не жительствовалъ господинъ онаго дому. Туда меня восхитилъ мятежъ сердца моего, гдѣ бы никто не могъ препятствовать распрѣ, въ немъ горящей, которую я начиналъ съ собою, пока оная окон-

чится; а какъ Ты сіе вѣдалъ, а не я, но только я безумствовалъ уже здраво, и умиралъ жизненно, зная, колико я золъ былъ, и не зная, коль благимъ быть имѣлъ. Спустя малое время, и такъ удалился я въ вертоградъ, и Алипій тихо за мною шелъ. Ниже бо тамъ тайны моей не было, гдѣ онъ присутствовалъ, или когда онъ меня оставлялъ такъ печалію пораженнаго? Мы сѣли, сколько можно было, отдалившися отъ дому. Я скрежеталъ духомъ, негодуя смущеннымъ негодованіемъ, что толь долго не вступалъ въ завѣтъ и договоръ съ Тобою, Боже мой! въ которой, что надлежало мнѣ вступить, всѣ кости мои вопіяли, и сіе до небесъ возносили хвалами; куда предлежалъ путь не на корабляхъ, или колесницахъ, или ногами, какъ я изъ дому шелъ на то мѣсто, гдѣ мы сидѣли. Ибо не только шествовать, но и достигнуть туда не что иное было, какъ хотѣть шествовать; но хотѣть непреоборимо и непремѣнно, и не полууязвленную сюда и туда обращать и колебать волю, которая частію своею востающею сражается съ другою частію своею падающею.

20. Въ семъ вертоградѣ толь многія дѣлалъ я тѣлодвиженія въ самыхъ медлительности волненіяхъ, которыя иногда и желаютъ дѣлать люди, но не могутъ; ежели они либо самыхъ членовъ не имѣютъ, либо оные или связаны узами, или разслаб-

лены отъ болѣзни, или какимъ нибудь образомъ повреждены. То дралъ на себѣ волосы, то билъ въ чело свое, то совокупными перстами обнималъ колѣно, поелику все то дѣлалъ, что только хотѣлъ; а могъ хотѣть и не дѣлать, ежели бы движимость членовъ мнѣ была не послушна. И такъ я толь многія тамъ дѣлалъ тѣлодвиженія, что уже не то хотѣлъ дѣлать, что можно было; да и того не дѣлалъ, что мнѣ крайнѣ нравилось, и тотчасъ бы я могъ сіе сдѣлать, ежели бы восхотѣлъ; ибо ежели бы восхотѣлъ, то бы точно я восхотѣлъ. Ибо тамъ оная способность, которая есть воля, и самое хотѣніе уже обращало въ дѣйствіе; и однако того не дѣлалось, и скорѣе повиновалося тѣло самой малѣйшей волѣ душевной, дабы по произволенію ума двигалися члены тѣлесные, нежели сама себѣ душа для совершенія великой воли своей во единой волѣ.

ГЛАВА IX.

Отъ чего сіе бываетъ, что духъ повелѣваетъ себѣ, и противится.

21. Откуда сіе чудо? и для чего оно? Да возсіяетъ мнѣ милосердіе Твое, и вопрошу, ежели мнѣ отвѣчать могутъ внутреннія наказанія человѣческія, и мрачныя сокрушенія чадъ Адамовыхъ. Откуда сіе чудо? и для чего оно? Повелѣваетъ духъ тѣлу,

лу, и оное тотчасъ повинуется ему; повелѣваетъ духъ себѣ, и противится самъ себѣ. Повелѣваетъ духъ двигаться рукамъ, и толикое бываетъ въ семъ проворство ихъ, что едва отъ служенія различается повелѣніе, и духъ духомъ есть, а руки тѣло. Повелѣваетъ духъ хотѣть духу, и не другой онъ есть; и однако не исполняетъ того. Откуда сіе чудо? и для чего оно? Повелѣваетъ, говорю, духъ хотѣть духу, которой бы не повелѣвалъ, ежели бы не хотѣлъ, и не исполняется повелѣваемое. Но не отъ всего себя онъ хощетъ того, такъ не отъ всего и повелѣваетъ; ибо потолику повелѣваетъ, поколику хощетъ; и потолику не исполняется повелѣваемое, поколику не хощетъ. Понеже воля повелѣваетъ быть волѣ, и не другая повелѣваетъ, но она самая. Подлинно она не полная повелѣваетъ, и потому не исполняется повелѣваемое. Ибо ежели бы она полная была, то бы не повелѣвала быть волѣ; поелику она бы уже была. Почему не чудо есть сіе частію хотѣть, и частію не хотѣть; но болѣзнь есть духа, поелику не цѣлый онъ востаетъ подъемлемый истиною, когда весьма обремененъ бываетъ привычкою. И потому находятся двѣ воли, поелику одна изъ оныхъ есть не цѣлая; и то находится въ одной, чего нѣтъ въ другой.

ГЛА-

ГЛАВА X.

Противъ Манихеевъ, которые изъ двухъ противныхъ воль два противныя естества выводили.

22. Да погибнутъ отъ лица Твоего, Боже! якоже погибаютъ суесловцы, и умомъ прельщени всѣ тѣ, которые двѣ воли въ разсужденіи примѣтивъ, утверждали, якобы два находится естества въ двухъ умахъ: одно доброе, другое злое. Поистинѣ они сами злые, когда сіе злоумсливуютъ. И тѣ же самые благіе будутъ, ежели истиное будутъ умствовать, и на истину согласятся, дабы рекль имъ Апостолъ Твой: *Бѣсте иногда тьма, нынѣ же свѣтъ о Господѣ* (1). Ибо сіи когда хотятъ быть свѣтомъ не о Господѣ, но о самихъ себѣ, почитая якобы естество души есть такое, что Богъ есть, тако сдѣлалися густѣйщею тьмою; понеже далече отъ Тебе отступили страшною своею гордостію; отъ Тебе, говорю, истиннаго свѣта, иже просвѣщаетъ всякаго человѣка, градущаго въ сей міръ (2). Вонмите, что глаголете, и постыдитеся, и *приступите къ нему, и просвѣтитеся, и лица ваша не постыдятся* (3). Я когда разсуждалъ, что уже мнѣ должно служить Господу Богу моему, какъ-то давно къ тому разполагался, то я былъ, который хотѣлъ,

(1) Ефес. 5. 8. (2) Іоан. 1. 9. (3) Псал. 33. 6.

тѣлъ, я, которой не хотѣлъ, я, я былъ; ни совершенно я того хотѣлъ, ни совершенно не хотѣлъ. Того ради самъ съ собою сражался, и разточался отъ себя самаго. И самое разточенiе хотя не по моей волѣ дѣлалося, однако и не доказывало естества ума чуждаго, но наказанiе моего. И потому уже не я творилъ оное, но живый во мнѣ грѣхъ отъ наказанiя свободнѣйшаго грѣха; поелику я былъ сынъ Адамовъ.

23. Ибо ежели столько есть противныхъ естествъ, сколько и воль противныхъ: то уже не два, но многiя будутъ естества. Ежели кто будетъ разсуждать, въ сборище ли Манихейское должно итти, или въ театръ: то вопiютъ Манихеи: се два естества: одно благое сюда ведетъ, другое злое туда приводитъ. Ибо откуда сiя медлительность между собою противныхъ воль? А я называю оба злыми, и которое къ нимъ ведетъ, и которое въ театръ приводитъ; но они почитаютъ только то естество благимъ, которое руководствуетъ къ нимъ. И такъ ежели кто изъ насъ будетъ разсуждать и колебаться двумя волями, между собою сражающимися, въ театръ ли должно итти, или въ церковь нашу: то и сiи не будутъ ли колебаться, что должно отвѣтствовать? Ибо или признаются, что они не хотятъ благою волею итти въ церковь нашу, какъ въ нее ходятъ таинствами ея освященные, и стоятъ тамъ; или бу-

будутъ думать, что два злыя естества, и два злые умы въ одномъ человѣкѣ сражаются: то и не будетъ уже справедливо, что они обыкновенно говорятъ, якобы одно естество есть благое, а другое злое; или обратятся на истину, и не станутъ отвергать того, когда кто разсуждаетъ, что одна душа отъ различныхъ воль волнуется и колеблется.

24. Почему уже не должны они говорить, когда признаютъ въ одномъ человѣкѣ двѣ воли между собою противныя, будто бы два противные ума изъ двухъ противныхъ существъ и двухъ противныхъ началъ между собою сражаются, одинъ благой, другой злой. Ибо Ты, Боже праведный! опровергаеши ихъ, и изобличаеши, и побѣждаеши ихъ какъ во обѣихъ злыхъ воляхъ, когда кто разуждаетъ, ядомъ ли должно человѣка погубить, или мечемъ; симъ ли чуждымъ помѣстьемъ овладѣть, или онымъ, когда вмѣстѣ обоими не можетъ; удовольствіе ли купить роскошью, или деньги соблюсти сребролюбіемъ; на позорище ли итти, или въ театръ, ежели въ одинъ день и то и другое отправляется. Я прибавляю и третіе; на хищеніе ли чего либо изъ дому чуждаго, ежели имѣетъ удобный случай; прибавляю и четвертое, или на содѣяніе прелюбодѣянія, ежели и къ тому купно имѣетъ способность. Ежели сіе все стечется въ одинъ членъ времени, и равно

все

все будетъ желательно, чего вмѣстѣ сдѣлать не можно. Ибо сіе разторгаетъ духъ между собою противными четырьмя волями, да еще и большими въ толь великомъ изобиліи вещей желаемыхъ; однако не говорятъ, что есть толикое множество противныхъ существъ. Такъ и во благихъ воляхъ. Я спрашиваю ихъ, добро ли есть увеселяться чтеніемъ Апостола? и добро ли услаждаться здравымъ сладкопѣніемъ? и добро ли разсматривать Евангеліе? Будутъ отвѣтствовать на каждое, добро. Такъ естьли равно увеселяетъ все, и притомъ въ одно время: то различныя сіи воли не развлекаютъ ли сердце человѣческое, когда будемъ разсуждать, за что наипаче должно намъ приняться. И всѣ оныя воли суть благія, но дотолѣ сражаются съ собою, пока не изберется одно, куда должна стремиться цѣлая одна воля, которая на многія раздѣлялася. Также когда вѣчность увеселяетъ въ высочайшемъ степени, а временнаго добра услажденіе увеселяетъ въ низшемъ: то та же душа не цѣлою волею того, или сего желаетъ; и потому разрывается она жестокою скукою, когда то въ разсужденіи истины предпочитаетъ, сіе по любви не оставляетъ.

ГЛАВА XI.

Война духа и плоти въ Августинѣ.

25. Тако я немоществовалъ и мучился, обвиняя самаго себя, прежняго гораздо горестнѣе,

стнѣе, и валяяся, и туда и сюда обращаяся во узахъ моихъ, пока бы оныя всѣ; въ которыхъ я хотя уже малыхъ содержался, разторгнулись; но однако въ оныхъ содержался. И приближался Ты ко мнѣ въ тайныхъ моихъ, Господи! строгимъ милосердіемъ, удвояяй удары страха и студа, дабы я паки не престалъ обращаться, и не могли бы чрезъ то разторгнуться тѣ самыя оставшіяся малыя и слабыя узы мои, и не укрѣпились бы, и крѣпче меня не связали. Ибо я говорилъ самъ въ себѣ: се теперь сдѣлаю, теперь сдѣлаю. И купно съ словомъ уже приступалъ къ тому, чего хотѣлъ. Уже почти оное дѣлалъ и не дѣлалъ; однако не возвращался на прежнее, но вблизи стоялъ, и успокоевался. И также старался, и едва не тамъ былъ, и едва того не касался, и едва за оное не держался; и однако тамъ я не былъ, ни касался, ни держался за оное, сомнѣваяся умереть смерти, и жизни жить; и больше во мнѣ властвовало худшее старое, нежели лучшее новое, и самый пунктъ времени, въ которой я намѣревался перемѣнить жизнь мою, чѣмъ ближе наступалъ, тѣмъ вящшимъ поражалъ меня страхомъ; но не отражалъ назадъ, и не отвращалъ, но погружалъ въ сомнѣніе.

26. Удерживали меня тщетности тщетностей, и суеты суетствъ, прежнія пріятельницы мои; и потрясали меня за одежду мою плотскую, и шептали: насъ ли

ты оставляешь? И отъ сея ли мы минуты не будемъ съ тобою даже во вѣкъ? и отъ сея ли минуты и тебѣ не будетъ то и то нравиться болѣе даже и во вѣкъ? И что оныя представляли мнѣ, Боже мой! въ томъ, что я сказалъ то и то, что представляли? Да отвратитъ отъ души раба Твоего милосердіе Твое. Какія мерзости представляли! какія безчестія! И слышалъ я ихъ гораздо меньше, нежели половинный, которыя не свободно уже прекословили, идучи мнѣ навстрѣчу, но какъ бы созади шептали, и меня отходящаго какъ бы украдкою щипали, дабы я назадъ озрѣлся; однако онѣ останавливали меня, когда я еще медлилъ отторгнуться и изхититься отъ нихъ, и прейти, куда званъ былъ; поелику вѣщала ко мнѣ насильственная привычка: мнишь ли, что ты безъ сихъ быть возможеши?

27. Но уже весьма холодно сіе вѣщала; ибо открывалося въ той сторонѣ, въ которую я устремлялъ взоръ мой, и куда прейти страшился, непорочное достоинство воздержанія, свѣтлое и нераспустно веселое, благо честно ласкающее меня, дабы я пришелъ къ нему, и не сомнѣвался, и простирало къ воспріятію меня и объятію благочестивыя руки свои, наполненныя многими благими примѣрами, гдѣ столько находится отроковъ и отроковицъ, гдѣ многое юношество и всякой возрастъ, и важ-

ныя вдовицы, и дѣвы престарѣлыя, и во всѣхъ сіе воздержаніе никакъ не безплодно, но плодородящая матерь чадъ радостей отъ жениха Тебя, Господи! И издѣвалося надо мною посмѣяніемъ увѣщательнымъ, какъ бы такъ говорило: ты не возможеши ли получить то, что получили сіи, что сія? Сіи же и сія о себѣ ли самихъ могутъ, а не о Господѣ Богѣ своемъ? Господь Богъ ихъ меня даровалъ имъ. Что ты о себѣ стоиши, и не стоиши? Верзись на Него безопасно, не бойся; Онъ не укроется для твоего паденія. Верзись на Него безопасно, Онъ воспріиметъ и исцѣлитъ Тебя. А я стыдился весьма, поелику оныхъ тщетностей слышалъ еще ропотъ, и будучи въ медлительности, сомнѣвался учинить сіе. И паки мнѣ оное какъ бы такъ говорило: заткни уши твои отъ оныхъ гнусныхъ удовъ твоихъ, яже на земли, дабы умертвилися оные; повѣдаютъ они тебѣ сладости, но не яко законъ Господа Бога твоего. Сіе прѣніе происходило въ сердцѣ моемъ отъ меня самаго, противъ меня самаго. А Алипій, будучи при боку моемъ, въ молчаніи ожидалъ конца сего необычайнаго моего движенія.

ГЛАВА XII.

Какъ Августинъ отъ бывшаго ему гласа совершенно обратился къ Богу.

28. А какъ изъ таной глубины глубокое размышленіе собрало и совокупило въ

одно

одно мѣсто всю бѣдность мою, и представило предъ очи сердца моего: то возстала во мнѣ великая буря съ великимъ дождемъ слезнымъ, и для излiянiя всего его купно съ гласами его я всталъ отъ Алипiя, уединенiе мнѣ къ рыданiю способнѣйшимъ было мѣстомъ, и отступилъ отъ него далѣе, нежели сколько могло для меня быть тягостно и его присутствiе. Такой я былъ въ то время, и онъ возчувствовалъ, не знаю что-то; ибо кажется мнѣ, что тогда въ словахъ моихъ являлся звукъ гласа моего, уже отягченный плачемъ, и для того я возсталъ. И такъ остался онъ единъ на томъ мѣстѣ въ великомъ недоумѣнiи, гдѣ мы оба сидѣли; я подъ однимъ смоковнымъ древомъ легъ, не зная какимъ-то образомъ, и послабилъ узды слезамъ, и пролилися рѣки изъ очей моихъ, прiятная жертва Твоя. И не сими правда словами, но въ семъ смыслѣ много я изрекъ Тебѣ, Боже! и Ты, Господи! доколѣ? доколѣ, Господи гнѣваешися до конца? Не помяни беззаконiй нашихъ первыхъ (1). Ибо я чувствовалъ, что тѣми одержимъ бываю, произносилъ сiи жалобные гласы: Доколѣ? Доколѣ? Заутра и заутра. Для чего не нынѣ? Для чего не въ сей часъ конецъ гнусности моей?

29. Я говорилъ сiе, и рыдалъ въ горестнѣйшемъ сокрушенiи сердца моего; и се

(1) Псал. 6. 4.

слышу гласЪ изЪ близи стоящаго дому сЪ пѣніемЪ глаголющаго, и часто повторяющаго, будто бы отрока, или отроковицы, не знаю: *возьми читай, возьми читай.* И тотчасЪ я перемѣнивши видЪ, сЪ глубочайшимЪ вниманіемЪ размышлять началЪ, не отроки ли по обычаю своему вЪ нѣкоторомЪ родѣ игры поютЪ что нибудь, но совсѣмЪ не видалЪ нигдѣ, кого я слышалЪ, и потому я обуздалЪ теченіе слезЪ моихЪ, сЪ онаго мѣста возсталЪ, не иначе сіе толкуя, развѣ что отЪ Бога повелѣвается мнѣ открыть книгу и читать, какую первую найду главу; ибо я слышалЪ о Антоніи, что онЪ отЪ чтенія Евангельскаго, по случаю ему попадшагося, возбужденЪ былЪ кЪ лучшему, какЪ бы ему говорено было что мое: *Иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимЪ, и имѣти имаши сокровище на небеси, и гряди вЪ слѣдЪ мене* (1); и отЪ таковаго изреченія тотчасЪ онЪ кЪ Тебѣ обратился. И такЪ я симЪ гласомЪ будучи возбужденЪ, возвратился на то мѣсто, гдѣ сидѣлЪ Алипій; ибо я тамЪ оставилЪ книгу Апостола, когда возсталЪ оттуда; взялЪ ее, открылЪ, и началЪ читать вЪ молчаніи ту главу, куда первѣе устремились очи мои: *Благообразно да ходимЪ, не козлогласованіи и піянствы, не любодѣяніи, и студодѣяніи, не ревніемЪ и завистію: но облецытеся ГосподемЪ нашимЪ ІисусЪ Хри-*

(1) Матѳ. 19. 21.

Христомъ, и плоти угодія не творите въ похоти. (1) Далѣе не восхотѣлъ читать, да и не нужно было. Ибо съ концемъ сего Апостольскаго увѣщанія, яко свѣтомъ безопасности, влiяннымъ въ сердце мое, весь сомнѣнія мракъ тотчасъ во мнѣ разсыпался.

30. Потомъ я, заложивши оное мѣсто перстомъ, или, не знаю, какимъ-то другимъ знакомъ, закрылъ книгу, и съ спокойнымъ уже видомъ указалъ Алипію. Но онъ то, что въ немъ дѣлалося чего я не зналъ, такъ мнѣ показалъ, попросилъ посмотрѣть, что я читалъ, я указалъ; и онъ сталъ вникать далѣе, нежели сколько я читалъ, да и не зналъ я послѣдующаго. Послѣ же слѣдовало сiе: *Изнемогающаго же въ вѣрѣ прiемлите* (2), что онъ отнесъ къ себѣ, и мнѣ открылъ. Но таковымъ онъ увѣщаніемъ утвердился, и къ предпрiятiю и намѣренію благому, и весьма сходному съ его нравами, которыми уже давно отъ меня на лучшее весьма и далече отстоялъ, безъ всякой смущенной медлительности прилѣпился. Отъ сего мѣста къ матери входимъ, объявляемъ ей предпрiятiе свое; она радуется; возвѣщаемъ, какимъ образомъ сiе въ насъ сдѣлалося, радуется и торжествуетъ, и благословляла Тебя *могущаго паче вся сотворити по преизбыточествiю, ихже просимъ или разумѣваемъ* (3). Поелику она видѣла, что гораздо больше ей

 отъ

(1) Рим. 13. 13. (2) Рим. 14. 1. (3) Ефес. 3. 20.

отъ Тебя дано въ разсужденіи меня, нежели она сколько обыкновенно просила жалостными и плачевными своими воздыханіями; ибо Ты, Боже! меня обратилъ къ Себѣ, дабы я ни жены не искалъ, ни надежды нѣкоторой вѣка сего, стоя на ономъ правилѣ вѣры, на которомъ Ты меня прежде толикихъ лѣтъ открывалъ ей во снѣ, и обратилъ сей плачь ея на радость многообильнѣйшую, нежели какой желала, и на многолюбезнѣйшую и чистѣйшую, нежели каковой она отъ внуковъ плоти моея надѣялася.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Объявляетъ о томъ, что онъ воспріялъ намѣреніе оставить должность учительскую, однако не прежде виноградособирательнаго праздника, вскорѣ наступающаго. Потомъ воспоминаетъ о удаленіи своемъ въ деревню Верекунда друга, о своемъ крещеніи, и о добродѣтеляхъ матери своея Монники, и о кончинѣ ея, по крещеніи его въ томъ же году бывшей, т. е. на тридесять третьемъ году возраста его.

ГЛАВА I.

Хвалитъ Божію благость, познавая бѣдность свою.

1. О Господи, азъ рабъ Твой, азъ рабъ Твой, и сынъ рабыни Твоея, Ты разторгъ

торглъ еси узы моя, Тебѣ пожру жертву хвалы. Да восхвалитъ Тебе сердце мое и языкъ мой, и вся кости моя рекутъ: Господи, кто подобенъ Тебѣ? Рекутъ, а Ты даждь отвѣтъ мнѣ, и рцы души моей: спасеніе твое есмь Азъ. Кто я? и какой я? Что не злое во мнѣ? дѣла ли мои; или ежели не дѣла, то слова мои; или ежели не слова, то воля моя была злая? Ты же, Господи благій и милосердый, и десницею Твоею призираеши на глубину смерти моея, и изъ глубины сердца моего изчерпаеши бездну тлѣнія. И сего всего я не хотѣлъ, чего Ты хотѣлъ; а хотѣлъ, чего Ты не хотѣлъ. Но гдѣ было въ толь долголѣтнее время, и изъ какой преисподней и глубокой сокровенности изъято мгновенно свободное произволеніе мое, дабы я приклонилъ выю мою подъ благое иго Твое, и рамена подъ легкое бремя Твое, Христе Іисусе, помощниче мой, и избавителю мой? Коль мнѣ пріятно вдругъ сдѣлалося не имѣть суетныхъ пріятностей, и которыхъ я прежде лишиться страшился! тѣ уже оставляя, радовался. Ты бо изгонялъ изъ мене оныя, Ты, Б же! истинная и высочайшая пріятность, изгонялъ, и входилъ на мѣсто ихъ, будучи всякаго удовольствія сладчайшій, но не плоти и крови; всякаго свѣта свѣтлѣйшій, но всякой тайны сокровеннѣйшій, всякой чести высочайшій, но не высокимъ о себѣ. Уже свободенъ былъ духъ мой отъ язвительныхъ

попеченій, т. е. искать чести и стяжать богатство, и валяться и разжигаться похотію, хотя и не красно разглагольствовалъ съ Тобою честію моею, и богатствомъ моимъ, и спасеніемъ моимъ, Господемъ Богомъ моимъ!

ГЛАВА II.

Оставить ученіе Риторики отлагаетъ до праздника виноградособирательнаго.

2. И угодно было мнѣ предъ лицемъ Твоимъ не мятежно отторгнуть, но тихимъ образомъ отъяти служеніе языка моего отъ торжища велерѣчія, дабы болѣе отроки, поучающіеся не закону Твоему, не миру Твоему, но неистовленіямъ ложнымъ, и бранемъ судебнымъ, не покупали изъ устъ моихъ оружія бѣшенству своему. Да и благовременно хотѣлъ оное учинить; уже очень мало дней оставалося до праздника виноградособирательнаго, и опредѣлилъ потерпѣть оныхъ, желая торжественно удалиться отъ нихъ, и будучи уже искупленъ Тобою, не возвратиться продажнымъ. И такъ намѣреніе наше было предъ Тобою, человѣкамъ же, кромѣ нашихъ друзей, не было извѣстно. И согласилися мы между собою отнюдь никому онаго не открывать, хотя Ты намъ, отъ юдоли плачевной выходящимъ и поющимъ пѣснь степеней, давалъ

стрѣ-

стрѣлы изощренныя, и углія пустынныя противъ льстиваго языка, которой какъ бы совѣтуя прекословитъ, и яко пищу обыкновенно любя пожираетъ.

3. Сострѣлялъ Ты сердце наше любовію Твоею, и мы носили слова Твои, вонзенныя во утробѣ, и примѣры рабовъ Твоихъ, которыхъ Ты изъ темныхъ свѣтлыми, и изъ мертвыхъ живыми творилъ; сіи примѣры, собравшися въ нѣдро помышленія нашего, пожигали и изтребляли тяжкое въ насъ разслабленіе, дабы мы болѣе не погрязали въ бездну, и весьма воспламеняли насъ, дабы всякое отъ льстиваго языка происходящее прекословіе болѣе возжечь могло въ насъ сію ревность, а не погасить. Однакожъ, поелику ради имене Твоего, которое Ты освятилъ на земли, и хвалителей подлинно, долженъ былъ имѣть свѣтъ, и намѣреніе наше величавости подобно казалось не дожидаться столь близкаго праздничнаго времени, но отъ публичной должности и предъ очами всѣхъ находящейся прежде отступить, чтобъ на сей мой поступокъ, обратившися всѣ зрящіе, ежели бы я восхотѣлъ отступленіемъ предварить толь близкой виноградособирательный праздникъ, многое обо мнѣ говорили, что могло бы означать, какъ будто я хотѣлъ казаться великимъ. И что мнѣ нужды до того, хотя бы другіе помышляли и разсуждали о намѣреніи моемъ, и хулили благо наше?

4. Сверьхъ сего, что въ самое лѣтнее время отъ чрезвычайнаго труда въ ученіи легкое мое слабѣть начинало, и съ трудностію влещи дыханіе, и показывать, что оно уязвлено болѣзньми сердца моего, и не терпѣть громкаго и продолжительнаго гласа: то сперва очень меня сіе безпокоило, поелику я бремя онаго учительства почти уже по необходимости принуждаемъ былъ сложить съ себя, хотя бы изцѣлиться и выздоровѣть могъ, поистиннѣ хотѣлъ оное оставить. Но какъ совершенное хотѣніе быть празднымъ и видѣть, яко Ты еси Господь, во мнѣ родилося и утвердилося, Ты вѣси, Боже мой! то я уже и радоваться сталъ, что сіе оставалося мнѣ не ложное извиненіе, могущее умѣрить досаду тѣхъ человѣковъ, которые ради дѣтей своихъ освободить меня отъ того никогда не хотѣли. Почему я, исполненъ будучи таковыя радости, терпѣлъ оное время, пока пройдетъ, не знаю двадесять ли дней только оставалося до онаго праздника, но однако мужественно оные терпѣлъ, поелику изчезало во мнѣ то желаніе, которое со мною обыкновенно носило тяжкое иго, и я подавляемъ онымъ оставался, ежели бы на мѣсто того не вступало терпѣніе. Пусть говоритъ кто изъ рабовъ Твоихъ, братій моихъ, что я погрѣшилъ въ семъ, что будучи уже сердца исполненнаго войны Твоей, попустилъ себѣ и на единый часъ сидѣть

на

на сѣдалищи лжи; а я не спорю въ томъ. Но Ты, премилосердый Господи! и сей грѣхъ съ прочими страшными и смертными въ водѣ святой не простилъ ли, и не оставилъ ли мнѣ?

ГЛАВА III.

Верекундъ уступаетъ ему деревню свою.

5. Сокрушался печалію Верекундъ о семъ нашемъ благѣ; понеже онъ видѣлъ, что ради узъ своихъ, которыми наикрѣпчайше связуемъ былъ, отлучается отъ нашего сообщества; онъ, не бывъ еще Христіаниномъ, имѣлъ супругу правовѣрную, и сими самыми однако тѣснѣйшими прочихъ оковами отъ предпріятаго нами пути былъ одерживаемъ. И говорилъ, что онъ не инымъ образомъ хощетъ быть Христіяниномъ, какъ только тѣмъ, каковымъ не могъ. Благосклонно поистиннѣ онъ позволилъ намъ, дабы мы, сколь долго тамъ ни будемъ, въ деревнѣ, его жительствовали. Ты воздашь оному, Господи! въ день воскресенія праведныхъ, какъ уже самую часть достоянія далъ ему. Ибо онъ въ отсутствіе наше, когда уже мы въ Римѣ были, впадши въ тѣлесную болѣзнь, и въ оной Христіяниномъ и вѣрнымъ сдѣлавшись, изъ сея жизни преселился; тако Ты помиловалъ не токмо его, но и насъ, дабы мы, помышляя о изящномъ его къ намъ человѣколюбіи, и не щитая его

въ

въ стадѣ Твоемъ, не терзались несносною печалію. Благодареніе Тебѣ, Боже нашъ! мы Твои есмы; сіе объявляютъ намъ увѣщанія и утѣшенія Твои, вѣрный обѣщателю! Ты воздашь Верекунду вмѣсто деревни оной его Кассиціаки, гдѣ мы отъ жару житейскаго успокоевалися въ Тебѣ, веселіе присноцвѣтущаго рая Твоего; понеже Ты оставилъ ему грѣхи на земли, на горѣ неусыренной, горѣ Твоей, горѣ тучной.

6. И такъ печалился въ то время Верекундъ, Небридій же уже сорадовался; ибо хотя онъ и самъ еще, не будучи Христіаниномъ, такъ впадчлъ въ оный ровъ погибельнѣйшаго заблужденія, что истины Сына Твоего плоть за привидѣніе почиталъ; однако оттуда возникая, находился безъ всего, хотя не освященъ никакими церкви Твоея таинствами, но ревностнѣйшій изыскатель былъ истины, котораго Ты вскорѣ послѣ нашего обращенія и отрожденія чрезъ крещеніе Твое и самого разрѣшилъ отъ плоти въ то времия, когда онъ былъ уже вѣрный Католикъ, и совершенною чистотою и воздержаніемъ Тебѣ служилъ у своихъ въ Африкѣ, гдѣ всѣ домашніе его чрезъ него учинилися Христіянами. И нынѣ онъ живетъ на лонѣ Авраама, что оное ни есть, что чрезъ сіе лоно означаетси, только тамъ Небридій мой живетъ, сладчайшій другъ мой, а Твой, Господи! усыновленный изъ

сво-

свободнаго сынъ тамъ живетъ. Ибо какое иное для такой души мѣсто? Тамъ живетъ, о которомъ мѣстѣ онъ меня много вопрошалъ, толь малаго человѣка и неискуснаго. Уже онъ не приклоняетъ ухо къ устамъ моимъ, но духовныя уста свои простираетъ къ источнику Твоему, и піетъ сколько можетъ премудрость по желанію своему, будучи безконечно блаженъ. И не такъ онъ, мню, напаяется отъ нее, что забываетъ меня; поелику Ты, Господи! котораго онъ піетъ, насъ помниши. Тако убо мы безъ нарушенія дружества утѣшали Верекунда, печалующагося о таковомъ нашемъ обращеніи, и поощряли его къ вѣрности состоянія его, т. е. жизни брачныя; Небридія же ожидали, когда онъ пріиметъ вѣру, которую онъ весьма скоро могъ принять, и едва не учинилъ того. Се какъ прошли наконецъ оные дни, ибо мнѣ долгими и многими казались по любви къ свободѣ праздной для пѣнія отъ всея внутренности: Тебѣ рече сердце мое, взысках лице Твое, лица Твоего, Господи, взыщу (1).

ГЛА-

(1) Псал. 26. 8.

ГЛАВА IV.

О книгахъ, которыя онъ написалъ въ Кассиціакѣ, о письмахъ къ Небридію, о псалмахъ и о болѣзни зубной.

7. И насталъ оный день, въ которой и самымъ дѣломъ надлежало мнѣ освобождаться отъ должности Риторическаго учителя, отъ которой уже я помышленіемъ освобожденъ былъ. И сіе сдѣлалося, и Ты оттуда изторгнулъ языкъ мой, откуда уже изторгалъ сердце мое, и я благословлялъ Тебе, радуяся, отправившись въ деревню со всѣми моими друзьями. Тамъ что я дѣлалъ въ разсужденіи наукъ, уже хотя Тебѣ служащихъ, но еще къ гордости, яко къ нѣкоему успокоенію стремящихся, о томъ свидѣтельствуютъ книги, содержащія разглагольствіе съ присутствующими друзьями и съ собою самимъ единымъ предъ Тобою; а что съ отсутствующимъ Небридіемъ, то свидѣтельствуютъ письма мои. И когда мнѣ довлѣетъ время на воспоминанія всѣхъ великихъ къ намъ благодѣяній Твоихъ, наипаче въ оное время, когда я поспѣшаю къ другому вящшему? Ибо къ тому отзываетъ меня воспоминаніе мое, и благо мнѣ, Господи! въ семъ исповѣдатися Тебѣ, какими Ты внутренними шпорами совершенно усмирилъ меня, и какъ ме-

ня

ня сравнялЪ съ смиренными горами и холмами помышленій моихЪ, и коловратное мое исправилЪ, и жестокое умягчилЪ, и какимЪ образомЪ и самаго Алипія брата сердца моего покорилЪ имени единороднаго Сына, Господа и Спаса нашего Іисуса Христа, которое онЪ прежде не удостоевалЪ помѣщать вЪ наукахЪ нашихЪ; ибо онЪ больше желалЪ тѣмЪ благоухать Гимназіи кедрамЪ, которыя уже стерлЪ Господь, нежели спасительнымЪ травамЪ церковнымЪ, противнымЪ зміямЪ.

8. Какіе я кЪ Тебѣ, Боже мой! возсылалЪ гласы, когда читалЪ псалмы Давидовы, пѣсни вѣрныя, и глаголы благочестія, изключающіе надмѣнный духЪ, будучи еще несмысленЪ вЪ искренней любви Твоей, оглашенный вЪ деревнѣ сЪ оглашеннымЪ Алипіемъ, освободившись отЪ должности учительской, и сЪ матерію моею, которая прилѣплялася кЪ намЪ вЪ женскомЪ образѣ мужескою вѣрою, бабіею безопасностію, матернею любовію, Христіянскою набожностію! Какія кЪ Тебѣ возсылалЪ гласы вЪ чтеніи оныхЪ псалмовЪ! и какЪ кЪ Тебѣ воспламенялся отЪ нихЪ, и возбуждался ихЪ читать, ежели бы могЪ, во всей вселенной противЪ гордости человѣческаго рода! И однако во всей вселенной оные поспѣваются, и нѣсть, иже укрыется теплоты Твоей. Коль я сЪ тяжкою и жестокою печалію негодовалЪ на МанихеевЪ, и паки сожа-

лѣлЪ

лѣлъ объ нихъ, что они сихъ таинствъ, сихъ лѣкарствъ не вѣдаютъ, и безумствуютъ противъ врачевства, отъ котораго бы здравы быть могли. Желалъ бы я въ то время имъ быть гдѣ нибудь подлѣ меня, и не зналъ бы я тогда, что они тамъ находятся, и меня слышать, и смотрѣть на лице мое, и слушать гласы мои, когда я читалъ четвертой псаломъ, будучи въ тогдашнемъ моемъ спокойствіи, что изъ меня содѣлалъ сей псаломъ: *Внегда призвати ми, услыши мя Богъ правды моея, въ скорби разпространилъ мя еси; ущедри мя Господи, и услыши молитву мою* (1). Желалъ бы имъ слышать, и не зналъ бы, слышатъ ли они, дабы не возмнили, что я ради ихъ говорю то, что говорилъ между сими словами; понеже и подлинно бы того не говорилъ, и не такъ бы оное говорилъ, ежели бы узналъ, что они меня слышатъ и видятъ; а ежели бы я и говорилъ, тобъ не такъ мои слова могли понимать, какъ тогда, когда бы были со мною, а я бы предъ Тобою отъ искренняго духа моего говорилъ къ нимъ.

9. Я возтрепеталъ отъ страха, и тамъ же возбужденъ былъ надѣяніемъ и радованіемъ о милосердіи Твоемъ Отче. И сіе все изходило отъ внутренности моей по очамъ моимъ и чрезъ гласъ мой, когда обратившися къ намъ Духъ Твой благій реклъ намъ:

(1) Псал. 4. 1.

намъ: *Сынове человѣчестіи, доколѣ тяжкосердіи? Вскую любите суету, и ищете лжи?* (1) Ибо я любилъ суету, и искалъ лжи. И Ты, Господи! уже удивлялъ Преподобнаго Твоего, возбуждая Его отъ мертвыхъ, и посаждая одесную Тебе, откуда Онъ имѣлъ послать съ высоты обѣтованіе свое Утѣшителя Духа истины, и посылалъ уже Его, но я не вѣдалъ. Посылалъ Его, яко уже удивленъ былъ востающій отъ мертвыхъ, и восходящій на небо. Прежде Духъ не былъ данъ намъ, поелику Іисусъ не былъ прославленъ. И вопіетъ Пророкъ: *Доколѣ тяжкосердіи? Вскую любите суету, и ищете лжи? и увѣдите, яко Господь удиви преподобнаго своего.* Вопіетъ, *Доколѣ?* Вопіетъ, *увѣдите!* И я, толь долго не вѣдая сего, суету возлюбилъ, и лжи взыскалъ; и для того услышалъ, и возтрепеталъ; понеже таковымъ сіе глаголется, каковый я тогда былъ; ибо въ привидѣніяхъ, которыя я за истину содержалъ, суета была и лжа. И возглашалъ я многое жестоко и крѣпко въ болѣзни воспоминанія моего. О когда бы сіе тѣ услышали, которые доселѣ любятъ суету и ищутъ лжи! можетъ быть они пришли бы въ смятеніе, и изблевали оное; и Ты бы услышалъ ихъ тако вопіющихъ къ Тебѣ: понеже истинною смертію тѣлесною тотъ за

Т нась

(1) Псал. 4. 3.

насЪ умерЪ, кто у Тебе и ходатайствуетЪ о насЪ (1).

10. Я читалЪ: *ГнѢвайтеся и не согрѢшайте.* И сколь былЪ движимЪ отЪ сего, Боже мой! когда уже поучался гнѢваться на себя самаго за прошедшее зло, дабы мнѢ не согрѢшать и вЪ прочемЪ! Да и справедливо поучался гнѢваться; поелику не другое естество языка тьмы отЪ меня грѢшило, какЪ утверждаютЪ сіе не гнѢвающіеся на себя, и собирающіе себѢ гнѢвЪ вЪ день гнѢва откровенія праведнаго суда Твоего (2). И уже я благомЪ моимЪ почиталЪ не внѢшнія вещи, и не искалЪ уже онаго очами плотскими при семЪ солнцѢ. Желающіе бо радоватися о вещахЪ внѢшнихЪ, скоро изчезаютЪ, и изливаются на видимое и временное; и образа того гладнымЪ помышленіемЪ лижутЪ. И о когда бы они утомилися гладомЪ, и сказали: *Кто явитЪ намЪ благая?* И мы скажемЪ, и услышатЪ они: *Знаменася на насЪ свѢтЪ лица твоего, Господи!* Ибо не мы оный свѢтЪ есьмы, иже просвѢщаетЪ всякаго человѢка, но сами просвѢщаемся отЪ Тебе, да мы, которые быхомЪ иногда тьма, будемЪ свѢтЪ о ТебѢ. О естьли бы узрѢли внутренній вѢчный свѢтЪ, которымЪ я, поелику уже его вкушалЪ, наслаждался! понеже не могЪ я имЪ показать его, ежели бы принесли ко мнѢ сердце вЪ очахЪ своихЪ внѢшнихЪ отЪ Тебя,

(1) Рим. . . . 8. 34. (2) Рим. 2. 5.

Тебя, и сказали: *Кто явитъ намъ благая?* Ибо тамъ, гдѣ я на себя гнѣвался на ложи внутреннемъ, гдѣ умилялся, гдѣ жертвовалъ, закалая древность свою, и начатымъ размышленіемъ обновленія моего уповая на Тебя, тамъ Ты мнѣ сладостнымъ быть начиналъ, и давалъ веселіе въ сердцѣ моемъ. И восклицалъ я, читая сіе внѣшнее, и познавая внутренно; и не хотѣлъ обогащаться земными благими, пожирая времена, и пожранъ отъ временъ, когда имѣлъ въ вѣчной простотѣ иную пшеницу, и вино и елей.

11. И восклицалъ въ слѣдующемъ стихѣ высокимъ гласомъ сердца моего: *о въ мирѣ! о вкупѣ!* О! что онъ сказалъ? *Усну и почію.* Понеже кто возпротивится намъ, когда будетъ слово написанное: *Пожерта бысть смерть побѣдою* (1)! И Ты еси вкупѣ зѣло, которой не измѣняешися, и въ Тебѣ покой, забывающій труды всѣ; понеже нѣтъ никого инаго съ Тобою для полученія инаго многаго, которое не есть, что Ты еси; но *Ты, Господи! единаго на упованіи вселилъ мя еси.* Я читалъ, горѣлъ, и не обрѣталъ, что сотворить глухимъ мертвымъ, отъ которыхъ я былъ въ погибель другимъ, былъ жестокимъ, и слѣпотствующимъ хулителемъ писаній, отъ меда небеснаго медоточныхъ, и отъ свѣта Твоего

 свѣт-

(1) 1. Кор. 15. 54.

свѣтлыхъ, и о врагахъ писанія сего изтаевалъ.

12. Когда воспомяну всѣ дѣла мои оныхъ дней свободныхъ! но не забылъ, и не премолчу жестокости удара Твоего и дивной скорости милосердія Твоего. Болѣзнію зубною тогда Ты жестоко мучилъ меня; и когда она столь усилилася, что я не могъ говорить, то пришло на сердце мое попросить всѣхъ предстоящихъ моихъ друзей, дабы помолилися Тебѣ о мнѣ, Богу спасенія всесовершеннаго. И написалъ сіе на дщицѣ, и далъ имъ прочесть. Какъ только мы колѣна съ усерднымъ моленіемъ приклонили къ Тебѣ, тотчасъ отъ меня отбѣгла болѣзнь моя. Но какая болѣзнь? или како отбѣгла? Устрашился я, признаюсь, Господи мой, Боже мой! ибо толикой болѣзни отъ самыхъ младыхъ лѣтъ я на себѣ не испыталъ. И впечатлѣлися во глубинѣ моей изволенія Твои, и радуяся въ вѣрѣ, восхвалилъ имя Твое. И сія вѣра мнѣ безопасну быть не попускала о прошедшихъ грѣхахъ моихъ, которые мнѣ чрезъ крещеніе Твое отпущены еще не были.

ГЛАВА V.

Требуетъ совѣта у Амвросія, что должно ему читать.

13. По прошествіи виноградособирательнаго праздника объявилъ я Медіоланцамъ, дабы они для дѣтей своихъ инаго сыскали про-

продавца словѣ; понеже я и Тебѣ служить избиралъ, и не могъ преподавать оную науку отъ трудности дыханія и болѣзни грудной, и объявилъ чрезъ письмо Архіерею Твоему, святому мужу Амвросію, прежнія заблужденія мои и настоящій обѣтъ мой, прося отъ него наставленія, какія мнѣ наипаче должно читать Твои книги, дабы сдѣлаться правовѣрнѣйшимъ и способнѣйшимъ къ принятію толикія благодати, но онъ повелѣлъ мнѣ читать Исаія Пророка, думаю для того, что онъ предъ прочими есть откровеннѣйшій предвозвѣститель Евангелія и званія языковъ; однакожъ я, перваго его чтенія не разумѣя, и всего таковымъ почитая, отложилъ повторять оное, пока буду искуснѣе въ Господнемъ словѣ.

ГЛАВА VI.

Въ Медіоланѣ крещается съ Алипіемъ и Адеодатомъ.

14. Когда наступало оное время, въ которое я долженствовалъ записаться въ число Христіанъ, оставя деревню, въ Медіоланъ мы возвратилися. Восхотѣлъ и Алипій отродиться въ Тебѣ со мною, уже облеченный во смиреніе таинствамъ Твоимъ приличное, и доблественнѣйшій укротитель плоти своея, которой даже до Италійской земли льдистой не обувенными ногами итти опредѣлилъ съ необычайною смѣ-

лостію. Присовокупили также съ собою отрока Адеодата (Богдана), отъ меня рожденнаго плотски во грѣхѣ моемъ. Ты благоустроялъ его. Онъ былъ пятинадесяти лѣтъ, а разумомъ превышалъ многихъ важныхъ и ученыхъ мужей. Дары Твои исповѣдаю Тебѣ, Господи Боже мой! Творче всяческихъ, которой многосиленъ еси преобразити наше безобразіе; ибо я въ онемъ отрокѣ, кромѣ прегрѣшенія моего, никакого не имѣлъ участія. Понеже что мы воспитывали его въ наказаніи Твоемъ, Ты тое вдыхалъ въ насъ, а не другой кто; дары Твои Тебѣ исповѣдую. Есть книга наша подъ заглавіемъ: *О учителѣ*, онъ тамъ со мною разглагольствуетъ. Ты вѣси, что его суть всѣ мысли предлагаемыя отъ лица собесѣдователя моего, когда онъ былъ шестинадесяти лѣтъ. Много въ немъ инаго удивительнаго я испыталъ. Страшенъ мнѣ былъ оный разумъ его, и кто кромѣ Тебе таковыхъ чудесъ Творецъ? Скоро Ты отъ земли восхитилъ жизнь его, и я безопаснѣе о немъ воспоминаю, не опасаяся уже, чтобъ какое зло могло приключиться строчеству, юношеству и человѣку оному. Присовокупили мы его сообщникомъ себѣ въ благодати Твоей, воспитываемаго въ наказаніи Твоемъ, и крестилися, и отбѣгла отъ насъ печаль о прошедшей жизни. Не насыщался я въ оные дниди вною сладостію разсуждать о высотѣ совѣта Твоего, о спасеніи

сенiи рода человѣческаго. Сколько я рыдалъ въ пѣнiяхъ и пѣсняхъ Твоихъ, когда трогали сердце мое гласы сладкопоющiя церкви Твоея. Оныя гласы втекали во уши мои, и изливалася истина въ сердце мое, и отъ того возгаралася въ немъ любовь къ благочестiю, и текли слезы, и добро мнѣ съ ними было.

ГЛАВА VII.

О установленiи церковнаго пѣнiя въ Медiоланѣ, о обрѣтенiи мощей святыхъ мучениковъ Протасiя и Гервасiя.

15. Не за долго предъ тѣмъ временемъ начала Медiоланская церковь отправлять сей родъ утѣшенiя и поощренiя съ великимъ усердiемъ братiй, совокупно поющихъ гласами и сердцами. Ибо годъ уже прошелъ, или не много больше, какъ Юстина Валентiана Царя младаго мать гоненiемъ оскорбляла человѣка Твоего Амвросiя по причинѣ ереси своея, которою была прельщена отъ Арiанъ. Его благочестивый народъ сохранялъ въ церквѣ, умрети готовый съ Епископомъ своимъ, рабомъ Твоимъ. Тамъ матерь моя, раба Твоя, будучи первая въ печали и бдѣнiи, непрестанно пребывала въ молитвахъ. Мы еще тогда были хладны, поелику не имѣли теплоты духа Твоего; однако возбуждалися гражданами, въ страхъ

и смущеніе пришедшими. Въ то самое время пѣсни и псалмы пѣть по обычаю восточныхъ странъ въ Медіоланѣ уставлено, дабы народъ печалію не сокрушался, а съ того времени даже и донынѣ сей уставъ наблюдается, чему уже многія и почти всѣ собранія вѣрныхъ Твоихъ въ прочихъ мѣстахъ круга земнаго подражаютъ.

16. Тогда Ты помянутому Архіерею Твоему въ видѣніи явилъ, на какомъ мѣстѣ сокрыты были тѣла мучениковъ Протасія и Гервасія, которыя Ты чрезъ столько лѣтъ нетлѣнныя въ сокровищѣ тайны Твоея сокрывалъ, откуда во благовремени желая ихъ явить ко укрощенію свирѣпости женской, но Царской. Ибо когда ихъ по явленіи и изъятіи изъ земли съ подобающею честію приносили ко храму, гдѣ былъ Амвросій, то не только мучимые нечистыми духами, исповѣдавъ тѣхъ демоновъ, изцѣлялися, но и одинъ, будучи много лѣтъ слѣпъ, гражданинъ, весьма извѣстный во градѣ, спросивъ о причинѣ радости волнующагося народа, и услышавъ, что обрѣтены мученическія тѣла, вдругъ вскочилъ, и просилъ вождя своего туда его отвести, куда будучи приведенъ, испросилъ себѣ доступъ прикоснуться платкомъ къ гробницѣ драгоцѣнныя предъ Тобою смерти святыхъ Твоихъ. Что какъ онъ сдѣлалъ, и приложилъ платокъ къ глазамъ, тотчасъ оные отверзлися. Оттуда слава гремящая во всѣ мѣста, от-

оттуда хвалы Твои ясно блистающія, оттуда оныя непріятельницы Юстины духъ хотя къ принятію здравой вѣры не распростерся, однако отъ неистоваго гоненія сократился. Благодареніе Тебѣ, Боже мой! откуда и куда Ты довелъ воспоминаніе мое, дабы я и сіе исповѣдалъ Тебѣ, которое великое забывъ, проходилъ молчаніемъ? И однако тогда, когда благоухали сіи ароматы Твои, мы не текли за Тобою; и потому я больше рыдалъ въ пѣніи пѣсней Твоихъ, прежде воздыхающій къ Тебѣ, и наконецъ отдыхающій столько, коликая есть тишина въ домѣ сѣннолиственномъ.

ГЛАВА VIII

О обращеніи Еводія, о кончинѣ матери и о воспитаніи ея отъ младыхъ лѣтъ

17. Ты, иже вселяеши единомышленныя въ дому (1), совокупилъ съ нами и Еводія, юношу изъ нашего града, которой, будучи разносителемъ Государственныхъ указовъ, прежде насъ къ Тебѣ обратился, и крестился, и оставя воинство мірское, препоясался оружіемъ въ Твоемъ. Мы совокупно находилися, совокупно желая обитать по совѣщанію святому, искали удобнѣйшаго мѣста для служенія нашего Тебѣ: также возвращалися и въ Африку; и когда мы были при устіи рѣки Тивра, то мать моя

 тамъ

(1) Псал. 67. 7.

тамъ скончалася. Многое прохожу молчаніемъ, поелику весьма поспѣшаю. Пріими исповѣданія мои и благодаренія, Боже мой! о вещахъ безчисленныхъ хотя въ безмолвіи моемъ. Но не прейду того, что мнѣ мысль ни раждаетъ объ оной рабѣ Твоей, которая болѣзновала мною, чтобы я и плотію въ сію временную, и сердцемъ въ вѣчную жизнь родился. Не ея, но Твои повѣмъ дары въ ней; ибо не сама она сотворила себя, или сама воспитала; Ты сотворилъ ее, ни отецъ, ни мать не вѣдали, каковая она отъ нихъ будетъ. И наставляла ее въ страхѣ Твоемъ лоза Христа Твоего, правленіе единороднаго Сына Твоего въ дому правовѣрномъ, благомъ членѣ церкви Твоея. Не толикое она въ разсужденіи наученія своего прославляла прилѣжаніе матернее, коликое нѣкоторой престарѣлой рабыни, которая и отца ея, когда онъ былъ младенцемъ, носила, какъ обыкновенно на хребтѣ большенѣкія отроковицы носятъ малолѣтныхъ. Сія рабыня для сего, и для старости и изящныхъ нравовъ своихъ въ дому Христіянскомъ довольно почитаема была отъ Господъ своихъ. Почему и надзираніе надъ Господскими дочерями ей порученное тщательно отправляла, и была во исправленіи ихъ, когда нужда требовала, святою строгостію жестокая, а въ наставленіи здравое имѣла благоразуміе. Ибо она имъ, кромѣ тѣхъ часовъ, въ которые

онѣ

онѣ при столѣ родительскомъ весьма умѣренно питалися, хотя бы возгаралися жаждою, и самой воды пить не позволяла, предостерегая отъ злой привычки, и прибавляя здравое сіе слово: „Теперь вы воду пьете, „поелику во власти своей вина не имѣете; „а когда къ мужьямъ пріидете, то учи„нившись госпожами кладовыхъ и погре„бовъ, вода вамъ омерзѣетъ; но привычка „къ питію превозможетъ.„ Симъ образомъ ученія и важностію повелѣнія обуздывала желаніе младшаго возраста, и самую отроковицъ жажду приводила въ надлежащую умѣренность, дабы уже не желали того, что было не пристойно.

18. И однако вкрадывалося, какъ мнѣ сыну своему раба Твоя сказывала, вкрадывалося въ нее піянство. Ибо когда ей по обычаю яко трезвой отроковицѣ приказано было отъ родителей изъ бочки вина нецѣдить, то она, наклонивши стаканъ къ отверстію бочки, прежде налитія вина въ склянку, отвѣдала онаго не много, поелику не могла больше пить его ради горести; ибо безъ всякаго къ піянству пристрастія сдѣлала сіе, но по нѣкоторымъ чрезвычайнымъ того возраста излишествамъ, которыя смѣха достойными движеніями воскипаютъ, и въ отроческихъ душахъ важностію старшихъ обыкновенно укрощаются. И такъ она къ тому малому питію повсядневно малое прибавляя: понеже *уничижаяй малая, по малѣ*

малѣ упадетъ (1), въ такую привычку впала, что почти уже полныя вина чарки съ жадностію выпивала. Гдѣ тогда была разумная старуха и жестокое оное воспрещеніе? Могла ли она что либо противъ сокрытой болѣзни, ежели бы Твое врачевство, Господи! не бодрствовало надъ нами? Въ отсутствіи отца, и матери и кормителей Ты присудствующій, которой сотворилъ, которой призываеши, которой и посредствомъ злыхъ людей нѣкоторое добро твориши для спасенія душъ: что тогда сотворилъ, Боже мой! какъ уврачевалъ? какъ изцѣлилъ ее? Не Ты ли произнеслъ жестокое и язвительное изъ другой души обличеніе, яко врачебный мечь изъ тайныхъ Твоихъ смотрѣній, и единымъ ударомъ пресѣклъ еси оную гнилость? Ибо рабыня, съ которою она обыкновенно приходила къ бочкѣ, поссорившись съ госпожею меньшею, какъ бываетъ наединѣ, порицала ее въ семъ порокѣ съ жестокимъ ругательствомъ, называя ее пiяницею. Симъ она жаломъ будучи уязвлена, воззрѣла на гнусность свою, и тотчасъ презрѣла и отвергла оную. Какъ друзья ласкательствующіе развращаютъ, такъ враги ссорящіеся по большой части исправляютъ. И Ты не то, что чрезъ нихъ твориши, но что они сами восхотѣли, воздалъ имъ. И оная рабыня разсердившись, ожесточить желала меньшую

(1) Сир. 19. 1.

шую госпожу, а не излѣчить, и потому тайно, или поелику онѣ такое находили для ссоры своей мѣсто и время, или можетъ быть опасалася, дабы и самой ей не попасть въ бѣду, что толь поздо о томъ обьявила. Но Ты, Господи правитель небесныхъ и земныхъ! на употребленія Твои обращаяй глубины поточныя, теченіе вѣковъ благоустрояй мятежное, и отъ безумія одной души излѣчилъ другую, дабы никто, когда сіе примѣчаетъ, могуществу своему не вописывалъ, ежели словомъ его другой исправляется, котораго онъ хочетъ исправить.

ГЛАВА IX.

Описуетъ похвальные нравы матери своея.

19. И такъ она, будучи воспитана цѣломудренно и трезвенно, и паче отъ Тебя предана родителямъ, нежели отъ родителей Тебѣ, когда совершенныхъ лѣтъ невѣстою учинилася: то вдана будучи мужу, служила ему яко Господину, и старалася его пріобрѣсти Тебѣ, говоря о Тебѣ ему нравами своими, чрезъ которые ее красною Ты творилъ и почтенно любезною и удивительною мужу. Она такъ сносила обиды ложа, что никакой о семъ дѣлѣ на супруга своего не имѣла никогда тайной злобы; ибо ожидала милосердія Твоего надъ нимъ, дабы въ Тебя вѣруя, уцѣломудрился; сверьхъ

же

же сего онъ былъ какъ въ любви особенный, такъ и во гнѣвѣ горячій. Но сія умѣла не противиться раздраженному мужу не только дѣломъ, но ниже словомъ. А уже укротившемуся и успокоившемуся, примѣчая его благосклоннымъ, отчетъ въ дѣлѣ своемъ давала, ежели можетъ быть онъ безразсудно на нее раздражался гнѣвомъ. Наконецъ когда многія жены, у которыхъ супруги гораздо скромнѣе были, нося знаки побой даже и на самомъ лицѣ, въ дружескихъ бесѣдахъ обвиняли супружественную жизнь: то сія ихъ языкъ какъ бы въ шутку весьма изобличала, говоря, что когда онѣ слышатъ законы, о супружествѣ чтомые, то должны почитать ихъ какъ бы орудіями, чрезъ которыя жены содѣлываются мужамъ подвластными; почему, памятуя состояніе свое, и гордиться противъ ихъ не должно. И когда онѣ удивлялися, зная, коль она свирѣпаго имѣетъ супруга, что никогда не слышно, или чрезъ нѣкоторый знакъ открылось, чтобы Патрикій наказалъ жену свою, или бы они между собою хоть на единъ день по домашней ссорѣ были въ несогласіи; и дружески спрашивали у нее причины, то она учила ихъ поступку своему, вышеупомянутому мною; которыя сіе соблюдали, дознавъ самымъ опытомъ, радовалися; которыяжъ не соблюдали, подвергшись наказаніямъ, мучилися.

20 Притомъ и самую свекровъ свою, вопервыхъ отъ наговоровъ лукавыхъ рабынь на нее раздраженную, такъ побѣдила своимъ повиновенiемъ, пребывая въ терпѣнiи и кротости, что оная добровольно сыну своему объявила клеветы рабынь, отъ которыхъ между ею и снохою домашнiй возмущался покой, и требовала мщенiя. И такъ когда онъ, и матери повинуяся, и исправляя семейство, и о согласiи своихъ стараяся, объявленныхъ рабынь по произволенiю объявляющей усмирилъ наказанiемъ: то она обѣщала, что таковыхъ воздаянiй отъ нее всякая изъ рабынь должна ожидать, ежели для угожденiя ей будетъ клеветать на сноху ея какое либо зло; и когда уже ни одна того дѣлать не дерзала, то онѣ въ достохвальной между собою жили любви.

21. И сей великiй даръ оной благой рабѣ Твоей, въ коея чревѣ сотворилъ меня, Боже мой, милосердiе мое! Ты даровалъ, что она между враждующими и несогласными всякими душами, гдѣ могла только, толь показывала себя миролюбивою, что хотя отъ обѣихъ слышала многое о себѣ самихъ язвительнѣйшее, каковое обыкновенно отрыгаетъ гнѣвливое и безпорядочное несогласiе, когда на присутствующую прiятельницу отъ отсутствующей непрiятельницы чрезъ колкiя бесѣды жестокость злобы изливается, однако ничего одной о другой не объявляла, развѣ что къ примиренiю ихъ слу-

служило. За малое бы добро я почелъ сіе, ежели бы безчисленное людей множество печальнымъ не дознавалъ опытомъ, что оные не знаю по какой-то страшной язвѣ грѣховной весьма далеко распространяющейся, не только разгнѣванныхъ враговъ, разгнѣваннымъ же врагамъ слова объявляютъ, но и чего не сказано, прибавляютъ; когда напротивъ того доброжелательный человѣкъ за подлое почитать долженъ, дѣлать между людьми вражды, или умножать оныя, зло говоря, развѣ долженъ стараться потушать оныя, добро говоря; каковая была мать моя; поелику Ты, Боже, внутренніи учителю, училъ ее тому въ училищѣ сердца ея.

22. По томъ и супруга своего уже при концѣ временныя жизни его пріобрѣла Тебѣ, и въ немъ уже сущемъ вѣрномъ не оплакивала того, что въ невѣрномъ великодушно сносила; и была раба рабовъ Твоихъ. Всякой, кто изъ нихъ зналъ ее, много въ ней хвалилъ, и почиталъ и любилъ Тебя; поелику чувствовалъ присутствіе Твое въ сердцѣ ея, поелику святаго ея житія плоды о томъ свидѣтельствовали. Ибо была одного мужа жена, взаемъ воздавала родителямъ (1), свой домъ благочестиво устрояла, въ добрыхъ дѣлехъ свидѣтельствуема была, воспитывала чадъ своихъ, столько ими паки болѣзнуя, сколько видѣла ихъ отъ Тебя уклоняю-

(1) 1 Тим. 5. 4.

няющихся. Напослѣдокъ о всѣхъ насъ, Господи! яко по дару Твоему позволяеши глаголати рабомъ Твоимъ, которые прежде успенія ея въ Тебѣ уже совокупно всѣ жительствовали по пріятіи благодати крещенія Твоего, такое она попеченіе имѣла, какъ бы всѣхъ родила; такъ служила, какъ бы отъ всѣхъ рождена была.

ГЛАВА X.

О разглагольствіи его съ матерію о царствіи небесномъ.

23. При наступленіи же того дня, въ которой она изъ сея жизни преселиться имѣла, которой день Ты вѣдалъ, а мы не вѣдали; оный наступалъ по мнѣнію моему по провидѣнію Твоему тайными Твоими образы, чтобъ я и она едины стояли, облокотясь на нѣкоторое окошко, откуда видѣнъ садъ былъ, находящійся въ дому, въ которомъ мы были, т. е. при устіи рѣки Тивра, куда мы, удалившися отъ народа, по трудѣ долговременнаго пути отдыхали отъ мореплаванія. И такъ мы разглагольствовали едины весьма сладостно, и задняя забывая, въ предняя же простираяся, (1) вопрошали другъ друга предъ настоящею истиною, которая Ты еси, какая бы была та вѣчная жизнь святымъ, которой *око не видѣ, ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыде* (2). Но желали устами

(1) Фил. 3. 13. (2) 1. Кор. 2. 9.

сердечными на превыспреннія струи источника Твоего, источника живота, которой у Тебя, дабы изъ онаго столько, сколько можно вмѣстить, окропившися, нѣкоторымъ образомъ могли мы помышлять о толикой вещи.

24. И какъ до того конца рѣчь наша доходила, что плотскихъ чувствъ услажденіе, коль бы великое ни было, и въ какомъ свѣтѣ тѣлесномъ ни было, въ разсужденіи сладости оной жизни не только сравненія, но ниже воспоминанія достойно казалося: то мы, возвышаяся горячнѣйшею любовію къ тому самому, прошли постепенно всѣ тѣлесныя вещи, и самое небо, откуда солнце, и луна, и звѣзды свѣтятъ на землю. И еще восходили, внутренно помышляя и разглагольствуя о Тебѣ, и чудяся дѣламъ Твоимъ, пришли къ умамъ нашимъ, и прешли ихъ, желая достигнуть страны обилія неоскудѣваемаго, гдѣ Ты пасеши Израиля во вѣкъ на пажити истины, и гдѣ жизнь есть премудрость, которою созидаются всѣ сія вещи и прошедшія и будущія, а сама не созидается; но такая есть, какая была, и такая всегда будетъ; почему и должно лучше сказать, что нѣтъ въ ней ни прошедшаго, ни будущаго, но единое настоящее, поелику она вѣчная; ибо прошедшее и будущее не есть вѣчное. И при семъ разглагольствованіи и желаніи нашемъ оныя мы коснулися ее нѣсколько всемъ сердцемъ, и воз-

дохнули, и оставили тамъ утвержденные начатки духа, и возвратилися паки къ разглагольствованію, гдѣ слово и начинается и оканчивается. И что подобно слову Твоему, Господу нашему, которой въ себѣ пребываетъ безъ древности, и обновляетъ всяческая?

25. И такъ мы о семъ разглагольствовали; но молчитъ ли въ комъ волненіе плоти? молчатъ ли воображенія о землѣ, и водѣ, и воздухѣ, и небесахъ? молчитъ ли сама въ себѣ душа, и преходитъ ли себя, не помышляя о себѣ? молчатъ ли сновидѣнія и умственныя откровенія, всякій языкъ, и всякій знакъ, и всѣ вещи преходящія? молчитъ ли сіе въ комъ совершенно, и не глаголетъ о Богѣ? Нѣтъ; ежели кто слушаетъ, то всѣ сіи вещи такъ глаголютъ: не сами мы себя сотворили, но сотворилъ насъ пребывающій во вѣкъ. Сказавъ сіе, молчатъ ли уже? Понеже обратили вниманіе на сотворшаго ихъ, и глаголетъ Онъ единъ не чрезъ нихъ, но чрезъ себя самаго, дабы мы слышали слово Его; не чрезъ языкъ тѣлесный, ниже чрезъ гласъ Ангельскій, ни чрезъ громъ облаковъ, ни въ гаданіи подобія, но самаго Его, котораго въ сихъ любимъ; самаго Его безъ сихъ да слышимъ, какъ и нынѣ простираемся мы, и касаемся быстрымъ помышленіемъ вѣчной премудрости, надъ всѣми пребывающей; ежели сіе единое будетъ продолжаться, и изчезнутъ всѣ другія ви-

 дѣнія,

дѣнія, весьма не равныя тому, и сія единая премудрость восхититъ, и поглотитъ, и сокрыетъ во внутреннія радости зрителя своего, дабы онъ таковою всегда наслаждался жизнію, каковая была сія минута разумѣнія, къ которой мы воздыхали: то не сіе ли есть *вниди въ радость Господа Твоего* (1)? А сіе когда? или когда вси воскреснемъ, но не вси измѣнимся (2)?

26. Такъ разглагольствовали мы о семъ. И ежели не такимъ образомъ, и не сими словами; однако, Господи! Ты вѣси, что въ тотъ день разглагольствованія нашего и міръ сей между словами казался намъ достойнымъ презрѣнія со всѣми пріятностями своими. По томъ сказала она: ,,Любезный ,,сынъ! что до меня касается, я никакою ,,уже вещію не увеселяюся въ сей жизни. Что ,,мнѣ здѣсь еще дѣлать? и для чего здѣсь ,,быть? Не знаю; когда уже совершилася на,,дежда вѣка сего. Ради сего единаго толь,,ко помедлить я желала въ жизни сей, да,,бы тебя увидѣть Христіаниномъ каѳоли,,ческимъ прежде смерти моей. Довольно се,,го для меня Богъ мой сотворилъ, что Те,,бя презрѣвшаго щастіе земное рабомъ Его ,,вижу: чтожъ здѣсь мнѣ дѣлать?,,

ГЛА-

(1) Матѳ. 25. 21. (2) Кор. 15. 51.

ГЛАВА XI.

О изступленіи и смерти матери его.

27. На сіе что я ей отвѣтствовалъ, не совершенно памятую. Между тѣмъ почти чрезъ пять дней, или не много больше впала она въ горячку, и въ той будучи болѣзни, въ одинъ день лишилася всѣхъ чувствъ, и нѣсколько была во изступленіи. Мы стеклися къ ней, но скоро паки пришла въ чувство, и воззрѣла на предстоящихъ меня и брата моего, и сказала намъ подобно вопрошающей: Гдѣ я была? По томъ взирая на насъ печалію объятыхъ: Положите ли здѣсь, сказала, мать вашу? Я молчалъ, и плачь обуздывалъ, братъ же мой не знаю что-то сказалъ, и какъ бы лучше желалъ ей скончаться въ отечествѣ своемъ, нежели на чужой странѣ. Сіе она услышавъ, съ печальнымъ видомъ отражая его глазами, что онъ сіе умствовалъ, и по томъ смотря на меня; Се, сказала, что онъ говоритъ?,, И паки обоимъ намъ: ,,Положите, сказала, сіе тѣло гдѣ нибудь, никакъ о немъ ,,не безпокойтеся, я только васъ прошу ,,предъ алтаремъ Господнимъ поминать меня, гдѣ вы ни будете.,, И сію мысль изъяснивши словами, каковыми могла, умолкла, и усиливающеюся болію удручалася.

28. А я, помышляя о дарѣхъ Твоихъ, Боже невидимый! которые Ты низпосылае-

еши вѣ сердца вѣрныхѣ Твоихѣ, и произрастаютѣ оттуда плоды удивительные, радовался, и благодарилѣ Тебе, воспоминая то, что зналѣ, коль много она всегда заботилася о гробѣ, которой себѣ промышляла и предуготовляла подлѣ тѣла супруга своего; понеже они весьма согласно жили между собою, и потому хотѣла, какѣ то есть духѣ человѣческій не вмѣщающѣ божественнаго, прилѣпиться кѣ оному щастію, и воспоминаема быть отѣ человѣковѣ, чтобы по заморскомѣ ея странствованіи соединенною землею обоихѣ супруговѣ прахѣ прикрывался. Когда же оная тщетность исполненіемѣ благости Твоея начала вѣ ея сердцѣ не быть, я не вѣдалѣ, и радовался, удивляяся, что она мнѣ таковою явилася, хотя и вѣ оной рѣчи, которую мы продолжали, стоя у окошка, когда она сказала: уже что я здѣсь дѣлаю? не открывалося желаніе ея умереть вѣ отечествѣ. И я сіе услышалѣ послѣ, понеже она, когда мы были уже при устіи Тиврскомѣ, сѣ нѣкоторыми друзьями моими, по матерней вѣрности разглагольствовала вѣ нѣкоторый день о презрѣніи жизни сея, и о благѣ смерти, гдѣ меня не было; и когда они удивлялися мужеству жены, которое Ты даровалѣ ей, и вопрошали ее, не страшится *ли* она толь далече отѣ отечества своего оставить тѣло: Ничто, сказала, не далеко есть отѣ Бога, и не должно опасаться

саться того, чтобЪ ОнЪ не познавЪ вЪ концѣ вѣка, откуда меня воскресить. И такЪ вЪ девятый день болѣзни своея, на пятьдесятЪ шестомЪ году жизни своея, а вЪ тритцать третіе лѣто возраста моего оная благочестивая и праведная душа отЪ тѣла разрѣшилася.

ГЛАВА XII.

КакЪ онЪ оплакивалЪ смерть матери своея.

29. Я сжималЪ очи ея, и стекалася вЪ сердце мое великая печаль, и превращалася вЪ слезы, и самыя очи мои насильственнымЪ сердца повелѣніемЪ истощевали источникЪ свой даже до сухости; и вЪ таковомЪ сраженіи весьма горестно мнѣ было. А тогда, какЪ она испустила послѣднее дыханіе, отрокЪ АдеодатЪ воскричалЪ сЪ плачемЪ, и всѣми нами будучи удержанЪ, замолчалЪ. РавнымЪ образомЪ и во мнѣ нѣчто дѣтское производило плачь, однако оное мужественнымЪ гласомЪ сердца было удерживаемо, и я молчалЪ; ибо мы за непристойное почитали оное погребеніе отправлять сЪ жалобами слезными и стенаніями; поелику сими по большой части обыкновенно оплакивается нѣкоторая бѣдность умирающихЪ, или какЪ бы всесовершенное уничтоженіе; но она и бѣдственно не умирала,

 ниже

ниже совершенно умирала (*), сіе мы изъ доказательствъ нравовъ ея, и вѣры нелицемѣрной и изъ причинъ извѣстныхъ познавали.

30. И такъ что другое во внутренности моей жестоко болѣло, развѣ рана свѣжая, бывшая отъ нечаянно разторгнутаго сладчайшаго и любезнѣйшаго обычая совокупной жизни? Я радовался о свидѣтельствѣ ея, что она въ той самой крайней болѣзни повиновеніямъ моимъ ласкающи, называла меня благочестивымъ, и упоминала съ великою любовію, что она никогда не слыхала изъ устъ моихъ изшедшаго на себя жестокаго, или ругательнаго слова. Но однакожъ что такое, Боже мой, сотворивый насъ, что сравнительнаго имѣло почтеніе, отъ меня оказанное ей, и рабство отъ нее мнѣ? И такъ понеже я оставляемъ былъ отъ толь великаго ея утѣшенія, то уязвлялася душа моя, и какъ бы разторгалася жизнь, которая единая состояла изъ моей и ея.

31.

(*) Здѣсь Бл. Августинъ склоняетъ рѣчь къ 1 Сол. гл. 4 ст. 13. гдѣ С. Павелъ такъ увѣщаваетъ Солунянъ: Братіе, не хощу васъ не вѣдѣти о умершихъ, да не скорбите, якоже и прочіи не имущіи упованія, т. е. не озаренные свѣтомъ Евангельскія вѣры, никакой не имѣютъ надежды по смерти тѣлесной востать въ воскрешеніе живота; и потому таковые достойны сожалѣнія и оплакиванія; напротивъ того вѣрующіе во Іисуса Христа по смерти сей воскреснутъ, и внидутъ въ радость Господа своего. Слѣдовательно, зная сіе, и скорбѣть о таковыхъ не прилично.

31. И такъ по удержаніи отъ вопля онаго отрока, взялъ Еводій Псалтирь, и пѣть началъ псаломъ, коему мы отвѣтствовали весь домъ: *Милость и судъ воспою тебѣ, Господи!* (1) Услышавъ же сіе дѣйствіе, собралися многіе братія, и благочестивыя жены; и когда по обыкновенію нѣкоторые приставленные къ сей должности пріуготовляли тѣло матери моея къ погребенію, то я въ нѣкоторой благопристойной части дома со всѣми не хотѣвшими меня единаго оставить разсуждалъ о томъ, что было прилично къ тому времени, и тѣмъ пособіемъ истины утолялъ мученіе, Тебѣ вѣдомое, котораго оные не знали, и внимательно меня слушали, и думали, что я не чувствую сей болѣзни. Но я во ушесахъ Твоихъ, гдѣ никто изъ нихъ не слышалъ, осуждалъ слабость страсти моея, и обуздывалъ стремленіе печали, и нѣсколько оная отступала отъ меня, и паки съ стремленіемъ своимъ нападала на меня, но не до изторженія слезъ, ниже до измѣненія лица; но я зналъ, что должно было мнѣ скрывать въ сердцѣ. И поелику мнѣ весьма не пріятно было, что столь во мнѣ сильно дѣйствуетъ сіе человѣческое, которому по чину должному и жребію состоянія нашего случиться необходимо нужно: то другою болѣзнію болѣзновалъ о болѣзни моей, и сугубою печалію сокрушался.

(1) Псал. 100 1.

32. Се по изнесеніи тѣла идемъ, возвращаемся безъ слезъ. Ибо не въ тѣхъ молитвахъ, которыя мы къ Тебѣ пролили, когда приносили за нее жертву цѣны нашея, уже подлѣ гробницы положивши трупъ, прежде нежели сокрыли его по тамошнему обычаю; не въ тѣхъ молитвахъ я рыдалъ, но цѣлой день тотъ въ тайнѣ горестно печалился, и мыслію смущенною просилъ Тебе, сколько могъ, излѣчить болѣзнь мою, и Ты не творилъ того, думаю, начертавяй въ памяти моей даже симъ единымъ доказательствомъ оковы всякой привычки, и противъ того ума, которой уже не ложнымъ питается словомъ; и восхотѣлъ я итти обмытися, которое названіе, какъ я слышалъ, оттуда и бани получили, поелику Греки оное βαλανεῖον (баня) называли; понеже сіе уныніе изгоняетъ изъ духа. Се и сіе исповѣдую милосердію Твоему, Отче сирыхъ, понеже я обмылся, и таковый былъ, каковый прежде обмовенія моего, ниже бо потомъ вышла изъ сердца моего горесть печали. По томъ я уснулъ, и восталъ, и возчувствовалъ не малое облегченіе въ болѣзни моей, и будучи единъ на ложѣ моемъ, вспомнилъ правдоглаголивые стишки Амвросія Твоего:

Ты бо еси Богъ Творецъ всяческихъ,
И небесъ правитель, облекаяй
День изящнымъ свѣтомъ,
Нощь усыпительною пріятностію,

Да

Да покой члены разслабленные
Оживотворяетъ къ понесенію трудовъ,
И умы утружденные облегчаетъ,
И печали разрушаетъ мучительныя.

33. И оттуда помалу паки приводилъ себѣ на прежнюю мысль рабу Твою, и сожитіе ея благочестивое къ Тебѣ, и свято къ намъ ласкательное и послушное, котораго я нечаянно лишился; и восхотѣхъ рыдать предъ очами Твоими о ней и за нее, о себѣ и за себя. И опустилъ слезы, обуздываемыя мною, дабы изтекали, сколько хотѣли, подлагая оныя подъ сердце мое; и оно успокоевалося на сихъ, понеже тамо были уши Твои, а не человѣка нѣкотораго, гордо толкующаго рыданіе мое. И нынѣ, Господи! исповѣдуюся Тебѣ въ писаніяхъ. Пусть чтетъ, кто восхощетъ, и толкуетъ, какъ восхощетъ; и ежели найдетъ грѣхомъ, что я рыдалъ о матери въ малую часть часа, о матери, притомъ предъ очами моими умершей, которая меня многo лѣтъ оплакивала, желая мнѣ предъ очами Твоими жить: тотъ да не посмѣвается въ томъ мнѣ, но паче, ежели имѣетъ великую любовь, о грѣхахъ моихъ и самъ да рыдаетъ къ Тебѣ, Отче всѣхъ братій Христа Твоего.

ГЛАВА XIII.

О моленіи его за матерь скончавшуюся.

34. Но я по излѣченіи уже сердца моего отъ оныя раны, которая могла показывать

вать слабость плотскую, проливаю къ Тебѣ, Боже нашъ! за оную рабу Твою совсѣмъ иной родъ слезъ, который произтекаетъ изъ духа содрогнувшагося разсужденіемъ о бѣдствіяхъ всякой души, во Адамѣ умирающей (1). Хотя мать моя во Христѣ и оживотворена, и еще отъ тѣла не разрѣшившися такъ жила, что хвалилося имя Твое въ вѣрѣ и нравахъ ея; однако не смѣю сказать, чтобъ отъ того времени, когда Ты ее чрезъ крещеніе отродилъ, никакое слово не изходило отъ устъ ея противъ заповѣди Твоей. И сказано отъ истины Сына Твоего: *Аще кто речетъ брату своему, юроде, повиненъ есть геннѣ огненнѣй* (2). И горе самой достохвальной жизни человѣческой, ежели Ты безъ милосердія будеши разбирать оную! А поелику не назираеши строго беззаконія, то мы съ упованіемъ чаемъ нѣкоторое у Тебе обрѣсти мѣсто благоснизхожденія. А кто Тебѣ изчисляетъ истинныя услуги свои, что Тебѣ изчисляетъ, развѣ дары Твои? О когда бы познали себя человѣки человѣками! и хваляйся, о Господѣ да хвалится (3)!

35. И такъ я, хвала моя, и животъ мой, Боже сердца моего! отложивъ на нѣсколько благія ея дѣянія, за которыя Тебѣ радуяся благодарю, нынѣ о грѣхахъ матери моея молю Тебе, услыши чрезъ врачеваніе язвъ нашихъ, повѣшенное на древѣ, ко-

(1) 1. Кор. 15. 22. (2) Матѳ. 5. 22. (3) 2. Кор. 10. 18.

которое сѣдящее одесную Тебе ходатайствуетъ у Тебе о насъ (1). Вѣмъ, яко милосердіемъ оно содѣлано, и любезно оставило долги должникомъ своимъ (2): остави оной рабѣ Твоей и Ты долги ея, ежели которые собрала чрезъ толико лѣтъ и послѣ воды спасенія, остави, Господи! остави, молю, не вниди съ нею въ судъ (3). Да хвалится милость на судѣ, яко словеса Твоя истинна суть (4). Ты и обѣщалъ еси милость милостивымъ, таковыми быть Ты даровалъ имъ: *Иже помилуеши, егоже аще помилуеши; и ущедриши, егоже аще ущедриши* (5).

36. И вѣрую, что ты сотвориши, чего у Тебя прошу; но вольная устъ моихъ благоволи же, Господи! Ибо мать моя при наступленіи дня разрѣшенія своего не помышляла о великолѣпномъ погребеніи тѣла своего, или о помазаніи онаго ароматами, или желала избранной гробницы, или старалася умереть въ отечествѣ. Не сіе она заповѣдала намъ, но токмо желала, дабы память о ней творима была предъ алтаремъ Твоимъ, которому она, не опущая ни одного дня, служила, и откуда раздаваема была жертва святая, которою изтреблено *рукописаніе, еже бѣ сопротивно намъ* (6), которою побѣжденъ былъ врагъ, считающій грѣхопаденія наши, и ищущій чѣмъ обли-

(1) Римл. 8. 34. (2) Матѳ. 6. 12. (3) Псал. 142. 2.
(4) Іак. 2. 13. (5) Римл. 9. 15. (6) Кол. 2. 14.

обличити, и ничего не обрѣтая въ томъ, въ немже его побѣждаемъ. Кто Ему отдіетъ неповинную кровь? Кто Ему воздастъ цѣну, которою Онъ насъ искупилъ, желая изторгнуть отъ него? Къ таинству сея цѣны нашея привязала раба Твоя душу свою узами вѣры. Никто отъ покрова Твоего да не отторгаетъ ее. Да не вступаетъ туда ни силою, ни коварствомъ левъ и змій; ибо она не таковый отвѣтъ дастъ, что ничѣмъ не должна, да не изобличена будетъ, и удержана клеветникомъ лукавымъ; но будетъ отвѣтствовать, что ей отпущены долги ея отъ того, которому никто не воздастъ того, что Онъ за насъ, будучи не долженъ, воздалъ.

37. И такъ да будетъ она въ мирѣ съ супругомъ своимъ, прежде котораго и послѣ его никакого мужа не имѣла, которому служила, плодъ Тебѣ приносящи съ терпѣніемъ, желая и его пріобрѣсти Тебѣ. Вдохни, молю, Господи мой, Боже мой! вдохни въ рабовъ Твоихъ, братію мою, въ сыновъ Твоихъ, господей моихъ, которымъ я и гласомъ, и сердцемъ, и писаніями служу, да когда сіе читать будутъ, поминаютъ предъ алтаремъ Твоимъ Моннику рабу Твою и Патрикія бывшаго ея супруга, чрезъ плоть которыхъ Ты ввелъ меня въ сію жизнь; а како, не вѣмъ. Да поминаютъ съ благочестною любовію родителей моихъ въ семъ свѣтѣ преходящемъ, и бра-

тію

тію мою, которыхъ Ты отецъ еси въ матери Каѳолической; и гражданъ моихъ въ вѣчномъ Іерусалимѣ, къ которому воздыхаетъ пришельствіе людей Твоихъ отъ исхода даже до возвращенія, дабы то, чего отъ меня мать требовала послѣдняго, болѣе ей исполнялося въ молитвахъ многихъ людей чрезъ исповѣданія, нежели чрезъ молитвы мои.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

Испытуетъ наконецъ, и явно засвидѣтельствуетъ, не каковъ онъ прежде былъ, но каковъ нынѣ. Бога, котораго любитъ, старается показать изъ природы вещей; и проходя мыслію въ особенности всѣ роды вещей, изъясняетъ силу памяти, которая подлинно во многомъ достойна великаго удивленія; и радуется, что въ его памяти имѣетъ Богъ мѣсто. Разсматриваетъ дѣйствія, чувства и страсти свои изъ трояклго искушенія, т. е. сладострастія, любопытства и гордости; исповѣдуетъ Господа Христа быти единаго Ходатая Бога и человѣковъ; и уповаетъ, что благостію Его имѣютъ уврачеваться всѣ недуги души его.

ГЛАВА I.

Въ Богѣ единомъ надежда и радость.

1. Познаю Тебе, Отче мой! познаю Тебе, якоже и познанъ есмь отъ Тебе.

крѣпости души моея, вниди въ нее, и устрой ее для Себя, да имѣти будеши, и обладати ею не имущею скверны и порока. (1) Сія есть надежда моя, тѣмже и глаголю, и въ сей надеждѣ радуюся, когда о истинѣ радуюся. Прочее же въ жизни сей тѣмъ меньше плача достойно, чѣмъ больше оплакивается; и тѣмъ паче плача достойно, чѣмъ меньше оплакивается. Се бо истину возлюбилъ еси (2); яко творяй ю грядетъ ко свѣту. Я хощу творить ее въ сердцѣ моемъ предъ Тобою во исповѣданіи; а въ слогѣ моемъ предъ многими свидѣтелями.

ГЛАВА II.

Когда Богу извѣстно тайное, то что есть исповѣдатися Ему.

2. И Тебѣ, Господи! предъ очами котораго нага есть бездна человѣческія совѣсти, что есть сокровенное во мнѣ, хотя бы я и не хотѣлъ исповѣдатися Тебѣ (3). Ибо Тебя бы я сокрылъ отъ себя, а не отъ Тебя себя. Нынѣ же, въ чемъ стенаніе мое есть свидѣтель, что я самъ себя ненавижу, Ты паче блистаеши, и пріятенъ мнѣ, и любезенъ и вождѣленъ, такъ что я постыждуся себя и отвергну себя, и изберу Тебя, и ни Тебѣ, и ни себѣ я не пріятенъ, развѣ о Тебѣ. И такъ я Тебѣ, Гос-

(1) Ефес. 5. 27. (2) Псал. 50. 8. (3) Евр. 4. 13.

Господи! явленъ, что я есмь, и сказалъ, съ какою пользою исповѣдуюся Тебѣ. Ибо сіе я творю не словами плотскими и гласами, но словами душевными, и воплемъ помышленія моего, которой вѣстъ ухо Твое. Понеже когда я золъ есмь, то не что иное есть исповѣдатися Тебѣ, какъ непріятнымъ быть себѣ; а когда я благочестивъ, не что иное есть Тебѣ исповѣдатися, какъ сіе не приписывать себѣ, яко Ты, Господи! благословляеши праведника, но прежде его оправдаеши нечестиваго (1). Того ради исповѣданіе мое, Боже мой! предъ лицемъ Твоимъ Тебѣ бываетъ въ молчаніи и не въ молчаніи; молчитъ бо отъ шума, вопіетъ любовію. Я ничего не говорю справедливаго человѣкамъ, чего бы Ты отъ меня первѣе не слышалъ; да и Ты ничего такого не слышишь отъ меня, чего бы Ты самъ первѣе не сказалъ мнѣ.

ГЛАВА III.

Съ какою пользою наконецъ будетъ исповѣдывать о томъ, каковый теперь есть, а не каковый былъ.

3. Такъ что мнѣ нужды до человѣковъ, чтобы слышали исповѣданія мои, какъ бы они имѣли уврачевать всѣ недуги мои? Любопытливъ сей родъ познавать жизнь чуждую, не-

(1) Псал. 5. 13.

нерадивъ исправлять свою. Для чего тѣ желаютъ отъ меня слышать, кто я, которые не хотятъ отъ Тебя слышать, кто они суть? И почему знаютъ, слыша меня, когда я самъ о себѣ говорю, правду ли говорю? *Никтоже бо вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка, живущій въ немъ* (1). А ежели отъ Тебя слышатъ о себѣ самихъ, не могутъ сказать, *лжетъ* Господь; ибо что значитъ отъ Тебя слышать о себѣ, развѣ познать себя? Ктожъ наконецъ познаетъ и говоритъ, ложно есть сіе, развѣ самъ онъ лжетъ? Но поелику *любы всему вѣру емлетъ* (2) между тѣми, которыхъ она соединивши съ собою, творитъ едино: то я, Господи! съ тѣмъ концемъ Тебѣ исповѣдуюся, дабы слышали меня человѣки, которымъ хотя доказать и не могу, правду ли я исповѣдую, но вѣру мнѣ емлютъ тѣ, которыхъ ушеса любовь мнѣ отверзаетъ.

4. Однакожъ Ты, Врачу мой внутренній: съ какою пользою сіе я творю, яви мнѣ; ибо исповѣданія прошедшихъ беззаконій моихъ, которыя мнѣ Ты оставилъ, и прикрылъ, да ублажиши меня въ Тебѣ, измѣняяй душу мою вѣрою и таинствомъ Твоимъ, чтомыя и слышимыя возбуждаютъ человѣческое сердце, да не спитъ болѣе въ отчаяніи, и да не говоритъ: не могу содѣлать сего, но да востаетъ въ любви милосердія Твоего, и въ

(1) 1. Кор. 2. 11. (2) 1. Кор. 13. 7.

вЪ сладости благодати Твоея, еюже силенЪ есть всякій немощный, которой чрезЪ оную познаетЪ немощь свою. И пріятно благимЪ слышать прошедшее зло тѢхЪ, которые уже не имѢютЪ его; не по тому пріятно, поелику есть зло; но поелику оное было вЪ нихЪ, и теперь его не имѢютЪ. И такЪ сЪ какою пользою, Господи мой! которому по вся дни исповѢдуется совѢсть моя, уповающая безопаснѢе на милосердіе Твое, нежели на невинность свою? СЪ какою пользою я и человѢкамЪ предЪ Тобою исповѢдую вЪ сихЪ писаніяхЪ моихЪ, еще кто я есмь, а не кто я былЪ? Ибо оную пользу я видѢлЪ, и обЪ ней упомянулЪ. Но кто я еще есмь, се вЪ самое время исповѢданій моихЪ, и многіе сіе знать желаютЪ знающіе меня, и не знающіе меня, которые хотятЪ отЪ меня нѢчто обо мнѢ слышать; но ухо ихЪ не было кЪ сердцу моему, гдѢ я есмь, каковый есмь; хотятЪ убо слышать исповѢдающагося меня, что я есмь по внутренности, куда ни окомЪ, ни ухомЪ, ни умомЪ проникнуть не могутЪ; однако вѢрить ли сему хотятЪ, ил познать? ВѢщаетЪ бо имЪ любовь, по которой они суть благіе, что я не лгу, о себѢ исповѢдуя, и та самая вЪ нихЪ вѢритЪ мнѢ.

ГЛАВА IV.

О томъ, что великіе суть плоды таковаго исповѣданія.

5. Но съ какою пользою того хотятъ человѣки? Сорадоваться ли мнѣ желаютъ, услышавъ, когда я къ Тебѣ прихожу по дару Твоему; и молить за меня, услышавъ, когда меня одерживаетъ бремя беззаконія моего? Ибо не малый сей плодъ, Господи, Боже мой! чтобъ многіе благодарили Тебѣ за насъ, и многіе молилися о насъ. Да любитъ сіе во мнѣ братолюбивый духъ, что Ты любить поучаеши; и да соболѣзнуетъ во мнѣ о томъ, о чемъ соболѣзновать поучаеши. Сіе да творитъ оный духъ братолюбивый, не внѣшній, не сыновъ чуждыхъ, *ихъ же уста глаголаша суету, и десница ихъ, десница неправды* (1); но братолюбивый есть духъ тотъ, которой, когда хвалитъ меня, радуется о мнѣ; а когда хулитъ меня, скорбитъ о мнѣ; поелику онъ хотя хвалитъ меня, хотя хулитъ, любитъ меня. Я покажу себя таковымъ, пусть успокоеваются во благихъ моихъ, воздыхаютъ въ злыхъ моихъ. Благая моя, учрежденія твоя суть и дары Твои; злая моя суть грѣхопаденія моя и суды Твои. Пусть успокоеваются въ тѣхъ, и воздыхаютъ въ сихъ, и пѣснь и плачь да восходитъ предъ лице

(1) Псал. 143. 8.

лице Твое изъ братолюбивыхъ сердецъ кадилъ Твоихъ. Ты же, Господи! усладившися вонями храма святаго Твоего, помилуй мя по велицѣй милости твоей, ради имене Твоего, и никакоже остави начинанія Твоя, соверши несовершенное мое.

6. Сей есть плодъ исповѣданій моихъ, не каковый я былъ, но каковъ есмь; да сіе исповѣдую не токмо предъ Тобою въ тайномъ радованіи съ трепетомъ и въ тайной печали съ надеждою, но и въ ушесахъ вѣрующихъ сыновъ человѣческихъ, общниковъ радости моея, и причастниковъ смертности моея, гражданъ моихъ, и со мною странствующихъ, предваряющихъ и послѣдующихъ, и спутниковъ живни моея. Сіи суть рабы Твои, братія мои, которымъ Ты сынами Твоими быть благоволилъ, господами моими, которымъ повелѣлъ мнѣ служить, ежели хощу съ Тобою о Тебѣ жить. И сіе для меня слово Твое маловажно бы было, ежели бы оное только говоря заповѣдывало, ежели бы и творя не предшествовало. И я сіе творю дѣлами и словами, сіе творю подъ крилами Твоими съ величайшею опасностію; развѣ поелику подъ крилами Твоими къ Тебѣ привержена есть душа моя, и немощь моя извѣстна Тебѣ. Младенецъ есмь, но живетъ присно отецъ мой, и довольный есть у мене защитникъ мой; ибо Онъ той же самый есть, которой родилъ меня, и сохраняетъ меня. И Ты самъ еси

все добро мое, Ты всемогущій сый со мною, и прежде нежели я съ Тобою есмь. И такъ покажу себя таковымъ, каковымъ Ты повелѣваеши мнѣ служить, не кто я былъ, но кто уже есмь, и кто еще есмь, но ниже я самъ совершенно познаю себя; почему сіи такъ должны меня слышать.

ГЛАВА V.

Человѣкъ всего себя не знаетъ, а Бога познаетъ въ гаданіи.

7. Ты убо, Господи! познаеши мене, поелику хотя *никтоже вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка, живущій въ немъ* (1); однако есть нѣчто въ человѣкѣ, чего ни самъ вѣсть духъ человѣка, живущій въ немъ; Ты же, Господи! вѣси его вся, которой сотворилъ его. А я хотя въ сравненіи Тебя себя презираю, и почитаю себя прахомъ и пепломъ, однако нѣчто о Тебѣ знаю, чего о себѣ не знаю. И поистинѣ нынѣ мы видимъ Тебя зерцаломъ въ гаданіи, но не лицемъ къ лицу; и потому чѣмъ далѣе устраняюся отъ Тебя, тѣмъ ближе я къ себѣ, нежели къ Тебѣ; и однако знаю, что Ты никакъ поврежденъ быть не можеши; а я какимъ искушеніямъ могу противиться, или какимъ не могу, сего не знаю. И уповаю, яко *вѣренъ еси Боже, иже не оставляеши насъ искуси-*

(1) 1. Кор. 2. 11.

ситися паче, еже можемъ, но творищи со искушенiемъ избытiе, яко возмощи намъ понести (1). И такъ исповѣмъ, что о себѣ знаю; исповѣмъ и то, чего о себѣ не знаю; понеже и что о себѣ познаю, то познаю, когда Ты мнѣ сiяеши; а чего о себѣ не знаю, дотолѣ не знаю, доколѣ будетъ тьма моя яко полудень предъ лицемъ Твоимъ.

ГЛАВА VI.

Что любитъ, когда Бога любитъ, и како Богъ познается изъ тварей.

8. Не сомнительною, но увѣренною совѣстiю, Господи! люблю Тебя. Ты поразилъ сердце мое словомъ Твоимъ, а я возлюбилъ Тебя. Но и небо, и земля и вся, яже въ нихъ, се отвсюду мнѣ вопiютъ, дабы я любилъ Тебя, и непрестанно вопiютъ всѣмъ человѣкамъ, воеже быти имъ безотвѣтнымъ. Свыше же Ты помилуеши, егоже аще помилуеши; и ущедриши, егоже аще ущедриши (2); иначе небо и земля глухимъ возвѣщаютъ хвалы Твои, и повѣдаютъ славу Твою. Что же я люблю, когда Тебя люблю? Не видъ тѣлесный, ни красоту времени, ни сiянiе свѣта, симъ очамъ моимъ прiятное, не сладкiя согласiя въ прiятнѣйшихъ пѣсняхъ, не отъ цвѣтовъ и мастей и ароматъ происходящее благоуханiе, не манну и медъ, не члены, прiятные плот-

(1) 1. Кор. 10. 13. (2) Рим. 9. 16.

скимъ объятіямъ. Не сіе люблю, когда люблю Бога моего; и однако люблю нѣкоторый свѣтъ, и нѣкоторый гласъ, и нѣкоторое благовоніе, и нѣкоторую пищу, и нѣкоторое объятіе; когда люблю Бога моего, свѣтъ, гласъ, благовоніе, пищу, объятіе внутренняго человѣка моего: гдѣ то блистаетъ въ душѣ моей, чего не вмѣщаетъ мѣсто; гдѣ гремитъ, чего не похищаетъ время; и гдѣ благоухаетъ, чего не разсѣваетъ вѣтръ; и гдѣ услаждаетъ, чего не уменьшаетъ яденіе; и гдѣ обьимаетъ, чего не расторгаетъ довольство. Сіе я люблю, когда Бога моего люблю.

9. И чтожъ есть сіе? вопросилъ я землю, и рекла: Не я; и все живущее на ней то же самое подтвердило. Вопросилъ я море и бездны, и гады душъ живыхъ, и отвѣтствовали: Не мы Богъ твой, ищи Его выше насъ. Вопросилъ вѣтровъ дышущи, и сказалъ весь воздухъ съ жителями своими: Обманываетса Анаксименъ; не я Богъ (*) Вопросилъ небо, солнце, луну, звѣзды: И мы не

(*) Анаксименъ былъ Милетинскій Философъ, ученикъ и послѣдователь Анаксимандра философа. Онъ полагалъ началомъ всѣхъ вещей воздухъ, изъ сгущенія котораго и жидкости будто все раждается. Движенія же онаго, говорилъ онъ, есть отъ самой вѣчности; а земля будто бы изъ стѣсненнаго и сжатаго воздуха прежде всѣхъ вещей сдѣлалася огромною и великою; и потому не безъ причины оная содержится на воздухѣ, и изъ сея земли по мнѣнію его начало свое ведетъ солнце, луна и прочія звѣзды.

не Богъ, котораго ты ищеши, во отвѣтъ мнѣ сказали. И такъ я сказалъ всѣмъ вещамъ, окружающимъ входы моея плоти (*): Вы сказали мнѣ о Богѣ моемъ, что не вы, скажитежъ мнѣ о Немъ что нибудь? И возопили всѣ гласомъ великимъ: *Той сотвори насъ.* Вопрошеніе мое тварей есть глубокое разсужденіе о нихъ, а отвѣтъ ихъ есть видъ ихъ. И обратился я къ себѣ, и сказалъ себѣ: Ты кто? И отвѣтствовалъ: Человѣкъ; и се тѣло и душа всегда при мнѣ находятся, одно внѣшнее, другое внутреннее. Чрезъ которое изъ сихъ мнѣ надлежало искать Бога моего, котораго уже я искалъ тѣломъ, начиная отъ земли даже до неба, доколѣ могъ посылать вѣстниковъ, лучи очей моихъ? Но лучше есть то, что есть внутреннее; понеже внутреннему доносили всѣ вѣстники тѣлесные, сіе внутреннее предсѣдательствовало и разсуждало о каждыхъ отвѣтахъ неба, и земли, и всего, яже на нихъ сіе гласящаго: *Не мы Богъ: но Той сотворилъ насъ.* Человѣкъ внутренній познalъ сіе чрезъ служеніе внѣшняго, я внутренній позналъ сіе, я, я духъ позналъ посредствомъ чувствъ тѣла моего. Вопросилъ я еще тяжесть міра о Богѣ моемъ, и отвѣтствовала мнѣ: Не я, но Той меня сотворилъ.

(*) Чрезъ входы разумѣются здѣсь всѣ чувства тѣлесныя, чрезъ которыя познаетъ душа вещи.

10. Не всѣмъ ли имѣющимъ неповрежденное чувство является сей видъ? для чего же не всѣмъ то же гласитъ? Животныя малыя и великія созерцаютъ сей видъ вещей, но вопрошать его не могутъ; ибо оныя не имѣютъ надъ возвѣщающими чувствами начальника судію разума; а человѣки вопрошать могутъ. *Не видимая бо Божія, твореньми помышляема, видима суть* (1); но любовію къ тѣмъ вещамъ пригвождаются, и пригвожденные разсуждать объ нихъ не могутъ. Не отвѣтствуютъ сіи твари вопрошающимъ, точію разсуждающимъ, и не премѣняютъ гласа своего, т. е. вида своего, ежели одинъ только созерцаетъ, а другой созерцая вопрошаетъ, чтобъ оный иначе являлся тому, а иначе сему, но единообразно обоимъ является, тому безгласенъ, сему гласитъ; еще и всѣмъ вопіетъ и гласитъ; но тѣ сей видъ разумѣютъ, которые гласъ его услышавъ внѣ, внутри сообщаютъ съ истиною. Истина бо вѣщаетъ мнѣ: нѣсть Богъ твой небо и земля, ниже всякое тѣло. Сіе глаголетъ ихъ естество созерцающему: се тяжесть меньшая находится въ части, нежели въ цѣломъ. Уже ты лучше того, тебѣ глаголю, душе моя! понеже ты укрѣпляеши тяжесть тѣла своего, оживотворяя его, чего никакое тѣло не доставляетъ тѣлу; Богъ же Твой есть и тебѣ живота животъ.

ГЛА-

(1) Рим. 1. 20.

ГЛАВА VII.

ТѢлесною, или чувственною силою БогЪ не обрѣтается.

11. ТакЪ что я люблю, когда Бога моего люблю? Кто есть той надЪ главою души моея? По самой душѣ моей взыду кЪ нему. Прейду силу мою, которою прилѣпляюся кЪ тѣлу, и жизненно составЪ его наполняю. Не тою силою обрѣтаю Бога моего; ибо обрѣлЪ бы Его и конь и meскЪ, имЪ же нѣсть разума; поелику имѣютЪ ту же силу, которою живутЪ и ихЪ тѣла. Есть другая сила, не только которою я оживотворяю, но и очувстворяю плоть мою, которую мнѣ устроилЪ Господь, повелѣваяй оку не слышати и уху не видѣти; но тому, чѣмЪ вижу; сему, чѣмЪ слышу; и собственное особенно прочимЪ чувствамЪ по мѣстамЪ ихЪ и должностямЪ ихЪ; сіе различное чрезЪ нихЪ я дѣйствую, единЪ будучи духЪ. Прейду и сію силу мою; ибо и оную имѣетЪ конь и мескЪ, чувствуютЪ бо и они тѣломЪ.

ГЛАВА VIII.

О силѣ памяти.

12. И такЪ прейду я и сію силу естества моего, постепенно восходя кЪ Сотворшему меня, и прихожу вЪ поля и пространныя храмины памяти моея, гдѣ находятся

ся сокровища безчисленныхЪ образовЪ, со всякихЪ вещей посредствомЪ чувствЪ начертанныхЪ. ТамЪ все сохраняется, что мы ни помышляемЪ, или умножая, или уменьшая, или какЪ нибудь перемѣняя то, кЪ чему чувство касалося; и ежели что другое туда впечатлѣно и сокрыто, чего еще не поглотило и не истребило забвеніе. ТамЪ, когда я бываю, требую, чтобы мнѣ все вынесено было, чего хощу, и иное скоро выходитЪ, другаго долго ищу, и какЪ бы изЪ потаенныхЪ нѣкоторыхЪ хранилищЪ извлекаю; иное кучами наружу выступаетЪ, и когда еще инаго требую и ищу, выскакиваетЪ на среду, какЪ бы говоря: развѣ не мы ли? И отражаю оное рукою сердца отЪ лица воспоминанія моего, пока возникнетЪ мнѣ желаемое, и предЪ взорЪ предстанетЪ изЪ сокровенности; иное безЪ трудности и порядочно по требованію моему воспоминаю, и предЪидущее уступаетЪ послѣдующему, и уступая сокрывается, дабы паки могло выити, когда я пожелаю. Но сіе все цѣлымЪ бываетЪ, когда я что нибудь сказываю наизусть.

13. ТамЪ все то раздѣльно и вообще сохраняется, что каждое своимЪ входомЪ впечатлѣвается вЪ памяти, на пр. свѣтЪ, и всѣ цвѣты, и виды тѣлесные чрезЪ глаза проходятЪ, а чрезЪ уши всѣ роды звуковЪ, всѣ благовонія чрезЪ ноздри, всѣ вкусы чрезЪ уста, чрезЪ чувство же всего тѣ-

ла

ла твердое, мягкое, теплое, или холодное, гладкое, или шароховатое, тяжелое, или легкое, находящееся либо внутрь тѣла, либо внѣ его. Сіе все вмѣщаетъ въ себѣ огромное жилище памяти, что я воспоминаю и упоминаю, когда потребуетъ того нужда; и не знаю, какія то она имѣетъ толь сокровенныя и несказанныя нѣдра въ себѣ, куда все воспоминаемое мною своими каждое дверьми входитъ къ ней, и хранится въ ней. Однако не самыя чувствуемыя вещи входятъ въ память; но чувствованныхъ вещей образа тамъ находятся въ готовости для помышленія того, кто воспоминаетъ оныя. А какъ сіи образы вещей тамъ устроены, кто можетъ совершенно изъяснить, хотя и извѣстно, какими чувствами оные проникаютъ, и внутри сокрываются? Ибо я, и во тмѣ и въ безмолвіи пребывая, въ памяти моей представляю, ежели хочу, различные цвѣты, и раздѣляю между бѣлымъ и и чернымъ, и между ими другіе, какіе пожелаю, и не вбѣгаютъ туда уже звуки, и не производятъ тамъ смятенія, когда я разсуждаю о тѣхъ вещахъ, которыхъ образы входятъ чрезъ глаза, хотя и тѣ тамъ находятся, но какъ бы въ особенномъ мѣстѣ хранятся. Ибо и сихъ звуковъ образа требую, ежели мнѣ угодно, и являются немедленно. И тогда, когда покоится языкъ, и безмолвствуетъ гортань, пою, сколько хощу; но уже образа, начертанные съ цвѣтовъ въ памя-

памяти, которые тамъ же находятся, не вмѣшиваются, и не прерываютъ помышленія моего, когда другое сокровище извлекается оттуда, втекшее чрезъ уши мои. Такимъ образомъ я и все прочее, что чрезъ другія чувства впечатлѣно и собрано въ памяти, воспоминаю, какъ мнѣ угодно, и пріятность лилей отличаю отъ фіалокъ безъ всякаго обонянія; и медъ предпочитаю вину, гладкое шероховатому, безъ всякаго тогда вкушенія и осязанія, но только единымъ воспоминаніемъ.

14. Внутри сіе я творю въ чертогахъ огромныхъ памяти моея; ибо тамъ мнѣ небо и земля и море предъ очи представляются со всѣми вещами, которыя я въ нихъ чувствовать могъ, кромѣ забвенныхъ. Тамъ и самъ съ собою встрѣчаюся, и себя воспоминаю, что, когда, и гдѣ я дѣйствовалъ, и какъ дѣйствуя утружденъ или пораженъ былъ. Тамъ все находится, что или мною испытанное, или отъ другихъ слышанное памятую. И изъ того же обилія самыя подобія вещей или мною испытанныхъ, или чрезъ испытанныя познанныхъ, различно и самъ соединяю съ прошедшими, а изъ сихъ и о будущихъ дѣлахъ, и случаяхъ и надеждѣ, и о семъ всемъ какъ бы о настоящемъ размышляю. Сдѣлаю сіе, или то, говорю я самъ въ себѣ, т. е. въ великомъ нѣдрѣ духа моего, наполненномъ столь многихъ и съ толикихъ вещей начертан-

танными образами; и сіе, или то воспослѣдуетъ. О естьли бы сіе, или то сдѣлалося! да отвратитъ Богъ сіе, или то. Говорю въ себѣ сіе; и когда говорю, тотчасъ представляются мнѣ образа всѣхъ тѣхъ вещей, о которыхъ говорю, выходя изъ того же сокровища памяти, но совсѣмъ бы я ничего не могъ говорить объ нихъ, ежели бы тамъ не было ихъ.

15. Великая сія есть сила памяти, весьма великая, Боже мой! храмъ внутренній пространный и безконечный. Кто до дна его достигаетъ? И сія сила есть духа моего, и къ моему естеству принадлежитъ, и самъ я не вмѣщаю себя всего, что есмь: слѣдовательно и духъ для вмѣщенія себя самаго есть тѣсенъ. Но гдѣ то дѣвается, чего онъ своего не вмѣщаетъ? внѣ ли его, и не въ немъ самомъ? Такъ какимъ же образомъ не вмѣщаетъ? Многое во мнѣ о семъ раждается удивленіе, недоумѣніе объемлетъ меня. Идутъ человѣки удивляться высокимъ горамъ, и великимъ волненіямъ морскимъ, и обширнѣйшимъ теченіямъ рѣкъ, и окружностямъ Океяна и обращеніямъ звѣздъ, а оставляютъ себя самихъ, и не удивляются. Понеже когда я говорилъ о сихъ всѣхъ вещахъ, тогда не видалъ ихъ глазами, и однако не говорилъ бы объ нихъ, ежели бы горъ, и рѣкъ, и звѣздъ, которыя видѣлъ прежде, и Океяна, о которомъ слышалъ, не видалъ внутри памяти моей, въ толь вели-

великихъ пространствахъ, какъ бы во внѣшности; и однако я, видя сіи вещи, не воглотилъ ихъ, когда смотрѣлъ на нихъ; и не тѣ самыя находятся въ моей памяти, но образа ихъ; и знаю, что чрезъ какое тѣлесное чувство въ меня впечатлѣлося.

ГЛАВА IX.

Память наукъ.

16. Но не сіе единое содержитъ въ себѣ неизмѣримая сія вмѣстительность памяти моея. Здѣсь находится и то все, что изъ свободныхъ наукъ почерпнутое, еще не изгладилося забвеніемъ, какъ бы находится въ сокровеннѣйшемъ мѣстѣ, и я не образа того, но самыя вещи имѣю въ памяти моей; ибо что есть ученость, что искусство разсуждать, сколько находится родовъ вопросовъ: то все, что я изъ сихъ знаю, такъ находится въ памяти моей, что я образъ того удерживаю, а самую вещь оставляю внѣ, которая или прогремѣла, и прешла, какъ на примѣръ гласъ впечатлѣнный въ память чрезъ уши; и когда мы воспоминаемъ его, представляется гремящимъ, когда уже совсѣмъ не гремитъ; или какъ запахъ, когда проходитъ и изчезаетъ на воздухѣ, поражаетъ обоняніе наше, а чрезъ то оставляетъ въ памяти образъ свой, которой мы памятуя, воспоминаемъ; или какъ пища, которая въ желудкѣ

лудкѣ подлинно уже не имѣетъ никакого вкуса, и однако въ памяти какъ бы вкусъ въ насъ дѣлаетъ; или какъ нѣчто такое, что тѣлеснымъ прикосновеніемъ чувствуется; хотя оное и отдалено отъ насъ, однако воображаетъ память; ибо сіи вещи не входятъ внутрь къ ней, но ихъ единые образа съ удивительною скоростію понимаются, и въ удивительныя какъ бы пещеры сохраняются, и удивительно при воспоминаніи вонъ оттуда износятся.

ГЛАВА Х.

Науки въ память не посредствомъ чувствъ проникаютъ, но изъ сокровеннѣйшаго ея нѣдра извлекаются.

17. А когда слышу, что три рода есть вопросовъ: есть ли? что есть? какое есть? то хотя и познаю образа звуковъ, изъ которыхъ сіи слова состоятъ, и знаю, что оные чрезъ уши съ громомъ прошли, и уже ихъ нѣтъ; вещей же самыхъ, которыя изображаются чрезъ оные звуки, никакимъ чувствомъ тѣлеснымъ я не касался и никогда не видалъ ихъ, кромѣ духа моего, и въ памяти сокрылъ не образа ихъ, но сіи самыя, которыя какъ ко мнѣ взошли, пусть скажутъ, ежели могутъ; ибо я обтекаю всѣ двери плоти моея, и не нахожу, въ которую изъ нихъ

оныя взошли. Понеже глаза говорятъ: ежели онѣ были цвѣтами испещренныя, то мы ихъ возвѣстили; уши говорятъ: ежели онѣ возгремѣли, отъ насъ объявлены; ноздри говорятъ: ежели благоухали, чрезъ насъ прошли; также говоритъ чувство вкушенія: ежели не имѣютъ вкуса, никакъ меня о томъ не вопрошай; осязаніе говоритъ: ежели оныя не тѣлесныя, я не осязало; ежели не осязало, то и не объявило: откудажъ и какъ сіи вещи взошли въ память мою? Не знаю какъ; ибо когда я позналъ оныя, не повѣрилъ сердцу другаго, но въ своемъ позналъ, и утвердилъ, что онѣ истинны суть, и поручилъ сердцу моему, какъ бы для того туда скрывая, откуда бы паки взять могъ, когда захощу. И такъ тамъ оныя были и прежде изученія моего, но въ памяти моей ихъ не было. Такъ гдѣжъ? или для чего, когда объ нихъ говорено было, я позналъ и говорилъ: такъ, справедливо, развѣ поелику уже были въ памяти, но толь отдаленны и сокровенны, какъ бы въ пещерахъ сокровенныхъ, что естьли бы воспоминаніемъ нѣкотораго человѣка не были тронуты, о томъ бы можетъ быть я не могъ и помыслить?

ГЛА-

ГЛАВА XI.

Что есть учиться.

18. Почему мы нашли, что не что иное есть учиться симЪ вещамЪ, которыхЪ образа не посредствомЪ чувствЪ почерпаемЪ, но безЪ образовЪ, какЪ оныя суть сами вЪ себѣ, внутри созерцаемЪ; какЪ только то, что разсѣянное и безпорядочное содержалось вЪ памяти, помышляя какЪ бы собирать вЪ одно мѣсто, и примѣчая стараться, дабы оное вЪ памяти вблизи находилося, вЪ которой прежде было разсѣяно и разброшено, и дабы при нашемЪ объ ономЪ воспоминанiи скорѣе на мысль нашу попадалося. И сколь много сему подобнаго содержитЪ вЪ себѣ память моя, уже найденнаго, и какЪ я сказалЪ, какЪ бы вблизи положеннаго, чему учиться и познавать мы называемся. Сiе, ежели я вЪ надлежащiя времена воспоминать перестану, то паки погружается вЪ забвенiи, и какЪ бы вЪ отдаленнѣйшiя хранилища расточается, что паки какЪ бы новое должно вымышлять; (ибо хотя и нѣтЪ другой стороны вЪ памяти для онаго), однако должно паки сiе собирать помышленiемЪ, дабы можно было познать, т. е. какЪ бы собрать отЪ нѣкотораго расточенiя вЪ одно мѣсто, отЪ чего и названо сiе слово помышлять.

ГЛАВА XII.

ВЪ памяти содержатся математическія вещи.

19. Также содержитЪ вЪ себѢ память числа, и измѢренія, и законы безчисленные, изЪ которыхЪ ни единаго не влечатлѢло тѢлесное чувство; поелику оные не имѢютЪ ни цвѢтовЪ, ни звуковЪ, ни благоуханій, ни вкусовЪ, и суть не осязаемы. Я слышалЪ звуки, отЪ словЪ происходящіе, которыми законы изражаются, когда разсуждается обЪ нихЪ, но иное суть звуки, иное законы; ибо звуки иначе на ГреческомЪ и иначе на ЛатинскомЪ языкахЪ произносятся, а законы ни Греческіе ни Латинскіе и не особеннымЪ родомЪ слога изражаются. Я видѢлЪ черты у художниковЪ даже самыя тончайшія, на подобіе нити паутиной, но оныя суть инаковыя, не образа ихЪ, которые мнѢ обЪявило плотское око. ЗнаетЪ оныя всякой безЪ всякаго помышленія о какомЪ либо тѢлѢ, внутри познаетЪ ихЪ. Я позналЪ и числа всѢми тѢлесными чувствами, которыя считаемЪ; но тѢ инаковы суть, которыми считаемЪ, и не образа ихЪ, и слѢдовательно они совсѢмЪ отличны. Пусть посмѢвается мнѢ о семЪ говорящему, кто не видитЪ ихЪ; а я долженЪ соболѢзновать осмѢющемся мнѢ.

ГЛАВА XIII.

Мы въ памяти содержимъ и то, что памятуемъ.

20. Сіе все я содержу въ памяти, и какъ тому изучился, въ памяти же содержу. Притомъ многое, что противъ сего весьма ложно разсуждается, я слышалъ, и въ памяти содержу, что хотя и есть ложное; однако то не ложно, что я оное памятую, и что полагаю различіе между онымъ истиннымъ и симъ ложнымъ и прекословнымъ. Да и сіе памятую и вижу, что иначе нынѣ различаю сіе, а иначе памятую, что я часто различалъ, когда о томъ часто помышлялъ. И такъ помню, что я часто сіе разумѣлъ; а что нынѣ различаю и разумѣю, то сохраняю въ памяти моей, дабы послѣ помнить, что я нынѣ разумѣлъ. Слѣдовательно и то, что я помнилъ, памятую; какъ и послѣ, что я сіе могъ нынѣ вспомнить; ежели буду воспоминать, подлинно силою памяти буду воспоминать.

ГЛАВА XIV.

Какимъ образомъ содержитъ въ себѣ страсти память, и какъ радостное воспоминаемъ будучи нерадостны.

21. И самыя страсти духа моего содержитъ таже память, хотя не таковымъ образомъ, какъ ихъ имѣетъ самъ духъ, терпящій оныя, но инымъ и весьма различнымъ, такъ какъ свойственно силѣ памяти. Ибо какъ я не съ радостію воспоминаю то, что я радовался, такъ и прошедшую мою печаль воспоминаю безъ печали; и что я нѣкогда страшился, то привожу себѣ на память безъ страха, и прежнее мое вожделѣніе безъ вожделѣнія памятую. Иногда и напротивъ, печаль свою прошедшую радостный воспоминаю, а печальный радость, чему удивляться о тѣлѣ не должно: иное бо духъ, иное тѣло. И такъ ежели прошедшую болѣзнь тѣлесную радуяся воспоминаю, то сіе не столь удивительно. А здѣсь и самая память есть умъ; ибо когда повелѣваемъ что нибудь содержать въ памяти, говоримъ: смотри, имѣй оное въ умѣ; и когда забываемъ, говоримъ: не было того въ умѣ, и вышло изъ ума: самую память называемъ умомъ. А когда такъ, то отъ чегожъ происходитъ сіе, что когда я прошедшую печаль мою радостный памятую,

то

то духъ имѣетъ радость, а память печаль, и радостный бываетъ духъ по тому, что въ немъ находится радость; память же отъ того, что находится въ ней печаль, печальна не бываетъ? или можетъ быть сіе не принадлежитъ до духа? кто сіе скажетъ? И такъ память есть какъ бы чрево духа, а радость и печаль, какъ бы пища сладкая и горькая. Когда оныя ввѣряются памяти, то какъ бы прошедши во чрево, сокрыться тамъ могутъ, вкуса же производить не могутъ. Хотя и смѣха достойно такъ думать, какъ будто сіе тому подобно, однако не совсѣмъ и не подобно.

22. Но се изъ памяти же изношу, когда говорю, что четыре суть возмущенія духа, вожделѣніе, радость, страхъ, печаль и все, что о сихъ разсуждать могу, раздѣляя каждое по видамъ своего рода и опредѣляя. Тамъ нахожу то, что мнѣ должно говорить, и оттуда изношу; однако ни однимъ изъ тѣхъ возмущеніемъ не смущаюся, когда объ нихъ воспоминая упоминаю, и прежде воспоминанія моего оныя тамъ были, и потому я оттуда ихъ могъ изъять чрезъ воспоминаніе. Можетъ быть, какъ изъ чрева изходитъ пища чрезъ отрыганія, такъ сіе изъ памяти износится чрезъ воспоминаніе. Для чего же во устахъ помышленія не чувствуются отъ разсуждающаго, т. е. отъ воспоминающаго

 радо-

радости сладость, или горесть печали? Или въ семъ не подобно, поелику не совершенно подобно? Ибо кто бы о семъ охотно разговаривалъ, ежели бы мы, когда печаль или страхъ именуемъ, тогда печалиться или страшиться принуждаемы были? И однако мы не могли бы о томъ говорить, ежели бы въ памяти нашей не только звуки именъ, по образамъ впечатлѣннымъ чрезъ тѣлесныя чувства, но и самыхъ вещей понятія не находили, которыя мы ни чрезъ какую дверь плоти нашея не пріяли, но ихъ самъ духъ, чрезъ опытъ страданій своихъ чувствующій, памяти ввѣрилъ, или она сіе и не ввѣренное ей въ себѣ содержала.

ГЛАВА XV.

И не сущее мы помнимъ.

23. Но чрезъ образа ли, или нѣтъ, кто безъ трудности скажетъ? Понеже именую камень, именую солнце, хотя самыя вещи и не предлежатъ чувствамъ, но въ памяти моей тотчасъ представляются образа ихъ. Именую болѣзнь тѣлесную, и не имѣю оной, понеже ничто не болитъ; однако ежели бы не было образа ея въ памяти моей, то бы я не зналъ, что говорить, и оную бы при разсужденіи не различалъ отъ удовольствія. Именую здравіе тѣлесное, будучи здравъ тѣломъ; хотя и самую вещь имѣю; однако, ежели бы и образъ ея не нахо-

ходился въ памяти моей, никакъ бы не вспомнилъ, что сіе означаетъ имя. Также и болящіе не познали бы, наименовавъ здравіе, что было сказано, ежели бы тотъ же образъ не содержался въ силѣ памяти, хотя бы самая вещь и удалена была отъ тѣла. Именую числа, которыми считаемъ, и находятся въ памяти моей не образа ихъ, но они самыя. Именую образъ солнца, и сей находится въ памяти моей; ибо не образъ образа его, но самой оной воспоминаю: оной самый мнѣ воспоминающему представляется. Именую память, и познаю то, что именую. Но гдѣжъ познаю, развѣ въ самой памяти? Или и сія чрезъ образъ свой себѣ представляется, а не чрезъ себя самую?

ГЛАВА XVI.

О памяти забвенія.

24. Чтожъ, когда забвеніе именую, и также познаю то, что именую, откуда бы я могъ познать оное, ежели бы не памятовалъ? Не о томъ же звукѣ имени говорю, но о вещи, чрезъ оное означаемой, которую, ежели бы я забылъ, то бы подлинно не могъ познать, что чрезъ оный звукъ означается. И такъ когда память памятую, то сама чрезъ себя представляется себѣ память; а когда памятую забвеніе, то и память представляется, и за

бвеніе: память, которою бы я памятовалъ; забвеніе, которое бы памятовалъ. Но что есть забвеніе, развѣ лишеніе памяти? Такъ какимъ образомъ оно представляется, дабы я памятовалъ оное, поелику когда оно представляется, не могу ничего памятовать? Но ежели то, что памятуемъ, содержимъ въ памяти; а забвенія ежели бы мы не памятовали, никакъ бы не могли, услышавъ сіе имя, познать самую вещь, чрезъ оное означаемую, слѣдовательно въ памяти содержится и забвеніе. И такъ представляется намъ забвеніе, дабы его не забывать, которое, когда представляется, забываемъ. Изъ сего явствуетъ ли, что забвеніе не само чрезъ себя находится въ памяти, когда оное памятуемъ, но чрезъ образъ свой? Поелику, ежели бы само чрезъ себя мыслямъ нашимъ представлялося забвеніе, то бы оно дѣлало паче, чтобъ мы не памятовали, но чтобъ забывали. И сіе кто изслѣдовать можетъ? кто постигнетъ, какимъ образомъ сіе дѣлается?

25. Я по истиннѣ, Господи, тружданося здѣсь, тружданося, говорю, въ себѣ самомъ; сдѣлался самъ себѣ земля трудности и пота безмѣрнаго; ибо нынѣ мы не испытуемъ странъ небесныхъ, не измѣряемъ разстоянія звѣздъ, не изслѣдуемъ равновѣсія земли; и я есмь, которой памятую: я духъ. Не столь сіе удивительно, ежели то далече отстоитъ отъ меня, что

есмь

есмь не я; чтожъ ко мнѣ ближе меня самаго? И се я самъ памяти моей силы не постигаю; потому что о себѣ самомъ не говорю безъ нее. Ибо что скажу, когда мнѣ извѣстно, что я памятую забвеніе? Скажу ли, что нѣтъ того въ памяти моей, что памятую? или скажу, что для сего находится забвеніе въ памяти моей, дабы мнѣ не забывать? То, и то, и другое весьма не лѣпо. Что оное третіе? Какъ скажу, что образъ забвенія содержится въ памяти моей, а не самое забвеніе, когда оное памятую? Какъ и сіе скажу, понеже когда впечатлѣвается нѣкоторой вещи образъ въ памяти, то прежде надобно быть вещи, откуда бы оный образъ могъ впечатлѣться? Ибо такъ я Карѳагенъ памятую, такъ всѣ мѣста, въ которыхъ былъ, такъ лица человѣческія, которыя видѣлъ, и прочихъ чувствъ объявленія, такъ самаго тѣла здравіе, или болѣзнь. Когда сіи вещи представляются чувствамъ моимъ, то пріемлетъ отъ нихъ образа память, на которые бы я взирая настоящіе приводилъ себѣ на мысль и воспоминалъ отсутствующіе. И такъ ежели чрезъ образъ свой, а не само чрезъ себя въ памяти содержится забвеніе, то конечно само оно въ ней было, дабы изобразить могло образъ свой; а когда было оно въ памяти, то какъ въ ней написало свой образъ, когда забвеніе и то, что уже начертанное

нахо-

находитЪ, изглаждаетЪ присутствіемЪ своимЪ? И однако, какЪ бы то ни было, хотя сей способЪ есть непостижимый и неизЪяснимый, но я увѣренЪ, что и самое забвеніе памятую, вЪ которомЪ то, что мы прежде памятовали, погребается.

ГЛАВА XVII.

Великую силу имѣетЪ память, но далѣе должно простираться, дабы достигнуть до Бога.

26. Великая есть сила памяти: не знаю, Боже мой! какая то ужасная, глубокая и безконечная многоразличность; но сіе самое есть умЪ мой, и сіе я самЪ. ТакЪ что я, Боже мой? Какое естество? Различное, многообразная жизнь и неизмѣримая весьма. Се, что находится вЪ поляхЪ памяти моея, и вЪ пещерахЪ и вЪ вертепахЪ безчисленныхЪ, и безчисленно наполненныхЪ родами вещей, либо чрезЪ образа, какЪ-то всѣхЪ тѣлЪ; либо чрезЪ присутствіе, какЪ наукЪ, либо не знаю чрезЪ какія то понятія или примѣчанія, какЪ-то страстей духа, которыя и тогда, когда умЪ не страждетЪ, содержитЪ вЪ себѣ память; потому что все то есть вЪ умѣ, что находится вЪ памяти. Повсему сему я протекаю и летаю туда и сюда, проницаю по возможности моей, и нигдѣ не имѣю конца: толикая сила есть памяти, толикая жизни сила есть вЪ человѣкѣ,

смерт-

смертно живущемъ! Что убо сотворю, истинный животъ мой, Боже мой. Прейду и сію силу мою, называемую память, прейду ее, да пріиду къ Тебѣ, сладчайшій Свѣте. Что глаголеши мнѣ? Се я восхожу умомъ моимъ къ Тебѣ, иже свыше меня пребываеши. Прейду, говорю, сію силу мою, называемую память, желая достигнуть Тебя, откуда достигнутъ быть можеши, и прилѣпиться къ Тебѣ, откуда прилѣпиться къ Тебѣ возможно. Имѣютъ бо память и скоты и птицы: иначе бы не возвращалися паки на жилища и гнѣзда прежнія, и не познали бы много инаго, къ чему пріобыкли, да и пріобыкнуть не могли бы ни къ какимъ вещамъ, развѣ только памятію. И такъ прейду и память, да постигну того, который отличилъ меня отъ четвероногихъ и птицъ небесныхъ: мудрѣйшимъ сотворилъ меня. Прейду память, но гдѣ Тебя обрящу, истинно благая и безопасная Сладосте? гдѣ, говорю, Тебя обрящу? Ежели кромѣ памяти моей Тебя обрѣтаю, то не памятую Тебя. И какъ уже обрящу Тебя, ежели не памятую Тебя?

ГЛАВА XVIII.

Не льзя бы было найти потерянную вещь, ежели бы она не содержалася въ памяти.

27. Ибо погубила было жена драхму, и взыскала оную со свѣтильникомъ; и

ежели

ежели бы не памятовала оной, не обрѣла бы ее; ибо обрѣтши оную, почему бы знала, что та самая есть, ежели бы ее не памятовала. Памятую, что я много потеряннаго искалъ и обрѣталъ. По тому сіе познаю, поелику когда я искалъ нѣчто изъ потерянныхъ вещей, и говорено мнѣ было: не сіе ли можетъ быть, или можетъ быть оное? дотолѣ говорилъ нѣтъ, доколѣ не попадалося мнѣ взыскуемое, чего ежели бы я не памятовалъ, какое оно было, хотя бы мнѣ и попалося, не обрѣлъ бы; поелику не позналъ бы онаго: и всегда такъ бываетъ, когда нѣчто потерянное ищемъ и обрѣтаемъ. Однакожъ ежели что изъ глазъ пропадаетъ, не изъ памяти, какъ-то всякое тѣло видимое, то содержится внутри образъ его, и взыскуется, пока не представится взору. Сіе обрѣтенное изъ образа, внутри находящагося, познавается, и не говоримъ, что мы обрѣли потерянное, ежели не познаемъ того; да и познать не можемъ, ежели не помнимъ; но то, что пропадало изъ глазъ, въ памяти содержалося.

ГЛАВА XIX.

Что есть воспоминать.

28. Чтожъ, когда самая память теряетъ нѣкоторую вещь, какъ-то бываетъ при забвеніи нашемъ, и стараемся мы, дабы

бы то вспомнить? Гдѣ наконецъ ищемъ того, ежели не въ самой же памяти? И тамъ, ежели по случаю иное вмѣсто другаго попадается, то мы отвергаемъ сіе, пока не встрѣтится взыскуемое нами; и когда встрѣчается, мы говоримъ это самое; и не говорили бы того, ежели бы не узнавали; и не узнавали бы, ежели бы того не памятовали. Такъ но истиннѣ мы забывали оное. Или не все выходило изъ памяти, но изъ части, въ которой содержалося, часть другая взыскуема была, поелику чувствовала память, что она не вмѣстѣ о томъ помышляетъ, о чемъ вмѣстѣ обыкновенно помышляла, и какъ бы обезглавленною привычкою храмлющи, требовала возвращенія не бывшей вещи? Подобно, когда на человѣка извѣстнаго взираемъ глазами, или разсуждаемъ о немъ, и забывъ имя его, ищемъ, то все, приходящее на мысль между собою не связывается, поелику не съ тѣмъ обыкновенно помышлялось, и потому отвергается, пока то откроется, гдѣбъ купно пріобученное познаніе могло успокоиться. И откуда то представляется, ежели не изъ самой же памяти? Ибо и когда слыша что либо отъ другаго вспамятываемъ, оттуда же намъ представляется; поелику не почитаемъ мы то за новое, но воспоминая подтверждаемъ, что сіе самое есть сказанное. Естьли же что совсѣмъ истребляется

изъ

изъ ума, что и слыша не вспамятываемъ; и не совершенно еще мы забыли то, о чемъ хотя только помнимъ, что мы забыли. И такъ сіе потерянное никакъ сыскать не можемъ, которое совсѣмъ забыли.

ГЛАВА XX.

Дабы желать всѣмъ блаженства, надобно оное познать.

29. Какъ убо Тебя взыскую, Господи? Когда бо Тебя Бога моего взыскую, жизни блаженной взыскую. Взыщу Тебе, да жива будетъ душа моя; ибо живетъ душа моя о Тебѣ. Како убо взыскую жизни блаженной? поелику я не могу сказать: довлѣетъ тамъ, гдѣ надлежитъ мнѣ сказать сіе: како ее взыскую? чрезъ воспоминаніе ли, какъ бы ее забылъ, и какъ бы памятую, что ее забылъ; или чрезъ желаніе познать ее непознанную, хотя бы которой я никогда не зналъ, или хотя бы ее такъ забылъ, что и не памятовалъ, что я ее забылъ? Не сія ли есть блаженная жизнь, которой всѣ желаютъ, и совсѣмъ нѣтъ не желающаго оной? Гдѣ они познали ее, что такъ желаютъ ее? Гдѣ видѣли, что любятъ ее? Подлинно мы имѣемъ ее не извѣстно какимъ-то образомъ: и есть другой нѣкоторый образъ, по которому всякой, когда имѣетъ ее, бываетъ

бла-

блаженЪ: и находятся такіе, которые надеждою суть блаженны. ВЪ нижшемЪ степени сіи имѣютЪ ее, нежели тѣ, которые уже самою вещію блаженны; но однако они лучше, нежели тѣ, которые ни вещію ни надеждою не суть блаженны. Которые однако и сами, ежели бы нѣкорымЪ образомЪ не имѣли жизни блаженной, не такЪ бы желали быть блаженными, какЪ весьма извѣстно, что они такими быть желаютЪ. Не знаю какимЪ образомЪ познали ее, и по тому имѣютЪ о ней не знаю какое то свѣденіе, о которомЪ я стараюся познать, вЪ памяти ли оное находится: ибо ежели оно тамЪ, то мы уже блаженны были нѣкогда; всѣ ли до одного, или оная находится вЪ человѣкѣ прежде согрѣшившемЪ, вЪ которомЪ и мы всѣ умерли, и отЪ котораго сЪ бѣдностію родилися, я не изыскиваю нынѣ того, но изыскиваю, вЪ памяти ли содержится блаженная жизнь. Ибо мы не любили бы ее, ежели бы не знали оной. СлышимЪ имя сіе и признаемся, что желаемЪ самой вещи; не бо звукомЪ однимЪ услаждаемся. Поелику сіе когда по Латынѣ слышитЪ ГрекЪ не услаждается, понеже не разумѣетЪ слышаннаго: а мы услаждаемся, какЪ и онЪ, ежели бы сіе по Гречески слышалЪ: понеже вещь самая ни Греческая, ни Латинская, которую желаютЪ получить Греки и Римляне и прочихЪ язы-

ковъ человѣки. Всѣмъ убо оная извѣстна, которые бы единогласно, ежели бы можно было ихъ спросить, желаютъ ли они быть блаженными, и безъ всякаго сомнѣнія въ отвѣтъ сказали, что желаютъ. Сіе бы быть не могло, ежели бы самая вещь, называемая симъ именемъ, въ ихъ памяти не содержалася.

ГЛАВА XXI.

Какимъ образомъ память содержитъ въ себѣ блаженную жизнь.

30. Такъ ли блаженная жизнь содержится въ памяти, какъ тотъ памятуетъ Карфагенъ, кто видѣлъ его? Нѣтъ. Жизнь бо блаженная не видится очами, поелику она не есть тѣло. Или какъ мы памятуемъ числа? Нѣтъ. Ибо о сихъ имѣющій свѣденіе, еще не ищетъ получить оныхъ: о жизни же блаженной имѣемъ свѣденіе, и по тому любимъ ее; и однако еще получить ее желаемъ, дабы быть блаженными. Или такъ какъ памятуемъ краснорѣчіе? Нѣтъ; ибо хотя слыша сіе имя, воспоминаютъ самую вещь, которые еще не краснорѣчивы, и многія быть такими желаютъ; а отсюда явствуетъ, что тѣ имѣютъ о ней свѣденія, однако чрезъ тѣлесныя чувства другихъ краснорѣчивыхъ примѣтили и усладилися отъ нихъ и таковыми быть сами желаютъ: хотя бы

бы наружнымъ свѣденіемъ и услаждалися однако такими не пожелали бы быть, ежели бы не чувствовали услажденія) а блаженной жизни никакимъ чувствомъ тѣлеснымъ въ другихъ не дознаемъ. Или какъ памятуемъ радость? Можетъ быть такъ. Ибо я радость свою и въ печали будучи памятую, какъ и жизнь блаженную въ бѣдности. А ни когда тѣлеснымъ чувствомъ радости моей не видалъ, или слышалъ или обонялъ или вкусилъ, или осязалъ, но дознаЛъ оную въ умѣ моемъ, когда радовался; и впечатлѣлося о ней понятіе въ памяти моей, такъ что оную воспоминать могу иногда съ отвращеніемъ, иногда съ желаніемъ, по различію тѣхъ вещей, о которыхъ памятую, что я радовался. Ибо я и о гнусныхъ вещахъ радовался, о чемъ нынѣ воспоминая отвращаюся и проклинаю; иногда о добрыхъ и честныхъ, чего желая воспоминаю, хотя можетъ быть ихъ и нѣтъ, и по тому будучи печаленъ, прежнюю радость воспоминаю.

31. Такъ гдѣ, и когда я испыталъ жизнь мою блаженную, что воспоминаю ее; и люблю, и желаю? Не я только, или немногіе, но блаженными совершенно всѣ быть хотятъ. О семъ ежели бы мы точнаго не имѣли понятія, не съ столь бы непреложнымъ хотѣніемъ ее желали. Но отъ чего сіе происходитъ, ежели вопросить двухъ человѣковъ: хотятъ ли они

 во-

воинствовать, то может статься, чтоб один из них ответствовал, что хощет, а другой, что не хощет? А ежели их же вопросить, хотят ли они быть блаженны, может статься, что оба тотчас скажут, что без всякаго сомнѣнія блаженными быть желают; не для инаго чего тот хощет воинствовать, и не для другаго сей не хощет быть воином, развѣ дабы быть блаженными. Ибо может быть, понеже иной от сего, другой от того чувствует радость: так ли бы всѣ согласны были в том, что блаженными быть хотят, как согласилися бы, ежели бы их о сем спросить, отвѣтствовать, что они хотят радоваться, да и самую радость блаженною жизнію называют? Которую хотя иной отселѣ, другой оттуда получает, однако один есть конец, куда достигнуть всѣ силятся, т. е. дабы наслаждаться радостію. Понеже сія радость есть такая вещь, о которой никто не может сказать, чтоб он ее не испытал, того ради оную нашедши в памяти, вспамятывает, когда блаженной жизни имя слышит.

ГЛАВА XXII.

Блаженная жизнь какая, и гдѣ она?

32. Да отступитъ, Господи, да отступитъ сія мысль отъ сердца раба Твоего, исповѣдающагося Тебѣ: да отступитъ чтобъ я, когда какою радостію буду радоваться, почиталъ себя блаженнымъ. Ибо есть радость, которая не дается нечестивымъ, но доброволъно Тебя чтущимъ, которыхъ радость Ты самъ еси. И сія то есть блаженная жизнь, чтобъ радоваться у Тебе, о Тебѣ, ради Тебя; сія есть, и нѣтъ другой, а которые другую жизнь блаженную мнятъ быть, тѣ за другою гоняются радостію, да и не за самою истинною. Однако отъ нѣкотораго образа радости воля ихъ не отвращается.

ГЛАВА XXIII.

Паки изслѣдуетъ, какая есть блаженная жизнь, и гдѣ она находится.

33. И такъ не извѣстно еще, что всѣ быть блаженными хотятъ; понеже которые не о Тебѣ радоваться желаютъ, которой еси единая жизнь блаженная, конечно жизни блаженной не желаютъ. Всѣ ли сего хотятъ, но поелику *плоть похотствуетъ на духъ, и духъ на плоть*, такъ что не то творятъ, еже хотятъ,

то впадаютъ въ то, что могутъ, и симъ довольны бываютъ: поелику того, чего не могутъ, не столько хотятъ, сколько довлѣетъ имъ мощи. Ибо я вопрошаю всѣхъ, паче ли желаютъ о истинѣ, нежели о лжи радоваться, такъ не сомнѣваются они сказать, что паче о истинѣ желаютъ радоваться, какъ не сомнѣваются сказать, что они блаженными быть желаютъ; понеже блаженная жизнь есть радость о истинѣ. Сія бо есть радость о Тебѣ, иже истина еси, Господь просвѣщеніе мое, спасеніе лица моего Богъ мой. (1) Сей жизни блаженной всѣ желаютъ, сей жизни, которая единая блаженная есть, всѣ желаютъ, радости о истинѣ всѣ желаютъ. Я многихъ опытомъ дозналъ, которые желаютъ обманывать, а которые обмануты быть желаютъ, никого. Такъ гдѣ они познали сію блаженную жизнь, развѣ гдѣ познали и самую истину? Любятъ бо и сію, поелику обмануты быть не хотятъ. И когда любятъ блаженную жизнь, которая не что иное есть, какъ радость о истинѣ, то подлинно любятъ и истину: и не любили бы, ежели бы не было нѣкотораго понятія о ней въ памяти ихъ. Такъ для чего не о ней радуются? Для чего они не бываютъ блаженны? Поелику больше занимются другими

(1) Псал. 26. 1.

гими вещами, которыя паче ихъ дѣлаютъ бѣдными, нежели что ихъ дѣлаетъ блаженными, котораго они мало памятуютъ. Ибо есть еще слабый свѣтъ въ человѣкахъ; то они тако да ходятъ, ходятъ, *да тма не иметъ ихъ.* (1)

34. Для чего же истина раждаетъ ненависть и врагомъ ихъ содѣлался человѣкъ Твой, истинное проповѣдующій, когда любятъ блаженную жизнь, которая есть радость о истинѣ: развѣ поелику такъ любится истина, что любящіе иное, сіе хотятъ имѣть за истину, что любятъ: и поелику обмануты быть не хотятъ; то не хотятъ и изобличены быть въ томъ, что они обманулись? И такъ для той вещи ненавидятъ истину, которую любятъ вмѣсто истины. Любятъ ее блистающую, ненавидятъ ее обличающую. Понеже которые обмануты быть не хотятъ, а хотятъ обманывать, тѣ любятъ ее, когда она сама себя имъ показываетъ, а ненавидятъ ее, когда ихъ самихъ показываетъ. Почему она воздастъ имъ то, что, когда они отъ нея явлены быть не хотятъ, и ихъ не хотящихъ явитъ, и сама имъ не будетъ являться. Такъ поистинѣ, такъ и духъ человѣческій, такъ слѣпотствующій, и немощный, гнусный и безчестный человѣкъ укрываться хощетъ, а дабы отъ него что либо

 сокры-

(1) Іоан. 12 35.

сокрыто было, того не хощетЪ. Напротивъ оному воздается, что самЪ не укрывается отЪ истины, а отЪ него истина сокрывается. Однако и тогда, когда онЪ бываетЪ бѣденЪ, о истинѣ паче желаетЪ радоватися, нежели о лжѣ. И такЪ блаженЪ онЪ будетЪ, ежели безЪ всякой препятствующей печали, о самой, чрезЪ которую все есть истинное, единой истинѣ будетЪ радоватися.

ГЛАВА XXIV.

Радуется, что вЪ его памяти БогЪ мѣсто имѣетЪ.

35. Се колико я ходилЪ вЪ памяти моей, взыскуя Тебѣ, Господи, и Тебя не обрѣлЪ внѣ ея. Ниже бо что обрѣлЪ о Тебѣ такое, которое бы не памятовалЪ, какЪ я позналЪ Тебя. Ибо какЪ позналЪ Тебя, не забылЪ Тебя. Гдѣ бо обрѣлЪ истину, тамЪ обрѣлЪ Бога моего, самую истину, которую какЪ позналЪ, не забылЪ. И такЪ какЪ позналЪ Тебя, Ты пребываеши вЪ памяти моей, и тамЪ Тебя обрѣтаю, когда воспоминаю Тебя и веселюся о Тебѣ. Сіе то есть святое веселіе мое, которое Ты даровалЪ мнѣ по милосердію Твоему, призираяй на убожество мое.

ГЛА-

ГЛАВА XXV.

ВЪ какомЪ степени памяти БогЪ находится.

36. Но гдѣ Ты пребываеши вЪ памяти моей, Господи? гдѣ тамо пребываеши? какое Ты ложе устроилЪ тамЪ себѣ! Какое святилище воздвигЪ себѣ? ты удостоилЪ память мою Твоего вЪ ней пребыванія; но о семЪ разсуждаю, вЪ какой ея части пребываеши. Ибо я прешелЪ части ея, которыя имѣютЪ и звѣри, когда Тебя воспоминалЪ, поелику тамЪ Тебя я не обрѣталЪ между образами вещей тѣлесныхЪ: и пришелЪ кЪ частямЪ ея, гдѣ сохранялися страсти духа моего; и тамЪ не обрѣлЪ Тебя: и взошелЪ вЪ жилище самаго духа моего, которое онЪ имѣетЪ вЪ памяти моей, понеже себя памятуетЪ духЪ; и тамЪ Тебя не было: поелику какЪ Ты нѣси образЪ тѣлесный, ни страсть животнаго, каковая есть, когда мы радуемся, печалимся, желаемЪ, страшимся, памятуемЪ, забываемЪ и все тому подобное; такЪ ниже самый духЪ еси: поелику Господь БогЪ духа Ты еси, и измѣняется сіе все, Ты же не измѣненЪ пребываеши надЪ всѣми, и удостоилЪ еси обитати вЪ памяти моей, откуда я Тебя позналЪ. И для чего спрашиваю, вЪ какомЪ мѣстѣ ея обитаеши? якобы тамЪ находятся мѣста.

 По-

Поистинѣ ты въ ней обитаеши, понеже я Тебя памятую, откуда Тебя позналъ, и въ ней Тебя обрѣтаю, когда воспоминаю о Тебѣ.

ГЛАВА XXVI.

Гдѣ Бога находимъ.

37. Такъ гдѣ я Тебя обрѣлъ, что позналъ Тебя? Ниже бо ты уже былъ въ памяти моей, прежде, нежели я Тебя позналъ. Такъ гдѣ обрѣлъ Тебя, что я позналъ Тебя, развѣ въ Тебѣ свыше меня? и нигдѣ нѣтъ мѣста, а мы отступаемъ и приходимъ (*) и нигдѣ нѣтъ мѣста. Ты вездѣ истина владычествуеши надъ всѣми вопрошающими Тебе, и купно отвѣтствуеши всѣмъ и о различномъ вопрошающимъ. Явственно Ты отвѣтствуеши, но не явственно всѣ слушаютъ гласа Твоего. Всѣ по желанію своему вопрошаютъ; но не всегда желаемое слушаютъ. Изящный твой служитель есть тотъ, которой не больше старается сіе отъ Тебя слышать, что самъ восхощетъ, но паче сіе хотѣть, что отъ Тебя услышитъ.

ГЛА-

(*) Человѣкъ удаляется отъ Бога не мѣстомъ; ибо его не описываетъ ничто; но дѣлами своими, т. е. добрыми приближается, а злыми устраняется отъ него.

ГЛАВА XXVII.

КакЪ человѣка восхищаетЪ красота Божія.

38. Поздно я Тебя возлюбилЪ, красота толь древняя и толь новая; поздно Тебя возлюбилЪ я. И се ты внутри былЪ, а я внѣ, и тамЪ Тебя искалЪ; и на сію красивую тварь твою будучи безобразный нападалЪ. Ты со мною былЪ, а я сЪ Тобою не былЪ. Тѣ самыя вещи далеча меня отЪ Тебя удерживали, которыя ежели бы вЪ Тебѣ не были, не могли бы существовать. Ты возвалЪ, Ты воззопилЪ, и расторглЪ еси глухоту мою. Ты возсіялЪ, блеснулЪ, и расточилЪ еси слѣпоту мою. Ты благоухалЪ, а я почерпнулЪ благоуханіе, и дышу Тобою. Я вкусилЪ, и алчу, и жажду Тебя. Ты коснулся мнѣ, а я вожжелалЪ внити вЪ покой Твой.

ГЛАВА XXVIII.

О бѣдностяхЪ сея жизни.

39. Когда я прилѣплюся кЪ Тебѣ отЪ всего себя; то ни гдѣ и ни откуда не буду чувствовать печали и труда, и жива будетЪ жизнь моя, вся исполненная Тобою. Нынѣ же, поелику кого Ты наполняеши, облегчаеши того, поелику я не исполненЪ Тобою, то самЪ себѣ есмь вЪ тягость. Сражаются радованія мои плачевныя сЪ радо-

до-

достными печальми; съ которой стороны будетъ побѣда, не знаю. Увы мнѣ, Господи, помилуй мя. Сражаются печали мои злыя съ радостьми благими; а съ которой стороны будетъ побѣда, не знаю. Увы мнѣ, Господи, помилуй мя: увы мнѣ. Се раны мои я не скрываю. Ты еси врачь; я больный: ты милосердый, я бѣдный. Не искушеніе ли жизнь человѣческая на земли? Кто хощетъ печалей и трудностей? Ты сносить повелѣваеши ихъ, а не любить. Никто того, что сноситъ, не любитъ, хотя сноситъ и любитъ. Ибо хотя радуется, что онъ сноситъ, однако желаетъ не быть тому, чтобы долженъ сносить. Я будучи въ несчастіи желаю счастія, въ счастіи страшуся несчастія, какое между симъ есть среднее мѣсто, гдѣ бы не была человѣческая жизнь искушеніе? Горе счастіямъ житейскимъ, единожды и паки отъ страха несчастія, и отъ тлѣнія радости. Горе несчастіямъ житейскимъ, единожды и паки и потомъ отъ желанія счастія, и поелику самое несчастіе есть жестокое, то и сокрушаетъ терпѣніе его. Не искушеніе ли есть жизнь человѣческая на земли непрестанное?

ГЛА-

ГЛАВА XXIX.

ВЪ Богѣ вся надежда.

40. И вся наша надежда, Боже, токмо въ великомъ зѣло милосердіи Твоемъ. Даруй еже повелѣваеши и повели, еже хощеши: ты повелѣваеши намъ воздерживаться. *И познавъ*, сказалъ нѣкто, *яко не инако*, (1) *кто можетъ быть воздерженъ, аще не Богъ дастъ*; *и сіе бѣ разума вѣдѣти, чія есть сія благодать.* Понеже мы воздержаніемъ приводимся и собираемся во едино, отъ чего на многое расточилися, не бо Тебя любитъ, кто съ Тобою нѣчто любитъ, которое не *для* Тебя любитъ. О любве присногорящая, и никогда не угасающая. Любве, Боже мой, воспламени меня! Ты повелѣваеши воздерживаться. Даруй еже повелѣваеши, и повели, еже хощеши.

ГЛАВА XXX.

Исповѣдуется, какъ поступаетъ онъ при искушеніяхъ плотскія похоти.

41. Ты по истинѣ повелѣваеши мнѣ воздерживаться отъ похоти плотскія, и отъ похоти очесъ и гордости житейскія, повелѣлъ еси и отъ блудодѣянія; и о самомъ супружествѣ лучшія нѣкоторыя предписалъ наставленія, нежели позволилъ

оное.

(1) Прем 8. 27.

оное. И понеже Ты что даровалъ, то и содѣлалося сіе во мнѣ, и прежде нежели я еще былъ строителемъ таинства Твоего. Но еще нынѣ живутъ въ памяти моей, о которой я много говорилъ, таковыхъ вещей образа впечатленные привычкою моею; и приходятъ мнѣ на мысль бодрствующему хотя уже безсильные; во снѣ же не только даже до услажденія, но даже и до согласія и дѣйствію весьма подобные и толикую имѣетъ силу образа впечатлѣніе въ душѣ моей и плоти моей, что спящаго ложныя видѣнія склоняютъ къ тому, къ чему бодрствующаго истинныя склонить не могутъ. Или тогда бываю уже не я, Господи Боже мой? И однако великое находится различіе между мною самимъ, и мною самимъ въ оную минуту, въ которую отселѣ въ глубокій сонъ прихожу, или сюда оттуда паки возвращаюся. Гдѣ тогда бываетъ разумъ, который таковымъ представленіямъ противится бодрствующій? И ежели самыя вещи влагаются, я непоколебимъ пребываю. Смыкается ли разумъ купно съ глазами? Усыпляется ли съ чувствами тѣлесными? Отъ чего часто и во снѣ мы противимся, и памятуя свое намѣреніе, и въ томъ цѣломудренно пребывая, никакъ на таковыя прелести не подаемъ согласія? И однако толикое находится различіе, что когда инако случается, мы пробуждаяся, въ спокойствіе

со-

совѣсти приходимъ; и симъ различіемъ находимъ, что мы не сдѣлали того, о чемъ однако соболѣзнуемъ, что оное въ насъ нѣкоторымъ образомъ сдѣлалося.

42. Не сильна ли рука Твоя, Боже всемогущій, исцѣлить всѣ недуги души моея, и обильнѣйшею благодатію Твоею беззаконныя движенія и сна моего погасить? Умножи, Господи, паче и паче во мнѣ дары твои, да душа моя слѣдуетъ за мною къ Тебѣ, избавившись отъ сѣти похоти, да не будетъ не послушна себѣ, и да во снѣ не только не содѣзаетъ сихъ мерзостныхъ растлѣній чрезъ образа одушевляемые, но и да не соглашается на то. Ибо, дабы она ничего такого даже толь малаго не хотѣла, коль малое изволеніемъ можно обуздать, и въ непорочной спящаго страсти, не токмо въ сей жизни, но и въ семъ возрастѣ, не великое и не трудное есть сіе дѣло, Всемогущему, (1) иже силенъ еси вся паче творити, ихъ же просимъ или разумѣваемъ. Однако нынѣ какъ я поступаю при семъ родѣ зла моего, сказалъ Господу, добру моему, радуяся съ трепетомъ, о томъ, что Ты даровалъ мнѣ; и рыдая о томъ, въ чемъ я еще не совершенъ, и уповая, что Ты совершиши милости Твоя на мнѣ, даже до покоя всесовершеннаго, которой съ Тобою имѣти будутъ внутренняя

(1) Ефес. 3. 20.

няя и внѣшняя моя, когда пожерта будетъ смерть побѣдою. (1)

ГЛАВА XXXI.

Какъ поступаетъ при искушеніяхъ объяденія.

43. Есть и другая злоба дня; (2) которая, о когда бы довлѣла ему! ибо мы подкрѣпляемъ повсядневныя паденія тѣла пищею и питіемъ, дондеже ты брашно и чрево упраздниши, (3) когда пресѣчеши требованіе мое насыщеніемъ дивнымъ, (4) и тлѣнное сіе облечеши въ вѣчное нетлѣніе. Нынѣ же пріятна мнѣ нужда; и на сію пріятность я ополчаюся, да не уловленъ буду отъ нея, и ежедневную брань имѣю въ пощеніяхъ, часто порабощая имъ тѣло свое, и болѣзни мои удовольствіемъ отражаются. Ибо гладъ и жажда нѣкоторыя суть болѣзни: жгутъ, и на подобіе горячки умерщвляютъ, ежели бы врачевство пищи не вспомоществовало, которое поелику, находится въ готовости, то по утѣшенію даровъ Твоихъ, въ которыхъ нашей немощи земля и вода и небо служатъ, бѣдностію веселіе называется.

44. Сему Ты меня научилъ, что я какъ врачевство, такъ и пищу принимаю. Но

(1) 1. Кор. 15. 54.
(2) Матө. 6. 34. (3) 1 Кор. 6. 13. (4) Кор. 15. 54.

Но когда къ покою насыщенія отъ скуки требованія прехожду, въ самомъ прехожденіи меня уловляетъ сѣть вожделенія; ибо самое прехожденіе есть удовольствіе, и нѣтъ инаго пути, по которому бы можно прейти, какъ только которымъ прейти заставляетъ нужда. И поелику здравіе тѣлесное бываетъ отъ пищи и питія, то къ сему присовокупляется какъ бы рабынею пагубная пріятность и по большой части предварять старается, дабы для нее тое дѣлалося, что я для здравія дѣлаю, или говорю, или хощу; и не одинакую мѣру и то и другое имѣетъ. Ибо чего довольно для здравія, того мало для услажденія; и часто не извѣстно бываетъ, нужное ли о тѣлѣ попеченіе вспоможенія требуетъ, или сластолюбивая жадности прелесть раболѣбства требуетъ. При семъ неизвѣстномъ увеселяется бѣдная душа, и въ томъ пріуготовляетъ защищеніе къ извиненію, радуяся, что нѣтъ еще того, что довлѣетъ умѣренности здравія, дабы подлогомъ здравія прикрыть дѣло удовольствія. Симъ искушеніямъ повсядневно тщуся противиться и призываю десницу Твою для спасенія моего и Тебѣ обЪявляю волненія мои, поелику я о семъ совершенно не знаю, что предпринять мнѣ должно.

45. Слышу гласъ повелѣвающаго Бога моего: (1) *да не когда отягчаютъ серд-*

 ца

(1) Лук. 21, 34,

ца ваша объяденіемъ и піянствомъ. Піянство далече отстоитъ отъ меня: Ты помилуеши, да не приближается оно ко мнѣ. Объяденіе же иногда вкрадывается въ раба Твоего; Ты помилуеши, да удалится оное отъ мене: яко никто же можетъ быти воздерженъ, аще не Ты даси. (1) многое намъ просящимъ даеши, и какое добро прежде прошенія нашего мы получили, отъ Тебя получили; и дабы сіе мы послѣ познали, отъ Тебя же получили. Я піяницею никогда не былъ, но знаю, что піяницы трезвыми отъ Тебя учинены; слѣдовательно отъ Тебя учинено сіе, что бы такими піяницами не были тѣ, которые никогда таковыми не были; отъ котораго учинено, чтобъ такими не всегда были тѣ, которые піяницы были, отъ котораго учинено и то, дабы знали и піяницы и трезвые, отъ кого сіе учинено. Слышалъ иный гласъ Твой: (2) *въ слѣдъ похотей твоихъ не ходи, и отъ похотѣній своихъ возбраняйся.* Слышалъ и сей гласъ по дару Твоему, которой я много возлюбилъ. (3) *Ниже бо аще ямы, избыточествуемъ, ниже аще не ямы, лишаемся.* То есть, ни то не учинитъ меня богатымъ, ни сіе бѣднымъ. Слышалъ и другій: (4) *азъ бо навыкохъ, въ нихъ же есмь, доволенъ быти: и избыточество-*

(1) Прем. 8, 21, (2) Сир. 18. 30. (3) 1. Кор. 8, 8, (4) Филип. 4. 12.

чествовати вѣмъ, и лишатися вѣмъ. Вся могу о укрѣпляющемъ мя. Се-то воинъ небеснаго ополченія, а не прахъ, еже мы есмы! но помяни, Господи, яко мы прахъ есмы и изъ бренія сотворилъ еси человѣка, и изгиблъ бѣ, и обрѣтеся. (1) Ни оный Апостолъ о себѣ сіе могъ, яко той жде прахъ былъ, котораго я глаголющаго сіе по вдохновенію Твоему возлюбилъ. *Вся могу*, говоритъ *о укрѣпляющемъ мя.* Укрѣпи мя, Боже, да и азъ вся возмогу; даруй еже повелѣваеши, и повели, еже хощеши. Сей признается, что отъ Тебя сіе онъ получилъ, и въ чемъ хвалится, о Господѣ хвалится. Слышалъ инаго просящаго получить сіе. (2) *Отврати отъ мене*, говоритъ, *похоть чрева.* Изъ чего явствуетъ, святый Боже мой, что Ты сіе дарствуеши, поелику то бываетъ, чему ты быть повелѣваеши.

46. Ты научилъ меня сему, отче благій, что *вся чиста чистымъ*, (3) *но зло человѣку претыканіемъ ядущему*; и, (4) *всякое созданіе твое добро, и ничто же отмѣтно, со благодареніемъ пріемлемо*; и, (5) яко *брашно насъ не поставляетъ предъ Богомъ*; и, (6) *да никто же насъ осуждаетъ о ядении, или о питіи: и ядый не ядущаго да не*

 уко-

(1) Лук. 15. 32. (2) Сир. 23. 4. (3) Рим. 14. 20. (4) 1. Тим. 4. 4. (5) 1. Кор. 8. 8. (6) Кол. 2. 16.

укоряетъ, и не ядый ядущаго да не осуждаетъ. (1) Я навыкохъ сему, благодареніе Тебѣ, хвалы Тебѣ, Богу моему, Учителю моему, толкущему во уши мои, просвѣтителю сердца моего: исхити мя отъ всякаго искушенія. Я не нечистоты брашна страшуся, но нечистоты похоти. Знаю, что Ною всякой родъ мяса, которой только полезенъ былъ ему въ пищу, ѣсть позволено; Илія снѣдію мясною питался; Іоаннъ Предтеча толь удивительнымъ воздержаніемъ былъ одаренъ, что животными, т. е. акридами, данными въ пищу, не былъ оскверненъ. Знаю, что Исавъ вареніемъ сочевнымъ прельщенъ, а Давидъ за желаніе воды (изъ рова Виѳлеемскаго) самъ себя укорилъ; и Царь нашъ Христосъ не о мясѣ, но о хлѣбѣ искушенъ былъ. И потому и народъ Израильскій, будучи въ пустынѣ, не яко мясъ возжелалъ, но яко брашна желая, на Господа возропталъ, за что и заслужилъ себѣ укоризну отъ Него.

47. И такъ я, будучи въ сихъ искушеніяхъ, сражаюся по вся дни съ похотію пищи и питія. Ибо сія похоть не такая есть вещь, которую бы я опредѣлилъ единожды пресѣчь и болѣе не прикасаться къ ней, какъ отъ блудодѣянія могъ воздержаться. Того ради узду гортани въ умѣренномъ послабленіи и крѣпости держать должно. И кто есть, Господи, которой не

(1) Рим. 14. 3.

не похищается хоть нѣсколько за предѣлы нужды? кто таковый есть, великъ есть, и да величаетъ имя Твое. А я не такой, яко грѣшенъ человѣкъ есмь, но и я величаю имя Твое, и ходатайствуетъ Тебѣ о грѣхахъ моихъ, побѣдивый міръ, присвояяй меня въ число немощныхъ удовъ тѣла своего, (1) яко и *не содѣланное мое видѣсте очи Твои, и въ книзѣ Твоей вси напишутся.*

ГЛАВА XXXII.

Какъ поступаетъ при прелестяхъ благовонія.

48. О прелестяхъ благовоній я не пекуся безмѣрно. Когда ихъ нѣтъ, не ищу, а когда есть, не отвергаю, да и готовъ ихъ всегда не имѣть. Такимъ я самъ себѣ кажуся, можетъ быть и обманываюся. Ибо и сія тма достойна оплакиванія, въ которой сокрывается отъ меня способность моя, во мнѣ находящаяся, дабы духъ мой, о силахъ своихъ себя вопрошая, почиталъ, что не скоро себѣ должно вѣрить, понеже и находящееся въ немъ по большой части бываетъ сокровенно, ежели не явлено будетъ опытомъ: и никто безопаснымъ быть не долженъ въ сей жизни, которая вся искушеніемъ имянуется; тотъ ли, которой сдѣлаться могъ изъ хуждшаго

(1) Псал. 138. 16.

лучшимъ, не сдѣлается и изъ лучшаго худшимъ? Единая надежда, единое упованіе, единое непреложное обѣтованіе, есть милосердіе Твое.

ГЛАВА XXXIII.

Какъ поступаетъ при удовольствіяхъ слуха.

49. Удовольствія слуха гораздо болѣе меня къ себѣ привязывали и покоряли себѣ, но Ты расторгъ еси узы ихъ и избавилъ меня. Нынѣ я звуками, оживляемыми словами Твоими, когда оныя пріятнымъ и искуственнымъ гласомъ воспѣваются, признаюся, нѣсколько увеселяюся; но не съ тѣмъ, дабы мнѣ увязнуть въ оныхъ, но дабы вставать, когда восхощу. Однако оные съ самыми мыслями, которыми оживляются, для вшествія своего ко мнѣ, ищутъ въ сердцѣ нѣкотораго достойнаго мѣста, и едва имъ даю приличное. Ибо иногда большую по видимому имъ честь воздаю, нежели какую надлежитъ; когда чувствую, что самыми святыми словами благоговѣйнѣе и ревностнѣе движутся души наши въ пламень благочестія, когда такъ воспѣваются, нежели ежелибы не такъ оныя воспѣваемы были: и всѣ страсти духа нашего, по различію своему имѣютъ собственныя склонности ко гласу и пѣнію, которыхъ не знаю какою-то тайною союзностію

стію къ тому возбуждаются. Но услажденіе плоти моея, которому мысль на разслабленіе предавать не должно, часто меня обманываетъ, когда разуму чувства не такъ слѣдуютъ, чтобы быть терпѣливо послѣдними, которыя только для него человѣку даны, стараются и предварять его и еще вести. Такъ въ семъ я погрѣшаю не чувствующій, но послѣ уже чувствую.

50. А иногда сего самаго обмана больше надлежащаго опасаяся, погрѣшаю въ безмѣрной строгости; но наипаче потому, что всю пріятность сладкопѣнія, которымъ Давыдова Псалтырь наполнена, отъ ушей моихъ отдалить желаю, да и пѣсни самыя церкви; и безопаснѣе мнѣ кажется то, что я о Александрійскомъ Епископѣ Аѳанасіи, часто мнѣ говоренное воспоминаю, которой толь умѣреннымъ гласомъ заставлялъ чтеца пѣть псалмы, что онъ читающему болѣе подобенъ былъ, нежели поющему. Однако, воспоминая слезы мои, которыя я проливалъ при пѣснословіяхъ церкви Твоея въ началѣ обращенія моего въ вѣру, и нынѣ то самое трогаетъ сердце мое, не пѣніе, но вещи поемыя, когда оныя яснымъ гласомъ, и сладкопѣсненно воспѣваются, паки признаю великую пользу, отъ установленія сего происходящую. Такимъ образомъ я колеблюся между бѣдствіемъ удовольствія, и опытомъ пользы душевной, и паче возбуждаюся, не

произнося невозвратнаго мнѣнія, что обыкновеніе пѣнія похваляю въ церкви; дабы чрезъ услажденіе слуха немощнѣйшій духъ воставалъ въ любовь благочестія. Однако, когда случается со мною, что больше меня пѣніе, нежели вещь поемая, движитъ; то признаюся, что я погрѣшаю достойно наказанія, и тогда бы желалъ не слышать поющаго. Се гдѣ я, плачите со мною, и о мнѣ плачите, которые нѣкоторое добро внутрь себя помышляете, откуда дѣянія произходятъ. Ибо которые не помышляете, то васъ сіе не движитъ. Ты же, Господи, Боже мой, услыши, призри, и виждь, и помилуй, и изцѣли меня, предъ очами котораго я самъ себѣ вопросъ сдѣлался, и сей есть недугъ мой.

ГЛАВА XXXIV.

Какъ поступаетъ при прелестяхъ очей.

51. Остается удовольствіе очей сихъ плоти моея, о которой провѣщаваю исповѣданія, которыя да слышатъ уши храма Твоего, уши братолюбивыя и благочестивыя, дабы мы могли заключить искушенія похоти плотскія, которыя еще въ меня брядаютъ стенящаго, и въ жилище мое небесное облещися желающаго. (1) Красивые виды и различные, блистательные [illegible] и

(1) 2. Кор. 5. 2.

и веселые цвѣты любятъ очи человѣческія. Да не одерживаетъ сіе душу мою, да одерживаетъ ее Богъ, сотворивый сіе хотя и доброе зѣло, но Онъ есть добро мое, а не сіе. И трогаетъ оное меня бодрствующаго во вся дни, и отдохновенія отъ того не имѣю, каковое имѣю отъ гласовъ громкихъ, иногда отъ всѣхъ будучи въ безмолвіи. Ибо самая царица цвѣтовъ, свѣтъ сей, озаряющій всѣ созерцаемыя нами вещи, гдѣ я во дни ни бываю, многообразнымъ низпаденіемъ своимъ ласкаетъ мнѣ иное дѣйствующему, и его не примѣчающему; внѣдривается же въ меня такъ, что ежели онъ нечаянно сокроется отъ гласъ моихъ, то я желательно взыскую; и ежели его долго нѣтъ, то опечаливаетъ сіе мой духъ.

52. О свѣте, которой видѣлъ Товій, когда, имѣя закрытыя сіи очи, училъ сына пути жизни и ему предшествовалъ ногою любви, никуда не заблуждающій; или которой видѣлъ Исаакъ съ притупленными и сомкнутыми уже отъ старости плотскими очами, когда сыновъ своихъ не познавая благословить, благословляя познать удостоился; или которой видѣлъ Іаковъ, когда и онъ, отъ древности своей лишившись глазъ, въ сынахъ предзнаменованные будущаго народа роды свѣтлымъ сердцемъ осіялъ, и на внуковъ своихъ рожденныхъ отъ Іосифа, простерши таин-

ственно руки возложилъ, не яко отецъ ихъ по наружности исправлялъ, но яко онъ самъ по внутренности разсматривалъ. Оный есть свѣтъ, единъ есть, и едино всѣ, которые видятъ и любятъ его. А сей тѣлесный, о которомъ я говорилъ, прелестною и пагубною своею сладостію растворяетъ жизнь вѣка сего слѣпотствующимъ любителямъ. Которые же и о немъ хвалить Тебя знаютъ, Боже, Творче всяческихъ, тѣ пріемлютъ его въ пѣсни Твоей, не погибаютъ отъ него во снѣ своемъ; такимъ и я быть желаю. Противлюся прельщеніямъ очей, да не увязаютъ ноги мои, которыми вступаю въ жизнь Твою: и возвожу къ Тебѣ невидимыя очи мои, да Ты исхитиши отъ сѣти нозѣ мои. Ты иногда исхищаеши ихъ, ибо увязаютъ. Ты не престаеши исхищать, и я часто увязаю въ коварныхъ сѣтяхъ, по всюду разсѣянныхъ, яко Ты не вздремлеши, ниже уснеши, храняй Израиля. (1)

53. Коль безчисленныя красоты разнымъ искусствамъ и художествамъ въ одеждахъ, обуви, въ сосудахъ и во всякихъ зданіяхъ, также въ живописяхъ и различныхъ ваяніяхъ и въ тѣхъ самыхъ вещахъ, которыя нужное употребленіе и умѣренное и честное знаменованіе далеко преходятъ, придали человѣки для прелести очей, внѣ слѣдуя тому, что сами творятъ, внутри остав-

(1) Псал. 120. 4.

оставляя того, отъ котораго сотворены, и истребляя то, какими они сотворены. Но я, Боже мой красота моя, и отсюда воспѣваю Тебѣ пѣснь, и жертвую хвалу Освятителю моему; понеже красивое, прошедшее чрезъ души въ руки художниковъ, отъ оной красоты произходитъ, сущей надъ душами, къ которой воздыхаетъ душа моя день и нощь. Но красотъ внѣшнихъ дѣлатели и послѣдователи отъ сея красоты получаютъ способъ, какъ должно жить. И тамъ оный находится, и не видятъ его, по которому бы могли не удаляться отъ Тебя, и свою крѣпость для Тебя сохранять, и не расточать ее на увеселительныя безсилія. А сіе я говоря и разсматривая, и въ семъ красивомъ увязаю стопы моя; но Ты исхищаеши, Господи, Ты исхищаеши. (1) *Яко милость Твоя предъ очима моима есть*: ибо и я уловляюся бѣдственно, а ты исхищаеши милосердо; иногда съ болѣзнію, поелику уже увязалъ въ томъ.

ГЛАВА XXXV.

Какъ поступаетъ при второмъ родѣ искушенія, которой есть любопытство.

54. Сюда принадлежитъ другой видъ искушенія много опасный. Ибо кромѣ той по-

(1) Псал. 25. 3.

похоти плотской, состоящей въ услажденіи всѣхъ чувствъ и пожеланій, которой работлѣбствующіе погибаютъ, когда удаляются отъ Тебя; находится въ душѣ посредствомъ оныхъ же чувствъ тѣлесныхъ нѣкоторое не услаждаться въ плоти, но испытывать плотію суетное и любопытное желаніе, прикрываемое именемъ познанія и науки. Сіе, поелику состоитъ въ пожеланіи познанія, а глаза къ познанію въ чувствахъ главнѣйшія суть орудія; то сіе желаніе похотію очесъ словомъ Божіимъ и названо. Ибо къ глазамъ собственно принадлежитъ видѣть. Употребляемъ же сіе слово и въ разсужденіи прочихъ чувствъ, когда ихъ къ познанію устремляемъ; ибо мы не говоримъ: послушай, что краснѣетъ; или, обоняй, коль свѣтлѣется; или, вкуси, коль блистаетъ; или, осяжи, коль сіяетъ, видѣть бо называется сіе все; а говоримъ и не только: посмотри, что сіяетъ, которое одни глаза чувствовать могутъ; но и говоримъ: посмотри, что звучитъ; посмотри, что благоухаетъ, посмотри, сколь вкусно, посмотри, сколь твердо. И потомуобщій опытъ чувствъ похотію (какъ сказано) очесъ называется; поелику житейскую должность, въ коей первенство глаза имѣютъ, и прочія чувства себѣ по подобію присвояютъ, когда нѣкоторое познаніе испытуютъ.

55. А изъ сего ясно усматривается, какое удовольствіе, какое любопытство дѣ-

лается посредствомъ чувствъ; понеже удовольствіе за красивымъ, звучнымъ, пріятнымъ, вкуснымъ, нѣжнымъ слѣдуетъ; любопытство же за противнымъ и сему стремится т. е. для испытанія того, а не для воспріятія скуки, но только желаетъ испытать и познать. Ибо какое изъ того бываетъ удовольствіе, видѣть разтерзанный трупъ, котораго ты страшишься, и однако, ежели гдѣ оный лежитъ поверженъ, стекаются люди туда сѣтовать, блѣднѣть отъ страха. И притомъ страшатся, дабы во снѣ сего не увидѣть; какъ бы кто ихъ бодрствующихъ видѣть сіе принудилъ, или какая о красотѣ слава къ тому ихъ склонила? То же самое бываетъ и въ прочихъ чувствахъ, что исчислять долго. Отъ сея болѣзни желанія на зрѣлищахъ представляются всякія чудеса. Отсюда къ испытанію сокровенности естества простирается, что знать ничего не пользуетъ, и ничего инаго, какъ только знать, люди желаютъ; отсюда также, ежели что съ таковымъ же развратнаго знанія концемъ по волшебнымъ наукамъ ищется; отсюда и въ самой вѣрѣ Богъ искушается, когда знаменій и чудесъ просятъ не для нѣкотораго спасенія, но для единаго опыта желанныя.

56. Въ семъ только неизмѣримомъ лѣсу, исполненномъ коварствъ и бѣдъ, се я коль многое пресѣклъ и отъ моего сердца

опра-

отразилъ, яко же Ты даровалъ мнѣ учинить сїе, Боже спасенїя моего; однако когда посмѣю сказать, поелику отвсюду всегдашнюю жизнь нашу толь многїя сего рода окружаютъ вещи? Когда смѣю сказать, что меня никакая таковая вещь ни привлекаетъ къ зрѣнїю ея и къ прельщенїю любопытствомъ? подлинно, меня уже театры не восхищаютъ, и не любопытствую познавать прехожденїя звѣздъ, ни душа моя когда отвѣтовъ требуетъ отъ тѣней: всѣ святотственныя таинства проклинаю. Господи Боже мой, которому я долженъ быть смиреннымъ рабомъ и искреннимъ, коликими противъ меня вооружается искушенїй хитростями врагъ, дабы я у Тебя знаменїя нѣкотораго просилъ! но молю Тебе Царемъ нашимъ и отечествомъ Іерусалимомъ простымъ и чистымъ, дабы, какъ отъ мене далече отстоитъ сїе согласїе, такъ было всегда далече и далѣе. Когда же я о спасенїи кого либо Тебя прошу, то иной многоразличный есть конецъ намѣренїя моего, и Себя Ты творящго, еже хощеши даеши мнѣ, и даси охотно слѣдовать Тебѣ.

57. Но однакожъ въ коль многихъ самыхъ малѣйшихъ и презрительныхъ вещахъ любопытство наше ежедневно искушается, и коль часто мы падаемъ, кто изчислитъ? Коликократно повѣдающимъ тщетное, сперва какъ бы ихъ сносимъ, дабы не оскорбить немощныхъ; наконецъ по малу охотно

но внимаемЪ. На пса бѣгущаго за зайцемЪ уже я не смотрю, когда сіе бываетЪ вЪ кругу; а ежели по случаю вЪ полѣ прохожу, то отвращаетЪ меня иногда и отЪ важнаго нѣкотораго размышленія, и на себя обращаетЪ взорЪ мой оная ловля, удаляться принуждая не тѣломЪ животнаго, но наклонностію сердца. И естьли уже Ты мнѣ, показавЪ немощь мою, скоро не возбудиши меня, или чрезЪ самое видѣніе, производящее нѣкоторое во мнѣ разсужденіе, дабы востать о Тебѣ, или все презрѣть и пройти, то я, будучи суетный, останавливаюся при семЪ. ЧтожЪ, когда я сижу дома, то часто ли заставляетЪ меня внимать ящериц (astellio) пестрая, мухЪ ловящая, или паукЪ, опутывающій вЪ сѣти свои попадающихЪ мухЪ? или, поелику оныя суть малыя животныя, то не равное во мнѣ производятЪ любопытство? Я и отселѣ стремлюся хвалить Тебя, Творца дивнаго и учредителя всѣхЪ вещей, но не оттуда внимателенЪ быть начинаю. Иное есть скоро востать, иное есть не падать. И сего жизнь моя исполнена, и единое упованіе мое остается веліе зѣло милосердіе Твое; ибо когда таковыхЪ вещей вмѣстилищемЪ бываетЪ сердце наше иноситЪ вЪ себѣ многочисленной суеты полки: то отЪ сего и молитвы наши часто прерываются и возмущаются; и когда мы предЪ Тебя кЪ ушесамЪ ТвоимЪ

гласЪ сердца нашего простираемЪ: то не знаю, откуда-то нападающими бездѢльными помышленіями толь великое дѢло сіе пресѢкается.

ГЛАВА XXXVI.

КакЪ поступаетЪ при третьемЪ искушенія родѢ, которой есть гордость.

58. Или мы и сіе между вещами достойными презрѢнія почтемЪ, или нѢчто другое приведетЪ насЪ вЪ упованіе, кромѢ единаго милосердія Твоего, поелику Ты началЪ перемѢнять насЪ? и Ты вѢси, по коликой части Ты перемѢнилЪ меня, когда вопервыхЪ изцѢляеши меня отЪ желанія отмщевать за себя, да милостивЪ будеши и прочимЪ всѢмЪ неправдамЪ моимЪ, (1) и исцѢлиши вся недуги моя, и избавиши отЪ истлѢнія животЪ мой, и увѢнчаеши мя милостію и щедротами и насытиши во благихЪ желаніе мое; поелику удержалЪ еси отЪ страха Твоего гордыню мою, и укротилЪ игомЪ ТвоимЪ выю мою. И нынѢ ношу оное, и легко есть мнѢ, понеже такЪ Ты обѢщалЪ и сотворилЪ; и по истиннѢ такое оно было, а я не вѢдалЪ, когда оное подЪять страшился. Но, Господи, иже единЪ безЪ гордости владычествуеши, яко единЪ истинной Господь еси, не имѢя надЪ собою владыки, и сей третій

(1) Псал. 102. 3.

третій искушенія родъ отсталъ ли отъ меня, или можетъ ли отстать въ сей жизни?

59. Желать, чтобы насъ боялися и любили человѣки, не для инаго чего, но только для того, дабы изъ сего раждалася въ насъ радость, которая по истиннѣ не есть радость, но бѣдственная жизнь и гнусная величавость; а отъ сего происходитъ, что человѣки или совсѣмъ не любятъ тебя, или не свято боятся тебя. И для того Ты гордымъ противишися, смиреннымъ же даеши благодать, и гремиши гнѣвомъ на гордости житейскія и сотрясаются основанія горъ. И такъ на насъ, понеже ради нѣкотораго человѣческаго общества должностей требуетъ нужда, дабы насъ любили и боялися человѣки, нападаетъ врагъ истиннаго блаженства нашего, вездѣ разсѣвая въ сѣтяхъ своихъ: *благо же, благо же*, такъ что, когда мы желательно сіе принимаемъ, безъ осторожности уловляемся, и отъ истинны Твоей отлагаемъ радость нашу, и въ человѣческомъ обманѣ полагаемъ оную, и желаемъ, чтобы насъ любили и боялися не ради Тебя, но вмѣсто Тебя; и симъ бы образомъ тотъ учинивъ насъ себѣ подобными, съ собою имѣлъ не ради согласія въ любви, но ради участія въ своемъ мученіи, которой опредѣлилъ престолъ свой поставить на сѣверѣ, дабы ему всѣ, ко-

торые подражают Тебѣ, развращеннымъ и злымъ путемъ, мрачные и хладные раболѣбствовали. Мы же, Господи, се малое стадо Твое есмы; Ты нами обладай. Простри крилѣ Твои, и да бѣжимъ подъ нихъ. Слава наша Ты буди, для Тебя пусть любятъ насъ, и слова Твоего страшатся въ насъ; того, кто хочетъ хвалимъ быть отъ человѣковъ, когда Ты, Боже, хулиши его, не защитятъ человѣки отъ суда Твоего, и не исхитятъ его отъ осужденія Твоего. (1) А когда не грѣшникъ хвалимъ есть въ похотехъ души своея, и не обидяй благословимъ есть, но хвалимъ есть человѣкъ за нѣкоторый даръ, данный ему отъ Тебя; но тотъ больше радуется о себѣ, что хвалятъ его, нежели о томъ, что самый даръ имѣетъ, за которой хвалятъ; и таковый, когда Ты хулиши его, хвалимъ есть: изящнѣе уже есть хваливший, нежели похваленный. Ибо тому пріятенъ былъ въ человѣкѣ даръ Божій; сему паче пріятенъ былъ даръ человѣческій, нежели Божій.

ГЛАВА XXXVII.

Какъ движимъ бываетъ похвалами человѣческими.

60. Мы повсядневно искушаемся сими искушеніями, Господи, безпрестанно искуша-

(1) Псал. 9. 24.

шаемся: повсядневная пещь наша есть человеческій языкЪ. Ты повелѣваеши намЪ и вЪ семЪ родѣ воздерживаться. Даруй, еже повелѣваеши, и повели, еже хощеши. Ты вѣси о семЪ кЪ тебѣ воздыханіе сердца моего и рѣки очей моихЪ; ибо я несовершенно познаю, коль я чистЪ отЪ сея язвы, и много страшуся тайныхЪ моихЪ, яже видѣстѣ очи Твои, а не мои. Ибо вЪ другихЪ родахЪ искушеній имѣю хоть малую нѣкоторую способность познавать себя; вЪ семЪ родѣ почти никакой. Понеже знаю, коликую я получилЪ силу обуздывать духЪ мой и отЪ сладострастій плотскихЪ и отЪ любопытства познавать тщетное, когда сихЪ вещей лишаюся или по произволенію моему, или когда ихЪ нѣтЪ. Ибо тогда себя вопрошаю, коль больше или меньше мнѣ досады не имѣть ихЪ. А богатство, которое для сего только вожделѣнно человѣку, дабы одной изЪ сихЪ трехЪ похотей, или двумЪ, или всѣмЪ служило; ежели духЪ самЪ не можетЪ познать, долженЪ ли презирать имѣя оное, а можно и оставить сіе, дабы сперьва себя искусить. А дабы намЪ лишиться похвалы, и себя испытать, какую имѣемЪ вЪ томЪ силу; то худо ли должно намЪ жить, и толь развращенно и безчеловѣчно, чтобы никто насЪ не зналЪ, которой бы не гнушался нами? Какое больше сего безуміе назвать или вы-

мыслить можно? Но ежели въ благой жизни и благихъ дѣлахъ сопутницею обыкновенно долженствуетъ быть похваленіе, то какъ сопровожденія его, такъ самой благой жизни оставлять не должно. А я не знаю, безъ чего я могу быть или великодушнымъ, или прискорбнымъ, развѣ когда того не будетъ.

61. И такъ, что Тебѣ въ семъ родѣ искушенія, Господи, исповѣдую? что? развѣ, что я услаждаюся похвалами; но паче ли самою истинною, нежели похвалами? Ибо, ежели мнѣ предложенъ будетъ вопросъ: желаю ли я безумствуя, или во всѣхъ вещахъ погрѣшая, отъ всѣхъ человѣковъ хвалимъ быть; или будучи постоянненъ, и весьма въ истиннѣ увѣренъ отъ всѣхъ хулимъ быть? то я знаю, что избрать. Однакожъ не желалъ бы я, чтобы гласъ, произходящій изъ устъ другаго, умножалъ во мнѣ радость о какомъ либо добрѣ моемъ. Но признаюся Господи, что не только гласъ сей умножаетъ радость мою, но и хула уменьшаетъ ее. И когда меня сія бѣдность моя смущаетъ; то вкрадывается въ меня извиненіе, которое какое есть, Ты вѣси, Боже; ибо мнѣ оно не извѣстно. Понеже Ты заповѣдалъ намъ не только воздержаніе, т. е. отъ какихъ вещей должны мы удерживать любовь свою, но и повелѣлъ имѣть правду т. е. куда оную (любовь) должны обращать, и благо-

изво-

изволилъ намъ не только любить Тебя, но и ближняго. Часто я по видимому щастіемъ или надеждою ближняго увеселяюся, когда увеселяюся похвалою того, кто его совершенно знаетъ; и вопреки скорблю о его нещастіи, когда слышу, что другой хулитъ въ немъ то, чего или самъ не вѣдаетъ, или что есть въ немъ добро. Ибо и самъ я скорблю иногда о похвалахъ моихъ, когда другіе или то хвалятъ во мнѣ, что самъ въ себѣ ненавижу; или меньшее добро и маловажное больше цѣнятъ, нежели чего оное стоитъ. Но паки почему я вѣдаю, для того ли меня такъ хвалы поражаютъ, поелику не хощу, чтобъ хвалитель мой обо мнѣ самомъ былъ не согласнаго со мною мнѣнія, не по тому, что меня трогаетъ польза; но поелику то же добро, которое мнѣ во мнѣ пріятно, гораздо мнѣ пріятнѣе, когда и другому оно пріятно? Ибо нѣкоторымъ образомъ уже не я хвалимъ есмь, когда обо мнѣ мое мнѣніе не похваляется; понеже или то во мнѣ хвалится, что я ненавижу, или то больше, что мнѣ меньше пріятно. Такъ ли я въ семъ случаѣ не знаю самаго себя?

62. Се въ Тебѣ, истина, вижу сіе, что мнѣ похвалами моими не для себя, но ради пользы ближняго движиму быть надлежитъ. И такъ ли сіе, не знаю. Я самъ себѣ меньше въ семъ дѣлѣ свѣдомъ, нежели Тебѣ. Молю Тебе, Боже мой,

покажи мнѣ и меня самаго, да исповѣмъ сіе имѣющимъ молитися о мнѣ братіямъ моимъ, что найду въ себѣ порочное. Паки я себя тщательнѣе долженъ вопросить. Ежели я пользою ближняго движимъ бываю въ похвалахъ моихъ, то для чегожъ тогда меньше движимъ бываю, когда другой кто нибудь неправедно хулится, нежели, естьли бы я самъ? Для чего тѣмъ ругательствомъ больше уязвляюся, которое на меня, нежели которое на другаго по равной неправдѣ въ присутствіи меня изрыгается? или и сего не вѣдаю? Не уже ли остается мнѣ самаго себя прельщать, и истинны не творить предъ Тобою въ сердцѣ и языкѣ моемъ? Безуміе сіе, Господи, далече отжени отъ мене, да елей грѣшнаго мнѣ не будетъ устами моими для намащенія главы моея.

ГЛАВА XXXVIII.

Опасности подлежитъ и самая добродѣтель отъ тщеславія.

63) Нищь и убогъ азъ есмь, и лучше бываю, когда въ тайномъ воздыханіи ненавижу себя за зло мое, и ищу милосердія Твоего, доколѣ не исправится недостатокъ мой, и совершится даже въ покой, котораго не знаетъ гордаго око. Слово же, изъ устъ изходящее, и дѣла извѣстныя человѣкамъ, наиопаснѣйшее имѣютъ искушеніе

отъ

отъ любленія похвалы, когда для собственнаго нѣкотораго превосходства покушается собирать нищенскимъ образомъ голоса, и когда что мною во мнѣ обличается, то тѣмъ самымъ обличается. И часто человѣкъ о самомъ тщеславія презрѣніи суетно величается; и по тому уже не о самомъ тщеславія презрѣніи величается; ибо не презираетъ оное, когда величается внутренно.

ГЛАВА XXXIX

О самолюбіи

64. И въ самой внутренности находится другое зло искушенія тогоже рода, отъ котораго изчезаютъ себѣ угождающіе чрезъ себя, хотя бы другимъ или угождали, или не пріятны были, да и угождать не желаютъ прочимъ. Но себѣ много угождающіе, Тебѣ не пріятны, которые не токмо не о добрѣ какъ бы о добрѣ, но и о добрѣ Твоемъ, какъ бы о своемъ или хотя какъ о Твоемъ, но какъ бы по заслугамъ своимъ, или хотя какъ по Твоей благодати, однако не дружески радуются, но другимъ завидуютъ въ ономъ. Въ сихъ всѣхъ и таковыхъ бѣдствіяхъ и трудахъ Ты зриши трепетъ сердца моего; и я чувствую, что раны мои паче Ты врачуеши, нежели на меня не налагаеши ихъ.

ГЛАВА XL.

О томъ, что онъ въ себѣ и въ прочихъ вещахъ Бога искалъ.

65. Гдѣ Ты не со мною шествовала истинна, Боже мой, поучающая меня, чего я опасаться и чего желать долженъ, когда я Тебѣ объявлялъ нижшія видѣнія мои, которыя могъ, и у Тебя требовалъ совѣта? Я обтекъ весь міръ внѣшнимъ чувствомъ, которымъ могъ, и разсуждалъ со вниманіемъ о жизни тѣла моего и о самыхъ чувствахъ моихъ. Оттуда вшелъ разсужденіемъ въ пещеры памяти моея, въ многоразличныя пространства, наполненныя дивно сокровищами безчисленными, и разсуждалъ о семъ и ужасался, и ничего безъ Тебя разсмотрѣть не могъ, и ничего изъ того быть Тобою не обрѣлъ. Не самъ я обрѣтателемъ сего былъ, когда обшелъ всѣ тѣ вещи, и старался ихъ раздѣлить и оцѣнить каждое по своимъ достоинствамъ, иное пріемля внутрь себя отъ объявляющихъ чувствъ, а иное вопрошая, которое чувствовалъ со мною смѣшанное, и самыхъ вѣстниковъ разпознавая и разчисляя, и уже въ обильномъ памяти богатствѣ иное разсматривая, иное сокрывая, иное оттуда изъемля. Не самъ я, когда сіе дѣйствовалъ, т. е. сила моя, которою я оное дѣйствовалъ, и не самъ былъ

былъ Ты, яко свѣтъ еси Ты пребывающій, котораго о всѣмъ я вопрошалъ; есть ли, что оное есть, коликой цѣны достойно. И слышалъ Тебя глаголющаго и повелѣвающаго; и часто сіе творю, сіе мнѣ пріятно, и сколько отъ дѣлъ житейскихъ могу имѣть послабленія, къ сему удовольствію прибѣгаю ниже во всѣхъ сихъ вещахъ, которыя облекаю вопрошая Тебе, обрѣтаю безопасное мѣсто душѣ моей, развѣ въ Тебѣ, куда желая собрать расточенная моя, да отъ Тебя ничто не отступаетъ мое. А иногда Ты вводиши меня въ любовь весьма необычайную внутри, не знаю въ какую-то сладость, которая ежели совершится во мнѣ, то не знаю, что будетъ, которое жизнь сія не будетъ. Но я паки упадаю на сіе внѣшнее обременяемъ бѣдственными тяжестями, и поглащаюся обыкновенными вещами и одержимъ бываю и много рыдаю, но много одержимъ бываю. Толико то бремя привычки отягчаетъ человѣка! здѣсь быть могу, да не хощу; тамъ хощу, да не могу: бѣденъ есмь вездѣ.

ГЛАВА XLI.

Тройственная есть похоть.

66. И потому я разсуждалъ о недугахъ грѣховъ моихъ въ похоти троякой, и десницу Твою призывалъ ко спасенію моему. Ибо я узрѣлъ блистаніе Твое сердцемъ уязвленнымъ, и отраженъ будучи сказалъ: кто туда можетъ? (1) Отверженъ есмь отъ лица очію Твоею; Ты еси истинна, надъ всѣми владычествующая; а я по сребролюбію своему не лишиться Тебя хотѣлъ, но хотѣлъ купно съ Тобою обладать лжею, понеже никто не хощетъ такъ ложное говорить, чтобы и самъ не зналъ истиннаго. И такъ я лишился Тебя, поелику не удостоеваеши купно со лжею обладать Тобою.

ГЛАВА XLII.

Нѣкоторые къ демонамъ, яко ходатаямъ о обращеніи своемъ къ Богу, погибельно прибѣгали.

67. Кого такого я долженъ искать, которой бы меня примирилъ съ Тобою? или прибѣгнуть надлежитъ къ Ангеламъ? съ какимъ моленіемъ? съ какими таинствами? Многіе старающіеся къ Тебѣ обратиться и сами чрезъ себя не могущіе, какъ слышу, покусилися на сіе и пожелали любо-

(1) Псал. 30. 23.

любопытныхъ видѣній и почтены достойными поруганія. Ибо они, будучи надменны гордостію науки своея, Тебя искали, возвышаясь паче, нежели бія въ перси, и присовокупили къ себѣ, по подобію сердца своего, единомышленныя и причастныя гордыни ихъ власти воздушныя, отъ которыхъ бы чрезъ волшебныя могущества были прельщаемы, ища ходатая для своего очищенія; но его тамъ не было: (1) діаволъ бо былъ, преобразуяся во Ангела свѣтла; и много обольстилъ гордую плоть, по тому что онъ самъ не былъ въ плотскомъ тѣлѣ. Ибо тѣ были смертные и грѣшные; Ты же, Господи, съ которымъ они примириться гордо искали, безсмертенъ и безгрѣшенъ еси. Ходатаю же Бога и человѣковъ надлежало имѣть нѣчто подобное Богу, и нѣчто подобное человѣкамъ, дабы онъ въ томъ и другомъ будучи человѣкамъ подобенъ, не далеко отстоялъ отъ Бога; или въ томъ и другомъ Богу подобенъ, не далеко отстоялъ отъ человѣкъ, а такимъ образомъ не былъ бы и Ходатай. И такъ лживый оный ходатай, чрезъ котораго по сокровеннымъ судамъ Твоимъ, всякая гордость заслуживаетъ поруганіе, одно съ человѣками имѣетъ, т. е. грѣхъ; другое по видимому хощетъ имѣть съ богомъ, дабы, поелику онъ не облеченъ плотію смертною, безсмертнымъ почитаться.

(1) 1. Кор. 11, 14.

таться. (1) Но поелику оброцы грѣха смерть; то сіе онъ имѣетъ общее съ человѣками, дабы купно съ ними осуждену быть на смерть.

ГЛАВА XLIII.

Христосъ истинный Ходатай.

68. Истиный же ходатай, котораго Ты по сокровенному милосердію Твоему явилъ смиреннымъ, и послалъ для того, дабы они его примѣромъ и самому научалися смиренію; (2) ходатай, говорю, оный Бога и человѣковъ есть Христосъ Іисусъ, которой между смертными грѣшниками и безсмертнымъ праведнымъ явился; смертенъ съ человѣками, праведенъ съ Богомъ. Дабы, понеже оброцы правды жизнь и миръ, правдою союзною Богу могъ упразнить смерть оправданныхъ грѣшниковъ, которою съ ними благоволилъ имѣть общую. Сей явленъ бысть древнимъ праведникамъ, дабы такъ они вѣрою будущаго страданія его, какъ мы вѣрою прошедшаго, спасалися. Ибо Онъ, поколику чековѣкъ, потолику ходатай; а поколику Онъ слово потолику посредственникъ, яко равенъ Богу, и Богъ у Бога и купно со Духомъ Святымъ единъ Богъ.

69. Како насъ возлюбилъ еси, Отче благій, (3) иже сына своего единороднаго не

Рим. 6. 23. (3) Фил. 2. 7. (3) 1. Тим. 2. 5.

не пощадѣ, но за насъ нечестивыхъ предалъ еси его? Како насъ возлюбилъ еси, за которыхъ онъ не восхищеніемъ непщева быти равенъ Тебѣ, (1) бывъ послушливъ даже до смерти крестныя, единъ Онъ въ мертвыхъ свободь, власть имѣяй положить душу (2) свою, и власть имѣяй паки воспріять ее; Онъ за насъ Тебѣ побѣдитель и заколеніе, и по тому побѣдитель яко заколѣніе; за насъ Тебѣ священникъ и жертва, и потому священникъ, яко жертва; творяй Тебѣ насъ изъ рабовъ сынами, отъ Тебя раждаяся, намъ служа. Достойно и праведно я на Него имѣю непоколебимую надежду, что Ты изцѣлиши вся недуги моя сѣдящимъ одесную Тебѣ, (3) и у Тебе ходатайствующимъ за насъ; иначе долженъ бы я впасть въ отчаяніе. Многіе бо и великіе суть тѣ недуги моя, многіе и великіе; но большее есть врачество Твое. Мы могли думать, что Слово Твое удалѣно отъ соединенія съ человѣкомъ и отчаяваться о себѣ, ежели бы Оно плотію не было, и не обитало въ насъ.

70. Я, устрашившись грѣховъ своихъ и тяжести бѣдствія моего, помышлялъ въ сердцѣ, и думалъ удалиться въ пустыню; но Ты воспретилъ мнѣ и ободрилъ меня говоря: (4) для того *Христосъ за всѣхъ умре*,

(1) Фил. 2. 7. (2) Іоан. 10. 18.
(3) Римл. 8. 34. (4) 2. Кар. 5. 15.

умре, да живущіе не ктому себѢ живутЪ, но умершему за нихЪ. Се, Господи, на тя возвергаю печаль мою, (1) да вижу и уразумѢю чудеса отЪ закона Твоего, Ты вѢси невѢденіе мое и немощь мою; научи и изцѢли мя. Оный Твой единородный, *вЪ немже вся сокровища* (2) *премудрости и разума сокровенна*, искупилЪ меня кровію своею. Да не оклеветаютЪ мене гордіи: яко помышляю о цѢнѢ моей и ямЪ, и пію, и разсуждаю, и будучи убогЪ, желаю насытитися отЪ того между тѢми, иже ядятЪ и *насыщаются, и восхвалятЪ Господа, взыскающіи Его.*

КНИГА ПЕРВАЯНАДЕСЯТЬ.

ХвалитЪ Бога, явно исповѢдуя ему незнаніе свое вЪ СвятыхЪ ПисаніяхЪ, или знаніе, или оную ревность, которою онЪ по божественному дару горѢлЪ кЪ нимЪ. ПредпринимаетЪ толковать начало книги Бытія, и вопервыхЪ изЪясняетЪ сіи слова: вЪ началѢ сотвори БогЪ небо и землю, гдѢ нападаетЪ на тѢхЪ, которые возражаютЪ, что БогЪ творилЪ прежде созданія неба и земли; и отЪ чего Ему на мысль пришло нѢкогда сотворить небо и землю, когда прежде не творилЪ ничего; опровергая сихЪ безумцевЪ, обширное о времени пишетЪ разсужденіе.

ГЛА-

(1) Псал. 118. 28. (2) Кол. 2. 4.

ГЛАВА I.

Для чего мы исповѣдуемся Богу насъ вѣдущему.

1. Господи, яко Твоя есть вѣчность, не вѣдаеши ли Ты, что Тебѣ говорю, или Ты по времени видиши, бываемое во времени? такъ для чего Тебѣ о толь многихъ вещахъ повѣсти чиню? по истиннѣ не для того, дабы Ты чрезъ меня позналъ оное, но я чрезъ то любовь мою возжигаю къ Тебѣ и чтущихъ сіе, да глаголемъ вси: велій Господь и хваленъ зѣло. Уже я и сказалъ сіе, и буду говорить: любовію любви Твоея я творю сіе; ибо мы и просимъ Тебя и однако истинна намъ гласитъ: *вѣстъ Отецъ вашъ, ихъ же требуете, прежде прошенія вашего* (1). Любовь убо нашу открываемъ къ Тебѣ, исповѣдуя Тебѣ бѣдности наши и щедроты Твоя на насъ, да совершенно избавивши насъ, понеже Ты уже началъ творить сіе, дабы мы престали быть бѣдны въ себѣ и ублажалися въ Тебѣ; понеже Ты призвалъ насъ, (2) дабы мы были нищіи духомъ, и кротцы, и плачущіи, и алчущіи и жаждущіи правды, и милостиви, и чисти сердцемъ, и миротворцы. Се я повѣдалъ Тебѣ многое, что могъ и что хотѣлъ, понеже Ты

(1) Матв. 6. 8. (2) Матѳ. 5. 3.

Ты первѣе благоизволилъ, (1) дабы я исповѣдовался Тебѣ, Господу Богу моему, яко благъ еси, яко во вѣкъ милость Твоя.

ГЛАВА II.

Проситъ у Бога разумѣнія Святыхъ Писаній.

2. Когда же я довлѣю тростію языка возвѣстить всѣ увѣщанія Твои, всѣ устрашенія и управленія, которыми меня привелъ еси проповѣдывать слово Твое и раздавать таинство Твое людемъ Твоимъ? и ежели довлѣю сіе возвѣстить по порядку, то дорого для меня будутъ стоить капли временъ; и прежде желаю поучиться въ законѣ Твоемъ, и въ ономъ Тебѣ исповѣдать знаніе и невѣденіе мое, начатки просвѣщенія Твоего и останки тмы моея, пока поглощена будетъ крѣпостію моя немощь; и не хощу на другое часы растočать, которые нахожу свободные отъ нуждъ, касающихся до подкрѣпленія тѣла, и мысли душевныя, и рабства, которымъ мы одолжены человѣкамъ, и которымъ не одолжены, и однако воздаемъ.

3. Господи Боже мой, вонми моленію моему, и милосердіе Твое да слышитъ желаніе мое; понеже желаніе сіе не для меня единаго во мнѣ возгарается, но въ поль-

(1) Псал. 117. 1.

пользу хощетъ быть братолюбію; и Ты зриши въ сердцѣ моемъ истинну сего. Пожру Тебѣ служеніе помышленія и языка моего, и даруй то, чтобы я могъ въ жертву принести Тебѣ. (1) Нищь бо и убогъ есмь Азъ. Ты богатъ для всѣхъ, призывающихъ Тебя, которой безопасно промышляеши о насъ. Отсѣки отъ всякія дерзости и всякой лжи внутренния и внѣшнія устнѣ мои, да будутъ невиннымъ мнѣ увеселеніемъ писанія Твои, и да не прельщаюся въ оныхъ, ниже да прельщаю чрезъ нихъ другихъ. Господи, вонми и помилуй мя; Господи Боже мой, свѣте слѣпыхъ, и сила крѣпкихъ, вонми на душу мою, и услыши ее вопіющую изъ глубины. Ибо ежели не будутъ и во глубинѣ уши Твои, камо пойдемъ? камо возопіемъ? *Твой есть день и Твоя есть нощь.* (2) По изволенію Твоему минуты пролетаютъ. Даруй отъ тѣхъ время поученіямъ нашимъ для тайныхъ закона Твоего, и толкующимъ не заключи его; ибо Ты не втунѣ написать благоволилъ на толь многихъ страницахъ сокровенныя тайны. Или не имѣютъ оныя лѣса еленей своихъ, ходящихъ въ оныя и исходящихъ, гуляющихъ и пасущихся, возлежащихъ и отрыгающихъ жваніе? О! Господи, соверши меня, и открой мнѣ оныя. Се гласъ Твой радованіе мое, гласъ Твой есть мнѣ богатство

Щ сла-

---

(1) Псал. 85. 1. (2) Псал. 73. 16.

сладостей; даруй, что я люблю; люблю бо, и сіе Ты даровалъ мнѣ. Не остави дары Твои, ниже презри злакъ Твой жаждущій. Исповѣмъ Тебѣ все, что ни обрящу въ книгахъ Твоихъ; и услышу гласъ хвалы Твоея и Тебя испію, и разсужду чудеса отъ закона Твоего, отъ самаго начала, въ которое Ты сотворилъ небо и землю, даже до царства съ Тобою вѣчнаго святаго града Твоего.

4. Господи, помилуй мя; и услыши желаніе мое; мню бо, что оное есть не о землѣ, не о златѣ и сребрѣ и камняхъ драгоцѣнныхъ, или о украшенныхъ одеждахъ, или о честяхъ, и достоинствахъ, или о сладострастіяхъ плотскихъ, ниже о нужныхъ вещахъ для тѣла, и для странствованія нашего въ сей жизни: сія вся намъ прилагаются ищущимъ царствія и правды Твоея. Вождь, Господи Боже мой, о чемъ мое желаніе. Повѣдаша мнѣ законопреступницы услажденія свои, но не яко законъ Твой, Господи. Се о чемъ желаніе мое! Виждь, Отче, призри и виждь и благоволи; и угодно да будетъ предъ лицемъ милосердія Твоего обрѣсти мнѣ благодать предъ Тобою, да отверзутся мнѣ толкущему сокровища словесъ Твоихъ. Молю Тебя Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ, Сыномъ Твоимъ, мужемъ десницы Твоея, Сыномъ человѣческимъ, котораго Ты помазалъ себѣ ходатаемъ Твоимъ и нашимъ, чрезъ

ко-

котораго Ты взыскалъ насъ не взыскующихъ Тебе, и взыскалъ для того, дабы мы искали Тебе словомъ Твоимъ имъ же сотворилъ еси вся, въ которыхъ и меня; единороднымъ Твоимъ, имъ же призвалъ еси во усыновленіе народъ вѣрующихъ, въ которомъ и меня; тѣмъ Тебя молю, иже сѣдитъ одесную Тебе и у Тебе ходатайствуетъ о насъ. (1) *Въ немъ же суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна.* Сего ищу я въ книгахъ Твоихъ. Моисей о Немъ писалъ; (2) сіе самъ (т. е. Христосъ) глаголетъ: сіе истинна глаголетъ.

ГЛАВА III.

Писанное Моисеемъ о сотвореніи неба и земли онъ разумѣть не можетъ, развѣ по дару Божію.

5. Услышу и уразумѣю, како Ты въ началѣ сотворилъ еси небо и землю. Написалъ сіе Моисей, написалъ и отшелъ изъ сея жизни, прешелъ отсюда къ Тебѣ: нѣтъ нынѣ его предо мною. Ибо ежели бы онъ былъ, то бы я его остановилъ и спросилъ, и Тобою молилъ, дабы мнѣ сіе открылъ; и приклонилъ бы я уши тѣла моего къ словамъ, изходящимъ изъ устъ его; и ежели бы онъ Еврейскимъ гласомъ гово-

 рилъ

(1) Кол: 2. 3. (2) Іоан. 5. 46.

рилъ мнѣ; то бы всуе бряцалъ въ чувство мое, и оттуда бы ничто мысли моей не коснулося, и я не понялъ бы; а ежели бы по Латинѣ, то бы я зналъ слова его. Но по чему бы я могъ знать, правду ли онъ говоритъ? ежели бы и сіе я зналъ; отъ него ли бы зналъ? Конечно бы во внутренности мнѣ, во внутренности въ жилищѣ помышленія моего ни Еврейская, ни Греческая истинна безъ органовъ устъ и языка, безъ шума слоговъ рекла: правду онъ говоритъ, и я бы тотчасъ, будучи увѣренъ, смѣло оному человѣку Твоему сказалъ: правду Ты говоришь. И такъ, когда онаго вопросить не могу, Тебе, которымъ онъ исполненъ будучи, правду написалъ, истинна, прошу, Тебе, Боже мой, прошу, пощади грѣхи моя, и когда Ты оному рабу Твоему даровалъ сіе написать, даруй мнѣ сіе уразумѣть.

ГЛАВА IV.

Тварь вопіетъ, что Творецъ ея есть Богъ.

6. Се суть небо и земля: вопіютъ небо и земля, что они сотворены, измѣняются бо и перемѣняются. А что не сотворено, и однако существуетъ, въ томъ нѣтъ ничего такого, чего бы прежде не было; ибо иначе бы означало сіе перемѣну. Вопіютъ также, что они не сами себя сотворили: по тому мы существуемъ, говорятъ, поелику мы сотво-

тво-

шворены; и шакъ не существовали мы прежде бытія нашего и не могли бышь отъ себя самихъ. И сей гласъ вопіющій есть самое явленіе ихъ. Ты, убо, Господи сотворилъ ихъ, иже красенъ еси, красны бо и оныя сушь; иже благъ еси, благія бо и оныя сушь, иже существуеши, существуюшъ бо и оныя. Не тако оныя красны, ни тако благія, ни тако существуютъ, якоже Ты, Творецъ ихъ, въ сравненіи котораго ни красны оныя сушь, ни благія, ни существуютъ. Вѣдаемъ мы сіе, благодареніе Тебѣ, и знаніе наше въ сравненіи знанія Твоего невѣденіе есть.

ГЛАВА V.

Міръ сотворенъ изъ ничего.

7. Како же Ты сотворилъ небо и землю, и какое было то орудіе, которымъ Ты произвелъ толь великое дѣло Твое? Ибо не яко человѣкъ художникъ, изображающій тѣло изъ тѣла по изволенію души, могущей дать новый видъ какой нибудь вещи, которую она созерцаетъ въ себѣ самой внутреннимъ окомъ. И какъ бы сіе могла, развѣ поелику Ты сотворилъ ее? И художникъ даетъ уже видъ вещи существующей и имѣющей быть, какъ на пр: землѣ, или камню, или древу, или злату, или тому подобному. И откуда бы сіе могло бышь, ежели бы Ты не сотворилъ того? Ты художнику тѣло, ты сотворилъ духъ упра-

вляющій членами; Ты вещество, изъ котораго онъ дѣлаетъ вещь; Ты разумъ, которымъ науку понимаетъ и видитъ внутри, что долженъ дѣлать внѣ; Ты чувство тѣлесное, по истолкованію коего переноситъ онъ отъ духа въ веществу то, что дѣлаетъ, и возвѣщаетъ духу, что сдѣлано, дабы сей внутри вопрошалъ владычествующую надъ собою истинну, хорошо ли то сдѣлано. Тебя хвалитъ сіе все, творца всяческихъ, но Ты како твориши то? Како сотворилъ еси, Боже небо и землю? конечно ни на небеси ниже на земли Ты сотворилъ небо и землю, ниже на воздухѣ, или въ водахъ; понеже и сіе принадлежитъ къ небеси и землѣ, ниже во всемъ мірѣ, Ты сотворилъ весь міръ; поелику не было мѣста, гдѣ бы его можно было сотворить прежде, нежели оный сотворенъ былъ Сущимъ; и не въ рукѣ держалъ что либо такое, изъ чего сотворилъ небо и землю. Ибо откуда сіе Тебѣ, чего Ты не сотворилъ, дабы сотворить изъ того толь великія вещи? Ибо что есть сіе, развѣ поелику Ты еси? слѣдовательно Ты реклъ, и быша и словомъ Твоимъ сотворилъ оныя.

ГЛА-

ГЛАВА VI.

КакЪ БогЪ сказалЪ: да будетЪ свѣтЪ.

8. Но како Ты реклЪ, такимЪ ли образомЪ, каковымЪ былЪ гласЪ изЪ облака глаголющій: *Сей есть сынЪ мой возлюбленный?* (1) Оной бо гласЪ сдѣлался, и прешелЪ, начался и окончался. Возгремѣли слоги и прошли, вторый за первымЪ, третій за вторымЪ, и оттуда по ряду, пока послѣдній за прочими, и безмолвіе за послѣднимЪ. Отсюда явствуетЪ, что движеніе твари изобразило сей гласЪ, служа превѣчной воли Твоей, само будучи временное. И сіи во времени бывшія слова Твои, возвѣстило ухо внѣшнее мысли разумной, коея ухо внутреннее простерто кЪ вѣчному слову Твоему. Но оная мысль сравнила сіи слова, временно звучащія, сЪ превѣчнымЪ вЪ безмолвіи словомЪ ТвоимЪ, и рекла: иное есть, совсѣмЪ сіе иное. Сіи слова гораздо ниже меня; да и нѣтЪ ихЪ, поелику убѣгаютЪ и преходятЪ; слово же Господа моего свыше меня пребываетЪ вЪ вѣкЪ. И такЪ еже-ли Ты словами, звучащими и переходящими реклЪ: да будетЪ небо и земля, и такимЪ образомЪ небо и землю сотворилЪ, то была уже тварь тѣлесная прежде неба и земли, которой движеніями временными временно долженЪ былЪ протекать оный

 гласЪ;

(1) Матѳ. 3. 17.

гласъ; но никакого тѣла прежде неба и земли не было, или ежели и было, то Ты оное по истиннѣ безъ преходительнаго гласа сотворилъ, изъ котораго бы Тебѣ сдѣлать преходительный сей гласъ, дабы посредствомъ его рещи сіе: да будетъ небо и земля. Ибо что бы сіе ни было, посредствомъ чего таковый возгремѣлъ гласъ, ежели бы отъ Тебя сотворено не было, совсѣмъ бы того не было. И такъ какимъ Ты словомъ реклъ: да будетъ оное тѣло, посредствомъ котораго долженствовали изобразиться слова сіи?

ГЛАВА VII.

Слово Божіе есть совѣчное Богу.

9. Того ради Ты призываеши насъ ко уразумѣнію Слова Бога, у Тебя Бога, которое присно глаголется, и тѣмъ присно глаголется все; ниже бо оканчивается глаголанное имъ, и глаголется иное, чтобъ могло возглаголано быть все; но купно и присно все глаголется; иначе бы уже сіе означало время и перемѣну и не истинная бы была вѣчность, ниже истинное безсмертіе. Сіе вѣмъ, Боже мой, и благодарю; вѣмъ, исповѣдуяся Тебѣ, Господи, и со мною вѣдаетъ и благословляетъ Тебе, кто не есть неблагодаренъ къ извѣстной истиннѣ. Вѣдаемъ, Господи, вѣдаемъ, понеже, поколику что не есть уже такое, какое прежде бы-

было, и есть такое, каковымъ прежде не было, потолику умираетъ и раждается. Изъ слова же Твоего ничто не уменьшается и не прибавляется, поелику оное есть истинно безсмертное и вѣчное; и потому словомъ Тебѣ совѣчнымъ купно и присно глаголеши все, что глаголеши и бываетъ все, что глаголеши, и не иначе, какъ глаголя, твориши; однако не купно, и присно все пребываетъ, что Ты глаголяй твориши.

ГЛАВА VIII.

Слово Божіе есть самое начало, изъ котораго мы научаемся всякой истиннѣ.

10. Для чегожъ, вопрошаю Тебя, Господи Боже мой? Я какъ нибудь сіе вижу, но какъ то изрещи словами, не вѣдаю; развѣ такъ могу сказать, поелику все быть начинающее и быть престающее, тогда быть начинаетъ, и тогда быть перестаетъ, когда въ вѣчномъ разумѣ познается, что оному надлежало начаться, или перестать, гдѣ ни начинается ничто, ни перестаетъ. Сіе Есть слово Твое, которое есть и *начало, яко и глаголетъ намъ.* (1) Тако во Евангеліи онъ говоритъ плотію, и сего гласъ внѣ слышанъ былъ отъ человѣковъ, дабы ему вѣрили и внутри искали, и об-

(1) Іоан. 8. 25.

брѣтали въ вѣчной истиннѣ, гдѣ всѣхъ учениковъ благій и единъ учитель поучаетъ. Тамъ слышу гласъ Твой, Господи, глаголющій ко мнѣ, яко той глаголетъ намъ, иже научаетъ насъ. А кто не научаетъ насъ, хотя и глаголетъ, не намъ глаголетъ. Кто наконецъ научаетъ насъ, развѣ постоянная истинна? Поелику мы и тогда, когда тварію перемѣняемою увѣщаваемся, къ истиннѣ постоянной ведемся, гдѣ истиннѣ научаемся когда стоимъ и слышимъ его; и радостію радуемся за гласъ жениховъ, возвращаяся къ своему началу. И потому оное начало, поелику ежели бы оно не пребывало, то бы мы заблуждающіе не имѣли, куда возвратиться. А когда возвращаемся отъ заблужденія, познавая, подлинно возвращаемся. Познавать же оно научаетъ насъ, поелику начало есть, и глаголетъ намъ.

ГЛАВА IX.

Какъ слово Божіе глаголетъ сердцу.

11. Въ семъ началѣ Ты, Боже, сотворилъ небо и землю, въ словѣ Твоемъ, въ Сынѣ Твоемъ, въ силѣ Твоей, въ премудрости Твоей, въ истиннѣ Твоей, дивно глаголяй и дивно творяй. Кто уразумѣетъ, кто повѣдаетъ, что такое блистаетъ во мнѣ, и поражаетъ сердце мое безъ поврежденія, и трепещу и возгараюся любовію? Трепещу, поколику я не подобенъ тому; возгараюся любовію, поколику подо-

добенъ тому. Премудрость, премудрость самая блистаетъ во мнѣ, разсѣкая мглу мою, паки покрывающую меня, отпадающаго отъ нее, мракомъ и тяжестію наказанія моего; понеже тако изнемогла нищетою крѣпость (1) моя, что не могу нести добра моего, дондеже Ты, Господи, иже милостивъ былъ всѣмъ неправдамъ моимъ, и изцѣлиши вся недуги моя, (2) и избавиши отъ истлѣнія животъ мой, и увѣнчаеши мя милостію и щедротами, и исполниши во благихъ желаніе мое: понеже обновится юность моя, яко орля. (3) *Упованіемъ бо спасохомся, и обѣтованія Твоего терпѣніемъ ждемъ.* Да слышитъ Тебя внутрь глаголющаго, кто можетъ: я съ упованіемъ изъ слова Твоего воззопію (1): *яко возвеличишася дѣла Твоя Господи вся премудростію сотворилъ еси*; и оная есть начало, и въ томъ началѣ Ты сотворилъ небо и землю.

ГЛАВА X.

О возражающихъ, что Богъ творилъ прежде созданія неба и земли.

12. Се не исполнены ли суть древности своея, намъ глаголющіе, „ что творилъ Богъ прежде созданія неба и земли? „Ибо

---

(1) Псал. 30, 11. (2) Псал. 102. 3.
(3) Римл. 8. 24. (4) Псал. 103. 24.

„Ибо ежели де Онъ былъ празденъ, гово-
„рятъ они, и ничего не дѣйствовалъ, то
„для чего не такъ всегда и послѣ, какъ
„прежде никогда ничего не дѣйствовалъ?
„Ибо ежели какое движеніе въ Богѣ но-
„вое произошло и новая родилася воля со-
„здать тварь, которой никогда прежде
„не созидалъ, то какъ будетъ въ томъ
„истинная вѣчность, гдѣ раждается воля,
„не бывшая прежде? Ибо воля Божія не
„есть тварь, но прежде твари; поелику
„ничто бы не могло сотворено быть, еже-
„ли бы воля Творца не предшествовала. Къ
„самому убо Божію существу принадлежитъ
„воля Его. Ежели же что родилось въ су-
„ществѣ Божіемъ такое, чего прежде въ
„немъ не было; то не справедливо назы-
„вается существо оное вѣчнымъ. А ежели
„воля Божія была вѣчная о бытіи твари,
„для чего не вѣчная и тварь?„

ГЛАВА XI.

Отвѣтствуетъ на возраженіе, что вѣчность Божія не знаетъ временъ.

13. Глаголющіе сіе не разумѣютъ Тебя, о премудросте Божія, свѣте умовъ; не разумѣютъ еще, какъ то дѣлается, что Тобою и въ Тебѣ дѣлается; и стараются вѣчное мудрствовать, но еще въ прошедшихъ и будущихъ вещей движеніяхъ сердце ихъ летаетъ и еще суетно есть. Кто удер-

удержитъ оное и остановитъ, дабы хотя мало постояло, и мало восхитило блистанія отъ присносущія вѣчности Твоея и сравнило ее со временами, никогда несостоящими, и узрѣло, что оная вѣчность есть несравнительна; и узрѣло, что долгое время бываетъ только долгимъ отъ многихъ преходящихъ движеній, не могущихъ вмѣстѣ простираться; а въ вѣчномъ ничто не проходитъ, но все есть настоящее; никакое же время все не есть настоящее; и узрѣло, что все прошедшее произходитъ изъ будущаго, и все будущее изъ прошедшаго слѣдуетъ, и все прошедшее и будущее отъ присонастоящаго созидается, и проистекаетъ? Кто удержитъ сердце человѣческое, дабы оно постояло и узрѣло, како стоящая опредѣляетъ будущія и прошедшія времена, ни будущая ни прошедшая вѣчность? Рука моя тѣлесная, или рука устъ моихъ словами можетъ ли учинить сіе?

ГЛАВА XII.

Что Богъ творилъ прежде созданія неба и земли.

13. Се отвѣтствую глаголющему, что творилъ Богъ прежде созданія неба и земли: отвѣтствую не то, что, какъ повѣствуется, нѣкто отвѣтствовалъ шуточно, смѣяся глупому вопросу:,, для тѣхъ, ска-

„сказалъ, которые о высокихъ вещахъ ис-
„пытуютъ, геенну уготовлялъ. Иное есть
„видѣть, иное смѣяться„ Я не сіе отвѣтствую; ибо охотнѣе бы я отвѣтствовалъ, не знаю, чего не знаю, нежели то, отъ чего приходитъ въ смятеніе о высокихъ вещахъ вопросившій, и похваляется ложное отвѣчавшій, но я говорю, яко Ты, Боже нашъ, всякой твари Творецъ еси, и ежели подъ именемъ неба и земли вся тварь разумѣется, то смѣло говорю, что Богъ прежде созданія неба и земли ничего не творилъ; ибо ежели творилъ, то что, развѣ тварь созидалъ, и когда бы я такъ зналъ сіе, что съ пользою знать желаю, какъ знаю, что никакой не было твари прежде бытія всякой твари!

ГЛАВА XIII.

Что прежде временъ, отъ Бога сотворенныхъ, никакого не было времени.

15. Но ежели какого либо человѣка непостоянное чувство еще скитается по воображеніямъ заднихъ временъ и удивляется, что Ты, Боже всемогущій и вседѣйствующій, и вседержавный неба и земли создатель, отъ толикаго дѣла, прежде сотворенія коего чрезъ безчисленные вѣки опочивалъ; тотъ пусть возбудится и вникнетъ подробнѣе, что онъ ложному удивляется. Ибо какъ могли безчисленные прей-

ти

ти вѣки, которыхЪ Ты не сотворилЪ, поелику Ты еси всѣхЪ вѣковЪ виновникЪ и Создатель? Или какія времена были отЪ Тебя несозданныя? Или какимЪ образомЪ оныя прешли, ежели никогда не были? И такЪ, когда Ты еси ТворецЪ всѣхЪ временЪ; то ежели было нѣкоторое время прежде сотворенія неба и земли, для чего говорится, что Ты отЪ дѣла опочивалЪ? Ибо то самое время Ты созидалЪ, и прейти не могли времена прежде сотворенія временЪ; естьли же прежде неба никакого не было времени, то для чего спрашивается: что Ты тогда творилЪ? ибо тамЪ не льзя сказать сего слова: Тогда, гдѣ не было времени.

16. И Ты не временемЪ времена предваряеши, иначе бы не всѣ времена предварялЪ; но предваряеши всѣ прошедшія высотою присносущныя вѣчности Твоея, и превышаеши всѣ будущія, поелику оныя будущія, и по наступленіи своемЪ прошедшія будутЪ. Ты тойжде еси и лѣта Твоя не оскудѣваютЪ, лѣта Твоя ни идутЪ, ни наступаютЪ: сіи же наши и идутЪ и наступаютЪ; да всѣ настанутЪ. Лѣта Твои всѣ купно стоятЪ, яко стоятЪ, и текущія отЪ наступающихЪ не изключаются, яко не преходятЪ; сіи же наши всѣ будутЪ, пока всѣ не будутЪ. Лѣта Твои день единЪ, и день Твой не повсядневный, но настоящій, поелику на-

сто-

стоящій Твой не уступаетъ завтрашнему, ниже бо послѣдуетъ за вчерашнимъ: настоящій день Твой есть вѣчность; и по тому Ты совѣчнаго себѣ родилъ, коему реклъ еси: *азъ днесь родихъ тя*; всѣ времена Ты (1) сотворилъ и прежде всѣхъ временъ Ты пребываеши и не въ нѣкоторое время не было времени.

ГЛАВА XIV.

Три различія времени.

17. Итакъ Ты во всякое время созидалъ нѣчто, поелику самое время Ты сотворилъ. И никакія времена Тебѣ не совѣчны; яко Ты пребываеши; а оныя, ежели бы пребывали, не были бы болѣе времена. Что бо есть время? Кто сіе удобно и кратко изъяснитъ? кто сіе до слова, о немъ произносимаго, и самымъ помышленіемъ постигнетъ? Что же мы свойственнѣе и извѣстнѣе въ разглагольствіи упоминаемъ, какъ только время? Не разумѣемъ подлинно, говоря о томъ, разумѣемъ, также слыша, когда другой говоритъ о томъ. Такъ что есть время? Ежели никто меня не спрашиваетъ; знаю, ежели вопрошающему изъяснить хощу, не знаю; однако смѣло говорю, что я знаю: ежели бы ничто не проходило, не было бы прошедшаго времени; и ежели бы ничто не наступало, не было бы будущаго времени, и

(1) Псал. 2. 7.

и ежели бы ничего не было, не было бы настоящаго времени. И такъ два оныя времена, прошедшее и будущее, какъ находятся, когда нѣтъ уже и прошедшаго, нѣтъ еще и будущаго? Настоящее же, ежели бы всегда было настоящее и въ прошедшее не переходило, то бы оное уже не было время, но вѣчность. И такъ ежели настоящее, дабы оно могло быть временемъ, для того токмо бываетъ, поелику въ прошедшее переходитъ; то какъ же мы говоримъ, что и сіе есть время, которое имѣетъ причиною бытія своего прехожденіе; поелику когда оное прейдетъ въ прошедшее и уже не будетъ такимъ, чтобъ мы могли справедливо назвать его настоящимъ временемъ, развѣ текущимъ въ небытіи.

ГЛАВА XV.

Въ чемъ состоитъ мѣра времени.

18. И однако говоримъ: долгое время и краткое время, да и сіе только о прошедшемъ или о будущемъ говоримъ. Прошедшее время долгимъ на примѣръ, называемъ прежде ста лѣтъ, также будущее долгимъ послѣ ста лѣтъ; краткимъ же прошедшее на примѣръ, называемъ прежде десяти дней, и краткимъ будущее по десяти дняхъ. Но какимъ образомъ то долгое время есть или краткое, котораго

нѣтъ? Ибо прошедшаго уже нѣтъ, а будущаго еще нѣтъ. Чего ради не должны мы говорить, долгое есть время; но должны говорить о прошедшемъ, долгое было, а о дубущемъ, долгое будетъ. Господи Боже мой, свѣте мой, не посмѣется ли и здѣсь истина Твоя человѣку? Ибо какое долгое было прошедшее время, тогда ли, когда оно уже было прошедшее, долгое было; или когда еще настоящее было? Тогда бо могло оно быть долгое, когда было такое, которое могло быть долгимъ; а прошедшаго уже не было, по чему и долгимъ быть то не могло, котораго совсѣмъ не было. Такъ не должны мы говорить, долгое было прошедшее время; да и совсѣмъ не найдемъ, что такое было долгое, когда уже нѣтъ того, изъ котораго происходитъ прошедшее; но должны говорить, долгое было такое-то настоящее время; поелику оно, когда настоящее было, долгое было. Ибо сіе еще не преходило въ небытіе, и по тому было такое, которое долгимъ быть могло; а какъ уже прошло, то купно и долгимъ быть перестало, поелику существовать перестало.

19. И такъ посмотримъ, о душе человѣческая, настоящее время можетъ ли быть долгое: дано бо тебѣ чувствовать медлительности и измѣрять. Что въ отвѣтъ скажешь мнѣ? Столѣтіе настоящее долгое ли есть время? Посмотри первѣе,

мо-

можетЪ ли быть настоящимЪ столѣтіе? Ибо ежели первый изЪ того годЪ идетЪ, тотЪ самый настоящій есть, а девяносто девять будущіе, и по тому ихЪ еще нѣтЪ; ежели же второй годЪ продолжается, то уже одинЪ есть прошедшій, другой настоящій, прочіе будущіе. И такимЪ образомЪ, ежели изЪ средины сотаго сего числа всякой годЪ настоящимЪ положимЪ, то прежде онаго прошедшіе будутЪ, а послѣ того будущіе; по чему столѣтіе настоящимЪ быть не можемЪ. Посмотри есть ли тотЪ самый годЪ по крайнѣй мѣрѣ настоящій, которой одинЪ продолжается? Ибо ежели изЪ того года первый мѣсяцЪ продолжается, то будущіе суть прочіе; ежели второй, то уже и первый прошелЪ, а прочихЪ еще нѣтЪ: слѣдовательно ни продолжающійся годЪ весь есть настоящій; а ежели не весь настоящій, то оный не есть и годЪ настоящій. Ибо изЪ двѣнадцати мѣсяцовЪ состоитЪ годЪ, изЪ которыхЪ всякой одинЪ продолжающійся мѣсяцЪ есть настоящій; прочіе же всѣ прошедшіе, или будущіе, хотя и продолжающійся мѣсяцЪ не есть настоящій, но токмо единЪ день: ежели первый день идетЪ, то прочіе будущіе; ежели послѣдній, прошедшіе прочіе, ежели изЪ средины мѣсяца какой либо день продолжается, то онЪ считается между прошедшими и будущими.

20. Се настоящее время, которое, какъ мы находили, одно долгимъ называть должно, едва составляетъ одинъ только день. Но разберемъ и сіе самое; поелику и одинъ день не весь есть настоящій. Ибо и оный состоитъ изъ всѣхъ нощныхъ и дневныхъ часовъ двадцати четырехъ, изъ которыхъ часъ первый имѣетъ всѣ прочіе будущіе, послѣдній прошедшіе, а всякой средній передъ собою прошедшіе, за собою будущіе имѣетъ: и самый одинъ часъ въ скоротечныхъ проходитъ частицахъ. Все, что отъ него отлетело и прешло, есть прошедшее, а что осталося, есть будущее. Ежели какое разумѣется время, которое ни на какія уже и самыя малѣйшія минутъ частицы раздѣлиться не можетъ, то одно должно назвать настоящимъ; однако и сіе такъ скоро изъ будущаго въ прошедшее перелетаетъ, что его никакая медлительность не продолжаетъ. Ибо ежели оно продолжается, то раздѣляется на прошедшее и будущее, настоящее же никакого не имѣетъ разстоянія. Такъ гдѣ же то время, которое мы должны называть долгимъ? Мы не говоримъ долгое оно есть, поелику еще нѣтъ того, что должно быть долгимъ; но говоримъ, долгое будетъ. Когдажъ убо будетъ? ибо ежели и тогда, когда еще оно будущее будетъ, не будетъ догимъ, поелику того еще не будетъ,

что должно быть долгимъ; естьли же тогда будетъ долгое, когда изъ будущаго, еще несущаго, быть уже начнетъ и настоящимъ сделается, такъ что можетъ быть долгимъ; то уже прежними гласами вопіемъ настоящее время, что оно долгое быть не можетъ.

ГЛАВА XVI.

Какое время измѣрить можно, и какое не можно.

21. И однако, Господи, мы чувствуемъ разстоянія временъ, и сравниваемъ ихъ между собою, и называемъ иныя должайшими, а иныя кратчайшими; и измѣряемъ, чѣмъ кратчае или долѣе оное время, нежели сіе, и отвѣтствуемъ, что вдвое сіе долѣе, или втрое, оное же одинакое; или толикое есть сіе, коликое оное. Но преходящія измѣряемъ времена, поелику чувствуя ихъ измѣряемъ; а прошедшія, уже не сущія, или будущія, еще не сущія кто измѣрить можетъ? Развѣ можетъ быть кто дерзнетъ сказать, что измѣрить можно несущее. И такъ преходящее время чувствовать и измѣрять можно; прошедшее же, яко не сущее, не можно.

ГЛАВА XVII.

Гдѣ время прошедшее и будущее.

22. Изыскиваю, Отче, не утверждаю, Боже мой, владычествуй надо мною, и управляй мною. Кто такой говоритъ мнѣ, что нѣтъ трехъ временъ, прошедшаго, настоящаго и будущаго, какъ мы будучи въ отрочествѣ сами учились, и отроковъ учили, но только есть одно настоящее, понеже оныхъ двухъ нѣтъ; или и оныя находятся, но изъ нѣкоторой происходитъ сокровенности, когда изъ будущаго дѣлается настоящее; и въ нѣкоторую отступаетъ сокровенность, когда изъ настоящаго дѣлается прошедшее? Ибо гдѣ оное видѣли воспѣвшіе будущее, ежели еще онаго нѣтъ? поелику не можно видѣть несущее, и которые повѣствуютъ о прошедшемъ, подлинно не истинное бы повѣствовали, ежели бы духомъ онаго не зрѣли, котораго ежели бы совсѣмъ не было, совсѣмъ бы и зрѣть онаго было не возможно. Слѣдовательно находятся какъ будущія, такъ и прошедшія времена.

ГЛАВА XVIII.

Какимъ образомъ и прошедшія и будущія времена бываютъ настоящими.

23. Позволь мнѣ, Господи, паче изыскивать упованіе мое, да не смущается мысль моя. Ибо ежели есть времена будущія и прошедшія, то мнѣ желательно знать, гдѣ оныя находятся. Хотя сего не могу еще знать, однако знаю, что не тамъ, гдѣ оныя находятся, бываютъ будущія или прошедшія, но настоящія. Ибо ежели и тамъ будущія, то еще ихъ тамъ нѣтъ; ежели и тамъ прошедшія, то уже ихъ тамъ нѣтъ. И такъ гдѣ оныя ни находятся, какія ни находятся, находятся только настоящія. Хотя прошедшія, когда истинное повѣствуется, изъ памяти износятся, не вещи самыя прошедшія, но слова понятыя изъ образовъ ихъ, которыя въ умѣ какъ бы слѣды, проходя чрезъ чувства, начертали. Ибо отрочество мое есть уже несущее, но во времени прошедшемъ находится, уже не сущемъ же; а образъ онаго, когда о немъ воспоминаю и повѣствую, въ настоящее время созерцаю, поелику оный еще находится въ памяти моей. Подобна ли сему есть причина и предсказанія будущаго, что вещей еще несущимъ уже существующіе предчувствуемы бываютъ обра-

за, исповѣдуюся, Боже мой, не знаю. То по истинѣ мнѣ извѣстно, что мы по большой части предусматриваемъ будущія дѣйствія свои, и оное предусматриваніе есть настоящее; дѣйствіе же, которое предусматриваемъ, есть еще несущее, поелику есть будущее, къ которому когда приступимъ, и то, что мы предусматривали, въ дѣйствіе производить начнемъ, тогда будетъ оное дѣйствіе, поелику оно тогда не будущее, но настоящее есть.

24. Итакъ, какъ бы ни дѣлалось тайное предчувствованіе будущаго, но только видѣть ничего, кромѣ сущаго не можно; сущее же уже не будущее, но настоящее есть. Почему когда называется видѣть будущее, то не самое еще несущее, т. е. быть имѣющее, но того причины или признаки можетъ быть видимы бываютъ уже сущіе; и потому оные не будущіе, но настоящіе уже для видящихъ, изъ которыхъ будущее предсказывается, умомъ понимаемое. Сіи паки понятія уже находятся, и ихъ настоящими въ себѣ зрятъ предсказывающіе будущее. Пусть скажетъ мнѣ какой нибудь примѣръ толикая вещей многочисленность. Я смотрю на зарю, предвѣщаю восхожденіе солнца; то, на что я смотрю, есть настоящее, что предвѣщаю, будущее. Не солнце есть будущее, уже сущее, но восхожденіе его, еще-

еще не сущее, однако и восхожденіе самое, ежели бы я не воображалъ оное въ умѣ моемъ, какъ теперь, говоря о томъ, не могъ бы предвозвѣстить. Но ни оная заря, созерцаемая мною на небѣ, есть восхожденіе солнечное, хотя его и предшедствуетъ; ни оное воображеніе въ умѣ моемъ; сіи двѣ вещи настоящія зрю, для предсказанія онаго будущаго. И такъ будущаго еще нѣтъ, и ежели еще онаго нѣтъ, то и не существуетъ и ежели оно еще не существуетъ, то и видѣть со всѣмъ его не можно, но предсказать оное можно изъ настоящаго уже сущаго и видимаго.

ГЛАВА XIX.

Не постигаетъ, какимъ образомъ Богъ научаетъ будущему.

25. И такъ Ты, обладателю твари Твоея, какой есть способъ, которымъ научаеши души предусматривать будущее? Научилъ бо еси Пророковъ Твоихъ, какой есть оный способъ, которымъ научаеши будущему, у котораго нѣтъ ничего будущаго, или паче изъ будущаго научаеши настоящему, ибо несущему и учить совсѣмъ не возможно. (1) Весьма удаленъ способъ сей отъ проницанія моего: утвердился отъ меня, не возмогу къ нему, возмогу же о Тебе, когда Ты даси мнѣ, сладчайшій свѣте тайныхъ очей моихъ.

(1) Псал. 138. 6.

ГЛАВА XX.

КакЪ должно называть различія времени.

26. А что нынѣ явствуетЪ, что ни будущихЪ временЪ нѣтЪ, ни прошедшихЪ; то несобственно говорится, три суть время, прошедшее, настоящее и будущее; но можетЪ быть собственно должно говорить, три суть время настоящее о прошедшихЪ, настоящее о настоящихЪ, настоящее о будущихЪ временахЪ. Ибо находятся вЪ душѣ сіи три нѣкоторыя различія, а индѣ оныхЪ не вижу: настояща о прошедшихЪ память, настоящее о настоящихЪ созерцаніе, настоящее о будущихЪ ожиданіе. Ежели сіе намЪ позволяется сказать, три время вижу и признаюся, три ихЪ находится; то также должно сказать три есть время, прошедшее, настоящее и будущее, по злоупотребленію обыкновенія должно сказать: се я не стараюся, не противлюся, ни поношу; однако когда то разумѣется, что говорится, что ни будущаго уже нѣтЪ, ниже прошедшаго; ибо не много есть такого, о чемЪ вЪ собственномЪ говоримЪ смыслѣ, больше вЪ несобственномЪ, но познаемЪ то, чего желаемЪ.

ГЛАВА XXI.

Как время можно измѣрять

27. И так я выше сказал, что преходящія времена измѣряем так, что можем сказать, что сіе время двойственное в разсужденіи онаго одинаковаго, или что толикое сіе есть, коликое оное, и ежели что другое о частях времен можем объявить чрез измѣреніе. Почему, как я сказал, преходящія измѣряем времена. И ежели кто мнѣ скажет: почему ты сіе знаешь? отвѣтсвую: знаю, поелику измѣряем, да и измѣрять несущее не можем и нѣт прошедших и будущих. А настоящее время как измѣряем, когда оно не имѣет разстоянія? Измѣряем убо оное, когда преходит; а когда прейдет, не измѣряется, ибо нѣчего тогда будет измѣрять. Но откуда, и как и куда оное преходит когда измѣряется? от куда развѣ из будущаго? как, развѣ чрез настоящее? куда, развѣ в прошедшее? И так из того преходит, котораго еще нѣт, чрез то, которое не имѣет разстоянія, в то, котораго уже нѣт. Что же мы измѣряем, развѣ время в нѣкотором разстояніи? Ибо мы не говорим: времена одинаковыя, и двойственныя, и тройственныя, и равныя; и ежели что сим образом во времени говорим, как только говорим сіе

в

въ разстояніи времень. Такъ въ какомъ разстояніи измѣряемъ время преходящее? въ будущемъ ли, откуда преходитъ? Но еще несущее не измѣряемъ, или въ настоящемъ, какъ преходитъ? Но не имѣющее никакого разтоянія не измѣряемъ или въ прошедшемъ, куда преходитъ? но уже несущее не измѣряемъ.

ГЛАВА XXII.

Проситъ у Бога разрѣшенія сего гаданія.

28. Возгорѣлъ духъ мой желаніемъ познать сіе сокровеннѣйшее гаданіе, не заключи оное, Господи Боже мой, благій Отче, Христомъ молю Тебя, не заключи отъ желанія моего сіе и обыкновенное и сокровенное, чтобъ я не могъ проникнуть въ оное, и яви мнѣ при сіяніи милосердія твоего, Господи, кого я вопрошу о семъ и кому съ большею пользою исповѣмъ невѣденіе мое, ежели не Тебѣ, которому весьма горящая моя охота къ писаніямъ Твоимъ не наскучила; даруи, что люблю: люблю бо, и сіе мнѣ Ты даровалъ. (1) Даруй, Отче, иже истинно умѣеши даянія блага даяти чадомъ Твоимъ; даруй, понеже я предпріялъ познать сіе, и трудъ есть предо мною, дондеже отверзеши. Христомъ молю, во имя его святаго святыхъ; никто не долженъ мнѣ прекословить, и азъ вѣровахъ, тѣмъ

(1) Матѳ. 7 11.

тѣмъ же возглаголахъ. Сія есть надежда моя; по сей живу, да узрю красоту Господню. Се древнія положилъ еси дни моя, и преходятъ, а какъ, не вѣмъ. И говоримъ время и время, времена и времена. Коль долго онъ говорилъ сіе, коль долго онъ дѣлалъ сіе, и чрезъ коль долгое время я того не видалъ, и вдвое больше времени требуется для произношенія сего слова въ сравненіи онаго одинаковаго краткаго. Говоримъ сіе и слышимъ сіе, и разумѣютъ насъ, и разумѣемъ мы. Весьма явное и весьма обыкновенное есть сіе; и то же паки весьма сокровенно, и новое есть изобрѣтеніе того.

ГЛАВА XXIII.

Что есть время.

29. Услышалъ я отъ нѣкотораго человѣка ученаго будто бы движенія солнца, и луны и звѣздъ, самыя суть времена, а не года. Ибо для чегожъ бы не паче всѣхъ тѣлъ движенія были времена? или ежели бы остановилися небесныя свѣтила, и движилось колесо скудельничье, не было бы времени намъ измѣрить тѣ круги, и сказать, что оные или съ равною медлительностію обращаются, или, ежели бы оное колесо въ одномъ мѣстѣ коснительнѣе, въ другомъ скорѣе движилося, одни продолжительнѣе, другіе не такъ; или когда бы мы сіе сказали, то и мы бы не во времени говорили, или были

ли бы въ словахъ нашихъ иные долгіе слоги, иные короткіе, развѣ поелику оные бы въ должайшее время произносимы были, сіи въ кратчайшее. Боже, даруй человѣкамъ видѣть въ маломъ общія понятія о вещахъ малыхъ и великихъ. (1) Суть и *звѣзды и свѣтила на тверди небеснѣй въ знаменія и во времена и во дни и въ лѣта*: суть поистиннѣ, но я не сказалъ бы, что обращеніе онаго огненнаго круга есть день, однако и онъ бы не сказалъ, что по тому нѣтъ времени.

30. Я знать желаю силу и естество времени, которымъ измѣряемъ тѣлъ движенія, и говоримъ, что такое-то движеніе, на примѣръ, двоиственнаго времени есть продолжительнѣе, нежели сіе. Ибо я изыскиваю, поелику днемъ называется не только медлительность солнца на земли, по чему иное есть день, иное нощь, но и всего его обращенія отъ востока даже до востока; по чему мы говоримъ, столько-то дней прошло; ибо съ своими ночами называется столько дней, а не особенно разсуждаются продолженія ночей. И такъ, поелику день исполняется движеніемъ солнца, и обращеніемъ его отъ востока даже до востока? то я изыскиваю, движеніе ли самое есть день, или медлительность самая, коликая продолжается, или и то, и другое? ибо, ежели бы первое день былъ, такъ

(1) Быт. 1. 14.

такъ бы день былъ и тогда, когда бы въ толикое продолженіе времени солнце теченіе свое совершило, коликое есть продолженіе одного часа. Ежели бы второе; такъ не былъ бы день, т. е. ежели бы отъ восхожденія солнечнаго даже до восхожденія другаго, такъ краткая была медлительность, какая есть одного часа, чрезъ двадцать четыре часа должно обращаться солнце для исполненія цѣлаго дня. Ежели бы и то и другое, то бы ни онаго не льзя было назвать днемъ, т. е. ежели бы въ продолженіе одного часа солнце весь кругъ свой обтекло, ни того, ежели бы при стояніи солнца столько времени прошло, во сколько обыкновенно солнце всю окружность оканчиваетъ отъ утра до утра. И такъ нынѣ я не буду изыскивать, что называется день, но что есть время, которымъ мы, измѣряя обращеніе солнца, могли бы сказать, что оно въ половину времени прошло меньше обыкновеннаго, ежели бы въ толикое продолженіе времени прошло, въ коликое проходитъ двенадцать часовъ; и оба времена сравнивая могли сказать: оное простое, сіе двойственное, хотя бы иногда въ оное простое, иногда въ сіе двойственное солнце отъ востока даже до востока обтекало. Почему никто мнѣ не долженъ говорить, что небесныхъ тѣлъ движенія суть времена. Поелику и тогда, когда по желанію нѣкоего

(т.

(т. е. Іисуса Навина) солнце остановилось для окончанія побѣдоноснаго сраженія; солнце стояло, но время текло. Ибо во свое время, которое для того довело, оное сраженіе началося и кончилося. И такъ вижу, что время нѣкоторое есть протяженіе; но вижу ли, или только кажется мнѣ, что я вижу, Ты явиши сіе, свѣте истина.

ГЛАВА XXIV.

Время есть то, чѣмъ измѣряемъ движеніе тѣла.

31. Повелѣваеши ли мнѣ, Боже, подтвердить, ежели кто скажетъ, что время есть движеніе тѣлесное? Не повелѣваеши Ты, ибо слышу, что никакое тѣло не движется, точію во времени: Ты глаголеши сіе, а что самое тѣла движеніе время есть, не слышу, и Ты не глаголеши. Ибо когда движется тѣло, то временемъ измѣряю, коль долго оно движется, съ котораго движиться начинаетъ, пока перестанетъ; и ежели я не видалъ, съ котораго времени оно начало движиться и пребываетъ въ движеніи, такъ что не вижу, когда перестанетъ оно движиться, то я не силенъ онаго измѣрить дотолѣ, ежели не начну видѣть, съ котораго времени оно движится, пока перестану видѣть, ежели сіе долго вижу, токмо объявляю, что долгое время есть, а не коликое

оно

оно есть, поелику и когда о количествѣ его говоримъ по сравненiю говоримъ напр: толикое есть сiе, колико оное, или двойственное сiе въ разсужденiи онаго и ежели что иное таковымъ образомъ. А естьли бы мы замѣтить могли разстоянiе мѣстъ, откуда преходитъ тѣло движимое, или части его, ежели бы оное какъ въ точилѣ движется; то можемъ сказать, сколько тому времени какъ отъ онаго мѣста даже до сего мѣста движенiе тѣла или части его послѣдовало. И такъ когда иное есть движенiе тѣла, иное то, чѣмъ измѣряемъ, коль долго оно продолжается, то кто не разумѣетъ, что изъ сихъ паче должно назвать временемъ? Ибо хотя различно тѣло иногда движится, иногда стоитъ, однако мы не только движенiе, но и стоянiе временемъ измѣряемъ и говоримъ, столько стояло, сколько движилося, или вдвое, или втрое. Больше стояло въ разсужденiи того, что движилося, и ежели мы что иное чрезъ свое измѣренiе или постигнуть можемъ, или почесть, какъ говорится обыкновенно, больше меньше, слѣдовательно движенiе тѣла не есть время.

ГЛАВА XXV.

Паки къ Богу дѣлаетъ обращенiе.

32. Исповѣмъ Тебѣ, Господи, что я не вѣдаю еще, что есть время, и паки исповѣдую Тебѣ, Господи, что я знаю, что во

времени сіе говорю, и долго уже говорю о времени, да и того самаго, что называется долго, нѣтъ, развѣ оное есть медлительность времени; како убо сіе знаю, когда, что есть время, не знаю? или можетъ быть не знаю, какъ сказать то, что я знаю. Увы мнѣ, которой не знаю и того, чего не знаю. Се Боже мой, предъ тобою, поелику не лгу; какъ говорю, такъ есть въ сердцѣ моемъ. Ты просвѣтиши свѣтильникъ мой, Господи Боже мой, просвѣтиши тму мою.

ГЛАВА XXVI.

Какъ мы время измѣряемъ.

33. Не Тебѣ ли исповѣдуется душа моя исповѣданіемъ истиннымъ, что измѣряю я времена? Тако ли, Боже мой, измѣряю, когда и что долженъ измѣрять, не знаю? измѣряю движеніе тѣла во времени; такъ не измѣряю ли и самое время? Но могъ ли бы я движеніе тѣла измѣрить, сколь долго оное бываетъ, и сколь долго отсюда туда преходитъ, ежели бы время, въ которомъ движится, не измѣрялъ? И такъ самое время, какъ я измѣряю? или временемъ кратчайшимъ измѣряемъ должайшее, на примѣръ количествомъ локтя количество бревна; ибо такъ кажется количествомъ краткаго слога измѣряемъ количество долгаго слога и тотъ двойственнымъ называемъ. Такъ измѣряемъ количества поемъ

емъ количествами стиховъ, и количества стиховъ количествами стопъ и количества стопъ количествами слоговъ и количества долгихъ слоговъ количествами краткихъ, но не на страницахъ, (ибо таковымъ образомъ мѣста измѣряемъ, не времена,) но хотя гласы въ произношенiи преходятъ, и мы говоримъ долгая есть поема; ибо изъ толикихъ стиховъ состоятъ; долгiе стихи, ибо изъ толикихъ стопъ состоятъ, долгiе стопы, ибо изъ толикихъ слоговъ составляются, долгiй слогъ, ибо двойственный есть въ разсужденiи краткаго, но и такимъ образомъ не постигается точная мѣра времени, понеже статься можетъ, что въ большее продолженiе времени можно прочесть стихъ кратчайшiй, ежели протяжнѣе оной произносить, нежели должайшiй, ежели сокращеннѣе, такъ поема измѣряется, такъ стопа, такъ слогъ, почему мнѣ и казалось, что не что иное есть время, какъ протяженiе, но какой вещи, не вѣдаю, и удивительно ежели не самаго духа. Что бо измѣряю, молю Тебя, Боже мой, и говорю, или неопредѣлительно долѣе есть сiе время, нежели оное или и опредѣлительно двойственно есть сiе въ разсужденiи онаго. Измѣряю время, вѣдаю, но не измѣряю будущаго, поелику еще онаго нѣтъ; не измѣряю настоящаго, поелику оно никакого не имѣетъ продолженiя; не измѣряю прошедшаго, поелику онаго уже нѣтъ. Такъ что я

измѣряю? или преходящія времена, а не прошедшія? Ибо такъ я говорилъ.

ГЛАВА XXVII.

Какъ измѣряемъ время, пребывающее въ Духѣ.

34. Мужайся, душе мой, и внимай доблественно, Богъ помощникъ нашъ, той сотворилъ насъ, а не мы сами себя, внимай, гдѣ блещетъ истина, се положи, что гласъ тѣлесный начинаетъ гремѣть и гремитъ, и еще гремитъ, и се перестаетъ и уже умолкъ и гласъ оный прошедшій, и нѣтъ уже гласа. Будущій былъ прежде, нежели возгремѣлъ и не можно было его измѣрить, поелику его еще не было, да и нынѣ не можно, поелику его уже нѣтъ; и такъ тогда можно было его измѣрить, когда гремѣлъ, поелику онъ тогда былъ измѣряемый, но и тогда оный не стоялъ, шелъ бо и преходилъ; потому ли паче и тогда можно было измѣрить его? Ибо преходящій простирался на нѣкоторое время, которымъ можно было измѣрить, понеже настоящее никакого не имѣетъ продолженія. И такъ, ежели тогда можно было его измѣрить, се положи, что другой гласъ началъ гремѣть, и еще гремитъ непрерывно, безъ всякаго раздѣленія, измѣряемъ его, пока гремитъ; ибо когда гремѣть перестанетъ, уже прошедшій будетъ и не можно будетъ его измѣрить;

измѣряемъ совершенно, и скажемъ онаго количество. Но еще онъ гремитъ, а измѣрить не льзя; развѣ съ начала его, когда гремѣть началъ, даже до конца, когда гремѣть перестанетъ, понеже самое разстояніе измѣряемъ съ нѣкотораго начала до нѣкотораго конца. Почему тотъ гласъ, которой еще не кончился, измѣрить не можно, чтобъ сказать, коль оный долгій, или коль краткій, ни назвать его или равнымъ нѣкоторому, или въ разсужденіи нѣкотораго простымъ, или двойственнымъ, или чѣмъ нибудь другимъ, а когда окончится, уже его не будетъ. Какимъ убо образомъ можно будетъ его измѣрить? и однако измѣряемъ времена не тѣ, которыхъ еще нѣтъ, не тѣ, которыхъ уже нѣтъ, не тѣ, которыя никакая медленность не продолжаетъ, ниже тѣ, которыя предѣловъ не имѣютъ. Слѣдовательно ни будущихъ, ни прошедшихъ, ни настоящихъ, ни преходящихъ временъ не измѣряемъ, и однако измѣряемъ времена.

35. Богъ Творецъ всяческихъ (Deus creator omnium) Стихъ сей осьмисложной, въ которомъ попеременно положены краткіе и долгіе слоги. И такъ четыре краткихъ, первый, третій, пятый, седьмый простые суть въ разсужденіи четырехъ долгихъ, втораго, четвертаго, шестаго и осьмаго; каждой изъ сихъ въ разсужденіи каждаго изъ оныхъ вдвое больше требуетъ времени для

 про-

произношенія; я произношу, и объявляю, и такъ въ самой вещи какъ есть, какъ ощущаемъ явственнымъ чувствомъ. Поколику чувство есть явственно, то краткимъ слогомъ измѣряю долгой, и поползику чувствую, что оный вдвое долѣе произносится. Но когда одинъ за другимъ гремитъ, ежели первый краткій, долгій послѣдній, какъ я узнаю краткой, и какъ его къ другому принаровлю измѣряя, дабы мнѣ найти, что оный вдвое долѣе только произносится, понеже долгій гремѣть не начинаетъ, развѣ когда краткій гремѣть перестанетъ? да и самый долгій слогъ ненастоящій измѣряю, развѣ уже окончавшейся. Окончаніе же его есть перехожденіе, такъ чтожъ я долженъ измѣрять? гдѣ есть краткій, которымъ измѣряю? гдѣ долгій, которой измѣряю? Оба возгремѣли, улетѣли, прошли, уже ихъ нѣтъ; а я измѣряю, и смѣло отвѣтствую, сколько на искусившееся чувство можно надѣяться, что оный простый, сей двойственный въ продолженіи т. е. времени; ниже сіе могу, развѣ поелику оныя прошли и кончилися. И такъ не самые оные слоги, которыхъ уже нѣтъ, но нѣчто въ памяти моей измѣряю, которое впечатленное въ ней пребываетъ.

36. Въ тебѣ, душе мой, времена измѣряю, не прекословь мнѣ: что это! не прекословь себѣ мятежными страстьми твоими. Въ тебѣ, говорю, времена измѣряю.

Страсть,

Страсть, которую вещи преходящія въ тебя влагаютъ, и хотя оныя проидутъ, въ тебѣ пребываетъ; Ее измѣряю настоящую, а не тѣ вещи, которыя для того прошли, дабы оную вложить въ тебя; ее измѣряю самую, когда времена измѣряю. Слѣдовательно или оныя суть времена, или я не времена измѣряю: чтожъ, когда измѣряемъ молчаніе, и говоримъ такое-то молчаніе столько продолжалося времени, сколько и оный продолжался гласъ? помышленіе ли самое напрягаемъ къ измѣренію голоса, какъ бы гремящаго, дабы мы нѣчто о разстояніи молчанія въ продолженіи времени объявить могли? Ибо мы и при безмолвіи гласа и устъ дѣлаемъ помышленіемъ поемы и стихи, и всякую рѣчь, и движеній всякія измѣренія, и о продолженіяхъ временъ объявляемъ, коликое есть сіе въ разсужденіи онаго не иначе, какъ бы то самымъ голосомъ говорили. Ежели захочетъ кто издать продолжительный гласъ и опредѣлитъ разсуждая, сколь долго оный продолжится; тотъ конечно прежде проводилъ время въ молчаніи, и въ памяти впечатлѣвая, началъ издавать оной гласъ, которой дотолѣ гремитъ, доколѣ до опредѣленнаго конца не дойдетъ. Подлинно оный возгремѣлъ, и будетъ гремѣть; ибо что отъ него уже прошло, подлинно возгремѣло, а что остается, будетъ гремѣть. И такимъ образомъ оный про-

должается, пока еще настоящая мысль будущее въ прошедшее переноситъ чрезъ умаленіе будущаго, чрезъ умноженіе прошедшаго, доколѣ чрезъ окончаніе будущаго не будетъ все прошедшее.

ГЛАВА XXVIII.

Духомъ измѣряемъ времена.

37. Но какъ умаляется или оканчивается будущее, котораго еще нѣтъ? или какъ умножается прошедшее, котораго уже нѣтъ, развѣ поелику въ духѣ, которой оное помышляетъ, три находятся время? ибо онъ и ожидаетъ, и внимаетъ, и памятуетъ, такъ что ожидаемое имъ чрезъ то, чему внимаетъ, преходитъ въ то, что памятуетъ. Такъ кто отвергаетъ, что еще нѣтъ будущаго? но однако еще есть въ духѣ ожиданіе будущаго; и кто отвергаетъ, что прошедшаго уже нѣтъ? но однако еще есть въ духѣ памятованіе прошедшаго; и кто отвергаетъ, что настоящее время не имѣетъ продолженія. Поелику въ пунктѣ проходитъ? но однако продолжается вниманіе, чрезъ которое простирается въ небытіе будущее. И такъ не есть долгое время будущее несущее; но долгое будущее есть долгое ожиданіе будущаго. Ниже долгое есть прошедшее несущее, но долгое прошедшее есть долгое памятованіе прошедшаго.

38. Я намѣреваюсь воспѣть извѣстной мнѣ стихъ: прежде начатія онаго, я цѣлаго его ожидаю; а когда его начну пѣть, то, сколько онаго стиха прешло въ прошедшее, содержу въ памяти моей и протягается жизнь сего дѣйствія моего въ память, для чего я оной воспѣлъ, и въ ожиданіе, для чего воспѣть намѣреваюся; однако настоящее есть вниманіе мое, чрезъ которое должно переходить будущее въ прошедшее, что чѣмъ болѣе продолжается и продолжается, тѣмъ паче, по сокращеніи ожиданія будущаго, продолжительнѣе дѣлается памятованіе, пока все ожиданіе изтощится, когда т. е. все оное дѣйствіе окончившись прейдетъ въ память. И что въ цѣломъ стихѣ, сіе въ каждой части его бываетъ, и въ каждомъ слогѣ его: сіе въ дѣйствіи должайшемъ, котораго можетъ быть частица есть оный стихъ; сіе во всей жизни человѣческой, коея части суть всѣ дѣйствія человѣческія; сіе въ цѣломъ вѣкѣ сыновъ человѣческихъ, котораго части суть всѣ жизни человѣческія.

ГЛАВА XXIX.

Себя на временное развлеченнаго желаетъ собрать въ Бога.

39. Но какъ изящнѣе есть милосердіе Твое всѣхъ жизней; се протяженіе есть жизнь моя, и воспріяла меня десни-

ца Твоя о Господѣ моемъ Ходатаѣ, сынѣ человѣческомъ между Тобою единымъ и нами многими во многомъ чрезъ многое, да чрезъ Него объиму, въ Немъ же и объятъ есмь, и отъ древнихъ дней соберуся, слѣдуя за Тобою единымъ, задняя забывая, не на будущая и преходящая, но на предняя не развлекаяся, но простираяся не по развлеченію, но мыслію слѣдуя къ побѣдоносному верьховному званію, гдѣ да услышу гласъ хвалы Твоея, и узрю красоту Твою ни грядущую, ни преходящую. Нынѣ же лѣта мои протекаютъ въ воздыханіяхъ, а Ты утѣшаеши меня, Господи, Отче мой вѣчный! Но я на времена растočился, которыхъ порядка не знаю, и мятежными различіями расторгаются помышленія мои, внутренняя утроба души моея, пока въ Тебя соберуся, очистившись огнемъ любви Твоея.

ГЛАВА XXX.

Паки изобличаетъ возражающихъ, что Богъ дѣлалъ прежде сотворенія міра.

40. Стану и укрѣплюся въ Тебѣ, во образѣ моемъ истинѣ Твоей, и не буду терпѣть вопросовъ, предлагаемыхъ отъ тѣхъ человѣковъ, которые наказательною болѣзнію больше жаждутъ, нежели вмѣщаютъ, и говорятъ: Что творилъ Богъ прежде созданія неба и земли? или что

ему

ему пришло на мысль нѣчто сотворить, поелику прежде никогда ничего не творилъ. Даруй имъ, Господи, хорошее имѣть помышленіе о томъ, что говорятъ, и найти, поелику не говорится сіе слово: никогда, гдѣ нѣтъ времени. Что убо называется никогда не творить; что другое называется, развѣ ни въ какое время не творить? И такъ пусть узрятъ, что никакое время быть не можетъ безъ твари, и престанутъ сію тщетность говорить; и пусть простираются на предняя, и уразумѣютъ, что Ты прежде всѣхъ временъ, вѣчный Творецъ еси всѣхъ временъ, и никакія времена Тебѣ не суть совѣчны, ниже какая тварь, хотя и есть нѣкоторая свыше временъ.

ГЛАВА XXXI.

Какъ познаетъ Богъ, какъ тварь.

41. Господи Боже мой, какое есть оное нѣдро высокія тайны Твоея, и коль далече оттуда меня низвергли послѣдствія грѣховъ моихъ! Изцѣли очи мои, и да сорадуюся свѣту Твоему. Поистиннѣ, ежели есть толь великое знаніе и предвѣденіе имѣющій духъ, которому все прошедшее и будущее такъ извѣстно, какъ мнѣ одинъ стихъ преизвѣстной; весьма дивенъ есть духъ сей да и страшенъ зѣло, т. е. которому бы такъ было явно все,

что прошло, и что осталося отъ вѣковъ, какъ мнѣ явно поющему оной стихъ, что и сколько его прошло отъ начала, что и сколько осталося до конца. Но да не будетъ, чтобъ Ты, Создателю вселенныя, Создателю душъ и тѣлесъ; да не будетъ чтобы Ты такъ познавалъ все будущее и прошедшее. Гораздо Ты, гораздо удивительнѣе, и гораздо сокровеннѣе познаеши все; ибо какъ въ томъ, которой извѣстное поетъ, или извѣстной стихъ слышитъ, чрезъ ожиданіе рѣчей будущихъ и чрезъ памятованіе прошедшихъ перемѣняется страсть, и чувство развлекается; такъ Тебѣ ничего такого не случается, непреложно Вѣчному, тоесть истинно вѣчному Творцу умовъ. И такъ какъ ты позналъ въ началѣ небо и землю безъ преложности познанія Твоего, такъ сотворилъ въ началѣ небо и землю безъ раздѣленія дѣйствія Твоего. Кто разумѣетъ сіе, тотъ да исповѣдуется; и кто не разумѣетъ, да исповѣдуется Тебѣ. О коль высокъ еси и смиренные сердцемъ суть домъ Твой! Ты возставляеши низверженные, и не падаютъ, которыхъ высота Ты еси.

КНИ-

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Продолжаетъ толковать сей стихъ: въ началѣ сотвори Богъ небо и землю.

Гдѣ подъ именемъ неба по мнѣнію его, означается духовная или разумная оная тварь, которая всегда лице Божіе созерцаетъ; а подъ именемъ земли безобразное вещество, изъ котораго вещей тѣлесныхъ виды послѣ устроены. Притомъ исповѣдуется, что и другіе толкованія способы охуждать не должно; ибо изъ глубины Божественнаго Писанія многоразличный можно выводить смыслъ и разумъ.

ГЛАВА I.

Трудно испытать истину.

1. О многомъ печется сердце мое, Господи, въ семъ убожествѣ жизни моея, пораженное словами святаго Писанія Твоего и для того по большой части въ рѣчи обильна бываетъ скудость человѣческаго разумѣнія, поелику больше говоритъ испытаніе, нежели изобрѣтеніе, и продолжительнѣе есть прошеніе, нежели полученіе, и многотруднѣе бываетъ рукѣ толкущей, нежели пріемлющей. Мы знаемъ обѣтованіе; кто нарушаетъ оное? *Аще Богъ по насъ кто на ны?*

ны? (1) *Просите и дастся вамъ, ищите и обрящете, толцыте и отверзется вамъ. Всякъ бо просяй пріемлетъ, и ищай обрѣтаетъ, и толкущему отверзется.* (2) Обѣтованія сіи Твои; да и кто обмана тогда опасается, когда обѣщаваетъ истина?

ГЛАВА II.

О двоякомъ небѣ и землѣ.

2. Исповѣдуетъ высотѣ Твоей низкость языка моего, яко Ты сотворилъ небо и землю; сіе небо, которое я вижу, и землю, по которой хожу, откуда есть сія земля, которую я ношу, Ты сотворилъ. Но гдѣ есть небо небесе, Господи, о которомъ мы слышали во гласѣ псаломстѣ, *небо небесе Господеви, землю же даде сыновомъ человѣческимъ?* (3) Гдѣ есть небо, нами не видимое, которому земля есть сіе все, что мы созерцаемъ? Сіе бо все тѣлесное, не вездѣ все, и напослѣдокъ такой восприяло красивый видъ, котораго дно есть земля наша; но предъ онымъ небомъ небесе и земли нашея небо земля есть. И сіи оба великія тѣла не безразсудно землею называются въ разсужденіи онаго не знаю какого-то неба, которое Господь имѣетъ, а не сынове человѣчестіи.

ГЛА-

(1) Рим. 8. 31. (2) Мат. 7. 7. (3) Псал. 113. 24.

ГЛАВА III.

Что тма верьху бездны? (1)

3. И сія *земля бѣ невидима и неустроена*, и не знаю, какая-то глубина бездны, верьху которой не было свѣта; поелику никакого не имѣла вида. Почему Ты повелѣлъ написать сіе, что *тма была верьху бездны*, что сіе есть другое, какъ небытность свѣта? ибо гдѣ бы могъ быть свѣтъ, ежели бы тогда былъ, развѣ бы въ верьху сіялъ и освящалъ? И такъ гдѣ еще свѣта не было, что означало бытіе тмы, развѣ небытіе свѣта? И для того въ верьху была тма, поелику свѣта въ верьху не было, подобно гдѣ нѣтъ звука, тамъ есть безмолвіе. И что есть быть тамъ безмолвію, развѣ звуку тамъ не быть? Не Ты ли, Господи, научилъ сію душу, исповѣдующуюся Тебѣ? Не Ты ли, Господи, научилъ меня сему, что прежде, нежели Ты сіе безобразное вещество изобразилъ и раздѣлилъ, ничего не было ни цвѣта, ни изображенія, ни тѣла, ни духа? Однако не совсѣмъ ничего не было: была нѣкоторая безобразность, неимѣющая никакого вида.

ГЛА-

(1) Быт. гл. 1. ст. 2.

ГЛАВА IV.
Что такое земля невидимая и неустроенная?

4) И такъ, что должно назвать безобразностію, которое бы какъ нибудь можно было внушить и медленно чувствующимъ, развѣ употребительнымъ нѣкоторымъ словомъ? Что же во всѣхъ міра частяхъ найти можно сродственнѣйшее безобразности всесовершенной, какъ не землю и бездну? ибо оныя не столь видны по своему степени низшему, сколько прочія всѣ вещи вышшія, прозрачныя и свѣтлыя. Такъ для чегожъ мнѣ подъ симъ именемъ не брать безобразность вещества, которое Ты сотворилъ, лишенное вида, дабы сотворить изъ него видимый сей міръ, такъ довольно людямъ извѣстную, что можно ею назвать землю невидимую и неустроенную?

ГЛАВА. V
Для чего такъ названо по видимому вещество безобразное?

5. И когда въ ономъ веществѣ ищетъ помышленіе того, что чувство объемлетъ, и говоритъ въ себѣ: не такъ удобоуразумѣваемый видъ онаго, какъ жизнь, какъ правда, поелику оный есть вещество тѣлъ, ниже чувствуемый, понеже въ невидимомъ и неустроенномъ веществѣ ничего ви-

дѣть

дѣть и чувствовать не можно, когда въ себѣ сіе говоритъ человѣческое помышленіе, то должно оно стараться, или знать не вѣдая, или не вѣдать зная.

ГЛАВА VI.

Что онъ прежде съ Манихеами умствовалъ о безобразномъ веществѣ, что теперь.

6. И я, Господи, ежели все исповѣмъ Тебѣ устами и перомъ моимъ, чему Ты о семъ веществѣ научилъ меня, коего я прежде имя слыша и не разумѣя, когда сказывали мнѣ сами неразумѣющіе онаго, помышлялъ такъ, будто бы оное вещество украшено было видами безчисленными и различными. И потому я не о немъ помышлялъ, но о гнусныхъ и страшныхъ образахъ, не имѣющихъ никакихъ порядковъ, разсуждалъ духъ мой; однако о образахъ. И безобразнымъ я называлъ не ту вещь, которая не имѣетъ образа, но которая такой имѣетъ образъ, что ежели бы оная мнѣ представилася, то бы необычайнаго и непристойнаго отвратилося чувство мое, и смутилася немощь человѣка. Но однако помышляемое мною не по лишенію всякаго образа, но по сравненію съ благообразнѣйшимъ было безобразное; и внушалъ мнѣ истинный разсудокъ совсѣмъ отнять всякаго образа всѣ остатки, ежели хощу

истинно о безобразномъ помышлять; и я не могъ. Ибо скорѣе мнилъ, что нѣтъ ничего такого, что всякаго образа лишается, нежели помышлялъ, что есть нѣчто между образомъ и ничѣмъ изображенное не ничто; а безобразное есть почти ничто. И перестала мысль моя вопрошать отселѣ духа моего, наполненнаго воображеніями изображенныхъ тѣлъ, и тѣ т. е. образа по произволенію перемѣняющаго и измѣняющаго; и обратилъ я вниманіе на самыя тѣла и глубже проникль въ ихъ измѣненіе, по которому оныя перестаютъ быть, каковыми были, и начинаютъ быть, каковыми не были; и думалъ, что оное прехожденіе изъ образа въ образъ чрезъ безобразное нѣкоторое вещество дѣлается, не чрезъ совершенное ничто; но знать я желалъ, а не думать. И ежели все Тебѣ изповѣсть гласъ и перо мое, что Ты о семъ вопросѣ изъяснилъ мнѣ, кто изъ чтущихъ понять возможетъ? Однако для того не престанетъ сердце мое возсылать Тебѣ честь, и воспѣвать хвалу о томъ, чего повѣдать не довольно. Ибо самое измѣненіе вещей перемѣняемыхъ вмѣщаетъ въ себѣ всякіе образа, въ которые перемѣняются вещи перемѣняемыя. А сіе что есть? духъ ли? тѣло ли? видъ ли духа или тѣла? ежели бы сказать можно было, что сіе есть нѣкоторое ничто, то бы и я сказалъ, что оное есть и не есть;

и

и однако оно уже какимъ нибудь было, когда могло вмѣщать сіи виды видимые и устроенные.

ГЛАВА VII.

Богъ сотворилъ изъ ничего небо т. е. Ангеловъ, и землю т. е. безобразное вещество.

7. И откуда какимъ нибудь оное вещество было, ежели бы не было отъ Тебя, отъ котораго есть все, поколику существуетъ? Но тѣмъ оное далѣе отстоитъ отъ Тебя, чѣмъ Тебѣ неподобнѣе: ниже бо мѣстами Тебѣ подобно. И такъ Ты, Господи, которой не перемѣняешися по мѣстамъ, но вездѣ тойжде, и тойжде, и тойжде Святъ, Святъ, Святъ, Господь Богъ вседержитель: въ началѣ, которое есть отъ Тебя, въ премудрости твоей, которая произрасла отъ существа Твоего, сотворилъ еси нѣчто и изъ ничего. Ты бо сотворилъ небо и землю не изъ себя, ибо оное было бы равное единородному Твоему, а чрезъ сіе и Тебѣ: и никакъ бы не праведно было, чтобъ то равное было Тебѣ, что изъ Тебя не было; а инаго ничего, кромѣ Тебе не было, изъ чего бы Ты сотворилъ оное, Боже, единая Троица и троичная единица, и потому изъ ничего сотворилъ еси небо и землю, нѣчто великое и нѣчто малое, яко благъ еси, и могущій сотворити вся бла-

благая, великое небо и малую землю. Ты былъ, и другое ничто, изъ котораго сотворилъ небо и землю, двѣ нѣкоторыя вещи, одну близъ себя, другую близъ ничтожества, одну для того, дабы ея выше Ты былъ, другую для того, дабы ея ниже ничто не было.

ГЛАВА VIII.

Вещество безобразное сотворено изъ ничего, а изъ сего всѣ видимыя вещи.

8. Но оное небо небесе Тебѣ, Господи, земля же, которую Ты далъ сыновомъ человѣческимъ зрѣть и осязать, не была таковая, каковою ее нынѣ видимъ и осязаемъ; не видима бо была и неустроена, и бездна была, надъ которою не было свѣта; или *тма бѣ верьху бездны*, т. е. большая, нежели въ безднѣ. Понеже сія бездна водъ уже видимыхъ и во глубинахъ своихъ имѣетъ вида своего свѣтъ, какъ нибудь ощутительный рыбамъ и гадамъ, на днѣ ея живущимъ, а оное все было почти ничто, понеже еще совсѣмъ безобразное было; однако уже было изображаемое, Ты бо, Господи, сотворилъ міръ изъ вещества безобразнаго, которое сотворилъ изъ ничего почти ничто, чтобъ сотворити изъ того великое, чему мы, сыны человѣческіе, удивляемся; ибо весьма дивно сіе небо тѣлесное, которое есть твердь посредѣ воды и воды.

Ты

Ты во вторый день по сотвореніи свѣта рекл еси: Да будетъ, и бысть тако. Сію твердь ты нарекл небо, но небо земли сея и моря, которыя сотворил въ третій день, дая вид видимый безобразному веществу, сотворенному отъ Тебя прежде всякаго дня, ибо уже Ты сотворилъ и небо прежде всякаго дня, но небо неба сего, поелику въ началѣ сотворилъ небо и землю. Земля же самая, сотворенная отъ Тебя, безобразнымъ прежде веществомъ была; поелику не видима была и не устроена и тма верьху бездны. Изъ сея земли невидимой и неустроенной, изъ сея безобразности, изъ сего почти ничтожества Ты сотворилъ сіе все, изъ чего сей измѣняемый міръ состоитъ и не состоитъ, въ которомъ самое является измѣненіе, гдѣ чувствовать и изчислять можно времена, поелику отъ перемѣнъ вещей дѣлаются времена, когда измѣняются и преобращаются виды, коихъ вещество *есть прежде-реченная земля невидимая.* Не состоитъ или не стоитъ т. е. измѣняется.

ГЛАВА. IX

Для чего не упомянувъ о дняхъ написано, что Богъ сотворилъ въ началѣ небо и землю?

9. И потому духъ, учитель твоего раба, которой упоминая, что Ты сотворилъ въ началѣ небо и землю, умалчиваетъ о временахъ, молчитъ о дняхъ, ибо небо небесе, которое Ты сотворилъ въ началѣ, есть нѣкоторая разумная тварь, хотя никакъ Тебѣ Троицѣ не совѣчная; однако будучи причастна вѣчности Твоей, измѣненіе свое ради сладости блаженнѣйшаго созерцанія Твоего весьма обуздываетъ и безъ всякаго паденія, отъ самаго начала сотворенія своего прилѣпляяся къ Тебѣ, превышаетъ всякую коловратную перемѣну временъ. Сія же безобразность, т. е. земля невидимая и неустроенная также не означена, въ которой день сотворена. Ибо гдѣ нѣтъ никакого вида, никакого порядка, ни наступающаго ничего, ни проходящаго, гдѣ, говорю, сего не бываетъ, тамъ нѣтъ подлинно дней, ни перемѣны продолженія временъ.

ГЛАВА. X.

Отъ Бога желаетъ сему научиться.

10. О истина, свѣте сердца моего, да не тма моя глаголетъ мнѣ: я уклонился къ

сему и омрачился; но и отселѣ, отселѣ возлюбилъ Тебя. Я заблудилъ и воспомянулъ Тебя, услышалъ гласъ Твой, во слѣдъ мнѣ вопiющiй, дабы я возвратился, и едва услышалъ по причинѣ шума, произходящаго отъ грѣховъ моихъ, и се нынѣ возвращаюся въ волненiи и спокойствiи къ источнику Твоему; никто мнѣ да не возпрещаетъ, изъ сего я буду пить и отселѣ буду живъ: не я есмь животъ мой, я злѣ жилъ отъ себя, самъ смертiю себѣ былъ, въ Тебѣ, Боже, оживаю; Ты разглагольствуй со мною, Ты мнѣ глаголи. Я увѣровалъ книгамъ Твоимъ, и слова ихъ сокровенныя зѣло.

ГЛАВА XI.

Чему онъ отъ Бога научился.

11. Уже Ты реклъ мнѣ, Господи, гласомъ крѣпкимъ во ухо внутреннее, яко Ты Предвѣчный, единъ имѣяй безсмертiе; понеже никакимъ видомъ или движенiемъ не измѣняешися; ниже отъ временъ перемѣняется воля Твоя; поелику не есть та воля безсмертная, которая есть различная. Сiе предъ Тобою явно мнѣ и паче и паче явно да будетъ, молю Тебе, и да въономъ явленiи пребуду здравый, подъ крылами Твоими. Также Ты реклъ мнѣ, Господи, гласомъ крѣпкимъ во ухо внутреннее, что всѣ естества и существа, которыя

 не

не такія, что Ты еси, и однако существуютъ, Ты ихъ сотворилъ. И сіе единое не отъ Тебя, что не существуетъ, и наклонность воли отъ Тебя сущаго къ несущему; поелику таковая наклонность преступленіе есть и грѣхъ, и что никакого человѣка грѣхъ какъ не вредитъ Тебѣ, такъ и не возмущаетъ порядка владычества Твоего, или въ вышнемъ или въ нижнемъ. Сіе предъ Тобою явно мнѣ, и паче и паче явно да будетъ, молю Тебе, и да въ ономъ явленіи пребуду здравый подъ крылами твоими.

12. Также Ты реклъ мнѣ гласомъ крѣпкимъ во ухо внутреннее, что ни оная тварь Тебѣ совѣчна, коея воля Ты единъ еси, и Тобою наслаждаяся въ вѣчной чистотѣ, измѣненія своего никогда и нигдѣ не открываетъ, и когда Ты ей всегда присутствуеши, къ которому и она всею любовію прилѣпляется, не имѣя нужды ожидать будущаго, и не отлагая ничего въ прошедшее для памятованія, никакимъ образомъ не перемѣняется, и никакими временами не развлекается. О блаженная оная тварь, ежели только сія есть, которая прилѣпляется къ блаженству Твоему! блаженная, говорю, которая, имѣетъ въ себѣ Тебя всегдашняго обитателя и просвѣтителя своего! Не нахожу, что лучше назвать должно небомъ небесе Господеви, какъ только домъ Твой, созерцающій

красоту Твою безъ всякаго оскудѣнія, которое бы принуждало его желать чего либо инаго, разумъ чистый весьма согласно единый, которой ограждается миромъ святыхъ духовъ, гражданъ града Твоего, на небесныхъ свыше сего небеснаго.

13. Отсюду да разумѣетъ душа, коль далече она устранилася, ежели уже жаждетъ къ Тебе, (1) ежели уже быша ей слезы ея хлѣбъ, внегда глаголатися ей на всякъ день, гдѣ есть Богъ Твой; ежели уже проситъ отъ Тебе единаго и сего взыскуетъ, еже жити ей въ дому Твоемъ вся дни живота своего. (И какой животъ ея, развѣ Ты? и какіе дни Твои, развѣ вѣчность Твоя, поелику лѣта Твои не оскудѣваютъ, яко Ты тойжде еси?) Отселѣ убо да разумѣетъ душа, которая можетъ, коль Ты, Боже, много превышаеши всѣ времена своею вѣчностію, когда Твой домъ, которой отъ Тебя не устранился, хотя Тебѣ не совѣчный, однако всегда и неослабно съ Тобою соединяяся, никакой не терпитъ перемѣны временъ. Сіе предъ Тобою явно мнѣ, и паче и паче явно да будетъ, молю Тебе, и да въ ономъ явленіи пребуду здравый подъ крылами Твоими.

14. Се я не знаю, какая находится безобразность въ сихъ перемѣнахъ вещей послѣднихъ и нижнихъ. И кто скажетъ мнѣ, развѣ кто по тщетностямъ сердца

 сво-

(1) Псал. 41. 4.

своего съ своими привидѣніями скитается и бродитъ; кто, развѣ таковый, скажетъ мнѣ, что по умаленіи и лишеніи всего вида, ежели единая останется безобразность, чрезъ которую изъ вида въ видъ вещь перемѣнялась и превращалась, сіе можетъ изъявлять перемѣны временемъ? ибо совсѣмъ не можетъ; поелику безъ различныхъ движеній нѣтъ временъ; и нѣтъ никакого различія, гдѣ нѣтъ никакого вида.

ГЛАВА XII.

Двоякая тварь не имѣетъ времени.

15. Я разсмотрѣвъ сіе, сколько Ты мнѣ дарствуеши, Боже мой, сколько меня толкать возбуждаеши, и сколько толкущему отверзаеши. Двѣ нахожу твари Твои, не имущія временъ, хотя Тебѣ ни одна изъ нихъ не совѣчна: одна, которая такъ изображена, что безъ всякаго оскудѣнія созерцанія Тебя, безъ всякаго разстоянія перемѣнъ, хотя и подлежитъ перемѣнамъ, однако не измѣнившись, Твоею вѣчностію и непреложностію совершенно наслаждается; другая, которая такъ безобразна была, что ни изъ какого образа, ни въ какой образъ или движенія или стоянія не перемѣнилася, дабы чрезъ то подлежать времени. Но сію въ безобразіи быть Ты не оставилъ, понеже сотворилъ

ее

ее прежде всякаго дня, въ началѣ небо и землю, сіи двѣ суть твари, о которыхъ я говорилъ. *Земля же бѣ невидима и не устроена и тма верьху бездны.* Въ сихъ словахъ заключается безобразность, дабы постепенно изключить тѣхъ, которые о всесовершенномъ вида лишеніи, и однако не о превращеніи въ ничто, помышлять не могутъ, откуда сотворено было другое небо, и земля видимая и устроенная, и вода видная и все, что наконецъ при составленіи сего міра не безъ дней сотворенное упоминается; поелику оныя суть такія вещи, что въ нихъ бываютъ перемѣны временъ ради учрежденныхъ премѣненій въ движеніяхъ и образахъ.

ГЛАВА XIII.

Для чего не упоминая дней писаніе говоритъ, что въ началѣ сотвори Богъ небо и землю. Быт. гл. 1. 1.

16. О семъ тогда я разсуждаю, Боже мой, когда слышу глаголющее писаніе Твое: *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю; земля же бѣ невидима и неустроена, и тма верху бездны*, ниже упоминающее, въ какой день Ты сотворилъ сіе. Такъ тогда я разсуждаю, что ради онаго неба небесе, неба разумнаго, гдѣ разумъ познаетъ вкупѣ не отчасти, не въ гаданіи, не зерцаломъ, но совершенно въ явленіи

ли-

лицемъ къ лицу, не то сіе, то оное, но какъ сказано, познаетъ вкупѣ безъ всякой перемѣны временъ; и ради невидимой и неустроенной земли, не подлежащей никакой перемѣнѣ временъ, которая обыкновенно имѣетъ то сіе, то оное; поелику гдѣ нѣтъ никакого вида, тамъ нѣтъ никогда сего и онаго. Ради сихъ двухъ вопервыхъ изображеннаго, и совсѣмъ безобразнаго онаго неба, но неба небесе, а сего земли, но земли невидимой и неустроенной; я тогда разсуждаю, что ради сихъ двухъ, не упоминая дней, глаголетъ писаніе Твое: *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю.* Ибо тотчасъ присовокупило о какой землѣ оно глаголетъ. А что упоминается во вторый день сотворена твердь, и наречена небо, чрезъ то означается, о какомъ небѣ прежде безъ дней слово глаголало.

ГЛАВА XIV.

Глубина С. Писанія.

17. Дивная глубина словесъ Твоихъ, се которыхъ предъ нами поверьхность ласкаетъ младенцемъ; но дивная глубина, Боже мой, дивная глубина. Страхъ вникать въ нее, страхъ чести и трепетъ любви. Ненавижу враговъ ея весьма; о! ежели поразиши ихъ мечемъ обоюду острымъ, и не будутъ враги ея! Ибо такъ желаю имъ пораженнымъ быть себѣ; дабы жили Тебе

но

но се иные не хулители, но хвалители книги бытія: „не сіе-де, говорятъ, благоволилъ въ сихъ словахъ разумѣть „духъ Божій, которой чрезъ Моисея, ра„ба его, сіе написалъ; не сіе благоволилъ „разумѣть что ты говоришъ, но иное, „что мы говоримъ, и которымъ я сущу Тебѣ, судіе, боже, всѣхъ насъ, такъ отвѣтствую.

ГЛАВА XV.

Что Августинъ мудрствуетъ о Богѣ, и объ Ангелахъ, и безобразномъ веществѣ, того не могутъ противники опровергнуть.

18. Скажете ли вы, что то есть ложное, что мнѣ истина гласомъ крѣпкимъ во ухо внутреннее глаголетъ о истинной вѣчности Творца, что никакъ Его существо по временамъ не перемѣняется, ни Его воля отъ существа Его есть различна? Почему Онъ не хощетъ то сего, то хощетъ онаго, но единожды и вкупѣ и всегда хощетъ все то, чего хощетъ, не паки и паки, ниже нынѣ сего, нынѣ онаго, и хощетъ послѣ того, чего не хотѣлъ, или не хощетъ того, чего прежде хотѣлъ; поелику такая воля есть перемѣнная, а все перемѣнное не есть вѣчное; Богъ же нашъ вѣчный есть. Также она глаголетъ во ухо внутреннее, что ожиданіе вещей грядущихъ бываетъ созерцаніе

на

наступившихЪ, и оное же созерцаніе бываетЪ памятованіе прошедшихЪ; всякое наконецЪ вниманіе измѣряемое есть перемѣнное, а все перемѣнное не есть вѣчное; БогЪ же нашЪ вѣчный есть. Сіе я собираю, и соединяю, и нахожу, что БогЪ мой, БогЪ вѣчный, не новою нѣкоторою волею создалЪ тварь, и разумЪ Его ничего преходительнаго вЪ себѣ не имѣетЪ.

19. ТакЪ чтожь вы скажете прекословящіе? ложно ли сіе? НѣтЪ, говорятЪ они. Чтожь оное? Ложно ли, что всякое естество изображенное, или вещество изображаемое не существуетЪ, развѣ отЪ того, кто верьховно благій, поелику верьховно существуетЪ? Ниже сіе отвергаемЪ, говорятЪ. ТакЪ чтожЪ? или то отвергаете, что вышняя нѣкоторая есть тварь, которая толь чистѣйшею любовію соединяется сЪ БогомЪ истиннымЪ и истинно вѣчнымЪ, что хотя Ему и не совѣчная, никакимЪ временЪ различіемЪ и перемѣною отЪ Него не отторгается, и не отпадаетЪ; но вЪ истиннѣйшемЪ Его единаго созерцаніи успокоевается? Понеже Ты, Боже, любящему Тебя, сколько повелѣваеши, являеши ему себя, и довлѣеши ему, и потому не уклоняется отЪ Тебя, ниже кЪ себѣ. Сія тварь есть домЪ Божій не земный, ниже по какой небесной тяжести тѣлесный, но духовный и причастный вѣчности Твоей; яко безЪ порока пребываетЪ

во вѣкъ. Ибо *поставилъ еси его въ вѣкъ и въ вѣкъ вѣка; повелѣніе положилъ, и не мимо идетъ* (1). Однако Тебѣ Богу не совѣчный, понеже не безначальный; сотворенъ бо есть.

20. Хотя мы не находимъ времени прежде онаго, понеже *прежде всѣхъ создася премудрость* (*), не оная подлинно премудрость, Тебѣ, Боже нашъ, отцу своему совершенно совѣчная и равная, которою сотворено все, и въ которомъ началѣ сотворилъ еси небо и землю; но та поистиннѣ премудрость, которая сотворена т. е. разумное естество, которое чрезъ созерцаніе свѣта свѣтъ есть: называется бо и оное, хотя сотворенное, премудростію. Но коликое находится различіе между свѣтомъ просвѣщающимъ и просвѣщаемымъ, толикое между премудростію созидающею, и сею созданною, какъ на прим. между правдою оправдающею и правдою, оправданіемъ учиненною. Ибо и мы названы правда Твоя; гласитъ бо нѣкоторый рабъ Твой; *Да мы будемъ правда Божія о Немъ.* И такъ поелику прежде всѣхъ создася нѣкоторая премудрость, яже создася мысль, словесная и разумная святаго града Твоего, матери нашея горнія и свободная и вѣчная на небесѣхъ. [На какихъ небесѣхъ, развѣ которыя Тебѣ хвалятъ небеса небесъ? поелику сіе-то есть

(1) Псал. 148. 6. (1) Сир. 1. 4. (1) 2 Кор. 5. 21.

есть и небо небесе господеви.] Хотя не обрѣтаемъ времени прежде оныя, поелику оная премудрость и сотворенiе времени предваряетъ, которая прежде всѣхъ создася; однако прежде оныя есть самаго Творца вѣчность, отъ котораго будучи сотворена, получила начало хотя не времени, поелику тогда еще не было времени, однако самаго состоянiя своего.

21. Почему оная толико отстоитъ отъ Тебя, Бога нашего, что совсѣмъ есть иное, нежели Ты и не тоежде, понеже хотя мы не только прежде оныя, но и въ оной не находимъ времени, поелику она довольна лице Твое всегда видѣть и никогда не уклоняется отъ него; и потому никакъ не измѣняется; находится однако въ ней самое измѣненiе, что она можетъ помрачиться и охладѣть, ежели бы любовiю великою съ Тобою не соединяясь, яко полудне, всегда свѣтилась и согрѣвалася отъ Тебя. О домъ свѣтлый и изящный! я возлюбилъ благолѣпiе твое и мѣсто селенiя славы Господа моего, Создателя и обладателя моего. Къ Тебѣ да воздыхаетъ пришельствiе мое и глаголю создавшему тебя, да обладаетъ и мною въ Тебѣ, поелику онъ создалъ и меня. *Заблудихъ, яко овча погибшая*; но на раменахъ пастыря моего, создателя твоего уповаю пренесенъ быть къ Тебѣ.

22.

(1). Псал. 118. 170.

22. Что глаголете мнѣ называемые мною прекословящіе, которые однако и Моисею, благочестивому рабу Божію, и книгамъ его и изреченіямъ святаго Духа вѣруете? Сей домъ Божій хотя Богу не совѣчный, но однако по образу своему есть ли вѣчный на небесѣхъ, гдѣ вы перемѣнъ временъ всуе ищете, поелику не обрящете? Ибо оный превосходитъ всякое протяженіе и всякое продолженіе вѣка коловратное, которому всегда прилѣпляяся Богови благо есть. Есть вѣчный, говорятъ; чтожъ убо изъ того, о чемъ вопіяло сердце мое къ Богу моему, услышавъ внутренно гласъ хвалы Его, что наконецъ ложнымъ быть утверждаете? или то, поелику было безобразное вещество, гдѣ по причинѣ всякаго безобразія не было никакого порядка? А гдѣ никакого порядка не было, тамъ никакая не могла быть перемѣна временъ; и однако сіе почти ничто, поколику что несовершенное ничто было, то отъ того какимъ нибудь было, отъ котораго есть все, что есть, что какъ нибудь есть нѣчто; и сіе также, говорятъ, мы не отвергаемъ.

ГЛАВА XVI.

Не хощетъ имѣть дѣла съ прекословящими божественной истиннѣ.

23. Съ сими хощу предъ Тобою нѣчто разглагольствовать, Боже мой, кото-

рые сіе все, о чемЪ внутрь мысли моея не молчитЪ истинна Твоя, признаютЪ за истинное. Ибо которые сіе отвергаютЪ, пусть клевещутЪ, сколько хотятЪ, и прекословятЪ себѢ; я уговорить ихЪ потщуся, да успокоятся и допустятЪ кЪ себѢ слово Твое. Естьли же не восхотятЪ и отгонятЪ меня, молю, Боже мой, Ты не премолчи отЪ мене. Ты глаголи вЪ сердцѢ моемЪ истинно, единЪ бо тако глаголеши, и оставлю ихЪ внѢ дышущихЪ на прахЪ и возметающихЪ землю на очи свои; и вниду вЪ покой Твой и воспою ТебѢ любовное, воздыхая неизглаголанными воздыханіями вЪ пришельствіи моемЪ, и воспоминая ІерусалимЪ, простерши горѢ на оной сердце, ІерусалимЪ отечество мое, ІерусалимЪ матерь мою, и Тебя надЪ онымЪ обладателя, просвѢтителя, отца, защитника, жениха, непорочное и крѢпкое веселіе, и твердую радость, и вся благая неизреченная вкупѢ вся; яко Ты еси единое верховное и истинное добро мое: и не отвращуся, дондеже Ты вЪ покой тоя дражайшія матери, гдѢ суть начатки духа моего, откуда я сіе познalЪ, всего меня собереши, что я есмь, отЪ расточенія и безобразности сея, и сообразиши и укрѢпиши во вѢкЪ, Боже мой, милость моя. СЪ сими же, которые все истинное не называютЪ ложнымЪ, почитая и на верху важности сЪ нами по-

спа-

ставляя оное святымЪ МоисеемЪ изданное святое Писаніе Твое, и однако намЪ нѣсколько прекословятЪ, тако глаголю: Ты буди, Боже нашЪ, судія между исповѣданіями моими и прекословіями ихЪ.

ГЛАВА XVII.

КакЪ подЪ именами неба и земли можно разумѣть различное.

24. Они говорятЪ, хотя сіе и истинно, однако Моисей оное не вЪ двоякомЪ смыслѣ разумѣлЪ, когда по откровенію Духа сіе сказалЪ: *вЪ началѣ сотвори БогЪ небо и землю.* ПодЪ именемЪ неба онЪ не означилЪ духовную, или разумную оную тварь, выну лице Божіе созерцающую, ниже подЪ именемЪ земли безобразное вещество. ЧтожЪ убо? Что мы говоримЪ, говорятЪ они, сіе оный мужЪ разумѣлЪ, сіе словами тѣми изглаголалЪ. Что есть оное? ПодЪ именемЪ-де, говорятЪ, неба и земли весь сей видимый мірЪ прежде вообще и кратко восхотѣлЪ онЪ означить, дабы послѣ разположить по изчисленію дней, какЪ бы по частямЪ все то, что святому Духу благоугодно было такЪ возвѣстить. Ибо такіе люди были неразумный оный и плотяный народЪ, которому ОнЪ глаголалЪ, желая имЪ дѣла Божія только единыя видимыя объявить.

А въ томъ они согласуютъ, что подъ именемъ земли невидимой и неустроенной и мрачной бѣздны, откуда послѣдственно показывается, что въ оныя дни сотворены и расположены всѣ сіи видимыя вещи, вѣдомыя всѣмъ, не непристойно должно разумѣть безобразное сіе вещество.

25. Что естьли скажетъ иной, что-де одна безобразность и смѣшеніе вещества подъ именемъ неба и земли прежде означена, понеже изъ того міръ сей видимый со всѣми естествами, въ немъ весьма ясно являющимися, который неба и земли именемъ часто обыкновенно называется, созданъ, и совершенъ? Что естьли скажетъ и другой, что-де небомъ и землею невидимое и видимое естество не неприлично названо, а чрезъ сіе и вся тварь, которую сотворилъ въ премудрости, т. е. въ началѣ Богъ, подъ сими двумя именованіями разумѣется; однако поелику не изъ самаго существа Божія, но изъ ничего все сотворено, поелику не есть тоже, что Богъ: и находится нѣкоторое измѣненіе во всѣхъ вещахъ, которыя или всегда пребываютъ, какъ то вѣчный домъ Божій, или перемѣняются, какъ то душа человѣческая и тѣло; общее всѣхъ вещей видимыхъ и невидимыхъ вещество еще безобразное, но поистиннѣ изображаемое, откуда могло быть сотворено небо и земля т. е. невидимыя и видимыя уже обѣ

изобра-

изображенныя швари, подъ сими именами означено, для названія оттуда земли невидимою и неустроенною, и тмы верху бездны, съ тѣмъ раздѣленіемъ, дабы подъ именемъ земли невидимой и неустроенной разумѣлося вещество тѣлесное прежде качества образа, а подъ именемъ тмы верху бездны, духовное вещество, прежде нежели оно было приведено въ совершенную умѣренность, и прежде нежели озарено премудростію?

26. Есть и еще, что сказать, ежели кто другой восхощетъ, т. е. что несовершенныя уже и изображенныя невидимыя и видимыя естества подъ именемъ неба и земли означаются, когда читается: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*, но самое еще безобразное начатіе вещей, изображаемое и созидаемое вещество сими именами названо; понеже въ ономъ уже было сіе смѣшано, хотя еще неукрашенное качествами и видами, что нынѣ уже разположенное по своимъ порядкамъ называется небо и земля: оная духовная, сія тѣлесная тварь.

ГЛАВА XVIII.

Какая погрѣшность въ писаніяхъ вредить не можетъ.

27. Сіе все я услышавъ и разсмотрѣвъ, не хощу словами спорить; ибо сіе ни къ

 чему

чему не способствуетъ, какъ только къ спроверженію слушающихъ. Къ созиданію же благъ есть законъ, ежели кто его правильно употребляетъ; поелику конецъ его есть любовь, произходящая отъ чистаго сердца, и совѣсти благія, и вѣры нелицемѣрныя. И вѣдалъ Учитель нашъ, на которыхъ двухъ заповѣдяхъ весь законъ и пророки повѣсить. Сіе мнѣ съ горячностію исповѣдующему, Боже мой, свѣтъ очію моею въ тайнѣ, что мнѣ вредитъ, когда различное въ сихъ словахъ разумѣть можно, однако истинное; что говорю, мнѣ вредитъ, ежели я буду мыслить, что иное разумѣлъ писатель, нежели какъ мыслилъ другой? Правда, всѣ мы читающіе силимся сіе испытать и понять, что намѣревалъ разумѣть писатель, котораго читаемъ; и когда его правдоглаголивымъ почитаемъ, то смѣло думаемъ, что онъ ничего не сказалъ такого, что мы ложнымъ быть или признаемъ, или мнимъ. И такъ, когда кто старается то самое разумѣть въ писаніяхъ святыхъ, что въ нихъ разумѣлъ писатель; то какое произходитъ зло, ежели онъ будетъ сіе разумѣть, что Ты, свѣте всѣхъ правдоглаголивыхъ умовъ, показуеши быть истиннымъ, хотя бы и тотъ истинное, однако бы не сіе разумѣлъ?

ГЛАВА XIX.

Что совершенно истинное.

28. Ибо истинно есть, Господи, яко Ты сотворилъ небо и землю; истинно и то, яко начало есть премудрость Твоя, въ которой сотворилъ еси всяческая. Также истинно, что міръ сей видимый имѣетъ великія части свои, небо и землю съ краткимъ совокупленіемъ сотворенныхъ всѣхъ и созданныхъ естествъ; истинно, говорю, что всѣ измѣняемое влагаетъ въ знаніе наше нѣкоторую безобразность, чрезъ которую образъ пріемлетъ, или которою перемѣняется и вращается. Истинно, что никакихъ временъ не знаетъ та тварь, которая такъ соединяется съ образомъ непреложнымъ, что хотя и есть измѣняемая, не перемѣняется. Истинно, что безобразность, находящаяся близь ничтожества, перемѣнъ временныхъ имѣть не можетъ. Истинно, что вещество, изъ котораго что либо дѣлается, можетъ по нѣкоторому роду выраженія назваться уже именемъ той вещи, которая изъ него дѣлается; почему могла назваться небомъ и землею нѣкоторая безобразность, изъ которой сотворено небо и земля. Истинно, что изъ всѣхъ изображенныхъ тѣлъ нѣтъ ничего ближе къ безобразному, какъ земля и бездна. Истинно,

но, что не только сотворенное и изображенное, но и все созидаемое и изображаемое Ты сотворилЪ, отЪ котораго суть вся. Истинно, что все то, что изЪ безобразнаго изображается, прежде бываетЪ безобразное, потомЪ изображенное.

ГЛАВА XX.

ВЪ началѢ сотвори. и проч. вЪ различномЪ смыслѢ разумѢется.

29. ИзЪ сихЪ всѢхЪ истиннЪ, о которыхЪ не сомнѢваются тѢ, которыхЪ Ты внутреннему оку сіе видѢть даровалЪ, и которые неподвижно вѢруютЪ, что Моисей, рабЪ Твой, о духѢ истины все сіе глаголалЪ. ИзЪ сихЪ убо всѢхЪ истиннЪ вЪ иномЪ смыслѢ разумѢетЪ, кто говоритЪ: *вЪ началѢ сотвори БогЪ небо и землю*, т. е. вЪ СловѢ своемЪ, себѢ совѢчномЪ сотворилЪ БогЪ разумную и чувственную, или духовную и тѢлесную тварь. ВЪ иномЪ смыслѢ, кто говоритЪ: *вЪ началѢ сотвори БогЪ небо и землю*, т. е. вЪ СловѢ своемЪ, себѢ совѢчномЪ сотворилЪ БогЪ сію всю тяжесть тѢлеснаго міра сего, со всѢми содержащимися вЪ немЪ явными и извѢстными естествами. ВЪ иномЪ смыслѢ, кто говоритЪ: *вЪ началѢ сотвори БогЪ небо и землю*, т. е. вЪ СловѢ своемЪ, себѢ совѢчномЪ сотворилЪ БогЪ безобразное вещество твари духовной и тѢлесной. ВЪ

иномЪ

иномЪ смыслѢ, кто говоритЪ: *вЪ началѢ сотвори БогЪ небо и землю*, т. е. вЪ СловѢ своемЪ, себѢ совѢчномЪ сотворилЪ БогЪ безобразное вещество твари тѢлесной, гдѢ смѢшано еще было небо и земля, которыя нынѢ уже раздѢленныя и изображенныя вЪ составѢ сего міра чувствуемЪ. ВЪ иномЪ смыслѢ, кто говоритЪ: *вЪ началѢ сотвори БогЪ небо и землю*, т. е. вЪ самомЪ началѢ творенія и дѢйствія своего сотворилЪ БогЪ безобразное вещество, имѢющее вЪ смѢшеніи небо и землю, откуда оныя нынѢ изображенныя видятся и являются со всѢми на нихЪ находящимися вещами.

ГЛАВА XXI.

Земля же бѢ не видима и пр. вЪ различномЪ смыслѢ разумѢется.

30. Также что касается до разума слѢдующихЪ словЪ, изЪ оныхЪ всѢхЪ истиннЪ, вЪ иномЪ смыслѢ разумѢетЪ, кто говоритЪ: *земля же бѢ не видима и не устроена и тма верху бездны.* т. е. оное тѢлесное, которое сотворилЪ БогЪ, еще вещество было тѢлесныхЪ вещей безобразное, безпорядочное, мрачное. ВЪ иномЪ смыслѢ, кто говоритЪ: *земля же бѢ не видима и не устроена и тма верху бездны* т. е. сіе все, что небомЪ и землею названо, еще безобразное и мрачное

 веще-

вещество было, изЪ котораго сотворено небо тѣлесное, и земля тѣлесная со всѣми своими вещами, извѣстными тѣлеснымЪ чувствамЪ. ВЪ иномЪ смыслѣ, кто говоритЪ: *земля же бѣ не видима и не устроена и тма верху бездны*, т. е. сіе, что небомЪ и землею названо, еще безобразное и мрачное вещество было, изЪ котораго сотворено небо разумное, называемое индѣ небо небесе, и земля т. е. всякое естество тѣлесное, подЪ которымЪ именемЪ должно разумѣть и сіе небо тѣлесное, т. е. откуда сотворена вся видимая и невидимая тварь. ВЪ иномЪ смыслѣ, кто говоритЪ: *земля же бѣ не видима и не устроена и тма верху бездны*. Не оную-де безобразность именемЪ неба и земли писаніе нарекло, но уже была, говоритЪ, та безобразность, которую землею невидимою и неустроенною и мрачною бездною именовало, изЪ которой, по предсказанію онаго, небо и землю БогЪ сотворилЪ, т. е. духовную и тѣлесную тварь. ВЪ иномЪ смыслѣ, кто говоритЪ: *земля же бѣ не видима и не устроена и тма верху бездны*, т. е. безобразноть нѣкоторая уже вещество было, изЪ котораго по предсказанію писанія небо и землю БогЪ сотворилЪ, т. е. всю тѣлесную міра тяжесть, на двѣ величайшія части, вышшую и нижнюю раздѣленную, со всѣми своими обыкновенными и извѣстными вещами.

ГЛА-

ГЛАВА XXII.

Никакъ не противно, что Богъ сотворилъ нѣчто такое, о чемъ книга бытейская умалчиваетъ.

31. Ибо когда кто двумъ симъ послѣднимъ мнѣніямъ противоборствовать такъ покусится: ежели-де вы не хощете допустить, что сія безобразность вещества именемъ неба и земли названа; такъ было нѣчто такое, чего Богъ не сотворилъ для сотворенія изъ того неба и земли: да и Писаніе не объявило, что сіе вещество Богъ сотворилъ, развѣ только мы должны разумѣть, что оное вещество словомъ неба и земли, или единыя земли означено, когда сказано: *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*; какъ то и слѣдуетъ, земля же бѣ не видима и не устроена. Хотя безобразное вещество такъ угодно было назвать, однако не должны мы разумѣть другое, развѣ то, которое сотворилъ Богъ, какъ написано: *сотвори Богъ небо и землю.* Будутъ отвѣтствовать защитники двухъ сихъ мнѣній, которыя мы послѣднія положили, или того или другаго, когда сіе услышатъ, и скажутъ. Мы хотя не отвергаемъ, что сіе безобразное вещество отъ Бога сотворено, Бога, отъ котораго суть вся добра зѣло, понелику какъ говоримъ, что большее есть добро со-

сотворенное и изображенное, такЪ признаемся, что меньшее добро есть сотворенное созидаемымЪ и изображаемымЪ, но однако добро; а не упомянуло писаніе, что сію безобразность сотворилЪ БогЪ, какЪ о многомЪ иномЪ не упомянуло, на пр. о ХерувимахЪ и СерафимахЪ, о чЕмЪ АпостолЪ говоритЪ ясно: (1) Престоли, Господствія, начала, власти; однако явственно есть, что сіе БогЪ сотворилЪ. Или, ежели вЪ томЪ, что сказано: *сотвори небо и землю*, содержится все; что скажемЪ о водахЪ, верху которыхЪ ношашеся ДухЪ Божій? Ибо ежели оныя подЪ названіемЪ земли купно разумЕются, то какЪ уже подЪ именемЪ земли вещество безобразное пріемлемЪ, когда толь красивыя видимЪ воды? Или ежели вЪ такомЪ смыслЕ пріемлемЪ, для чегожЪ написано, что изЪ той же безобразности сотворена твердь и названа небо, а не написано, что сотворены воды? Ибо оныя не суть еще безобразны и невидимы, которыя мы видимЪ вЪ толь изящномЪ видЕ текущія. Или, ежели оныя тогда приняли сей видЪ, когда рекЪ БогЪ: *да соберется вода, яже подЪ небесемЪ*, дабы собраніе ихЪ было самое изображеніе; то что отвЕтствовать будутЪ о водахЪ, яже надЪ твердію? Поелику оныя, будучи безобразныя, толь достопочтеннаго мЕста не былибЪ удостоены, да и

(1) Кол. 1. 16.

и не написано, какимъ гласомъ онѣ изображены. Почему ежели бытіе умолчало, что Богъ сотворилъ нѣчто такое, о которомъ однако что Богъ оное сотворилъ, ни здравая вѣра, ни истинный разумъ не сомнѣвается; и потому никакое здравое ученіе назвать не дерзнетъ сіи воды совѣчными Богу, поелику мы слышали, что въ книгѣ бытія оныя упоминаются, когда же сотворены, не находимъ: то для чего намъ при наставленіи истины не разумѣть, что и оное безобразное вещество, которое Писаніе сіе землею невидимою и неустроенною, и бездною называетъ, отъ Бога сотворено изъ ничего, и потому не есть ему совѣчное, хотя, когда оно сотворено, и не упомянула сія исторія.

ГЛАВА XXIII.

Два находится рода несогласій въ толкованіи писанія.

32. И такъ я сіе услышавъ и разсмотрѣвъ, сколько могла понять немощь моя, которую Тебѣ исповѣдую вѣдущему Богу моему, вижу, что два рода несогласій произойти могутъ, когда о чемъ либо объявляютъ правдивые историки: одинъ, ежели о истинѣ вещей, другой ежели о намѣреніи самого историка бываетъ несогласіе. Ибо мы иначе ищемъ истины о сотвореніи твари, а иначе того, что въ сихъ словахъ Моисей, изящный служитель

вѣры

вѣры Твоея, хотѣлъ, дабы разумѣлъ читатель и слышатель. Въ ономъ первомъ родѣ да отступятъ отъ меня всѣ, которые мнятъ, будто бы они знаютъ, что есть ложное. Также и въ семъ второмъ, да отступятъ отъ меня всѣ, которые мнятъ, будто бы то, что есть ложно, Моисей сказалъ. А я соединюся съ тѣми, Господи, въ Тебѣ, и наслаждуся съ тѣми въ Тебѣ, которые истиною Твоею питаются на пространствѣ любви, и приступимъ купно къ словамъ книги Твоея, и изслѣдуемъ въ тѣхъ волю Твою чрезъ волю раба Твоего, котораго тростію Ты начерталъ оныя.

ГЛАВА XXIV.

Изъ многихъ истинъ не должно смѣло утверждать, что сіе, или оное разумѣлъ Моисей.

33. Но кто изъ насъ такъ обрѣтаетъ оную истинну между толь многими истинными вещами, которыя въ оныхъ словахъ, различно разумѣваемыхъ, попадаются взыскующимъ, чтобъ такъ смѣло сказалъ, что сіе понималъ Моисей, и сіе въ ономъ повѣствованіи хотѣлъ разумѣть. Какъ смѣло говоритъ, что сіе есть истинно, хотя бы онъ сіе понималъ, хотя бы другое? Сабо, Боже мой, азъ рабъ Твой, которой обѣщалъ Тебѣ жертву исповѣданія

вЪ сихЪ моихЪ книгахЪ, и молю, да по милосердію Твоему воздамЪ ТебѢ обѢты моя; се я какЪ смѢло говорю, что Ты вЪ словѢ Твоемъ непреложномЪ вся сотворилЪ еси видимая и невидимая, такЪ ли смѢло говорю, что не иное, какЪ только сіе разумѢлЪ Моисей, когда написалЪ: *вЪ началѢ сотвори БогЪ небо и землю?* Поелику не такЪ, какЪ вЪ Твоей истинѢ сіе извѢстнымЪ вижу, вЪ его мысли вижу, что то онЪ помышлялЪ, когда писалЪ сіе. Ибо онЪ могЪ разумѢть сіе вЪ самомЪ началѢ творенія, говоря, *вЪ началѢ:* могЪ, что подЪ именемЪ неба и земли вЪ семЪ мѢстѢ хощетЪ разумѢть неизображенное уже какое либо и совершенное естество, или духовное, или тѢлесное, но и то и другое начатое, и еще безобразное. Вижу поистинѢ, что можно было сказать все то, что изЪ сихЪ вещей ни говорится; но о чемЪ изЪ оныхЪ вЪ сихЪ словахЪ онЪ помышлялЪ, не такЪ вижу; хотя бы или изЪ сихЪ что либо, или нѢчто иное, неупомянутое мною, толикій оный мужЪ мыслію зрѢлЪ, произнося сіи слова; но я не долженЪ сомнѢваться, что онЪ истинное видѢлЪ, и пристойно оное объявилЪ.

ГЛА-

ГЛАВА XXV.

Противъ тѣхъ, которые другихъ толкованія безразсудно отвергаютъ.

34. Никто уже мнѣ не долженъ досаждать сими словами: не сіе разумѣлъ Моисей, что ты говоришь, но сіе онъ разумѣлъ, что я говорю. Ибо ежели бы мнѣ сказалъ: почему ты знаешь, будто бы сіе разумѣлъ Моисей, что ты изъ сихъ словъ его витійствуешь? то бы я долженъ великодушно снести, и отвѣчать можетъ быть тоже, что выше отвѣтствовалъ, или нѣсколько обширнѣе, ежели бы онъ очень былъ ожесточенъ. А когда говоритъ: что-де не сіе онъ разумѣлъ, что ты говоришь, но, что я говорю; однако и не отвергаетъ, что оба мы говоримъ, что и то и другое есть истинно. О жизнь убогихъ, Боже мой, въ нѣдрѣ котораго нѣсть прекословія, одожди мнѣ укрощенія на сердце, да терпѣливо таковыхъ сношу, которые не по тому мнѣ говорятъ, поелику Божественные суть и въ сердцѣ раба Твоего видѣли то, что говорятъ; но поелику горды суть, и не познаютъ мысли Моисеевой, но любятъ свою: не потому любятъ, что оная есть истинная, но поелику ихъ собственная. Иначе бы они и иную истинную мысль равно любили, какъ я люблю то, что они говорятъ, ко-

гда

гда истинное говорятъ; не потому, что оное ихъ есть, но поелику есть истинное; и не по тому уже не ихъ оное, поелику есть истинное. Естьли же для того любятъ оное, поелику есть истинное, то уже оное и ихъ есть и мое; понеже сіе общее есть всѣмъ истины любителямъ. А того, въ чемъ они упорствуютъ, якобы не сіе разумѣлъ Моисей, что я говорю, но что они говорятъ, не хощу, не люблю; поелику хотя сіе и справедливо, однако сія безразсудность произходитъ не отъ знанія ихъ, но отъ дерзости, отъ неведѣнія, но надмѣнность ее произвела въ нихъ. И потому, Господи, трепетать должно судовъ Твоихъ, яко истина Твоя ни моя есть, ни того, или инаго, но всѣхъ насъ, которыхъ Ты къ ея общенію всенародно призываеши, страшно увѣщаяй насъ, дабы мы не почитали ее сообственною, чтобы не могли лишиться оныя. Ибо кто то, что Ты всѣмъ въ наслажденіе предлагаеши, себѣ собственно присвояетъ и своимъ хощетъ почитать, что есть всѣхъ; отъ общаго отражается къ своему, т. е. отъ истины, ко лжи (1): глаголяй бо лжу, отъ своихъ глаголетъ.

35. Вонми, Судіе всеблагій Боже, самая истина, вонми, что, реку прекословящему сему; вонми: предъ Тобою бо азъ глаголю, и предъ собратіею моею, кото-

(1) Іоан. 8. 44.

рые правильно употребляютъ законъ Твой даже до конца любви; вонми и виждь, что ему реку, аще угодно Тебѣ. Ибо симъ гласомъ ему объявляю братолюбивымъ и миролюбивымъ: ежели мы оба видимъ, что истинно есть то, что ты говоришь, и оба видимъ, что истинно есть и сіе, что я говорю, такъ гдѣжъ мы тое видимъ? Ни я подлинно въ тебѣ, ни ты во мнѣ, но оба мы видимъ сіе въ самой превышающей умы непреложной истинѣ. И такъ, когда мы о самомъ Господа Бога нашего не споримъ свѣтѣ, то для чего о помышленіи ближняго споримъ, которое такъ видѣть не можемъ, какъ видимъ непреложную истину; когда бы и самъ Моисей явился намъ и сказалъ: сіе я разумѣлъ; то бы мы и тогда несовершенно оное увидѣли, но только бы повѣрили? (1). И такъ не паче писанныхъ мудрствуйте, да не единъ по единому гордитеся на другаго. Возлюбимъ Господа Бога нашего отъ всего сердца и отъ всея души и отъ всея мысли нашея, и ближняго нашего, яко самихъ себя. Ежели мы не будемъ вѣрить, что ради сихъ двухъ заповѣдей Моисей все мыслилъ, что въ оныхъ книгахъ мыслилъ, то лживымъ учинимъ Господа, когда о сердцѣ сослужителя иначе, нежели какъ онъ училъ, думаемъ. Се уже коль безумно, въ толикомъ множествѣ истиннѣй-

(1) 1 Кор. 4. 6.

нѣйшихъ мыслей, которыя изъ оныхъ словъ вывесть можно, безразсудно утверждать, которую изъ всѣхъ наипаче Моисей разумѣлъ, и пагубными словопрѣніями самую оскорблять любовь, ради которой тотъ изреклъ все, котораго слова тщимся мы изъяснить!

ГЛАВА XXVI.

Какой слогъ приличествуетъ Писанію.

36. И однако я, Боже мой, высота смиренія моего, и упокоеніе труда моего, которой слышиши исповѣданія мои, и отпущаеши грѣхи моя, понеже Ты мнѣ заповѣдуеши любить ближняго моего, яко самаго себя. Я не могу меньше вѣрить о Моисеѣ, вѣрномъ рабѣ Твоемъ, какъ сколько бы хотѣлъ и желалъ самъ получить отъ Тебе даръ, ежели бы я въ то время родился, въ которое онъ, и на томъ мѣстѣ Ты меня поставилъ, дабы служеніемъ сердца и языка моего оныя Писанія начертаны были, которыя спустя нѣсколько времени имѣли быть полезны всѣмъ языкамъ, и по всему кругу земному толь верховною своею важностію имѣли превысить слова всѣхъ ложныхъ и гордыхъ наукъ. Ибо желалъ бы, ежели бы тогда я былъ Моисей, (ибо мы всѣ отъ тогожде смѣшенія произходимъ; и что есть человѣкъ, развѣ яко Ты помниши его? И такъ же-

лалъ бы я, ежели бы тогда я былъ такой, какой онъ, и на меня Ты возложилъ написать бытейскую книгу, такую себѣ получить способность въ краснорѣчіи, и такой способъ къ составленію рѣчи, чтобъ ниже не могущіе еще разумѣть, какъ Богъ созидаетъ, отрицали слова, яко превосходящія силы ихъ; и могущіе уже сіе разумѣть, на какое бы истинное мнѣніе помышленіемъ ни приходили, оное обрѣтали неопущенное въ краткихъ словахъ Твоего раба; и ежели бы иной иное видѣлъ во свѣтѣ истины, то бы и сіе въ тѣхъ же словахъ разумѣть можно было.

ГЛАВА XXVII.

Писанію приличествуетъ низкій и простый слогъ.

37. Какъ источникъ въ тѣсномъ мѣстѣ бываетъ обильнѣе, и чрезъ многіе потоки въ обширнѣйшія разливается пространства, нежели всякой изъ тѣхъ потоковъ, которой по многимъ мѣстамъ изъ того же источника истекаетъ; такъ повѣствованіе служителя Твоего большему числу человѣковъ, имѣющихъ разглагольствовать, воспользуетъ, въ маломъ образѣ рѣчи источающее рѣки ясныя истины, откуда для себя всякой истинное изъ сихъ вещей, сей то, тотъ оное, чрезъ должайшія окрестности можетъ почерпать. Ибо

иные,

иные, когда сіи слова читаютъ или слышатъ, думаютъ, что Богъ есть, какъ бы человѣкъ, или какъ бы нѣкоторая тяжесть безмѣрной власти, которая по новому нѣкоторому нечаянному опредѣленію, внѣ себя самой, какъ бы во отдаленныхъ мѣстахъ, сотворила небо и землю, два великія тѣла вышшее и нижшее, дабы во оныхъ все содержалося. И когда слышатъ: рече Богъ, да будетъ то, и бысть то, думаютъ, будто бы сіи слова начались и окончались гремя и проходя во времени, по прохожденіи которыхъ тотчасъ бываетъ то, чему повѣлено быть, и ежели что можетъ быть другое симъ образомъ, по плотолюбію мнятъ. Въ сихъ еще малолѣтныхъ животныхъ, пока въ семъ самомъ низкомъ родѣ словъ, яко на лонѣ матернемъ ихъ носится немощь, спасительно созидается вѣра, которою за извѣстное должны почитать и содержать, что Богъ сотворилъ всѣ естества, которыя ихъ чувство въ дивномъ различіи обозрѣваетъ: Изъ которыхъ, ежели кто какъ бы презрѣвъ пользу словъ за младенческую пищу гордою своею слабостію будетъ простираться, ахъ падетъ бѣдный! И Ты, Господи Боже, помилуй, да не поперутъ безперого птенца проходящіе путемъ, и посли Ангела Твоего положить его въ гнѣздо, да живетъ тамъ, доколѣ будетъ летать.

ГЛАВА XXVIII.

Какъ различно разумѣютъ ученые Писаніе.

38. А другіе, которымъ сіи суть слова уже не гнѣздо, но густыя древа, видятъ на нихъ крощіеся плоды, и летаютъ радуяся, и разглагольствуютъ испытуя, и срываютъ ихъ. Видятъ бо, когда сіи слова читаютъ или слышатъ, что Твоимъ, Боже, вѣчнымъ и постояннымъ пребываніемъ всѣ прошедшія и будущія времена побѣждаются; и что однако нѣтъ никакой временной твари, которую бы Ты не сотворилъ; котораго воля, поелику тоже есть, что Ты еси, никакимъ образомъ не измѣнилася, или бы которой прежде въ Тебѣ не было, новою волею Ты сотворилъ все; не изъ себя подобіе Твое образъ всего, но изъ ничего не подобіе безобразное, которое бы изобразилося чрезъ подобіе Твое, возвращаясь къ Тебѣ единому по учрежденному вмѣщенію, сколько всякой вещи въ своемъ родѣ дано; и было все добро зѣло, или бы пребывало окрестъ Тебя, или постепенно въ нѣкоторомъ отдаленнѣйшемъ разстояніи по временамъ и мѣстамъ дѣлало или терпѣло красивыя перемѣны. Видятъ сіе, и радуются во свѣтѣ истинны Твоея, колико здѣсь могутъ.

39.

39. И иной изъ тѣхъ обращаетъ вниманіе на сіи слова: *въ началѣ сотвори Богъ*, и разумѣетъ премудрость началомъ, яко и глаголетъ оная намъ. Иной также обращаетъ вниманіе на тѣ же слова; и началомъ разумѣетъ начало вещей созданныхъ, и въ такомъ сіе пріемлетъ смыслѣ: *въ началѣ сотвори*, какъ бы сказано было: сперва сотворилъ. Да и изъ тѣхъ, которые разумѣютъ: *въ началѣ*, что Ты въ премудрости сотворилъ небо и землю; иной почитаетъ, что самымъ небомъ и землею созидаемое вещество неба и земли такъ названо: иной, что уже изображенныя и раздѣленныя естества такъ называются; иной, что единое изображенное, и оное же духовное естество именемъ неба, другое безобразное, тѣлеснаго вещества, именемъ земли названо. Которые же разумѣютъ подъ именами неба и земли еще безобразное вещество, изъ котораго долженствовало изображено быть небо и земля, тѣ и сами не одинаково то разумѣютъ; но иной разумѣетъ, яко бы изъ того должна совершиться разумная и чувственная тварь; иной только то, яко бы изъ того чувственная тяжесть сія тѣлесная, которая въ великомъ нѣдрѣ своемъ содержитъ явныя и откровенныя естества. Ниже тѣ одинаково разумѣютъ, которые думаютъ, что уже разположенныя и благоустроенныя твари небомъ и землею называются

ваются въ семъ мѣстѣ; но иной разумѣетъ, что невидимая и видимая; иной что одна видимая, въ которой свѣтлое небо созерцаемъ, и землю мрачную, и яже на нихъ.

ГЛАВА. XXIX.

Сколь много называется нѣчто прежде.

40. Но тотъ, которой не иначе понимаетъ: въ *началѣ сотвори*, какъ бы сказано было: сперва сотворилъ, не знаетъ какъ ему по самой справедливости должно разумѣть небо и землю, развѣ подъ оными вещество неба и земли долженъ разумѣть, а имянно всей т. е. разумной и тѣлесной твари. Ибо ежели въ семъ мѣстѣ уже изображенную понимаемъ всю тварь, то справедливо можно его спросить; ежели сіе сперва сотворилъ Богъ, чтожъ онъ сотворилъ потомъ? и послѣ созданія вселенной ничего не найдетъ вновь сотвореннаго, а чрезъ сіе услышитъ по неволѣ, какимъ образомъ то сперва сотворилъ, ежели послѣ того ничего? А когда говоритъ, что сперва Богъ сотворилъ безобразную тварь, потомъ изображенную, то онъ не безумно умствуетъ, ежели только доволенъ разсмотрѣть, что предваряетъ вѣчностію, что временемъ, что избраніемъ, что началомъ. Вѣчностію, на пр. Богъ предваряетъ все; временемъ, какъ-то цвѣтъ, плодъ; избраніемъ какъ то цвѣтъ,

цвѣтъ, плодъ; началомъ, какъ-то звукъ пѣніе. Въ сихъ четырехъ первое и послѣднее упомянутое мною съ величайшимъ трудомъ разумѣется, два среднія безъ всякой трудности. Ибо и рѣдкое видѣніе есть, и весьма трудно созерцать, Господи, вѣчность Твою, неизмѣнно измѣняемое творящую, а посему и первую. Кто наконецъ толь проницательнымъ зритъ духомъ, чтобъ безъ великаго труда распознать могъ, какимъ образомъ бываетъ первѣе звукъ, нежели пѣніе? Потому ли, поелику пѣніе есть изображенный звукъ, и быть подлинно нѣчто неизображенное можетъ, изображено же быть несущее не можетъ? Такимъ образомъ бываетъ первѣе вещество, нежели то, что изъ него дѣлается; не по тому первѣе, поелику само дѣлаетъ, когда паче дѣлается; ниже первѣе разстояніемъ времени. Ибо мы не первѣе звуки издаемъ безобразные безъ пѣнія, и ихъ послѣ изображаемъ пѣніемъ на подобіе древа, изъ котораго ковчегъ, или на подобіе сребра, изъ котораго сосудъ дѣлается; понеже таковыя вещества временемъ предваряютъ образа вещей, которыя изъ нихъ дѣлаются, но въ пѣніи бываетъ не такъ. Ибо когда мы что поемъ, то слышанъ бываетъ звукъ того, первѣе не безобразно звучитъ, и потомъ уже изобразуется пѣніемъ. Ибо сіе сперва какъ бы ни звучало, проходитъ, и изъ

того ничего не найдешь такого, которое бы ты вновь начавши, могъ искусствомъ составить; и потому пѣніе въ звукѣ своемъ обращается, сей звукъ того есть вещество того. Понеже оный изобразуется въ пѣніе; и потому, какъ я говорилъ, первѣе бываетъ вещество звука, нежели образъ пѣнія; но не по могуществу дѣйствія первѣе; ибо не звукъ пѣніе дѣлаетъ, но поющая душа, которая посредствомъ тѣла пѣніе производитъ. Ни временемъ первѣе, ибо звукъ купно съ пѣніемъ издается. Ни первѣе избраніемъ; ибо не лучше звукъ пѣнія, понеже пѣніе есть не только звукъ, но и звукъ изображенный. Но первѣе есть началомъ, поелику не пѣніе изображается, дабы звукъ былъ, но звукъ изображается, дабы пѣніе было. Изъ сего примѣра да разумѣетъ могущій, что вещество вещей сперва сотворено и названо небомъ и землею, поелику изъ сего сотворено небо и земля; не въ разсужденіи времени прежде сотворено, поелику виды вещей дѣлаютъ времена, а оное было безобразное, хотя и во временахъ купно примѣчается. Однако объ ономъ сказать ничего не можно, развѣ какъ бы оно временемъ первѣе было, когда разсуждается послѣднимъ; поелику поистиннѣ лучше есть изображенное, нежели безобразное, и предваряется вѣчностію Творца, дабы то было изъ ничего, откуда должно нѣчто быть.

ГЛА-

ГЛАВА XXX.

Упражняющіеся въ писаніи и различное умствуя должны согласоваться во взаимной любви и истинѣ.

41. Въ семъ различіи мнѣній истинныхъ согласіе должна раждать самая истина, и Богъ нашъ да милуетъ насъ, чтобъ мы правильно законъ его употребляли, имѣя концемъ онаго заповѣдь чистую любовь. А по сему ежели кто вопрошаетъ меня, что изъ сего Моисей, оный Твой рабъ разумѣлъ, нѣтъ сихъ рѣчей во исповѣданіяхъ моихъ; ежели чего не исповѣдую Тебѣ, того не знаю, и знаю однако, что оныя мнѣнія истинныя суть, выключая плотяныхъ, о которыхъ, сколько я могъ разсуждать, уже говорилъ; которыхъ однако благонадежныхъ младенцевъ сіи слова въ книгѣ Твоей не устрашаютъ, высокія низко, и малыя обширно написанныя. Но всѣхъ, которые по признанію моему въ тѣхъ словахъ истинное зрятъ и говорятъ, да любимъ мы взаимно, и равно да любимъ Тебя Бога нашего, источника истины; ежели не тщетности, но оныя жаждемъ; и онаго раба Твоего писанія сего служителя, исполненнаго духа Твоего такъ да почитаемъ, чтобъ мы вѣрили, что сіе онъ по откровенію Твоему пиша разумѣлъ, что въ нихъ наипаче и свѣтомъ истины, и плодомъ пользы превышаетъ прочее.

ГЛА-

ГЛАВА XXXI.

Надлежитъ почитать, что Моисей все то разумѣлъ, что только истинное можно найти въ его словахъ.

42. Почему, когда иной скажетъ: сіе де разумѣлъ Моисей, что я, а иной, но и то, что я; то по мнѣнію моему благочестнѣе я говорю, для чего не то и другое паче разумѣлъ Моисей, ежели и то и другое есть истинно? И ежели что третіе, и ежели что четвертое, и ежели что совсѣмъ иное истинное кто въ сихъ словахъ видитъ, то для чего не вѣрить, что тотъ все оное видѣлъ, чрезъ котораго единъ Богъ священное Писаніе сообразилъ съ чувствами многихъ, имѣющими истинное и различное видѣть? Я бы по истинѣ, что безбоязненно отъ сердца моего произношу, ежели бы по верьхной важности что нибудь писалъ, такъ желалъ писать, чтобъ какой истины кто изъ сихъ словъ понять не можетъ, паче звучали мои слова, нежели чтобъ одно истинное мнѣніе для сего яснѣе положить, изключая прочія, которыхъ бы ложъ меня не могла оскорблять. И такъ не хощу, Боже мой, толь быть безразсуднымъ, чтобы мнѣ не вѣрить, что сіе оный мужъ отъ Тебя заслужилъ. Конечно онъ разумѣлъ все то въ сихъ словахъ и разсуждалъ пиша оныя, что

что мы здѣсь истиннаго могли найти, и чего не могли, или еще не можемъ; и однако въ нихъ найти оное можно.

ГЛАВА XXXII.

Истинный смыслъ С. Писанія отъ Духа Святаго открывается.

43. Наконецъ, Господи, иже Богъ еси и не плоть и кровь, ежели чего человѣкъ въ Писаніяхъ Твоихъ не видитъ, то могло ли сіе отъ Духа Твоего благаго, иже наставитъ мя на землю праву, быть скрыто? Ты самъ все въ тѣхъ словахъ имѣлъ открыть читающимъ потомкамъ; хотя бы тотъ, чрезъ котораго оные сказаны, одно можетъ быть изъ многихъ истинныхъ мнѣній имѣлъ. Ежели сіе такъ, то должно разумѣть то мнѣніе, которое онъ имѣлъ, прочихъ превосходнѣе. Намъ же, Господи, или то самое покажи, или другое истинное, которое Тебѣ угодно: да открыеши намъ или сіе, которое Ты открылъ и оному человѣку Твоему, или иное изъ тѣхъ же словъ; однако Ты упаси насъ, да не въ заблужденіе впадемъ. Се Господи Боже мой, коль многое мы о малыхъ словахъ, коль многое, молю тя, написали! Какія наши силы, какія времена будутъ довольны, дабы таковымъ образомъ истолковать всѣ книги Твои. И такъ позволь мнѣ кратче въ нихъ исповѣдоватися Тебѣ, и избрать

одно нѣчто, которое бы по вдохновенію Твоему было истинное, извѣстное и доброе, хотя бы многое мнѣ попадалося, гдѣ многое попасться можетъ; съ тою вѣрою исповѣданія моего, чтобъ, ежели я сіе буду говорить, что разумѣлъ служитель Твой, говорилъ справедливо и хорошо; ибо о семъ наипаче стараться мнѣ надлежитъ. Ежели сего и не получу, т. е. чтобы я могъ все то говорить, что разумѣлъ Моисей, однако то буду говорить, что мнѣ чрезъ его слова истина Твоя рещи благоволитъ, которая и оному рекла, что благоволила.

КНИГА ТРЕТІЯНАДЕСЯТЬ.

Въ сей книгѣ бл. Августинъ во первыхъ объявляетъ, что благость Божія какъ въ произведеніи вещей, такъ и въ совершеніи оныхъ, весьма блистаетъ, и что первыми бытія словами означается Богъ въ Троицѣ и свойство самаго Духа Святаго. А потомъ всю исторію о сотвореніи міра въ иносказательномъ толкованіи относитъ къ тому, что Богъ въ церкви дѣйствуетъ къ святости и славѣ человѣческой.

ГЛА-

ГЛАВА I.

ПризываетЪ Бога вЪ помощь и признаетЪ, что онЪ благостію Его предупрежденЪ.

1. Призываю Тебе, Боже мой, милосердіе мое, иже сотворилЪ мя еси, и забывшаго Тебя Ты не забылЪ меня, призываю Тебе вЪ душу мою, которую уготовляеши для вмѣстилища своего, по ея желанію, которое Ты вдыхаешь вЪ нее. Нынѣ меня призывающаго Тебе не остави, которой прежде призыванія моего предускорилЪ еси, и приближился часто гремя многообразными гласами, дабы я слышалЪ издалеча, и обратился, и Тебя призывающаго меня призвалЪ. Ты бо, Господи, изгладилЪ вся злая дѣла мои, не хотя воздать рукамЪ моимЪ, чрезЪ которыя я отЪ Тебе отпалЪ; и предупредилЪ всѣ благія дѣла мои, желая воздать рукамЪ ТвоимЪ, которыми меня сотворилЪ; поелику и прежде бытія моего Ты былЪ. И я не заслуживалЪ, чтобЪ Ты даровалЪ мнѣ бытіе; и однако се существую по благости Твоей, предваряющей все сіе, каковымЪ Ты меня сотворилЪ, и откуда меня сотворилЪ. Ибо Ты не имѣлЪ во мнѣ нужды, или я такое добро, которое Тебѣ вспомоществуетЪ, Господи мой, и Боже мой; и не для того Ты сотворилЪ меня, дабы я Тебѣ такЪ слу-

служилъ, чтобъ Ты какъ бы не упражнялся въ дѣланіи; или чтобы не уменьшалася власть Твоя безъ повиновенія моего; ниже дабы я такъ Тебя почиталъ, какъ воздѣлывалъ землю, будто бы Ты уже не почтенъ былъ, ежели бы я Тебя не почиталъ; но для того Ты благоволилъ извести меня изъ тмы на свѣтъ сей, дабы я служилъ Тебѣ, и почиталъ Тебя, дабы отъ Тебя мнѣ добро было, отъ котораго для того имѣю бытіе, дабы мнѣ добро было.

ГЛАВА II.

Твари по Божіей благости пребываютъ и совершаются.

2. По исполненію благости Твоея тварь Твоя пребываетъ, дабы добро, которое хотябъ Тебѣ никакой не дѣлало пользы, ни о Тебѣ равно Тебѣ было; однако, поелику оно отъ Тебе быть могло, въ мірѣ существовало. Ибо какія услуги оказало Тебѣ *небо* и *земля*, которыя Ты *сотворилъ въ началѣ*? пусть скажутъ, какія услуги Тебѣ оказали духовное и тѣлесное естество, которыя Ты сотворилъ въ премудрости Твоей, такъ что въ нихъ состояло и всякое существо, начатое и безобразное въ своемъ родѣ или духовномъ, или тѣлесномъ, текущее въ неумѣренность и въ далекое неподобіе

Твое?

Твое? духовное безобразное превосходнѣе есть изображеннаго тѣла; тѣлесное же безобразное превосходнѣе совершеннаго ничтожества. И притомъ такъ состояло въ словѣ Твоемъ все сіе безобразное, что таковымъ бы осталося на всегда, ежели бы чрезъ то же слово не возвратилося къ единицѣ Твоей, и изобразилося и было отъ Тебе единаго верховнаго добра все добро зѣло. Какія услуги Тебѣ оказали оныя естества, чтобъ быть имъ по крайней мѣрѣ безобразными, которыя и таковыми бы быть не могли, ежели бы отъ Тебя не были сотворены?

3. Какую услугу Тебѣ оказало вещество тѣлесное, чтобы быть ему по крайней мѣрѣ *невидимымъ* и *неустроеннымъ*? Поелику оно и таковымъ бы не было, ежели бы Ты не сотворилъ его: и по тому оно у Тебе, яко не бывшее, заслужить бытіе себѣ не могло. Или какую услугу Тебѣ оказало начатіе твари духовной, чтобъ оное по крайней мѣрѣ мрачное плавало, будучи подобное безднѣ, а не подобное Тебѣ, ежели бы чрезъ то же слово Твое не обратилося къ создавшему себя, и отъ него просвѣтившись, не сдѣлалося свѣтомъ, хотя неравнымъ Тебѣ, однако сообразнымъ образу, равному Тебѣ? Ибо какъ тѣла не въ семъ состоитъ бытность, чтобъ быть красиву: иначе бы безобразное бытности имѣть не могло;

Ю такъ

шакЪ и созданнаго духа не вЪ шомЪ состоишЪ жизнь, чшобЪ премудро жишь, иначе бы оный не преложно мудрсшвовалЪ. Благо же оному есшь прилѣпляшися кЪ Тебѣ всегда, дабы которой онЪ свѣшЪ получилЪ обращеніемЪ, ошвращеніемЪ своимЪ онаго не лишился, и не погрузился паки вЪ жизнь, мрачной безднѣ подобную. Ибо и мы, которые по душѣ шварь духовная, ошврашившись отЪ Тебя, свѣша нашего, вЪ оной жизни были иногда шма, (1) и вЪ осшанкахЪ мрака нашего шруждаемся, дондѣже будемЪ правда Твоя о единородномЪ ТвоемЪ Сынѣ, яко горы Божія. (2) Ибо мы суды Твоя были, яко бездна многа.

ГЛАВА III.

Всѣ вещи существуютЪ по благости Божіей.

4. А что Ты при первомЪ сотвореніи реклЪ: *да будетЪ свѣтЪ и бысть свѣтЪ*, я не непристойно сіе разумѣю вЪ разсужденіи твари духовной; поелику уже была какая нибудь жизнь, которую Ты долженЪ былЪ просвѣтить. Но какЪ у Тебе оная не заслужила быть таковою жизнію, которая бы могла просвѣтиться, такЪ и тогда, когда уже была жизнію, не заслужила у Тебе дѣлами своими Твоего просвѣще-

(1) Ефес. 5. 8. (2) Псал. 35. 7.

свѣщенія. Ибо не пріятна бы была ея безобразность Тебѣ, ежели бы не сотворена была она совѣтомъ, не существуя во свѣтѣ, но взирая на просвѣщающій свѣтъ, и съ онымъ соединяяся; дабы все то, что и живетъ, и что блаженно живетъ, никому въ семъ одолжено не было, кромѣ благости Твоей, обратившись чрезъ премѣненіе лучшее къ тому, что ни въ лучшее, ни въ хуждшее перемѣниться не может; сіе Ты единъ, Боже, поелику единъ просто существуеши, котораго жизнь и блаженная жизнь между собою не различны, поелику Твое блаженство Ты самъ еси.

ГЛАВА IV.

Богъ не имѣетъ нужды въ созданныхъ вещахъ.

5. Такъ чего же Тебѣ не доставало къ добру, которое Ты самъ себѣ, хотя бы сихъ вещей или совсѣмъ никакихъ не было, или бы оныя въ вѣчномъ оставалися безобразіи, которыя Ты не по нуждѣ сотворилъ, но по исполненію благости Твоея, приводя оныя въ умѣренность, и обращая во благообразіе не для того, чтобъ какъ бы радость Твоя дополнялася отъ нихъ? Ибо поистиннѣ Тебѣ не пріятно было ихъ несовершенство, и для того благоволилъ Ты изобразити ихъ, дабы отъ Тебя со-

вершилися, и пріятны были Тебѣ, но не несовершенному; ябо бы и Ты отъ ихъ совершенства долженъ былъ совершенъ быть. *Духъ бо Твой* благій *ношашеся верху воды*, не отъ нихъ носился, но какъ бы на нихъ опочивалъ. Ибо въ которыхъ опочивать называется Духъ Твой благій, тѣхъ самихъ въ себѣ опочивать творитъ. Но носилася нетлѣнная и непреложная воля Твоя, сама въ себѣ довлѣющая, надъ тою жизнію, которую Ты сотворилъ; и сея жизни не въ семъ состоитъ жизнь, чтобъ блаженно жить; поелику живетъ и плавающая во тмѣ своей, которой остается обратиться къ сотворшему ее, и паче и паче жить при источникѣ живота, (1) и во свѣтѣ его зрѣть свѣтъ, и совершаться, и просвѣщаться, и ублажаться.

ГЛАВА V.

Что Богъ есть Троиченъ, сіе изъ первыхъ бытія словъ разумѣется.

6. Се является мнѣ въ гаданіи Троица, которая Ты еси, Боже мой, понеже Ты Отецъ *въ началѣ*, которое есть Твоя премудрость, отъ Тебе рожденная, равная Тебѣ и совѣчная, т. е. въ сынѣ Твоемъ *сотворилъ еси небо и землю*. И много мы уже говорили о небѣ небесе, и о землѣ *не*

(1) Псал. 35. 10.

невидимой и неустроенной, и о *безднѣ* мрачной, бродящей по останкамъ духовныя безобразности; сіе все осталося бы въ таковомъ видѣ мрачномъ, ежели бы не обратилося къ тому, отъ котораго оно было нѣкоторою жизнію, и чрезъ просвѣщеніе не учинилося жизнію, красивый видъ имѣющею, и не было небомъ небесе того, которое между воды и воды послѣ сотворено. И я уже разумѣлъ Отца подъ именемъ Бога, сотворшаго сіе, и Сына подъ именемъ Начала, въ которомъ сотворилъ сіе; и почитая Троицу Богомъ моимъ, какъ-то уже почиталъ, и сказалъ во святыхъ словесѣхъ его, и се *духъ Твой ношашеся верху воды*. Се Троица Богъ мой, Отецъ, и Сынъ, и Духъ Святый, Творецъ всея твари.

ГЛАВА VI.

Для чего о Духѣ Святомъ сказано, ношашеся верху воды.

7. Но какая была причина, о Свѣте истинный! къ Тебѣ прилагаю сердце мое, да не тщетному меня поучаетъ; разгони тму его, скажи мнѣ, молю Тебя матерію, любовію, молю Тебя, скажи мнѣ, какая была причина, что послѣ именованія *неба и земли невидимой и неустроенной*, и *тмы верху бездны*, писаніе Твое упомянуло о *Духѣ Твоемъ*? Или, поелику такъ

 над-

надлежало его включить, чтобЪ можно было о немЪ сказать: *носашеся*; а сего не можно бы было сказать, ежели бы прежде не упомянуто было то, надЪ чемЪ бы можно было разумѣть Духа Твоего носимаго? Ибо ни надЪ ОтцемЪ, ни надЪ СыномЪ оный носился; и не справедливо бы было его называть носящимся, ежели бы онЪ ни надЪ какою вещію не носился. И такЪ прежде должно было сказать то, надЪ чѣмЪ бы онЪ носился, а потомЪ о немЪ, котораго не надлежало иначе упоминать, какЪ только назвать его носящимся. ТакЪ для чего иначе его включить не надлежало, какЪ только назвать носящимся?

ГЛАВА VII.

О дѣйствіяхЪ Св. Духа.

8. Уже отсюда пусть разумѣетЪ, кто можетЪ, Апостола Твоего глаголющаго: яко *любы Твоя изліяся вЪ сердца наша ДухомЪ СвятымЪ даннымЪ, намЪ*; (1) и о духовномЪ поучающаго, и показующаго преспѣющій путь любви, и приклоняющаго колена о насЪ кЪ Тебѣ, да разумѣемЪ *преспѣющую разумЪ любовь Христову*. (2) И потому ДухЪ отЪ начала вЪ преспѣяніи носился верху воды. Кому реку? Како реку о тяжести вожделѣнія, стремящагося вЪ не

(1) Рим. 5. 5. (2 Ефес. 3. 19.

непроходную бездну, и о возстановленіи любви Духомъ Твоимъ, носящимся верху воды? Кому реку, и како реку? Погрязаемъ ли мы и выплываемъ? Ибо нѣтъ мѣстъ, въ которыхъ мы погрязаемъ и выплываемъ. Что подобнѣе, и что не подобнѣе? Страсти суть, любострастія, нечистота духа нашего низпадаетъ въ преисподнюю любовію попечительности, а святость Духа Твоего возставляетъ насъ въ горняя любовію безопасности, да горѣ сердце имѣемъ къ Тебѣ, гдѣ Духъ Твой носится верху воды, да пріидемъ въ преспѣяніе покоя, (1) когда прейдетъ душа наша воду непостоянную.

ГЛАВА VIII.

Разумной твари къ блаженному покою не довлѣетъ все то, что меньше есть Бога.

9. Низпалъ Ангелъ, низпала душа человѣческая, и указали бездну всѣ духовныя твари во глубинѣ мрачной, ежели бы Ты въ началѣ не реклъ: *да будетъ свѣтъ и бысть свѣтъ*; и ежели бы не прилѣплялся къ Тебѣ всякій послушный разумъ небеснаго града Твоего и не успокоевался въ духѣ Твоемъ, носящимся непреложно верху всякаго премѣняемаго существа. Иначе бы и самое небо небесе мрачною бездною

 было

(1) Псал. 123. 4.

было само въ себѣ, нынѣ же свѣтъ о Господѣ. Ибо и въ самомъ бѣдномъ безпокойствіи низпадающихъ духовъ и указующихъ тму свою, обнаженную ризы свѣта Твоего, довольно Ты показуеши, коль великую тварь разумную сотворилъ еси, которой никакъ не довлѣетъ къ блаженному покою все то, что Тебя меньше, а потому ни сама себѣ. Ты бо, Боже нашъ, просвѣтиши тму нашу: отъ Тебя произходятъ ризы наши, и тма наша будетъ яко полудне. Даруй мнѣ себя, Боже мой, отдаждь себя мнѣ, Тебе бо люблю, а ежели сего мало, болѣе возлюблю Тебя. Я не могу измѣрить, дабы совершенно узнать, сколько не достаетъ у меня любви, которою бы я долженъ былъ пылать къ Тебѣ, Боже мой; да течетъ нынѣ жизнь моя въ объятія Твои и да не возвращается, дондѣже сокрыется въ тайнѣ лица Твоего. Сіе только вѣдаю, что вездѣ мнѣ зло, кромѣ Тебя, не только внѣ меня, но и во мнѣ самомъ, и все мнѣ изобиліе, которое не есть Богъ мой, убожество есть.

ГЛАВА IX.

Для чего одинъ Духъ Святый носился верху воды.

10. Для чего Отецъ или Сынъ не носился верху воды? Ежели какъ бы на мѣстѣ онъ носился, какъ на примѣръ тѣло,

то ниже Духъ Святый носился. Естьли же по превосходству непреложнаго Божества надъ всѣмъ перемѣняемымъ, то и Отецъ, и Сынъ и Духъ Святый носился верху воды. Такъ для чего сіе только о Духѣ Твоемъ сказано? для чего о немъ только сказано, какъ бы онъ тамъ мѣсто былъ, которой не есть мѣсто, о немъ единомъ сказано, что онъ есть даръ Твой? Въ дарѣ Твоемъ мы успокоимся; тамъ Тобою насладимся. Покой нашъ мѣсто наше. Любовь туда возвышаетъ насъ и Духъ Твой благій возноситъ смиреніе наше отъ вратъ смертныхъ. Во благоволѣніи міръ намъ. Тѣло по тяжести своей стремится къ мѣсту своему. Тяжесть не къ низу только стремится, но къ мѣсту своему. Отъ тяжестей своихъ вещи движутся, на мѣста свои несутся. Елей внизу воды излитой на верхъ воды восходитъ; вода на елей излитая внизъ елея опускается; отъ тяжестей своихъ вещи движутся, на мѣста свои несутся. Не учрежденныя вещи и не успокоенныя учреждаются и успокоеваются. Тяжесть моя любовь моя, тою я несуся, куда несуся. Даромъ Твоимъ мы возпламеняемся и горѣ несемся. Возгараемся любовію и шествуемъ. Восходимъ на вожденія въ сердцѣ, и воспѣваемъ пѣснь степеней. Огнемъ Твоимъ, огнемъ Твоимъ возгараемся и шествуемъ, понеже горѣ мы шеству-

емъ къ покою Іерусалиму, яко *возвеселихся о рекшихъ мнѣ,* (1) *въ домъ Господень пойдемъ.* Тамъ насъ поставило благоволеніе, такъ что ничего не желаемъ инаго, кромѣ вѣчнаго тамъ пребыванія.

ГЛАВА X.

По дару Божію суть всяческая.

11. Блаженна та тварь, которая не знаетъ инаго, поелику была и сама иное, ежели бы даромъ Твоимъ, которой носился верху всего премѣняемаго, вскорѣ по сотвореніи своемъ не вознесена была безъ всякаго разстоянія времени въ ономъ званіи, какъ Ты реклъ: *да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтло.* Ибо въ насъ различается временемъ, поелику мы тма были, и свѣтъ бываемъ. А объ оной сказано, чтобъ она была, ежели бы не просвѣтилася? И такъ сказано, какъ бы прежде она была непостоянная и мрачная; дабы была причина ей перемѣниться, т. е. по обращеніи къ свѣту неоскудѣваемому быть свѣтомъ. Могій да разумѣетъ, и не могій Тебя да проситъ. Для чего мнѣ онъ скучаетъ, какъ бы я просвѣщаю всякаго человѣка, грядущаго въ сей міръ?

ГЛА-

(1) Псал. 121. 1.

ГЛАВА XI.

Знаки Троицы находятся въ человѣкѣ.

12. Троицу всемогущую кто разумѣетъ? и кто не говоритъ о ней, ежели однако о ней? Рѣдкая душа, которая, когда говоритъ о ней, знаетъ, что говоритъ. И спорятъ, и сражаются между собою человѣки и никто безъ мира не видитъ сего видѣнія. Желательнобъ мнѣ было, дабы о сихъ трехъ размышляли человѣки сами въ себѣ. Гораздо иное суть сіи три, нежели оная Троица; но я говорю о томъ, въ чемъ они упражняются и доказываютъ и умствуютъ, коль оное совсѣмъ отлично. А называю сіи три: существовать, познавать, хотѣть; ибо я существую, и познаю и хощу; есмь знающій и хотящій; и познаю, что я есмь, и что хощу; и хощу быть, и познавать. Въ сихъ убо трехъ колъ есть нераздѣльная жизнь, и единая жизнь, и единая мысль, и единая сущность; коль наконецъ нераздѣльное различіе, и однако различіе пусть видитъ, кто можетъ. Поистиннѣ онъ самъ находится предъ собою, да внимаетъ себѣ, и и да видитъ и скажетъ мнѣ. Но когда обрящетъ въ сихъ нѣчто, и скажетъ, то не долженъ думать, будтобы уже онъ обрѣлъ оное, что выше сего есть непреложно, что существуетъ непреложно, и хо-

хощетЪ непреложно, и познаетЪ непреложно: и для трехЪ ли сихЪ и тамЪ Троица: или вЪ каждомЪ сіи три такЪ находятся, что по три каждое имѣетЪ, или и то и другое дивными образы просто и многократно имѣя вЪ себѣ безконечной себѣ конецЪ, для котораго существуетЪ, и само себя познаетЪ и себѣ довлѣетЪ непреложно обильнымЪ единицы величіемЪ, кто удобно о семЪ разсудитЪ? Кто какимЪ образомЪ скажетЪ? кто какимЪ либо образомЪ безразсудно провѣщаетЪ?

ГЛАВА XII.

Сотвореніе міра прообразуетЪ изображеніе церкви.

13. Успѣвай во исповѣданіи вѣра моя, рцы Господу Богу твоему: Святый, Святый, Святый, Господи Боже мой, во имя Твое крестихомся, Отче и Сыне и Душе Святый во имя Твое крещаемЪ, Отче, и Сыне и Душе Святый; поелику и у насЪ во Христѣ Сынѣ своемЪ *сотворилЪ БогЪ небо, и землю* духовныхЪ и плотскихЪ церкви своей; и *земля* наша прежде образа ученія невидима была и неустроена, и мы невѣжества тьмою покрывалися: (1) *яко о беззаконіи наказалЪ еси человѣка*, (2) *и судьбы Твоя яко бездна многа*. Но поелику *духЪ Твой ношашеся верху воды*; то не оставило бѣдность нашу милости

(1) Псал. 38. 12. (2) Псал. 35. 7.

лосердіе Твое, и Ты рекл҃ еси: *да будет҃ свѣт҃.* Покайтеся, приближибося царствіе небесное; покайтеся, *да будет҃ свѣт҃.* (1) и яко смятеся к҃ нам҃ самим҃ душа наша, помянухом҃ Тя, Господи, от҃ земли Іордански и от҃ горы равныя Тебѣ, но малыя ради нас҃; и не пріятна стала нам҃ тма наша, и мы обратилися к҃ Тебѣ, и *быстъ свѣт҃.* И се быхом҃ иногда тма, нынѣ же свѣт҃ о Господѣ.

ГЛАВА XIII.

Обновленіе человѣческое в҃ сей жизни не совершенно.

14. И однако еще вѣрою, а не лицем҃, упованіем҃ бо спасохомся; (2) *упованіе же видимое нѣсть упованіе.* (3) Еще *бездна бездну призывает҃, но во гласѣ хлябій твоих҃.* Еще тот҃, которой говорит҃: (4) *аз҃ не могох҃ вам҃ глаголати, яко духовным҃, но яко плотяным҃,* сам҃ себе не у помышляет҃ *достигша; задняя забывая, в҃ предняя же простираяся,* (5) и воздыхает҃ отягчаем҃, и жаждет҃ душа его к҃ Богу живому, (6) яко елень на источники водныя, и говорит҃: *когда пріиду?* В҃ жилище свое небесное облещися

(1) Псал. 41. 7. (2) Рим. 8. 24. (3) Псал. 41. 8. (4) Кор. 3. 1. (5) Фил. 3. 13. (6) Псал. 4. 3.

щися желающій, (1) и призываетъ преисподнюю бездну говоря: (2) *несообразуйтеся вѣку сему, но преобразуйтеся обновленіемъ ума вашего, и не дѣти бываите умы, (3) но злобою младенствуите, умы же совершенни бывайте; и, о несмысленіи Галате! кто вы прельстилъ есть?* (4) Но уже глаголетъ не въ своемъ гласѣ, въ Твоемъ бо, иже пославъ еси духа Твоего съ высоты чрезъ того, которой возшелъ на высоту, и отверзъ намъ хляби даровъ Твоихъ, *дабы рѣчная устремленія веселили градъ Твой* (5). Оному бо воздыхаетъ жениха другъ, (6) имѣяй уже самъ начатокъ духа, но и самъ въ себѣ воздыхая, всыновленія чающій, избавленія тѣлу своему; оному воздыхаетъ, членъ бо есть невѣсты, (7) и оному ревнуетъ, другъ бо есть жениха; оному ревнуетъ, не себѣ, яко во гласѣ хлябій Твоихъ, а не во гласѣ своемъ призываетъ другую бездну, которой ревнуя страшится, да не яко змій Евву прелстилъ хитростію своею, тако и ихъ чувства повредятся отъ чистоты, сущей въ женихѣ нашемъ единородномъ Твоемъ. Какой есть оный лица свѣтъ? когда узримъ его лицемъ къ лицу, и прейдутъ слѣзы, (8) *яже быша мнѣ хлѣбъ день и нощь, внегда*

гла-

(1) Кор. 5. 2. (2) Рим. 12. 2. (3) 1. Кор. 20. (4) Гал. 3. 1. (5) Псал. 45. 5. (6) Рим. 8. 25. (7) Іоан. 3. 29. (8) Псал. 41. 4.

глаголатися мнѣ на всякъ день, гдѣ есть Богъ твой?

ГЛАВА XIV.

Вѣрою и надеждою мы укрѣпляемся.

15. И азъ глаголю, Боже мой, гдѣ еси? се гдѣ Ты еси. Успокоеваюся въ Тебѣ мало, изливая на мя душу мою во гласѣ радованія и исповѣданія шума празднующаго. И еще она прискорбна есть, поелику паки упадаетъ, и дѣлается бездна, или паче ощущаетъ себя быть бездною. Глаголетъ ей вѣра моя, которую Ты возжегъ въ нощи предъ ногами моими: *вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаеши мя?* (1) *Уповай на Господа*: свѣтильникъ ногамъ твоимъ слово Его. Уповай, и пребывай, дондеже прейдетъ нощь, матерь беззаконныхъ, дондеже прейдетъ гнѣвъ Господень, котораго чада и мы быхомъ иногда тма, которой останки влечемъ въ плоти мертвой грѣха ради, дондеже дхнетъ день, и подвигнутся сѣни. Уповай на Господа; заутра предстану и узрю, присно исповѣмся Ему. Заутра предстану и узрю спасеніе лица моего Бога моего, (2) Которой оживотворитъ и мертвенная тѣлеса наша живущимъ духомъ его въ насъ; поелику Онъ *верху* внутренняго нашего *мрачнаго* *и*

(1) Псал. 42. 5. (2) Рим. 8. 11.

и жидкаго милосердо носился. Почему мы въ семъ пришельствіи залогъ воспріяли уже быть свѣтомъ, когда еще упованіемъ спасохомся, и быть сынами свѣта и сынами дня, а не чадами нощи и тмы, каковыми однако мы были. Между которыми и насъ въ сей еще неизвѣстности человѣческаго познанія Ты единъ разлучаеши, иже испытуеши сердца наши, и нарицаеши *свѣтъ день, а тму нощь.* Ибо кто насъ разлучаетъ, развѣ Ты? (1) что же мы имѣемъ, чего не получили отъ Тебе? отъ тогожде смѣшенія созидается овъ сосудъ въ честь, овъ же не въ честь.

ГЛАВА XV.

Да будетъ твердь и пр. быт. 1. 6. *что есть твердь, и что воды превыше небесъ.*

16. Или кто, развѣ Ты, Боже нашъ, сотворилъ намъ твердь важности надъ нами въ Писаніи Твоемъ божественномъ? Ибо небо согнется, яко книга, а нынѣ яко кожа простирается надъ нами. Верховнѣйшія бо важности есть Твое божественное писаніе, поелику уже умерли сею смертію оные смертные, чрезъ которыхъ оное Ты начерталъ намъ. И Ты вѣси, Господи, Ты вѣси, како Ты въ кожи облеклъ человѣковъ, бывшихъ грѣхомъ смертными. По-

(1) Рим. 9. 21.

Почему Ты яко кожу простерлъ твердь книги Твоея, совершенно согласныя слова Твои, которыя чрезъ служеніе смертныхъ свыше предалъ намъ; ибо и самою тѣхъ смертію твердь важности въ словесахъ Твоихъ, ими сказанныхъ, высоко простирается надъ всѣми нижними, которая при жизни ихъ не такъ простерта была высоко. Ты еще не яко кожу небо простиралъ, еще не вездѣ смерти ихъ славу разпространялъ.

17. Да узримъ, Господи, (1) небеса дѣла перстъ Твоихъ; разгони отъ очесъ нашихъ мглу, которою Ты покрылъ ихъ: тамо есть свидѣтельство Твое, умудряющее младенцы. *Соверши*, Боже мой, *хвалу Твою изъ устъ младенецъ и ссущихъ.* (1) Ибо мы не знаемъ иныхъ книгъ, тако разрушающихъ гордыню, тако разрушающихъ врага и местника, противящагося примиренію Твоему защищеніемъ грѣховъ своихъ. Не вѣмъ, Господи, не вѣмъ иныхъ толь святыхъ словесъ, которыя бы такъ меня убѣждали ко исповѣданію Тебѣ, и умягчали выю мою игомъ Твоимъ, и призывали меня почитать Тебя добровольно. Да уразумѣю оныя, Отче благій, даруй мнѣ сіе низшему, яко на нижнихъ основалъ еси оныя.

18. Находятся другія *воды надъ* сею *твердію*, думаю безсмертныя, и отъ

 зем-

(1) Псал. 8. 4. (2) Псал. 8. 3.

земнаго тлѣнія разлученныя. Да возхвалятъ имя Твое, да возхвалятъ Тебе поднебесные народы Ангеловъ Твоихъ, которые не имѣютъ нужды взирать на твердь сію, и читая познавать слово Твое; видятъ бо лице Твое выну, и тамо читаютъ безъ слоговъ временныхъ, что хощетъ вѣчная Твоя воля. Читаютъ, избираютъ и любятъ, всегда читаютъ, и никогда не преходитъ чтомое ими; ибо избирая, и любя, они читаютъ самую непреложность совѣта Твоего. Не заключается книга ихъ и не сгибается; поелику Ты самъ имъ сіе еси, и еси во вѣкъ, яко надъ сею твердію Ты поставилъ ихъ, которую утвердилъ надъ немощію нижнихъ народовъ, гдѣ бы они зрѣли, и познавали милость Твою, Тебя, во времени возвѣщающаго, которой сотворилъ еси времена. Ибо на небеси, Господи, (1) милость Твоя и истина Твоя до облакъ. Преходятъ облака, небо же пребываетъ; преходятъ проповѣдники слова Твоего изъ сей жизни въ другую жизнь, писаніе же Твое до конца вѣка надъ людьми простирается. (2) Но и небо и земля прейдутъ; словеса же Твоя не прейдутъ, яко и кожа свіется, и трава, на которой оная простиралася, со славою своею прейдетъ, слово же Твое пребываетъ въ вѣкъ, которое нынѣ въ гаданіи

(1) Псал. 35. 6. (2) Мат. 24. 35.

нїи облачномъ и въ зерцалѣ небесномъ, не яко же есть, является намъ; понеже и мы хотя Сыномъ Твоимъ возлюблены, но еще не явлено намъ, что мы будемъ. Онъ проникъ сквозь мрежу плоти нашея, и утѣшилъ насъ и возпалилъ, а мы потекли во слѣдъ вони Его (1). Но егда явится, подобни Ему будемъ; ибо узримъ Его, яко же есть: яко же есть, Господи, даруй узрѣти намъ: сего еще мы не имѣемъ.

ГЛАВА XVI.

Единъ Богъ познаетъ себя совершенно.

19. Но како Ты истинно существуеши, Ты сїе вѣси единъ, которой непреложно существуеши, и вѣси непреложно, и хощеши непреложно: и сущность Твоя познаетъ и хощетъ непреложно, и разумъ Твой есть и хощетъ непреложно, и воля Твоя есть и познаетъ непреложно; и неправедно кажется предъ Тобою, чтобы какъ себя познаетъ свѣтъ непреложный, такъ познавалъ его просвѣщенный преложный. И потому душа моя, яко поелику какъ земля безводная, Тебѣ просвѣтиться отъ себя не можетъ, (2) такъ и насытиться отъ себя не можетъ. Ибо такъ у Тебе источникъ живота, (3) како во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ.

(1) Іоан. 3. 2. (2) Псал. 142. 6. (3) Псал. 35. 10.

ГЛАВА XVII.

Да соберется вода, и пр. быт. 1. 9. что море и что суша?

20. Кто собралъ преогорчевающихъ въ общество едино? ибо и оные имѣютъ единъ конецъ временнаго и земнаго щастія, для полученія котораго творятъ все; хотя отъ безчисленно различныхъ попеченій пребываютъ въ безпокойствіи. Кто, Господи, развѣ Ты собралъ ихъ, иже реклъ еси: (1) *да соберется вода въ собраніе едино и явится суша*, жаждущая Тебе? Яко Твое есть и море, и Ты сотворилъ оное, и сухую землю руки Твои создали; ибо не горесть волей, но *собраніе водъ называется море*. Ты бо укрощаеши злыя пожеланія душъ, и полагаеши должные предѣлы стремленію водъ, (2) и дабы въ себѣ сокрушалися волны ихъ; и такимъ образомъ твориши море по чину державы Твоея надъ всѣмъ.

21. Но души жаждущія Тебе и являющіяся Тебѣ, (3) которыя для другаго конца отдѣлены отъ собранія морскаго, изъ тайнаго и сладкаго источника Ты напаеши, дабы и земля давала плодъ свой, и даетъ

(1) Быт. 1. 9. (2) Іов. 38. 11. (3) Истолкованіе стиха 11 въ главѣ 1 быт. Да прораститъ земля быліе травное.

даетъ плодъ свой, и по Твоему повелѣнію Господа Бога своего произрастаетъ душа наша дѣла *милосердія по роду*; любящая ближняго, вспомоществуя ему въ нуждахъ житейскихъ, имущая въ себѣ *сѣмя по подобію*; понеже мы отъ своей немощи движимся сожалѣніемъ помогать требующимъ, подобно помогая другимъ, какъ и сами хотимъ, чтобъ намъ подавали помощь, ежели будемъ требовать таковымъ же образомъ: не только въ удобныхъ вещахъ; яко въ злакѣ сѣемомъ, но и въ покровѣ, помощи, крѣпкой силѣ, яко древо плодоносное, т. е. благодѣтельствуя, и избавляя обидимаго отъ руки сильнаго, и покрывая его сѣнію крѣпкою силою праведнаго суда.

ГЛАВА XVIII.

Да будутъ свѣтила на тверди небесней, разлучающія между днемъ и нощію. Быт. 1. 14.

22. Тако, Господи, тако молю Тебе, да возсіяетъ, яко же твориши, яко же даеши веселіе и способность; да возсіяетъ отъ земли истина, и правда съ небесе да приникнетъ, и *да будутъ на тверди свѣтила.* (1) Раздробимъ алчущимъ хлѣбъ нашъ, и нищія безкровныя введемъ

(1) Ис. 5 77.

въ домъ нашъ; и отъ свойственныхъ племене нашего да не презримъ. Когда сіи на земли прозябнутъ плоды, виждь, яко будетъ добро, и возсіяетъ временный свѣтъ нашъ, и отъ сего низшаго плода дѣянія, въ веселіе созерцанія слово жизни свыше пріемля, явится яко *свѣтила* въ мірѣ, содержащіяся на *тверди* писанія Твоего. Ибо тамъ Ты съ нами разглагольствуеши, дабы мы *разлучали* между разумнымъ и чувственнымъ, яко между *днемъ и нощію*; или между душами иными разумному, иными чувственному преданными; дабы уже не Ты единъ въ тайнѣ смотрѣнія Твоего, какъ прежде сотворенія тверди, *разлучалъ между свѣтомъ и тмою*; но дабы и духовные Твои, на той же тверди поставленные и разсѣянные по проповѣданіи благодати Твоей по кругу земному, *свѣтили на землю и разлучали между днемъ и нощію и означали времена*; поелику *древняя мимо идоша, се бысть вся нова*; и яко ближайшее намъ спасеніе, нежели егда вѣровахомъ, и яко нощь прейде, а день приближися; и яко благословиши вѣнецъ лѣта Твоего, изводяй дѣлателей на жатву Твою, (1) въ сѣяніи которой иные трудилися, изводяй дѣлателей и на другое сѣяніе, котораго жатва при концѣ есть. Тако Ты даеши жизнь желающему, и

1) Мат. 1. 38.

и благословляеши лѣта праведнаго; Ты же тойжде еси и въ лѣтахъ Твоихъ неоскудѣваемыхъ начало предъуготовляеши лѣтамъ преходящимъ, по предвѣчному т. е. совѣту низпосылаеши на землю небесное благо.

23. *Овому бо дается духомъ слово премудрости*, яко *свѣтило большее*, (1) ради тѣхъ, которые любятъ свѣтъ ясныя истины, яко въ началѣ дня; *иному же слово разума о томъ же дусѣ*, яко *свѣтило меньшее*, *другому же вѣра*, *иному же дарованія изцѣленій*; *другому же дѣйствія силъ*, *иному же пророчество*, *другому же разсужденія духовомъ*, *иному же роди языковъ* (2); и сіе все яко *звѣзды вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде духъ*, *разделяя властію коемуждо*, *яко же хощетъ*, и творяй являтися звѣзды въ явленіи на пользу. Слово же разума, въ немъ же содержатся всѣ таинства, которыя перемѣняются во времени, яко *луна*, и прочія знанія даровъ, которыя наконецъ яко *звѣзды* упомянуты, сколько разнствуютъ отъ онаго сіянія премудрости, которымъ украшается прежде объявленный день, яко *въ началѣ нощи*! Ибо тѣмъ сіи таинства нужны, которымъ оный премудрый рабъ Твой не могъ глаголати, яко духовнымъ, но яко

(1) 1. Кор. 12. 8. (2) 1. Кор. 12. 11.

плотянымЪ, оный, говорю, (1) служитель Твой, который глаголетЪ премудрость вЪ совершенныхЪ. ДушевенЪ же челоловѣкЪ, яко младенецЪ о Христѣ и млекомЪ вѣры питается, дондеже укрѣпится твердою пищею, и утвердитЪ взорЪ свой зрѣніемЪ *солнца*; не будетЪ имѣть остальной нощи, но свѣтомЪ луны и звѣздЪ доволенЪ будетЪ. О семЪ Ты сЪ нами разглагольствуеши, премудрый Боже нашЪ, вЪ книгѣ Твоей тверди Твоей, дабы мы разлучали все дивнымЪ разсужденіемЪ, хотя еще *вЪ знаменія, и во времена, и во дни и вЪ лѣта.*

ГЛАВА XIX.

ПродолжаетЪ тотЪ же стихЪ: да будутЪ свѣтила и пр. Должно очистить сердце отЪ пороковЪ, дабы оно было вмѣстилищемЪ добродѣтелей.

24. Но прежде измыйтеся и чисти будете, отЪимите лукавство отЪ душЪ вашихЪ предЪ очима Моима, да *явится суша.* Научитеся добро творити, судите сиру и оправдайте вдовицу *да прораститЪ земля быліе травное, и древо плодовитое*; и пріидите истяжемся, глаголетЪ Господь: *да будутЪ свѣтила на тверди небесней, и да освящаютЪ землю.* ВопрошаетЪ оный богачь Учителя благаго: что сотворю, (2) да животЪ вѣчный наслѣдую?

(1) 1. Кор. 2. 6. (2) Мат. 19. 20.

дую? ВѢщаетЪ ему Учитель благій, котораго сей почиталЪ за простаго человѢка; ОнЪ же есть благЪ, яко БогЪ есть, вѢщаетЪ ему: аще хощетЪ прейти кЪ жизни, долженЪ сохранить заповѢди: долженЪ отдалить отЪ себя *горесть* злобы и лукавства; да не убіетЪ, не прелюбы сотворитЪ, не украдетЪ, не лжесвидѢтельствуетЪ, да *явится суша*; и *прораститЪ* почитаніе кЪ отцу и матери, и любовь кЪ ближнему. СотворихЪ, отвѢтствовалЪ оный богачь, сія вся. ТакЪ откуда толикія тернія, ежели земля есть плодоносная? Иди, истреби лѢсныя тернія сребролюбія, продаждь имѢніе твое, и наполни плодами сердце твое подая нищимЪ, и имѢти имаши сокровище на небеси, и гряди вЪ слѢдЪ Господа, аще хощеши совершенЪ быти, сЪ тѢми совокупившись, между которыми глаголетЪ премудрость, вѢдящій сіе, что разлучаетЪ между днемЪ и нощію, да увѢси и ты, да *будутЪ* и тебѢ *свѢтила на тверди небесней*; что не можетЪ быть, (1) ежели не будетЪ тамо сердце твое; которое также не можетЪ быть, ежели не будетЪ тамо сокровище твое, яко же слышалЪ еси отЪ Учителя благаго. Но прискорбна бысть земля безплодная, и тернія подавили слово (2).

(1) Мат. 6. 21. (2) Мат. 13, 7.

25. Вы же родъ избранъ, немощная міра, иже оставиша вся, дабы послѣдовать Господу; грядите по Немъ, и посрамите крѣпкая; грядите по Немъ красныя ноги, и *освящайте на тверди*, да небеса повѣдаютъ славу Его, *разлучающе между свѣтомъ* совершенныхъ человѣковъ, но еще не яко Ангеловъ, и *между тмою* младенцевъ, но неотчаянныхъ; освящайте всю землю; и *день* блистающій *въ солнцѣ* да отрыгаетъ дни слово премудрости, и *нощь*, *луною* сіяющая, возвѣщаетъ нощи слово разума. *Луна и звѣзды въ нощи свѣтятъ*, но нощь не помрачаетъ ихъ; понеже оныя просвѣщаютъ ее по мѣрѣ ея. Се бо когда Богъ глаголетъ *да будутъ свѣтила на тверди небесней*; *бысть внезапу съ небесе шумъ*, (1) *яко носиму дыханію бурну*, и *явишася раздѣлени языцы, яко огненни. Сѣде же на единомъ коемждо ихъ*, и быша свѣтила на тверди небесней, слово живота имущія. Вездѣ тецыте, огни освященные, огни изящные. *Вы бо есте свѣтъ міру*, (2) и есте не подъ спудомъ. Вознесеся тотъ, къ которому вы прилѣпилися, и вознесе васъ. Тецыте и извѣститеся всѣмъ языкамъ.

ГЛА-

(1) Дѣян. 2. 2. (2) Мат. 5. 14.

ГЛАВА XX.

Да изведутъ воды гады душъ живыхъ и птицы летающія. Быт. 1. 20. Какія гады, какія птицы?

26. Да зачнетъ и море, и родитъ дѣла ваша, и *да изведутъ воды гады душъ живыхъ.* Ибо вы разлучающе честное отъ недостойнаго, содѣлались устами Божіими, которыми Онъ вѣщалъ, да *изведутъ воды*, не душу живую, которую земля производитъ, но *гады душъ живыхъ*, *и птицы летающія надъ землею.* Ибо возникли пресмыкающіяся таинства Твои, Боже, по дѣламъ святыхъ Твоихъ среди волнъ искушеній житейскихъ, для напоенія языковъ именемъ Твоимъ въ крещеніи Твоемъ. И между ими великія чудеса, яко *киты великія* и гласы вѣстниковъ Твоихъ, парящіе надъ землею по тверди книги Твоея, предположивъ оную себѣ для важности, подъ чѣмъ бы оныe парили, куда бы ни шествовали. *Не суть* бо *рѣчи, ниже словеса,* (1) *ихъ же не слышатся гласи ихъ; когда во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ*; яко Ты, Господи, благословляя умножилъ сіе.

27. Лгу ли я, или смѣшиваю и не раздѣляю ясныя познанія сихъ вещей на *тверди*

1) Псал. 18. 4.

тверди небесней и дѣла тѣлесныя въ волнуемомъ *морѣ* и подъ *твердію небесною?* ибо которыхъ вещей познанія суть твердыя и ограниченныя безъ приращенія рожденій, яко *свѣтила* премудрости и разума; тѣхъ вещей суть дѣйствія тѣлесныя многія и различныя: и одно отъ другаго возрастая умножается во благословеніи Твоемъ, Боже, иже утѣшилъ еси гордыню чувствъ смертныхъ, дабы въ познаніи духа одна вещь многообразно чрезъ движенія тѣла изображалася и возвѣщалася. *Воды изведоша сіе*; но въ словѣ Твоемъ. Нужды отлученныхъ отъ вѣчной истины Твоей народовъ произвели сіе; но во Евангеліи Твоемъ, понеже тѣ *воды сіе извергоша*, которыхъ горькая болѣзнь была причиною, чтобъ въ словѣ Твоемъ сіе произошло.

28. И красно есть все, когда Ты, Боже, созидаеши; и се Ты неизреченно краснѣйшій, сотворивый всяческая, отъ котораго ежели бы не отпалъ Адамъ: то бы не излилась изъ чрева его сланость *моря*, родъ человѣческій глубоко любопытный, и бурно надменный и непостоянно превратный; и такъ не было бы нужды въ водахъ многихъ, тѣлесно и чувственно совершать строителемъ Твоимъ таинственныя дѣла и слова: (ибо тако нынѣ со мною срѣтилися *гады и птицы*) которыми будучи упоены и освящены человѣки къ тѣлеснымъ

нымъ таинствамъ приверженные не могли бы лучше успѣть въ вѣрѣ, ежели бы духовно ихъ не оживлялася душа въ другомъ степени, и ежели бы послѣ слова освященія въ совершеніе не приходила.

ГЛАВА XXI.

Да изведетъ земля душу живу. 1, 24 *Быт. Иносказательное толкованіе птицъ и рыбъ и прочихъ животныхъ.*

29. И по сему въ словѣ Твоемъ не глубина морская, но отъ горести водъ земля разлученная *извергла*, не гады душъ живыхъ, и птицы, *но душу живу*. Ибо уже не нужно ей крещеніе, которое нужно языкамъ, какъ-то нужно и ей было, когда она покрывалася водами. Не инаковымъ путемъ входятъ человѣки въ царство небесное, какъ токмо по которому Ты устроилъ входить: не ищетъ сія земля великихъ чудесъ, отъ которыхъ въ человѣкѣ возраждается вѣра; ибо она вѣритъ, когда знаменій и чудесъ не видитъ, поелику уже отдѣлена земля вѣрная отъ водъ морскихъ не вѣрностію горькихъ, *и языцы въ знаменіе суть не вѣрующимъ но невѣрнымъ* (1). И сего убо *рода птицъ*, которой словомъ Твоимъ *изведоша воды*,

(1) 1. Кор. 14. 22.

воды, не требуетъ земля, которую Ты основалъ на водахъ. Посли, Боже, на нее слово Твое чрезъ вѣстниковъ Твоихъ. Ибо мы дѣла ихъ повѣдаемъ, но Ты еси дѣйствуяй въ нихъ, дабы они содѣловали *душу живу*. Земля изводитъ ее, поелику земля причиною есть того, что они сіе дѣйствуютъ на ней, какъ *и море* было причиною, дабы дѣйствовали *гады душъ живыхъ*, *и птицы подъ твердію небесною*, которыхъ уже не требуетъ земля; хотя *рыбу* и вкушаетъ, *извлеченную изъ глубины*, на той трапезѣ, которую Ты уготовалъ предъ лицемъ вѣрующихъ, ибо для того оная изъ *глубины* извлечена, дабы питала *сушу*, и *птицы* хотя морскаго порожденія, но однако *умножаются на земли*. Ибо причиною было первыхъ гласовъ, благовѣствующихъ невѣріе человѣческое, но нынѣ и вѣрные утѣшаются и благословляются отъ тѣхъ многократно по вся дни. Душа же живая отъ земли начало свое воспріяла, поелику не пользуетъ уже, развѣ токмо вѣрующимъ, воздерживаться отъ любви вѣка сего, да душа ихъ Тебѣ живетъ, которая мертва была въ сладости живущая, въ сладости, Господи, смертоносной; ибо Ты чистаго сердца живоносная еси сладость.

30. Такъ пусть уже дѣйствуютъ на земли служители Твои, не яко въ водахъ невѣрія благовѣствуя, и глаголя чудесами,

и

и таинствами и гласами таинственными, чему долженствуетъ внимать невѣжество, матерь удивленія, въ страхѣ тайныхъ знаменій; таковый бо есть приступъ къ вѣрѣ чадамъ Адамовымъ, забывшимъ Тебя, когда они укрываются отъ лица Твоего, и содѣлываются бездною; но пусть дѣйствуютъ яко на сушѣ, отдѣленной отъ пучинъ бездны, и да будутъ образъ вѣрнымъ, живя предъ ними и возбуждая ихъ добродѣтелію своею къ подражанію. Такимъ бо образомъ не только для слышанія, но и для творенія слушаютъ сіе: *взыщите Господа*, (1) *и жива будетъ душа ваша; да изведетъ земля душу живу. Не сообразуйтеся вѣку сему*, (2) воздерживайтеся отъ него. Удаляяся того, живетъ душа, чего желая умираетъ. Воздерживайтеся отъ безчеловѣчной гордости, отъ безумнаго сладострастія, и отъ ложнаго имени знанія, да будутъ *звѣри* кроткіе, и скоты смиренные, и невинные гады; ибо движенія душевныя суть сіи въ иносказательномъ смыслѣ: но гордость и сладострастная похоть и ядъ любопытства движенія суть души мертвой; поелику она не такъ умираетъ, что всего своего движенія лишается; понеже отступая отъ источника жизни умираетъ, и чрезъ то пріемлется отъ преходящаго вѣка сего, и сообразуется ему.

31.

(1) Псал. 68. 33. (2) Рим. 12. 2.

31. Слово же Твое, Боже, есть источникЪ жизни вѣчныя, и не проходитЪ; и по тому вЪ словѣ ТвоемЪ запрещается, оное отступленіе сими словами: не сообразуйтеся вѣку сему: *да изведетЪ земля* во источникѣ жизни *душу живу*, вЪ словѣ ТвоемЪ чрезЪ ЕвангелистовЪ ТвоихЪ душу воздержную, подражая подражателямЪ Христа Твоего. Сіе бо есть *по роду*, понеже ревность мужа отЪ друга есть. *Будите*, (1) говоритЪ, *яко же азЪ; зане й азЪ яко же вы.* Тако будутЪ вЪ душѣ живой звѣри добрые вЪ кротости дѣйствія. Ты бо повелѣлЪ глаголя: (2) *вЪ кротости дѣла твоя совершай, и всякимЪ человѣкомЪ возлюбленЪ будеши.* И *скоты* добрые, ниже аще ядятЪ, избыточествуютЪ, ниже аще не ядятЪ, лишаются; и *гады* добрые не погибельны кЪ добру, но *хитры* вЪ осторожность, и столько испытующіе временное естество, сколько имЪ довлѣетЪ, дабы твореньми помышляемая видима была вѣчность. Ибо служатЪ разуму сіи животныя, когда оныя отЪ стремленія смертоноснаго обузданы живутЪ, и суть добрыя.

ГЛА-

(1) Гал. 4. 12. (2) Сир. 3. 17.

ГЛАВА XXII.

Сотворимъ человѣка по образу и пр. обновленіе ума подъ симъ разумѣетъ.

32. Се бо, Господи Боже нашъ, Творче нашъ, когда обузданы будутъ наши страсти отъ любви житейской, которыми мы умирали злѣ живучи, и начнетъ быти *душа жива*, добрѣ жительствуя, и исполнится слово Твое, еже Апостоломъ Твоимъ реклъ еси: *не сообразуйтеся вѣку сему*: то слѣдуетъ и то, что Ты присоединилъ тотчасъ, и реклъ: но *преобразуйтеся обновленіемъ ума вашего*, (1) *не по роду* уже, какъ бы подражающе предваряющему ближнему, и не по примѣру лучшаго человѣка живуще. Ниже бо реклъ еси, да будетъ человѣкъ по роду; (2) но *сотворимъ человѣка по образу и по подобію Нашему*, во еже искушати намъ, что есть воля Твоя. Для сего бо оный строитель Твой, раждая благовѣстіемъ чадъ, дабы ему не всегда ихъ имѣть младенцами, которыхъ должно млекомъ питать, и яко же доилицѣ грѣть ихъ, *Преобразуйтеся*, (3) говоритъ, *обновленіемъ ума вашего, во еже искушати вамъ, что есть воля Божія, благая, угодная и совершенная*. И потому Ты Боже, не глаголеши, да будетъ человѣкъ, но глаго-

Ѳ леши.

(1) Рим. 12. 2. (2) Быт. 1. 26. (3) Рим. 12. 2.

леши, *сотворимъ человѣка*; и не глаголеши по роду, но *по образу и по подобію Нашему*. Ибо умомъ обновленный, и зрящій помышляемую истину Твою, не требуетъ человѣка доказателя, для подражанія своему роду, но по Твоему доказательству самъ искушаетъ, что есть воля Твоя благая, и угодная и совершенная; а Ты научаеши его уже способнаго видѣть Троицу во Единицѣ, и Единицу въ Троицѣ. И потому Ты, Боже, множественно рекъ: *сотворимъ человѣка*; однако единственно вносится: *и сотвори Богъ человѣка*; и множественно рекъ: *по образу Нашему*; единственно же вносится: *по образу Божію*. (1) Тако человѣкъ *обновляется въ разумъ Божій по образу создавшаго его*; и духовенъ бывъ востязуетъ вся, (2) зане духовнѣ востязуется, а самъ той ни отъ единаго востязуется.

ГЛАВА XXIII.

И да обладаетъ рыбами морскими, и пр. Быт. 1. 26. т. е. о чемъ Христіанинъ долженъ разсуждать.

33) Но онъ востязуетъ вся т. е. что *обладаетъ рыбами морскими*, (3) *и птицами небесными, и всѣми скотами и звѣрьми, и всею землею, и всѣми гадами, пресмыкающимися по земли.* Ибо сіе онъ дѣй-

(1) Кол. 3. 10. (2) 1. Кор. 2. 15. (3) Быт. 1. 26.

дѣйствуетъ разумомъ, имже пріемлетъ, яже суть Духа Божія (1); *понеже человѣкъ, въ чести сый, не разумѣ: приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ.* По чему въ церкви Твоей, Боже нашъ, по благодати Твоей, даннѣй ей отъ Тебя, (2) *яко мы Твое есьмы твореніе,* создани на дѣла благія, не токмо духовнѣ начальствующіе, но и духовнѣ покоряемые начальникамъ. (*Ибо мужа и жену сотворилъ еси человѣка* (3), симъ образомъ во благодати Твоей духовной, гдѣ по различію тѣла нѣсть, (4) мужескій полъ ни женскій, яко ни Іудей, ни Еллинъ, ни рабъ, ни свободь); и такъ духовные какъ начальники, такъ и повинующіеся, духовнѣ вся востязуютъ, не о познаніяхъ духовныхъ, сіяющихъ на тверди; ибо не должно разсуждать о толь высокой важности, ниже о самой книгѣ Твоей, хотя что тамъ и находится не ясное; понеже мы покаряемъ ей разумъ нашъ, и въ томъ увѣряемся, что сокрыто отъ взора нашего, яко оное истинно и не ложно сказано. Ибо такимъ образомъ человѣкъ хотя уже духовенъ и обновленъ въ разумъ Божій по образу создавшаго его, однако долженъ быть Творецъ закона, а не судія; (5) не востязуетъ объ ономъ раздѣленіи, т. е. духовныхъ и плотяныхъ человѣковъ, которые Твоимъ,

Ѳ 2 Бо-

(1) Псал. 48. 13. (2) Ефес. 2. 10. (3) Быт. 1. 21.
(4) Гал. 3. 28. (5) Іак. 4. 11.

Боже нашЪ, очамЪ вѣдомы, а намЪ никакими еще дѣлами своими не явлены, дабы отЪ плодовЪ ихЪ мы познавали ихЪ. Но Ты, Господи, уже вѣси ихЪ, и раздѣлилЪ, и призвалЪ еси втайнѣ прежде бытія тверди; ниже востязуетЪ о мятежныхЪ вѣка сего людяхЪ, яко духовный человѣкЪ; ибо что ему и внѣшнихЪ судити, (1) когда не знаетЪ, кто отсюда прейдетЪ вЪ сладость благодати Твоея, и кто вЪ вѣчной нечестія горести останется.

34. Того ради человѣкЪ, созданный отЪ Тебя по образу Твоему, не пріялЪ власти надЪ свѣтилами небесными, ниже надЪ самымЪ тайнымЪ небомЪ, ниже надЪ днемЪ и нощію, которыя Ты нареклЪ прежде созданія неба, ниже надЪ собраніемЪ водЪ, еже есть море; но пріялЪ власть *надЪ рыбами морскими, и птицами небесными, и надЪ всѣми скотами, и всею землею, и надЪ всѣми гадами, пресмыкающимися по землѣ.* Ибо такой человѣкЪ востязуетЪ и утверждаетЪ правое, а отвергаетЪ неправое; или вЪ оной торжественности таинствЪ, которыми освящаются тѣ, которыхЪ взыскуетЪ вЪ водахЪ многихЪ милосердіе Твое, или вЪ оной, гдѣ оная рыба представляется, которую извлеченную изЪ глубины земля благочестивая вкушаетЪ, или востязуетЪ вЪ знакахЪ словесЪ и гласахЪ,

(1) 1 Кор. 5, 12.

сахъ, подлежащихъ важности книги Твоея; яко *подъ твердію* летающихъ, и толкуетъ, изъясняетъ, разбираетъ, разсуждаетъ, благословляетъ и призываетъ Тебя изъ устъ изходящими и гремящими знаками, дабы отвѣчалъ народъ: Аминь. Сихъ всѣхъ гласовъ тѣлесно возвѣщаемыхъ, причина есть бездна жетейская и слѣпота плотская, ради которыхъ человѣки помышляемое не могутъ видѣть, такъ что потребно гласить во уши имъ. И такъ хотя *множатся птицы по земли*, однако онѣ *отъ водъ* начало свое ведутъ. Также востязуетъ духовный, утверждая правое, а отвергая неправое, въ дѣлахъ и обычаяхъ вѣрныхъ, въ милостыняхъ, яко *въ землѣ плодоносной* и *въ душѣ живой*, укротившей страсти свои въ чистотѣ, въ пощеніяхъ, и помышленіяхъ благочестивыхъ; и о томъ, что чувствомъ тѣлеснымъ постигается: о сихъ бо онъ востязать нынѣ называется, въ которыхъ и власть имѣетъ исправлять.

ГЛАВА XXIV.

И благослови Богъ глаголя: раститеся и пр. Быт. 1. 28.

Для чего Богъ благословилъ человѣка, рыбы и птицы, а не другія твари.

35. Но что есть сіе, и какая тайна? Се! *благословляеши человѣковъ*, о Господи,

дабы растилися и множилися и наполняли землю. Ничего ли намЪ изЪ сего Ты не внушаеши, дабы мы разумѣли нѣчто? для чего не тако благословилЪ свѣтЪ, которой нареклЪ еси день, ни твердь небесную, ни свѣтила, ни звѣзды, ни землю, ни море? Я бы сказалЪ, что Ты, Боже нашЪ, которой насЪ по образу Твоему сотворилЪ еси, сказалЪ бы, что Ты сей дарЪ благословенія человѣку собственно благоизволилЪ восписать, ежели бы также не благословилЪ рыбы и киты, дабы растилися, и множилися, и наполняли воды морскія, и птицЪ, дабы оныя множилися на земли. Также сказалЪ бы я, что кЪ тѣмЪ вещей родамЪ принадлежитЪ сіе благословеніе, которыя раждая изЪ самихЪ себя плодятся, ежели бы оное находилЪ вЪ древахЪ, и растѣніяхЪ, и вЪ скотахЪ земныхЪ. Но какЪ ни зелію, ни древамЪ, ни звѣрямЪ и гадамЪ не сказано: *раститеся и множитеся*; поелику и сіи всѣ, какЪ и рыбы, и птицы, и человѣки, раждая умножаются, и родЪ свой сохраняютЪ.

36. ТакЪ что же я скажу, Свѣте мой, Истина, поелику сіе пустое, поелику вотще такЪ сказано? НикакЪ; Отче любви, никако же сіе скажетЪ служитель словесе Твоего. И ежели я того не разумѣю, что Ты, Боже мой, словомЪ симЪ знаменуеши, пусть разсуждаютЪ о семЪ лучше лучшіе, т. е. разумнѣйшіе, нежели я, сколько Ты

вся-

всякому даровалъ мудрствовать. Но да будетъ угодно исповѣданіе мое предъ очами Твоими, въ которомъ исповѣдую Тебѣ, что я вѣрую, Господи, что не тщетно Ты тако реклъ, ниже премолчу о томъ, что мнѣ на мысль сего реченія случай приводитъ. Ибо истинно есть сіе, и не вижу, что мнѣ возпрещаетъ въ такомъ смыслѣ брать слова иносказательныя, содержащіяся въ книгахъ Твоихъ. Понеже извѣстно, что многократно означается то тѣломъ, что одинаковымъ образомъ разумѣется умомъ, и многократно разумѣется умомъ то, что одинаково тѣломъ означается. Се, простое любленіе Бога и ближняго, коль многократными таинствами и безчисленными языками, и во всякомъ языкѣ безчисленными выраженій образами тѣлесно выражается! Тако растутъ и множатся роды водъ. Вонми паки чтущій сіе: се, что одинаковымъ образомъ Писаніе объявляетъ и гласъ гремитъ: *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*, не многократно ли разумѣется, не по лжи заблужденій, но по родамъ истинныхъ разумѣній? Тако растутъ и множатся роды человѣковъ.

37. И такъ ежели и о самыхъ естествахъ вещей не въ иносказательномъ смыслѣ, но въ собственномъ разсуждаемъ, то всѣмъ вещамъ, раждающимся отъ сѣменъ, приличествуетъ сіе слово: *раститесея и множитеся*. А ежели сіе изобра-

зительно будемъ брать, къ чему наипаче, думаю, клонилося Писаніе, которое подлинно не напрасно однимъ рыбъ и человѣковъ родамъ сіе благословеніе вописуетъ; то хотя обрѣтаемъ множества и въ тваряхъ духовныхъ и тѣлесныхъ, какъ бы *на небеси* и на *земли*; и въ духахъ праведныхъ и беззаконныхъ, какъ бы *во свѣтѣ* и *во тмѣ* и въ святыхъ писателяхъ, посредствомъ которыхъ намъ законъ данъ, какъ бы на *тверди*, утвержденной *среди воды и воды*; и въ обществѣ преогорчевающихъ народовъ, какъ бы *на морѣ*; и въ любви душъ благочестивыхъ, какъ бы *на сушѣ*; и въ дѣлахъ милосердія въ настоящей жизни, какъ бы *въ быліяхъ сѣющихъ сѣмя, и древахъ плодовитыхъ*; и въ духовныхъ дарахъ, явленныхъ для пользы, какъ бы *въ свѣтилахъ небесныхъ*; и въ страстяхъ, устроенныхъ *для* воздержанія, какъ бы въ *душѣ живой*; хотя во всѣхъ сихъ находимъ множества, обилія и приращенія; но что такъ растится и множится, что одна вещь многообразно объявляется и одно объявленіе многообразно разумѣется; мы сего нигдѣ не обрѣтаемъ, какъ только въ знакахъ, посредствомъ тѣла изданныхъ, и въ вещахъ, разумомъ изобрѣтенныхъ. Чрезъ знаки, посредствомъ тѣла изданные, мы разумѣемъ рожденія водъ для нужныхъ причинъ плотской глубины; чрезъ вещи же, разумомъ

изо-

изобрѣтенныя, рожденія человѣческія ради плодоносія разума. И потому вѣримъ, что обоимъ симъ вещей родамъ сказано отъ Тебя, Господи, *раститеся и множитеся*. Ибо въ семъ благословеніи данную намъ отъ Тебя власть и способность я пріемлю, и многообразно то объявляю, что единообразно разумѣется; и многообразно то разумѣю, что не ясно единообразно объявлено. Тако *наполняются воды морскія*, которыя не движутся, какъ только отъ различныхъ знаменованій; тако плодами человѣческими *наполняется и земля*, *коея суша является* въ любви, и *господствуетъ* ею разумъ.

ГЛАВА XXV.

Се дахъ вамъ всякую траву въ снѣдь, и проч. Быт. 1. 29. Плоды земные въ иносказательномъ смыслѣ суть должности любви.

38. Хощу также возвѣстить и о томъ, Господи Боже мой, чему меня послѣдующее Твое Писаніе научаетъ; и возвѣщу не убоюся: истинну бо возвѣщу, по вдохновенію Твоему, которую Ты изъ тѣхъ словъ благоволилъ мнѣ возвѣстить. Ибо вѣрую, что я по Твоему токмо вдохновенію, а не по человѣческому, возвѣщаю истинну; яко Ты еси единъ истина, *всякъ же человѣкъ ложъ* (1). И потому *егда глаго-*

Ѳ 5 *летъ*

(1) Псал. 115. 2.

летъ лжу, отъ своихъ глаголетъ (1). И такъ я, когда возглаголю истину, о Твоемъ возглаголю. *Се дахъ вамъ въ снѣдь всякую траву сѣменную, сѣющую сѣмя, еже есть верху земли всея, и всякое древо, еже имать въ себѣ плодъ сѣмене сѣменнаго.* Не намъ единымъ далъ, но и *всѣмъ птицамъ небеснымъ* и *звѣремъ земнымъ и гадамъ*; рыбамъ же и китамъ великимъ Ты не далъ сего: ибо мы сказали, что чрезъ тѣ плоды земные означаются, и въ иносказательномъ смыслѣ изображаются дѣла милосердія, которыя для нуждъ сея жизни возникаютъ изъ земли плодоносной. Таковая плодоносная земля былъ благочестивый Онисифоръ (2), котораго дому далъ еси милость, яко многажды Павла Твоего упокои, и веригъ его не постыдѣся. Сіе же самое сотворили и братія, и съ таковымъ плодомъ принесли плодъ (3), иже скудость его исполниша, пришедше изъ Македоніи. Но какъ С. Павелъ соболѣзнуетъ о нѣкоторыхъ *древахъ*, плода ему должнаго не давшихъ, гдѣ говоритъ: *Въ первый мой отвѣтъ никто же бысть со мною, но вси мя оставиша, да не вмѣнится имъ!* (4) Сіе бо достоитъ подающимъ ученіе здравое, чрезъ разумѣнія божественныхъ таинъ, и тако имъ достоитъ, яко человѣкамъ. До-

(1) Іоан. 8. 44. (2) 2 Тим. 1. 16 (3) 2 Кор. 11. 9. (4) 2 Тим. 4. 16.

Достоитъ же имъ, яко душѣ живой, дающимъ себе образъ, во еже уподобитися имъ во всякомъ воздержаніи. Также достоитъ имъ, яко птицамъ, ради благословенія умножающимся на земли, (1) *яко во всю землю изыде вѣщаніе ихъ.*

ГЛАВА XXVI.

О удовольствіи и пользѣ, происходящей отъ благодѣянія, оказуемаго ближнему.

39. Питаются же брашнами веселящіеся ими; а тѣ не веселятся ими, которые Богомъ имѣютъ свое чрево. Ибо въ подающихъ не сіе даяніе плодъ есть, но сіе есть плодъ, съ какимъ намѣреніемъ оное даютъ. И такъ тотъ, кто Богу служитъ, не своему чреву, вижу поистиннѣ, о чемъ долженъ радоватися, вижу и сорадаюся ему зѣло. Ибо Павелъ пріялъ отъ Филипписіанъ посланная чрезъ Епафродита, но однако о чемъ онъ долженъ радоватися, вижу. А о чемъ радуется, тѣмъ и питается, яко самъ истину глаголетъ: *возрадовахся же*, говоритъ, *о Господѣ вельми*, (2) *яко уже когда воспомянусте пещися о мнѣ, понеже и печастеся*; спріобщившеся же печали моей. Почему сіи отъ долговременной печали увядали, и какъ бы изсыхали отъ сего плода благаго дѣла, и радуется о нихъ, яко вспомянувше,

(1) Псал. 18. 5. Фил. 4. 10.

више, не ему, яко его скудости помогоша. Того ради получивши сіе сказалъ: (1) не яко по скудости глаголю: азъ бо навыкохъ, въ нихъ же есмь, доволенъ быти: вѣмъ и смиритися, вѣмъ и избыточествовати; во всемъ и во всѣхъ навыкохъ: и насыщатися, и алкати, и избыточествовати, и лишатися; вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ.

40. Такъ о чемъ ты во всемъ радуешися, о Павлѣ великій? о чемъ радуешися, чѣмъ питаешися, человѣкъ обновленный въ разумъ Божій по образу создавшаго Тебя, и душа живая толикимъ воздержаніемъ, и языкъ парящій, возвѣщающіи таинства? Понеже таковымъ животнымъ снѣдь сія достоитъ. Чтожъ тебя питаетъ? Радость. Послѣдующее да слышимъ: *Обаче*, говоритъ, *добре сотвористе*, (2) спріобщившеся печали моей. О семъ радуется, симъ питается, яко ему добре сотвориша, не яко того тѣснота послаблена, которой глаголетъ Тебѣ, Боже: *въ скорби разпространилъ мя еси* (3); понеже избыточествовати и лишатися вѣсть о Тебѣ, укрѣпляющемъ его. *Вѣсте бо*, (4) говоритъ, *и вы Филипписіане, яко въ началѣ благовѣствованія, егда изыдохъ отъ Македоніи, ни единая церковь общевася въ слово даянія и пріятія, точію вы едини:*

(1) Фил. 4. 11. (2) Фил. 4. 14. (3) Псал. 4. 2. Фил. 4. 15.

ни: яко и вЪ Солунь и единою и дващи вЪ требованіе мое посласте ми. НынѢ радуется, что они кЪ симЪ благимЪ дѢламЪ обратилися, и воспомянули его, и потому веселится о нихЪ, яко о паки зеленѢющемся плодородіи земли.

41. Для его ли требованія, поелику сказалЪ: *вЪ требованіе мое посласте ми?* Для того ли онЪ радуется? Не для того; и сіе почему мы вѢдаемЪ? Понеже онЪ самЪ о послѢдующемЪ говоритЪ: *Не яко ищу даянія, но ищу плода* (1); навыкохЪ отЪ Тебя, Боже мой, между даяніемЪ и плодомЪ разсуждати. Даяніе есть вещь самая даемая отЪ того, кто раздаетЪ сіи нужныя вещи: каковыя суть деньги, пища, питіе, одѣяніе, кровЪ, помощь; плоды же благая и правая воля дателя. Не бо реклЪ Учитель благій: (2) *Пріемляй Пророка* токмо; но прибавилЪ: *во имя Пророче.* Ниже реклЪ токмо: *пріемляй праведника;* но прибавилЪ: *во имя праведниче.* Понеже тако оный *мзду пророчу*, сей *мзду праведничу пріиметЪ.* Не только реклЪ: *иже аще напоитЪ единаго отЪ малыхЪ сихЪ чашею студены воды;* но прибавилЪ: токмо *во имя ученика.* И такЪ присовокупилЪ: *Аминь глаголю вамЪ, не погубитЪ мзды своея.* Даяніе есть, *пріять Пророка, пріять праведника, подать чашу воды студеной*

(1) Фил. 4. 17. (2) Матф. 10. 41.

ной ученику; плодъ же есть, *во имя пророче, во имя праведниче, во имя ученика* сіе творить. (1) Плодомъ питается Илія отъ вдовицы вѣдущей, яко человѣка Божія она питала, и для сего питала его: а чрезъ врана онъ даяніемъ питался. Не внутренній Илія, но внѣшній питался, которой могъ и отъ скудости таковой пищи повредиться.

ГЛАВА XXVII.

Что чрезъ рыбы и киты означается.

42. И потому повѣмъ, что есть истинно предъ Тобою, Господи, когда человѣки невѣжды и невѣрные, которымъ къ освященію и пріобрѣтенію плода добродѣтели весьма еще нужны таинства освященія и величія чудесъ, которыя, по мнѣнію нашему, именемъ рыбъ и китовъ означаются, предпріемлютъ тѣлесно успокоевать, или въ нѣкоторомъ настоящей жизни требованіи помогать чадамъ Твоимъ, но незнаютъ, для чего сіе творить должно, и куда сіе клонится: то ни тѣ сихъ питаютъ, ни сіи отъ тѣхъ питаются; поелику ни тѣ сіе святою и правою волею творятъ, ни сіи ихъ даяніями, гдѣ еще плода не видятъ, веселятся. Понеже тѣмъ духъ питается, чѣмъ веселится. И потому рыбы и киты не вкушаютъ снѣди, которыя не произрастаетъ, какъ только уже

(1) Цар. 13. 9.

уже земля, отъ горести морскихъ волнъ отдѣленная и разлученная.

ГЛАВА XXVIII.

И видѣ Богъ вся, елика сотвори, и се добра зѣло. Быт. 1. 31. Для чего напослѣдокъ прибавлено: добра зѣло.

43. И видѣлъ еси, Боже, вся, елика сотворилъ еси, и се добра зѣло; поелику и мы видѣли сіе, и се вся добра зѣло. Въ каждыхъ родахъ дѣлъ Твоихъ, когда Ты реклъ: да будетъ, и быша; тогда и то и другое Ты видѣлъ еси, яко добро. Седмижды по счисленію моему написано, что *Ты видѣлъ, яко добро*, еже сотворилъ еси, и сіе осьмое, *яко видѣлъ еси вся, елика сотворилъ еси*; и се не токмо добра, но и *добра зѣло*, яко купно вся. Ибо каждое токмо добро было, купно же вся и добра, и зѣло. Сіе гласятъ и всякія красивыя тѣла, поелику гораздо красивѣе есть тѣло, состоящее изъ всѣхъ красивыхъ членовъ, нежели самые члены, въ особенности взятые, которыхъ благоучрежденнѣйшимъ согласіемъ наполняется цѣлое, хотя оные, и въ особенности взятые, красивы.

ГЛАВА XXIX.

Какъ надобно разумѣть, что Богъ осмижды видѣлъ, яко добра суть дѣла его.

44. И обратилъ я вниманіе, чтобы мнѣ найти, седмижды ли, или осьмижды

Ты

Ты видѣлъ, яко добра дѣла Твоя, когда оныя Тебѣ угодны были, и въ твоемъ видѣніи я не обрѣлъ временъ, по которымъ бы могъ я разумѣть, что толикократъ Ты видѣлъ, елика сотворилъ еси. И сказалъ я, о Господи, сіе Писаніе Твое не есть ли истинное, яко Ты истиненъ и истина издалъ оное? Такъ для чего Ты мнѣ гласиши, яко нѣсть въ Твоемъ видѣніи временъ; и сіе Писаніе Твое мнѣ гласитъ, что Ты въ каждый день видѣлъ, елика сотворилъ еси, яко добра суть? И я, изчисляя оныя, обрѣлъ коликократъ. На сіе Ты глаголеши мнѣ, яко Ты еси Богъ мой, и глаголеши, говорю, гласомъ крѣпкимъ во ухо внутреннее рабу Твоему, прерывающіи мою глухоту, и вопіющіи: о человѣче! ибо что Писаніе Мое глаголетъ, Азъ глаголю. И однако оное во времени глаголетъ, слову же Моему времени не бываетъ, яко оно въ равной со мною вѣчности состоитъ. Такъ что вы духомъ Моимъ видите, то Азъ вижду; какъ что духомъ Моимъ глаголете, Азъ то глаголю. И такъ когда вы во времени то видите, Азъ не во времени вижду, какъ когда вы во времени то глаголете; Азъ не во времени глаголю.

ГЛАВА XXX.

О безуміи Манихеевъ.

45. И услышалъ я, Господи Боже мой, и изъялъ каплю сладости изъ Твоея

исти-

истины, и уразумѣлъ, что суть нѣкоторые, которымъ не угодны дѣла Твоя; и говорятъ, что Ты многія изъ тѣхъ сотворилъ по нуждѣ, какъ то строенія небесныя и чиноположенія звѣздъ, и что сіе не отъ Тебе, но уже индѣ и отъинуда было сотворено, которое Ты токмо собралъ и связалъ, и соединилъ между собою. Когда отъ побѣжденныхъ враговъ сооружалъ мірскія стѣны, дабы они, тѣмъ строеніемъ будучи препобѣждены, противу Тебе паки воставать не̂ могли. А инсе̂ яко бы Ты ни сотворилъ, ни совсѣмъ сплотилъ, какъ-то всѣ тѣла, и малѣйшія всякія животныя, и всѣ растѣнія земныя. Но вражескій умъ и естество другое, не Тобою созданное и Тебѣ противное, въ нижнихъ міра частяхъ сіе раждаетъ и изображуетъ. Безумные говорятъ сіе, яко не духомъ Твоимъ видятъ дѣла Твои, ниже Тебя познаютъ въ тѣхъ.

ГЛАВА XXXI.

Благочестивымъ тоже пріятно, что Богу благоугодно было.

46. Которые же духомъ Твоимъ сіе видятъ, Ты то видиши въ нихъ. И такъ когда они видятъ, яко добра суть, Ты видиши, яко добра суть; и что для Тебя благоугодно, Ты въ томъ благоугоденъ; и что чрезъ духа Твоего благоугодно намъ,

 Тебѣ

Тебѣ благоугодно въ насъ. *Кто бо вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ, точїю духъ человѣка, живущїй въ немъ?* (1) *Такожде и Божїя никто же вѣсть, точїю Духъ Божїй. Мы же,* говоритъ, *не духа мїра сего прїяхомъ, но духа, иже отъ Бога, да вѣмы, яже отъ Бога дарованная намъ.* И я возбуждаюся сказать: поистиннѣ никто же вѣсть Божїя, точїю Духъ Божїй. Како убо вѣмы и мы, яже отъ Бога дарованная намъ? Отвѣтствуется мнѣ: понеже, яже Духомъ Его вѣмы, тако никто же вѣсть, точїю Духъ Божїй. Ибо какъ справедливо сказано: *Не вы бо есте глаголющїи* (2), о Духѣ Божїи глаголющимъ, тако справедливо говорится: не вы есте вѣдящїи о Духѣ Божїи вѣдящимъ. И равно справедливо говорится: не вы есте видящїи о Духѣ Божїи видящимъ. И такъ все, что они о Духѣ Божїи видятъ, яко добро, не сами они видятъ сїе, но Богъ видитъ, яко добро. И такъ иное есть, дабы кто почиталъ тое зломъ, которое есть добро, каковые суть вышереченные; иное, дабы, которое есть добро, видѣлъ человѣкъ, яко добро, какъ-то многимъ Твоя тварь благоугодна, яко добра есть, которымъ однако не Ты благоугоденъ въ ней, почему и наслаждаться больше оною, нежели Тобою, желаютъ. А иное, дабы, ко-

(1) 1 Кор. 2. 11. (2) Матѳ. 10. 20.

когда человѣкъ нѣчто видитъ, яко добро, Богъ въ немъ видѣлъ, яко добро, т. е дабы Онъ любимъ былъ въ томъ, что сотворилъ, котораго не возможно иначе любить, точію духомъ, даннымъ отъ Него. *Яко любы Божія изліяся въ сердца наша Духомъ Святымъ даннымъ* (1) намъ, которымъ мы видимъ яко добро все, что нѣкоторымъ образомъ существуетъ. Ибо отъ того существуетъ, которой не нѣкоторымъ образомъ, но иже есть Сый.

ГЛАВА XXXII.

Въ сокращеніи повѣдаетъ дѣла Божія.

47. Благодареніе Тебѣ, Господи: видимъ небо и землю, либо тѣлесную часть вышшую и нижнюю; либо духовную и тѣлесную тварь, и во украшеніи сихъ частей, изъ которыхъ состоитъ или вся тяжесть міра, или вся совершенно тварь; видимъ свѣтъ сотворенной и разлученной отъ тмы. Видимъ твердь небесную либо среди духовныхъ водъ вышнихъ, и тѣлесныхъ нижнихъ начальное тѣло міра; либо сіе пространство воздуха, яко и сіе называется небо, по которому летаютъ птицы небесныя между водъ, вапорно надъ ними носимыхъ, и въ ясныя также нощи орошающихъ, и

V 2 сіи

(1) Рим. 5. 5.

сіи, которыя на земли движутся. Видимъ собранныхъ водъ видъ по пространствамъ морскимъ, и сухую землю или обнаженную или изображенную, что оная есть видимая и устроенная, и видимъ травъ и деревъ вещество. Видимъ, что свѣтила блистаютъ на тверди, что солнце довлѣетъ дни, луна и звѣзды утѣшаютъ въ нощи, и сими всѣми замѣчаются и означаются времена. Видимъ, что влажное естество всегда есть плодотворно рыбамъ, звѣрямъ и птицамъ; понеже тучность воздуха, носящая летанія птицъ, отъ изхожденія пара воднаго сгущается. Видимъ, что земными животными лице земли украшается; и что человѣкъ, по образу и по подобію Твоему созданный, всѣхъ безсловесныхъ животныхъ симъ Твоимъ подобіемъ и образомъ, т. е. силою словесности и разума, превосходитъ. И какъ въ его душѣ иное есть, что совѣтуя повелѣваетъ, иное, что покоряемое повинуется; такъ мужу сотворена и тѣлесно жена, которая бы, хотя имѣетъ въ душѣ умственнаго разумѣнія равное естество, однако въ разсужденіи полу тѣлеснаго такъ мужескому полу покорялася, какъ покоряется желаніе дѣйствія разуму дѣйствія. Видимъ сіе и каждое добро, а вся добра зѣло.

ГЛАВА XXXIII.

Все сотворено изъ ничего или изъ вещества, купно созданнаго.

48. Да хвалятъ Тебя дѣла Твоя, да возлюбимъ Тебя, и да любимъ Тебя, да восхвалятъ Тебя дѣла Твоя, которыя имѣютъ начало и конецъ отъ времени, восхожденіе и захожденіе, приращеніе и оскудѣніе, видъ и лишеніе. И такъ имѣютъ послѣдующія утро и вечеръ, отчасти сокровенно, отчасти явно. Ибо все отъ Тебя изъ ничего, не изъ Тебя сотворено, не изъ нѣкотораго не Твоего, или бы которое прежде существовало, но изъ купно сотвореннаго, т. е. купно отъ Тебя созданнаго вещества; поелику Ты его безобразность безъ всякаго времени изобразилъ. Ибо когда иное есть неба и земли вещество, иное неба и земли видъ; то хотя вещество изъ совершеннаго ничтожества, а видъ міра изъ безобразнаго вещества, однако купно и то и другое Ты сотворилъ, такъ что за веществомъ образъ безъ всякой медлительности разстоянія послѣдовалъ.

ГЛАВА XXXIV.

Всего сотворенія міра иносказательное изъясненіе.

49. Также узрѣли мы, что Ты, ради нѣкоторыхъ вещей образованія, сіе или та-

такимъ порядкомъ сотворить, или такимъ порядкомъ написать благоволилъ; и увидѣли, яко добро каждое, а вся добра зѣло, т. е. въ словѣ Твоемъ, въ единородномъ Твоемъ, Ты сотворилъ, Боже, небо и землю, главу и тѣло церкви, въ предопредѣленіи прежде всѣхъ временъ, безъ утра и вечера. Но уже во времени Ты началъ исполнять предопредѣленное, дабы явить тайное, и неустроенное наше устроить, яко на насъ были грѣхи наша, и мы во глубину мрачную удалялися отъ Тебя, и духъ Твой благій носился верху, дабы вспомоществовать намъ во благовремени; и оправдилъ еси нечестивыхъ, и разлучилъ ихъ отъ беззаконниковъ, и утвердилъ еси важность книги Твоея среди высшихъ, которые бы Тебѣ повиновалися въ ученіи, и среди низшихъ, которые бы имъ покарялися, и собралъ общество невѣрныхъ во единомысліе, дабы явилося ученіе вѣрныхъ, которые бы Тебѣ дѣла милосердія раждали, раздѣляя убогимъ земное богатство для полученія небеснаго. И оттуда Ты вожжегъ нѣкоторыя свѣтила на тверди святыхъ Твоихъ, слово жизни имѣющихъ, и блистающихъ высокою важностію раздѣлителей духовныхъ даровъ; и оттуда, для освященія невѣрныхъ языковъ, Ты произвелъ изъ вещества тѣлеснаго таинства и чудеса видимыя, и гласы словесъ на тверди книги Твоея, которыми бы

бы и самые вѣрные благословлялися; и наконецъ вѣрныхъ душу живу чрезъ страсти порядочныя въ воздержанiи утвердить. И оттуда Тебѣ единому разумъ покоренный, и никакой важности къ подражанiю не требующiй основалъ еси по образу и по подобiю Твоему, и превосходному разуму дѣйствiе разумное, яко мужу жену покорилъ, и всѣмъ Твоимъ служенiямъ, къ совершенiю вѣрныхъ въ сей жизни нужнымъ, отъ тѣхъ же вѣрныхъ на потребы временныя для будущаго полезныя дѣла дать благоволилъ. Сiя вся видимъ, и добра зѣло; понеже Ты тое видиши, иже Духа, которымъ бы мы то видѣли и въ томъ Тебя любили, даровалъ намъ.

ГЛАВА XXXV.

Желаетъ мира отъ Бога.

50 Господи Боже! миръ даждь намъ, вся бо воздалъ еси намъ, миръ покоя, миръ субботы, субботы невечерней. Понеже весь сей прекраснѣйшiй порядокъ вещей зѣло добрыхъ, совершивъ теченiе свое, прейдетъ, яко утро въ нихъ бысть и вечеръ.

ГЛАВА XXXVI.

Для чего не слѣдовалъ за седьмымъ днемъ вечеръ.

51. А день седьмый есть невечернiй, и не имѣетъ запада, яко Ты освятилъ

его ради пребыванія всегдашняго, дабы, что Ты послѣ дѣлъ Твоихъ добрыхъ зѣло, хотя оныя и спокоенъ творилъ, почилъ въ седьмый день, сіе предреклъ намъ гласъ книги Твоея, что и мы послѣ дѣлъ своихъ, по тому добрыхъ зѣло, поелику Ты намъ оныя даровалъ, въ субботу жизни вѣчныя почіемъ въ Тебѣ.

ГЛАВА XXXVII.

Когда Богъ въ насъ почіетъ.

52. И нынѣ Ты такъ почиваеши въ насъ, какъ нынѣ дѣйствуеши въ насъ; и тако будетъ оный покой Твой чрезъ насъ, како сіи суть дѣла Твои чрезъ насъ. Ты же, Господи, присно дѣйствуеши и присно покоишися, и не видиши во времени, ни движешися во времени, и не покоишися во времени; и однако твориши и видѣнія временныя, и самыя времена, и покой отъ времени.

ГЛАВА XXXVIII.

Инако Богъ, инако человѣкъ видитъ твари.

53. И такъ мы сіи твари Твои видимъ, поелику существуютъ; Ты же поелику видишь, оныя существуютъ. И внѣ мы видимъ оныя, поелику существуютъ, и внутри, поелику добрыя; Ты же и тогда, когда намѣревался оныя сотворить,

ви-

видѣлъ какъ бы сотворенныя. И мы въ другое время побуждены были добро творить, какъ зачало отъ Духа Твоего сердце наше, а въ прежнее время зло творить возбуждалися, оставляюще Тебя. Ты же, Боже, единъ благій, никогда не преставалъ добро творить. И суть нѣкоторыя добрыя дѣла наши хотя по дару Твоему, но не всегдашнія: послѣ оныхъ мы успокоиться въ Твоемъ великомъ освященіи чаемъ. Ты же, Боже, добро, никакого не требующее добра, всегда спокоенъ пребываеши, яко Твой покой Ты самъ еси. И сіе разумѣть кто отъ человѣкъ дастъ человѣку? какой Ангелъ Ангелу? какой Ангелъ человѣку? У Тебе должно просить, въ Тебѣ искать, къ Тебѣ толкать: тако воспріимется, тако обрящется, тако отверзется. Аминь.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ,

ГЛА-

КНИГА ВТОРАЯ,

въ которой Бл. Августинъ приступаетъ къ описанію другаго своего возраста, и первой годъ своея юности, т. е. шестыйнадесять отъ рожденія, которой онъ въ родительскомъ домѣ, оставивъ науки, провождалъ въ любострастіяхъ и роскошахъ, воспоминаетъ съ тяжкимъ соболѣзнованіемъ; притомъ весьма строго судитъ о хищеніи, которое онъ въ то время учинилъ съ своими товарищами.

КНИГА ТРЕТIЯ.

О седьмомнадесять, осьмомнадесять и девятомнадесять годахъ возраста его, которые онъ провождалъ въ Карѳагенѣ, гдѣ воспоминаетъ, что онъ при окончанiи наукъ уловленъ былъ сѣтiю сладострастныя любви, и впалъ въ Манихейскую ересь. Противъ сихъ заблужденiй и глупыхъ мнѣнiй изрядно разсуждаетъ. Объявляетъ о матернихъ за него слезахъ и отвѣтѣ, полученномъ отъ Бога о его обращенiи.

КНИГА

Стран.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ,

Самъ себя Бл. Августинъ стыдится, что онъ чрезъ девятилѣтнее время прилѣпленъ былъ къ Манихейской сектѣ, и другихъ съ собою ввергалъ въ то же заблужденіе, и совѣтывался тогда со звѣздогадателями; о другѣ своемъ, которой между тѣмъ временемъ похищенъ былъ отъ него смертію, весьма печалился. Отъ сего случая разсуждаетъ о суетномъ и совершенномъ дружествѣ. Упоминаетъ о книгахъ *о красотѣ и приличности*, которыя онъ написалъ на двадесять шестомъ или седьмомъ году отъ рожденія своего; и наконецъ объявляетъ, что онъ безъ всякаго труда свободныя науки, такожде и Аристотелевы Категоріи на двадесятомъ почти году жизни своея самъ безъ наставленія другихъ уразумѣлъ.

ГЛА-

КНИГА ПЯТАЯ,

Въ которой воспоминаетъ двадесять девятый годъ возраста своего, въ которомъ познавъ невѣжество Фавста Манихея, оставляетъ намѣреніе быть совершеннымъ въ оной сектѣ. Въ семъ же году изъ Рима, гдѣ онъ тогда публично обучалъ Реторикѣ, посланъ былъ въ Медіоланъ для ученія той же науки; тамъ, слыша поученія Амвросіевы, началъ обращаться на путь истины, и помышлялъ оставить Манихейскую ересь, а повторять оглашеніе, т. е. учиться первымъ начаткамъ Христіянскаго закона.

КНИГА ШЕСТАЯ.

По прибытіи уже Моники, матери его въ Медіоланъ, и онъ, будучи тогда тритцати лѣтъ отъ рожденія своего, возбудившись отъ заблужденія Манихейскаго Амвросіевыми поученіями, истину Каѳолическаго ученія, которую Манихеи ложно обвиняли, болѣе и болѣе уже разумѣлъ. Описываетъ нравы друга своего Алипія. На различное развлекается мыслію, когда разсуждалъ о начатіи лучшей жизни, и будучи пораженъ страхомъ смерти и будущаго суда, къ премѣненію жизни со дня на день болѣе возбуждался.

ГЛА-

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Здѣсь Бл. Августинъ приводитъ на память себѣ начало мужества своего, т. е. тридесятый годъ возраста своего. Объявляетъ, что онъ въ семъ возрастѣ еще покрывался густѣйшимъ мракомъ невѣжества, и заблуждая въ познаніи истины и начала зла, во изслѣдованіи коего удивительное внутрь себя ощущалъ мученіе, достигъ наконецъ до истиннаго богопознанія, хотя еще и

Стран.

КНИГА ОСЬМАЯ,

Гдѣ описываетЪ знаменитѣйшую часть жизни своея, т. е. тридесять вторый годЪ отЪ рожденія своего, вЪ которой у Симпліціана требовалЪ совѣта о начатіи лучшей жизни, и слышалЪ отЪ него о обращеніи Викторина вЪ Христіанскую вѣру. И когда изЪ повѣствованія Понтиціанова познал Ъ житіе Антонія, Египетскаго монаха, то по жестокой войнѣ, бывшей вЪ немЪ между плотію и духомЪ, началЪ по внушенію небеснаго гласа читать и разсматривать книгу Апостола Павла, и тотчасЪ отЪ чтенія оной на лучшее всею душею своею перемѣнился, и совершенно обратился кЪ Богу, и крестился.

ГЛА-

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Объявляетъ о томъ, что онъ воспріялъ намѣреніе оставить должность учительскую, однако не прежде виноградособирательнаго праздника, вскорѣ наступающаго. Потомъ воспоминаетъ о удаленіи своемъ въ деревню Верекунда друга, о своемъ крещеніи, и о добродѣтеляхъ матери своея Монники, и о кончинѣ ея, по крещеніи его въ томъ же году бывшей, т. е. на тридесять третьемъ году возраста его.

Стран.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

Испытуетъ наконецъ и явно засвидѣтельствуетъ, не каковъ онъ прежде былъ, но каковъ нынѣ. Бога, котораго любитъ, старается показать изъ природы вещей; и проходя мыслію въ особенности всѣ роды вещей, изъясняетъ силу памяти, которая подлинно во многомъ достойна великаго удивленія, и радуется, что въ его памяти имѣетъ Богъ мѣсто. Разсматриваетъ дѣйствія, чувства и страсти свои изъ трояказо искушенія, т. е. сладострастія, любопытства и гордости; исповѣдуетъ Господа Христа быти единаго Ходатая Бога и человѣковъ; и уповаетъ, что благостію Его имѣютъ уврачеваться всѣ недуги души его.

КНИГА ПЕРВАЯНАДЕСЯТЬ.

ГЛА-

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ.

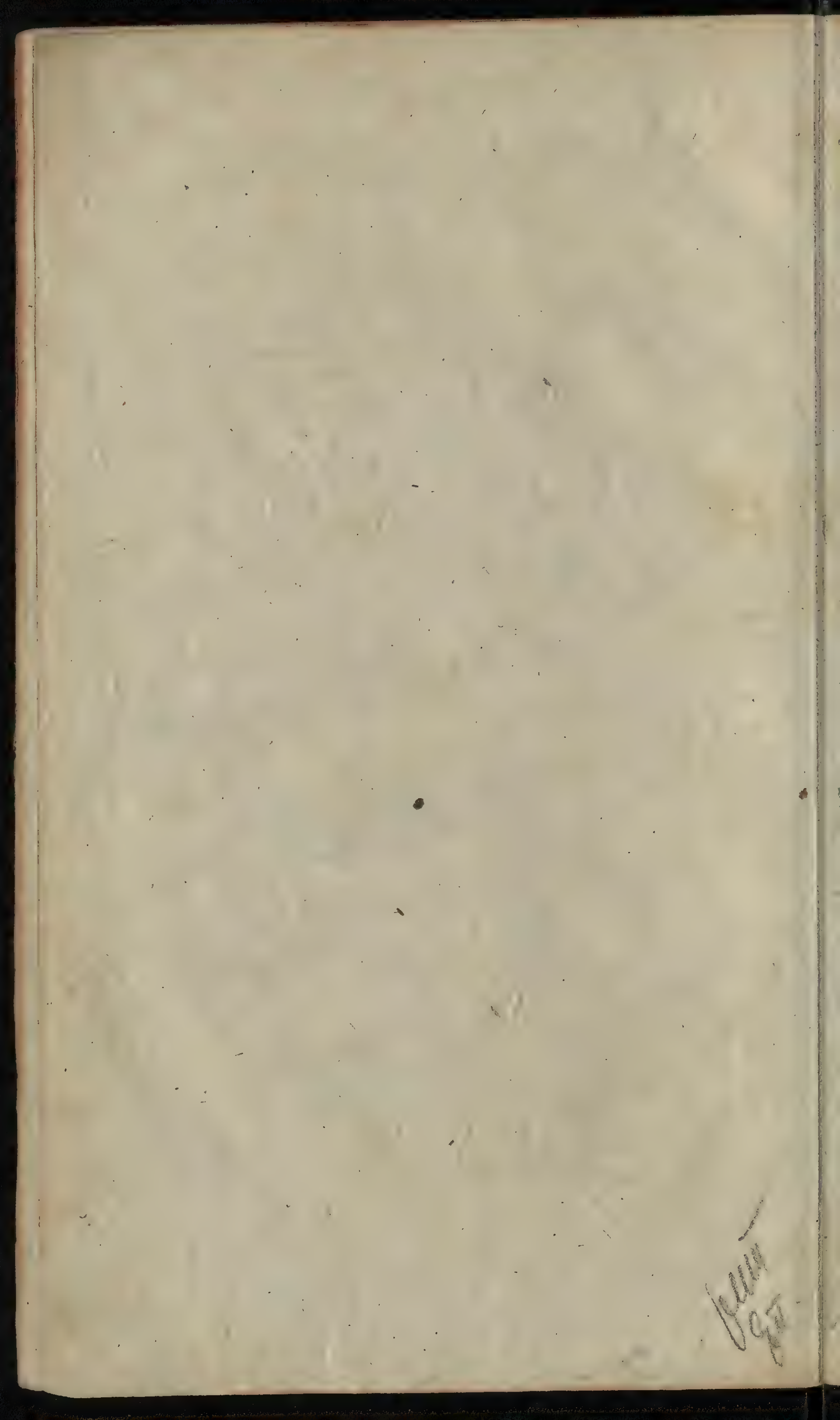
Продолжает толковать сей стих: в началѣ сотвори Бог небо и землю,

Гдѣ под именем неба, по мнѣнію его, означается духовная или разумная оная тварь, которая всегда лице Божіе созерцает; а под именем земли

КНИГА ТРЕТІЯНАДЕСЯТЬ.

ГЛА-

Стран.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	Строк.	Напечатано.	Читай.
17 -	- 28	въ отечествѣ	въ обществѣ
21 -	- 5	позрища	позорища
29 -	- 2	вь	въ
37 -	- 16	гордодѣянныхъ	гордоодѣянныхъ.
42 -	- 22	Небо	Не бо
50 -	- 8	мщеню	мщенію
—— -	- 10	отъ і Тебя,	отъ Тебя,
64 -	- 10	любитъ	любишъ
67 -	- 6	воѣ	всѣ
69 -	- 23	мое	моя
—— -	- 25	он-	оно
74 -	- 5	сокровеннѣ	сокровеннѣе
80 -	- 31	сіи	сіе
81 -	- 16	составляешися	оставляешися
85 -	- 31	и	не
98 -	- 29	на	не
100 -	- 4	пчачь	плачь
137 -	- 27	васпоминаніе	воспоминаніе
139 -	- 32	откреотся.	откроется.
140 -	- 12	восхищаетъ	восхощетъ
—— -	- 13	наше,	нашемъ,
143 -	- 20	начала	печали
149 -	- 27	груьую,	грубую,
160	снизу 1	былъ	была
163 -	- 3	не	но
181 -	- 6	резсуждалъ	разсуждалъ
—— -	- 29	рспося	спрося
205 -	- 30	вѣси всяческое естество; потому	вѣси вся, и всякое естество потому
232 -	- 14	зналвалъ	познавалъ
237 -	- 18	еьмы	есьмы
240 -	- 7	свова	слова
244 -	- 28	усклабляяся	осклабляяся
245 -	- 25	обучался	обучился
299 -	- 20	не	на-
311	снизу 2	учичтоженіе;	уничтоженіе;
328 -	- 20	дышущи,	дышущихъ,
348 -	- 3	хота	хотя

Стран.	Строк.	Напечатано.	Читай.
381	30	только	толь
382	3	посмѣю	смѣю
416	20	Не	Но
417	18	бытiи	бытiе.
423	28	сущимъ	сущихъ
426	11	настояща	настоящая
----	25	несобстенномъ	не собственномъ
432	4	довело	довлѣло
435	9	состоятъ;	состоитъ;
450	5	изображенное не ничто;	ни изображенное, ни ничто;
486	5	крощiеся	кроющiеся
490	30	ежели	нежели
492	18	верьхной	верховной
494	22	сотворонiи	сотворенiи
499	3	совѣтомъ	свѣтомъ
505	28	вожденiя	восхожденiя
506	14	свѣтло.	свѣтъ.

